

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК

РУКОПИСНОГО
ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО
ДОМА

1991

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО
ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО
ДОМА
на 1991 год

ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»
Санкт-Петербург
1994

Редакционная коллегия:

А. В. Лавров, А. Ф. Лапченко, Н. Н. Скатов, Т. С. Царькова

Ответственный редактор

Т. С. Царькова

Рецензенты:

Ю. К. Герасимов, Л. А. Иезуитова

Редакторы:

Н. А. Храмцова, Д. М. Климова

**ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
НА 1991 ГОД**

Зав. редакцией *О. В. Седов*, Отв. ред. *Т. С. Царькова*. Редакторы: *Н. А. Храмцова, Д. М. Климова*. Худож. ред. *В. Г. Бахтин*. Техн. ред. *Л. М. Семенова*. Корректоры: *Т. П. Гуренкова, А. А. Седова*.

Лицензия № 062679 от 2.06.1993 г.

Сдано в набор 29.07.94. Подписано в печать 10.11.94. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типогр. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Тираж 1000 экз. Усл. печ. листов 21,5. Заказ № 91.

Гуманитарное агентство «Академический проект»
191164, С.-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

Ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга» типография № 8 Комитета по печати РФ. 190000, г. Санкт-Петербург, Прачечный пер., д. 6.

ISBN 5-02-028103-4

- © Коллектив авторов, 1994
- © ИРЛИ (Пушкинский дом), 1994
- © В. Г. Бахтин, худож. оформление, 1994
- © Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994

Н. А. Хохлова

ОБЗОР АРХИВА Д. П. ОЗНОБИШИНА

Имя поэта Дмитрия Петровича Ознобишина (1804—1877) сегодня почти забыто, между тем современникам он был хорошо известен; некоторые стихотворения, например «Кювье», при жизни поэта стали хрестоматийными.

Круг интересов Д. П. Ознобишина был чрезвычайно широк: он был одним из первых русских поэтов-ориенталистов, ученым-востоковедом, переводчиком-полиглотом (знал 9 языков), фольклористом, этнографом, активным общественным деятелем.

Как литератор Ознобишин сформировался в начале 1820-х годов среди участников кружка С. Е. Раича (1823—1825) и Любомудров. Здесь истоки его литературных и дружеских пристрастий: близкие отношения с С. Е. Раичем, М. П. Погодиным, В. П. Титовым, В. Ф. Одоевским, П. А. Вяземским он сохранил до конца дней.

И биография, и творчество поэта изучены недостаточно. Среди работ дореволюционного периода следует отметить статьи А. П. Горизонтова¹ и Б. Л. Модзалевского.² При жизни сочинения Ознобишина никогда не выходили отдельными изданиями и до последнего времени оставались несобранными. В 1992 г. появился первый сборник стихотворений, подготовленный Т. М. Гольц, единственным в современном литературоведении исследователем его жизни и творчества.³ Ей принадлежит и биографический очерк, написанный в своеобразной беллетристической форме.⁴

---

¹ *Горизонтов А. П.* Биография Д. П. Ознобишина. СПб., 1878.

² Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 12. С. 197—198.

³ *Ознобишин Д. П.* Стихотворения/Сост. вступ. ст. и примеч. Т. М. Гольц. М., 1992 (Поэтическая Россия).

⁴ *Гольц Т. М.* Сердце брата. Очерк. Душанбе, 1964. 2-е изд., испр. и доп. Душанбе, 1991.

Настоящий обзор, посвященный архиву Д. П. Ознобишина, хранящемуся в Рукописном отделе Пушкинского Дома и содержащему наибольшее количество творческих рукописей поэта, может дополнить эти работы.⁵ Первая его часть посвящена биографии, которая воссоздана преимущественно на основе архивных документов, а вторая — собственно обзорю фонда (ф. 213; 1820—1877 гг.).

1

Дмитрий Петрович Ознобишин родился в 1804 г. (точная дата неизвестна) в родовом имении своего отца, селе Троицком, недалеко от Казани. Ознобишины принадлежали к древнему дворянскому роду, происходившему, «по сказаниям старинных родословцев, от польского выходца Филиппа Ознобиши, приехавшего в Москву в 1423 г.».⁶

Отец поэта, Петр Никанорович, был директором банка в Астрахани. Мать, Александра Ивановна, урожд. Варваца, — дочь известного мецената, грека И. А. Варваца. Ознобишины имели двух сыновей — Дмитрия и Ивана и четырех дочерей — Елизавету, Варвару, Александру, Екатерину. Обо всех них, кроме Варвары (в замужестве Базилевской), с которой Дмитрий Петрович переписывался в течение всей своей жизни, сохранились крайне скудные сведения.

В раннем детстве ребенок лишился обоих родителей, и тогда опеку над ним взял его дед, И. А. Варваца. Он хотел поместить внука в Горный корпус, инспектором которого был его родственник А. Р. Казадаев, впоследствии сенатор. Однако эти планы не удалась: А. Р. Казадаев оставил службу и принял мальчика в свое семейство. Здесь будущий поэт прожил пять лет и получил, по-видимому, очень хорошее образование; учителями его были известный ученый-географ К. И. Арсеньев и актер И. И. Сосницкий.

---

⁵ Кроме того, фонды Ознобишина хранятся в Государственном Литературном музее (М.) (ф. 13, 292 единицы хранения; середина XIX в.; в основном это работы по фольклору; см. обзор этого архива: Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. Публикация С. И. Минц. Вступит. статья Т. Г. Динесман//Литературное наследство. М., 1968. Т. 79. С. 513—520), в ЦГАЛИ (Москва) (ф. 1121, 4 единицы хранения: 1854—1867 гг.), в ГПБ (ф. 1069, 26 единиц хранения; 1698—1746 гг.: собрание документов, актов и грамот, относящихся к землепользованию и владению крепостными крестьянами в Пензенском, Саранском, Симбирском уездах).

⁶ Энциклопедический словарь/Под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1897. Т. 42. С. 775.

В 1819 г. его привезли в Москву и определили в Университетский благородный пансион, учеба в котором и стала начальным этапом творческой биографии. К 1820—1822 гг. относятся его первые поэтические опыты,⁷ частично вошедшие в сборник «Мечты» (1821—1822), который, очевидно, предназначался для печати, но опубликован не был.⁸

Ознобишин постоянно был одним из первых учеников Пансиона и обратил на себя внимание преподавателей — М. Т. Каченовского, И. И. Давыдова, А. Ф. Мерзлякова, при содействии которых были опубликованы его стихотворения «Старец» и «Послание к Т...у».

В апреле 1823 г. он окончил Пансион и 21 августа 1824 г. поступил на службу в Московский почтамт, где под руководством известного лингвиста И. А. Рутковского осуществлял цензуру французских периодических изданий.⁹

Учеба в Пансионе и первые годы после его окончания — это период наиболее интенсивного общения, время литературных исканий и многочисленных знакомств. Ознобишин становится деятельным участником литературной жизни московской молодежи. Его избирают секретарем кружка Раича, членами которого в основном были его друзья по Пансиону.

В это же время под руководством ученого муллы он занимается арабским и фарси, а также слушает лекции известного ориенталиста, профессора Московского университета А. В. Болдырева. Известно, что Ознобишин изучал восточные языки и с практической целью, так как хотел принять участие в посольстве А. С. Грибоедова в Персию; однако сведений об их знакомстве не обнаружено. Вероятно, плодом этих занятий стала восточная повесть «Спор», опубликован-

---

⁷ В числе их «Трубадур» (перевод с французского) (1820) (пансионский альманах «Каллиопа», ч. 4), «Утренний гимн» (Вестник Европы. 1821. Ч. 117, № 7—8. С. 172; отд. изд. 1821), «Всемогущество Божие в природе и человеке» и хор «Се день науками вожденный» (отд. оттиск 1822 г.), «Старец» (Вестник Европы. 1821. Ч. 116, № 4. С. 252), «Послание к Т...у» (В. П. Титову) (Там же. 1821. Ч. 118, № 10. С. 88).

⁸ ИРЛИ, ф. 213, № 22 (далее при ссылках на материалы этого фонда в тексте в скобках указываются только номер единицы хранения и лист). Сборник «Мечты» и последующие поэтические альбомы Ознобишина подробнее рассматриваются во второй части настоящего обзора.

⁹ В «Библиографии» П. В. Быкова к «Словарю русских писателей» несколько иные сведения: «Окончив курс, служил в Московском архиве ведомства Министерства иностранных дел и затем в Московском почтамте» (ГПБ, ф. 118, № 59, л. 122).

Сведения о службе здесь и в дальнейшем — из копии формулярного списка, выполненной Б. Л. Модзалевским и приложенной к делу фонда Ознобишина. Местонахождение оригинала установить не удалось.

ная в 1826 г. в альманахе «Уrania», а также статьи: «О духе поэзии восточных народов...»¹⁰ и «Изображение санскритской литературы».¹¹ Все они подписаны псевдонимом «Делибюрадер», что в переводе с арабского означает «сердце брата». Однако бо́льшая часть работ, посвященных восточным языкам и литературе, осталась неопубликованной.

Ознобишин принимал самое живое участие в издательских планах своих друзей, прежде всего Раича. В то время, когда, по словам Н. П. Колюпанова, «⟨...⟩ потребность в новом журнале живо сознавалась всеми лицами, принимавшими участие в литературном движении», Раич писал Ознобишину 18 июня 1826 г.: «Сегодня получил я из Петербурга ответ на письмо мое, в котором спрашивал о судьбе, постигшей давнишнюю просьбу нашу о позволении издавать журнал. Каков, думаете вы, этот ответ? «По справке оказалось, так пишет приятель, что просьбы вашей в Канцелярии М(инистерства) просв(ещения) нет!» — Что делать? Авось Михайло Петрович ⟨Погодин⟩ будет счастливее меня».¹² Не осуществив замысел издания журнала, Раич и его друзья стали активными участниками альманахов М. П. Погодина «Уrania» (1826) и М. А. Максимовича «Денница» (1830). А в 1827 г. Раич и Ознобишин издали свой альманах «Северная лира»,¹³ появление которого было заметным явлением в русской литературе 1820-х годов. Единственное упоминание Пушкина об Ознобишине содержится именно в рецензии на этот альманах: «Заметим, что г-ну А. Норову не должно было бы переводить Dante, а г-ну Ознобишину Андрея Шенье. Представляем арабским журналистам заступаться за честь своих поэтов, переводимых г-м Делибюрадером, что касается до нас, то мы находим его предложения изрядными для татарина».¹⁴ А В. Г. Белинский, положительно отзываясь об «алманачном» периоде русской литературы, упоминает и авторов «Северной лиры».¹⁵

---

¹⁰ Сын отечества. 1826. Ч. 105. № 4. С. 382—402; Ч. 106. № 5—8. С. 63, 161, 272, 351.

¹¹ Там же. 1827. Ч. 114. С. 321; Ч. 115. С. 53.

¹² Цит. по: Васильев М. Из переписки литераторов 20—30 гг. XIX в. (Д. П. Ознобишин — С. Е. Раич — Э. П. Перцов) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Казань, 1929. Т. 34, вып. 3—4. С. 176.

¹³ Северная лира на 1827 год. Изд. подготовили Т. М. Гольц и А. Л. Гришунин. М., 1984 (серия «Литературные памятники»). В «Приложениях» помещена статья Т. М. Гольц «„Северная лира“, ее издатели и авторы» (с. 237—311).

¹⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. [М.; Л.], 1948. Т. XI. С. 48.

¹⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.. М.; Л., 1953. Т. 1. С. 21, 318; Т. 4. С. 342, 441; Т. 6. С. 493; Т. 8. С. 215, 223.

В 1828 г. К. Ф. Калайдович начал издание журнала «Русский зритель», но болезнь помешала ему. Собранный материал был опубликован в 1—6-й книжках Погодиным, а в 7—8-й — Ознобишиным.¹⁶

Наконец, в 1829 г. Раич становится издателем журнала «Галатей», выходявшего в 1829—1830 и в 1839—1840 гг. Одним из активнейших участников журнала был Д. П. Ознобишин: здесь он поместил 26 своих произведений, в том числе и наиболее известные: «Магоммед», «Поэт и светский человек», «Прости, Пятигорск», «Кавказская ночь».

В 1828 г. происходят трагические события в жизни семьи Ознобишиных, о которых мы узнаем из письма двоюродного брата поэта — Д. А. Трубникова, датированного маем 1829 г.: «...вряд ли чье семейство в короткое время потеряло столько потерь, и надобно иметь долготерпение Иова. Болезнь сестры очень меня огорчает, вам надобно везти ее в Москву...»¹⁷ Схоже по своей тональности и письмо неизвестного от 30 января 1829 г.: «Ты удивляешь меня своими злополучиями; с чувством глубоким, но неизъяснимым я прочитал твое письмо: ни врагу моему не желаю быть в твоём положении. Это что-то выисканно жестокое и скорбное» (№ 144, л. 1).

Хотя конкретной информации эти документы почти не содержат, из контекста письма Д. А. Трубникова следует, что речь, видимо, идет о душевном расстройстве младшей сестры Ознобишина Александры. Заметим кстати, что в этом же письме Трубников утешает его по поводу неудачного сватовства «к Мал...» (по-видимому, к О. П. Малевинской)¹⁸ и одновременно намекает на автобиографичность стихотворения «Меня обманула улыбка одна».¹⁹

В октябре 1828 г. Ознобишин вынужден был оставить службу и переехать из Москвы в Троицкое. Но несмотря на семейные трудности, он не прекратил своих разнообразных занятий. «Дмитрий Петрович не только поэт, но и ученый, знает многие языки, даже восточные, любит историю и теперь особенно занимается английской литературой. Я видела

---

¹⁶ См.: Колюпанов Н. П. Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1889. Т. 1, кн. 1. С. 573.

¹⁷ Васильев М. Из переписки литераторов... С. 180.

¹⁸ Никаких сведений об Ольге Петровне Малевинской установить не удалось; возможно, она была соседкой Ознобишина по имению. Ей он посвятил стихотворения «Счастливый путь!», «Высохший листок (О. П. М-й)», «О. П. М.».

¹⁹ Галатей. 1829. № 15. С. 205 (автограф: № 24, л. 71 об.; датировано 1828 г.).

его библиотеку и получила позволение брать из нее книги; ²⁰ они также получают все русские журналы. Одним словом, я от них в восхищении» ²¹ — так писала мужу о Дмитрие Петровиче А. А. Фукс, сыгравшая определенную роль в его литературной судьбе. ²²

Гостеприимный дом Фуков был культурным центром Казани. Его посещали поэты и литераторы: Э. П. Перцов, М. Д. Деларю, Г. Н. Городчанинов, И. М. Симонов, М. С. Рыбушкин, А. Н. Ибрагимов, Второвы (отец и сын), а также Н. М. Языков. Вскоре и Дмитрий Петрович стал членом этого кружка. Участие в нем, вероятно, повлияло на формирование его этнографических интересов, хотя сложились они раньше, в «московский» период, в пору знакомства с И. В. Киреевским. По мнению Т. Г. Динесман, «замысел (...) Киреевского и Языкова, вероятно, стал известен Ознобишину в самом начале. Несомненно, что были ему известны и те практические положения, которые Киреевский изложил в своей „Песенной прокламации (...)“». ²³ Таким образом, сначала Ознобишин был лишь корреспондентом Киреевского в его работе над «Собранием русских народных песен», но в середине 1830-х годов он уже становится самостоя-

---

²⁰ Д. П. Ознобишину принадлежала богатейшая библиотека, «(...) около 28 000 томов с замечательным отделом восточных рукописей и книг по востоковедению. Лишь небольшая часть этого (...) собрания перевезена была внуком Ознобишина в Париж. Все остальное погибло во время революции». Тем не менее «(...) это одно из самых замечательных русских частных книжных собраний за рубежом». (*Туроверов Н.* Книжное собрание Д. И. Ознобишина и его Суворовский отдел//Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1938. Ч. 4. С. 195—196). Сохранилось несколько писем Д. И. Ознобишина 1904—1908 гг. к Б. Л. Модзалевскому, где речь, в частности, идет об издании биографии его деда и состоянии его архива. См.: ИРЛИ, ф. 184 (фонд Б. Л. Модзалевского, в обработке).

²¹ Цит. по: *Бобров Е. А.* А. А. Фукс и казанские литераторы 30—40-х годов//Русская старина. 1904. Т. 119. С. 9.

²² Александра Андреевна Фукус (1805—1853) — поэтесса, этнограф, хозяйка литературного салона, существовавшего в Казани примерно с 1826 по 1846 г. Ей, в частности, принадлежит сборник «Стихотворения Александры Фукус» (Казань, 1834) и этнографический труд «Записки Александры Фукус о чумахах и черемисах Казанской губернии» (Казань, 1840), не потерявший, по оценкам специалистов, своей научной значимости по сей день. Ее муж, Карл Федорович Фукс (1776—1846), ученый-естествовед, профессор и ректор Казанского университета, принимал самое непосредственное участие в литературных и этнографических занятиях жены. А. С. Пушкин, будучи в Казани в 1833 г., побывал в семье Фуков. По его просьбе К. Ф. Фукс собирал материалы для «Истории Пугачевского бунта». Подробнее о нем см.: *Лаврский К. В., Пономарев П. А.* Карл Федорович Фукс и его время//Казанский литературный сборник. Казань, 1878. С. 223.

²³ Литературное наследство. М., 1968. Т. 79. С. 516.

тельным собирателем: у него появляются помощники — Н. Т. Аксаков и И. Ф. Базилевский, ближайшие друзья поэта.

Самостоятельная итоговая работа в области фольклора — это сборник «Русские песни», рукопись которого состоит из 6 тетрадей, включающих 88 песен.²⁴ Материал в нем расположен по географическому принципу, многие тексты сопровождаются комментариями и вариантами. По оценке Т. Г. Динесман, сборник «выполнен на уровне современной ему научной фольклористики» и стоит в одном ряду «с наиболее тщательно составленными фольклорными публикациями той поры».²⁵ Кроме того, Ознобишин готовил собрание русских народных сказок. Однако обе эти работы не были завершены и остались в рукописи. Собирая фольклор, он объездил почти всю Россию; среди друзей за ним установилась репутация поэта-путешественника. Н. М. Языков писал:

Где ты странствуешь? Где ныне,
Мой поэт и полиглот,
Поверяешь длинный счет?
Чать, в какой-нибудь пустыне,
На берегу бесславных вод...²⁶

Фольклор оказал заметное влияние на оригинальное творчество поэта: «К середине 1830-х годов Ознобишин был уже настолько (<...> знаком с народной песенной традицией, что сам успешно работал над созданием стилизаций народных песен. Одна из них — „Чудная бандура“ („Гуляет по Дону казак молодой...“), напечатанная в 1836 г. в „Московском наблюдателе“, вскоре (<...> превратилась в народную песню. Начиная с 1850-х годов она встречается в различных песенниках и широко бытует в многочисленных вариантах вплоть до 20-х годов нынешнего века».²⁷

Вероятно, именно в этот период, в конце 1820-х — начале 1830-х годов, Ознобишин совершает свою первую поездку за границу, о чем свидетельствует его воспоминание о пребывании в Геттингенском университете в качестве «собеседника» богословского отделения и частного преподавателя восточной словесности (из предисловия к «Персидской грамматике» (около 1840 г.): № 47).

---

²⁴ ЦГАЛИ, ф. 13, № 23.

²⁵ Литературное наследство. Т. 79. С. 519.

²⁶ Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1934. С. 404, 682 и 820 (ответ Ознобишина).

²⁷ Литературное наследство. Т. 79. С. 517.

К 1829 г. сложился его первый поэтический альбом, оставшийся, как и все три последующие, лишь в рукописи (№ 24; 1823—1829).

В 1830 г. отдельным изданием вышла повесть в стихах «Селам, или Язык цветов» (№ 37),²⁸ в основу которой был положен перевод с немецкого анонимного произведения «Die Blumensprache, oder Bedeutung der Blumen nach Orientalischer Art. Ein Toulettengeschenk» (Berlin, 1823).

В 1830-х годах Ознобишин активно печатался в альманахах «Денница» (1830), «Венера» (1831), «Сиротка» (1831), «Весенние цветы» (1835) и журналах, особенно часто в «Сыне отечества», «Молве», «Московском наблюдателе», «Отечественных записках», «Телескопе».²⁹

Из материалов начала 1830-х годов, оставшихся в рукописи, следует отметить шуточную поэму «Три способа» (№ 27) и второй поэтический альбом (№ 29, 1830—1832).

В 1828 г. Ознобишин становится членом Московского, затем Казанского обществ любителей российской словесности, а в 1835 г. — Датского королевского общества северных антиквариетов (дипломы обществ — № 147).

В 1835 г. он вступил в брак с Елизаветой Александровной Рогановской, женщиной незаурядной для своего времени. Она вполне разделяла интересы мужа. Занимавшаяся музыкой, переводами, обладавшая тонким художественным вкусом, она стала его музой: годы, прожитые с ней, наиболее плодотворны в творческом отношении. В 1837 г. у них родился сын Иван. Несколько ранее, в 1833 г., Ознобишин вновь поступил на службу: с июля 1833 г. по июль 1838 г. он был почетным смотрителем Карсунского уездного училища, а с апреля 1838 г. по апрель 1841 г. и с февраля 1844 г. по июнь 1847 г. — почетным попечителем Симбирской гимназии.

Семья Ознобишиных очень часто бывала в Москве и Петербурге. В одну из таких поездок, в 30-х годах, состоялось знакомство Ознобишина с Пушкиным в петербургском салоне Михаила Виельгорского.³⁰ Однако продолжения оно не имело.

В 1846 г. скончалась жена Дмитрия Петровича. Эта тяжелая утрата во многом изменила всю его дальнейшую

²⁸ Об этой повести см.: *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 257.

²⁹ Здесь, в частности, был опубликован перевод отрывка из поэмы Низами «Искандер-наме» — «Прибытие Александра Великого в степь Кеф-чака» (Телескоп. 1831. Ч. 6, кн. 24. С. 521—532).

³⁰ См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., дополн. Л., 1988. С. 303.

жизнь. По мнению биографов поэта, последние 30 лет жизни уже «не могут считаться продолжением некогда деятельных литературных занятий».³¹ Действительно, со смертью жены произошел перелом во всем внешнем и внутреннем строе его жизни: он вынужден был больше заниматься хозяйственными делами, имением, воспитанием сына и гораздо меньше литературой. Именно в этот период он пережил творческий кризис, постепенно отошел от оригинального творчества и преимущественно стал заниматься переводами из западноевропейской поэзии. Но и значительно ограниченная творческая деятельность периода 1846—1877 гг. весьма плодотворна и несомненно заслуживает внимания. Рассматриваемый же архив является ярким тому подтверждением, поскольку в нем находится значительное количество биографических и творческих материалов этого периода, ценнейшим из которых, без сомнения, является альбом третий (№ 21, 1830—1847). Он отличается законченностью композиции и представляет наибольшую художественную ценность в поэтическом наследии Ознобишина.

После смерти жены в 1847 г. он отправляется вместе с сыном Иваном за границу. География их путешествия такова: Северным морем они прибыли в Берлин, побывали в Лейпциге, Веймаре, затем отправились на курорт Крейцнах, где прожили несколько месяцев, потом переехали в Швейцарию, на курорт Веве; наконец, через Лозанну, Лион, Марсель прибыли в Ниццу в разгар революции 1848 г., которая и заставила их возвратиться раньше предполагаемого срока. Путь домой лежал через Геную, о. Мальту, Смирну, Константинополь. В Россию они приехали в самый разгар эпидемии холеры и вынуждены были в это опасное время совершить путь от Одессы до своего имения Троицкого.

Сохранились «Записная книжка, содержащая... дневник путешествия» (№ 54) и обширная переписка с И. Ф. и В. П. Базилевскими (№ 226, 227), дополняющая ее. Особенно интересен дневник путешествия, который, по мнению И. Я. Заславского, в какой-то мере продолжает традиции «Писем русского путешественника» Карамзина.³² Но по

---

³¹ *Гербель Н. В.* Русские поэты в биографиях и образцах. 2-е изд., испр. и дополн. СПб., 1880. С. 350. Заметим кстати, что традиционно биографии Ознобишина заканчиваются этим декларативным заявлением, однако причины прекращения литературных занятий не указываются.

³² Подробное описание «Записной книжки...» имеется в статье И. Я. Заславского «Путевой дневник Д. П. Ознобишина» (Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1987. М., 1988. С. 40). Эту интересную статью нам хотелось бы дополнить одной любопытной цитатой — записью от 21 июня/3 июля 1847 г.: «Мы поплыли из Кронштадта на

сколько он уже был объектом исследования, обратимся к малоизученной переписке, содержащей множество биографических подробностей. Лейтмотивом многих писем являются воспоминания о жене; причем прямо об этом говорится очень редко, но косвенно мотив утраты присутствует постоянно. Можно предположить, что главной целью поездки было желание забыться, рассеяться после пережитого и одновременно поправить расстроенное здоровье. Возможно, в какой-то мере она была предпринята и ради сына Ивана, которому в то время исполнилось одиннадцать лет. Ознобишин чрезвычайно печется о его воспитании, нанимает учителей, особенно заботится о том, чтобы он овладел иностранными языками. Так, в письме от 25/13 февраля 1848 г. сообщается: «Он должен быть образован не поверхностно, а солидно, чтобы со временем быть полезну обществу и отнюдь не быть ему в тягость, чтобы наука была для него не игрушкой, а верною подругою в жизни и утешением под старость. Я желал бы, чтобы он смотрел на жизнь с той точки, как я гляжу на нее; это бы избавило его от многих печальных последствий разочарований» (№ 226, л. 79 об.).

Письма дают некоторый материал для размышлений об общественно-политических взглядах Ознобишина, в частности, о его отношении к крепостному праву. Так, в одном из них он писал: «Всматриваясь теперь за границы в быт здешнего престоноародья, которое не знает крепостного права, <...> я более и более убеждаюсь, что наши крестьяне под надзором доброго помещика несравненно счастливее здешних вольных <...> Наше крепостное право уже, слава Богу, не то, что было оно прежде. Личность крестьянина уже ограждена мудрыми законами, а собственность его, сколь она <...> ни ничтожна, священна для всякого благовоспитанного помещика» (№ 226, л. 60—61).

Ознобишин неоднократно, с особой настойчивостью подчеркивает свое равнодушие к политике, нежелание что-либо писать по этому поводу. Пожалуй, можно назвать лишь одно письмо (от 20 февраля/3 марта 1848 г.), посвященное революционным событиям этого года (№ 226, л. 82—82 об.). В нем описывается прибытие из Марселя в Ниццу французского корабля с беженцами. В целом же письма сугубо деловые, в них почти нет рассуждений о литературе, набросков

пароходе „Прусский орел“ <...> Я встретил многих знакомых: Ф. И. Тютчева с дочерью, Ал. Алекс. Руднева с Анной Николаевной Козловой и профессора О. И. Сенковского, который ехал вместе с ними к благословенным берегам Италии, чтобы оттоле быть в Париже и Лондоне» (№ 54, л. 5).

произведений,³³ и это, вероятно, следует расценивать как факт его постепенного отхода от литературы.

По возвращении в Россию Ознобишин очень активно занялся хозяйственной деятельностью, расширил свое имение, при участии И. Ф. Базилевского стал акционером золотых приисков,³⁴ занялся откупам. Примерно в это же время он определил сына в одно из привилегированных учебных заведений Москвы.³⁵

К началу 1860-х годов творческий кризис, по-видимому, проходит. Большая часть произведений, созданных в 1860—1870-х годах, осталась в рукописи; в основном это переводы, оригинальны лишь стихотворения на случай: тосты, посвящения и проч. Некоторые из них, посвященные В. И. Бекетовой, М. П. Бестужевой, А. И. Языковой (всего 10 произведений), были собраны Ознобишиным в поэтический сборник «Букеты на новый, 1867 год» (№ 2). Следует также отметить стихотворение «Н. А. Дубельт, урожденной Пушкиной» (№ 5, л. 27).

Всего же в рукописи сохранилось примерно 200 произведений этого периода. Назовем наиболее интересные из них. «Плач Ярославны» (без даты) (№ 12, л. 51—52). Этот перевод довольно близок к древнерусскому тексту.

«Последний пир» (1854) (№ 13, л. 18) — переложение библейской легенды о пире Вальтасара.

Переложения псалмов и «Предисловие» к ним (без даты) (№ 14, л. 45). Это был «задушевный труд» Ознобишина, религиозность которого с годами возрастала. Некоторые из его переложений вышли отдельным изданием — «Псалом VI, VIII, XV (в стихах)» (СПб., 1867).

«Снегурушка. Детская сказка из народных преданий» (1865) (№ 16, л. 1).

Русские народные песни в литературной обработке Ознобишина (без даты) (№ 4, л. 33).

Цикл произведений, посвященных Симбирску: «Старый городок. Сказка для детей» (без даты) (№ 4, л. 44—52); «Симбирск 1 декабря 1866 года. К 100-летию Н. М. Карам-

---

³³ Можно назвать лишь одно стихотворение в ностальгическом духе, а также просьбу к И. Ф. Базилевскому выписать на новый, 1848 год, «Библиотеку для чтения» и «Отечественные записки».

³⁴ Сведения об этом в письме от 26 мая 1849 г.: № 227, л. 25.

³⁵ Какое именно, неизвестно. Но, судя по тому, как тщательно Ознобишин занимался в это время своей родословной (№ 147, 148), можно предположить, что здесь имели право учиться дети, получившие подтверждение своей принадлежности к «древним благородным дворянским родам». Ходатайство о внесении его рода в VI разряд дворянской родословной книги Симбирской губернии было удовлетворено.

зна»; «Симбирский Ага»; «Симбирский приют» (посвящено Л. Н. Москвитиновой); «Симбирск после пожара 1864 г.» и др. (1864) (№ 15, л. 44—45).

Альбом, который можно назвать незаконченным (1830—1870) (№ 23).

Что касается публикаций, то в 1860—1870-х годах появилось в печати шесть произведений, причем три из них крупные. В 1861 г. в Петербурге вышел перевод повести И. Тегнера «Аксель», который, без сомнения, имеет большое художественное значение. К сожалению, этот перевод, необходимый для изучения творчества и И. Тегнера, и Ознобишина, мало известен исследователям.

В 1871 г. в Петербурге же появился перевод из Э.-Д. Булвер-Литтона «Сизиф и смерть. Милетская сказка». В предисловии автор писал: «Милетские сказочники пользовались в древности большой славой <...> лорд Литтон передал в стихах целый ряд мифологических рассказов под заглавием „Потерянные сказки милетские“ (Lost tales of Miletus). Одна из них предлагается в вольном русском переводе».

Последнее крупное оригинальное произведение Ознобишина вышло в Петербурге в 1875 г. Это «Шуточные реляции в стихах о французско-прусской войне 1870 и 1871 годов. Литературная импровизация» (СПб., 1875). «Поводом к этой юмористической импровизации, — писал автор, — был спор двух коротких приятелей при самом начале войны прусско-французской <...> следствием этого спора был между ними пари; побежденный обязан был угощать победителя после каждой реляции».

Кроме того, в 1850—1870-х годах Ознобишин активно печатался в «Сыне отечества», «Москвитянине», «Русском архиве». В «Литературной библиотеке» за 1866 г. появилась его статья «Заметки по вопросу о нашей печати и цензуре», написанная по поводу постановления 1865 г. о цензуре.³⁶ Автор полагает, что для современной «неопытной, подражательной и заносчивой» журналистики необходимы строгая цензура и компетентная критика. В целом же статья важна для понимания его консервативной литературной и общественно-политической позиции.

В «Памятной книжке Смоленской губернии на 1856 год» он опубликовал статью «Смоленская святыня». Это одна из последних его историко-этнографических работ.³⁷ В ней

³⁶ Литературная библиотека. 1866. Т. 5. С. 203—215.

³⁷ В рукописи остался «Исторический очерк гор. Симбирска... с приложением карты царства Казанского...», 1863—1864 гг. (№ 52).

имеется подробное описание иконы Смоленской Божьей матери. Интерес Ознобишина к Смоленску объясняется тем, что история его рода была тесно связана с этим городом. Предки его, как свидетельствует биограф, «сложили голову при царе Алексее Михайловиче на стенах Смоленских, охраняя от осаждающих поляков башни оной, из которых одна носит название Ознобишинской».³⁸ В 1853—1855 гг. он занимал должность почетного члена Смоленского губернского попечительства детских приютов.

Удалось установить, что Ознобишин выступил и в качестве драматурга: представления переведенной им с французского комедии И. Лука «Домовой» состоялись в Александринском театре 24 и 28 апреля 1857 г.

Особо следует сказать о его активной общественной деятельности в пореформенное время, когда он был членом Симбирского губернского статистического комитета и Особого присутствия по крестьянским делам. Еще в 1848 г. он писал по поводу готовящейся реформы: «... идут большие толки об эмансипации крестьян. Всякий благомыслящий человек этого желает <...> Желательно только, чтобы этот переход из первобытного состояния в новое произведен был постепенно, без крутого перелома <...> но постигают ли надлежащим образом крестьяне то новое положение, которое для них готовится? Большая часть из них <...> под словом свобода понимает совершенную праздность. Поэтому, чтобы приготовить их к этой свободе <...> нужно, чтобы они видели необходимость труда, в котором единственно будет заключаться источник их благоденствия» (№ 226, л. 73).

В 1861 г. вышло его «Руководство к изучению высочайше утвержденных его императорским величеством 19 февраля 1861 года Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (ч. 1—2. СПб., 1861). Во «Вступлении» к «Руководству» автор, в частности, писал: «...все эти вновь изданные законоположения наполнены духом кротости и миролюбия; <...> они проникнуты глубокою Царственною любовью к обоим сословиям Государства <...> и суть отражение той великой благодати, которая дышит в сердце Монарха, мудро задумавшего и твердо выполнившего великое дело — выведение из крепостной зависимости более 22 миллионов своего народа» (с. VIII). «Руководство» представляет собой толкование всех статей «Положений» в виде вопросов, которые выражают их основную мысль. Первоначально оно составлялось для себя лично, но впоследствии, осознав цен-

---

³⁸ <Горизонтов А. П.> Биография Д. П. Ознобишина. СПб., 1878. С. 3.

ность своего труда, автор решил издать его, чтобы облегчить многим восприятие и запоминание статей «Положений».

В 1850-х годах (точная дата неизвестна) Ознобишин женился вторично — на Таисии Константиновне Сенявиной, внучке адмирала Д. Н. Сенявина. 25 августа 1863 г. она умерла в родах, оставив новорожденную дочь Елизавету.³⁹

Известно письмо Ознобишина в опекунский совет (№ 149), в котором он просит позаботиться о сохранности наследства дочери, доставшемся ей от матери. Кроме того, ссылаясь на слабость здоровья, он просит назначить ей опекуна. Из переписки следует, что девочку взяла на воспитание бабушка, Елизавета Андреевна Кадомцева. Этот поступок можно объяснить не только «слабостью здоровья», но и чрезвычайно тяжелыми семейными обстоятельствами: в это же время стало известно о душевном расстройстве его сына Ивана. Ознобишин был очень угнетен этим, поместил его в клинику.⁴⁰ У бабушки Елизавета жила недолго и в дальнейшем воспитывалась дома.

Карьера Ознобишина была успешной: он вышел в отставку в чине надворного советника.

Последние годы жизни он провел в Троицком, часто при этом бывая в Симбирске, где жил в собственном доме на Панской улице (№ 149, л. 19 об.).

В марте 1877 г. Ознобишин поехал лечиться в Кисловодск на минеральные воды (№139, л. 38), где скончался 2 августа. В некрологе сообщалось: «Кончину его отчасти ускорило падение из экипажа. Этим объясняется следующее четверостишие, замечательное тем, что оно продиктовано престарелым поэтом за несколько часов до смерти:

Наш Кисловодск как раз услужит:
Вас заманит обильем вод,
Нардзана газами задушит,
А экипажами добьет».⁴¹

Похоронен Д. П. Ознобишин в Кисловодске.⁴²

³⁹ Елизавета Дмитриевна Ознобишина, в замужестве Малевинская, умерла 17 января 1899 г., похоронена в Новодевичьем монастыре (*Саитов В. Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2. С. 217*).

⁴⁰ О болезни сына сообщается в письме от 23 мая 1864 г. (№ 76). Вскоре он поправился, и в дальнейшем его судьба складывалась благополучно. В 1868 г. (?) он вступил в брак с Софьей Дмитриевной Толбузиной (№ 98), от которого были дети, внуки Д. П. Ознобишина: Дмитрий, Николай, Наталья. Иван Дмитриевич Ознобишин дослужился до чина действительного статского советника; умер 10 июня 1896 г., похоронен в Александро-Невской лавре, на Никольском кладбище (*Саитов В. Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 8. С. 300*).

⁴¹ Новое время. 1877. № 535 (некролог).

⁴² См.: *Чернопятов В. И. Некрополь нескольких мест Кавказа. М., 1913. С. 46.*

Архив Д. П. Ознобишина (ф. 213) насчитывает 230 единиц хранения; среди них стихотворения — 29 ед. хр.; очерки, повести, рассказы, статьи — 9 ед. хр.; драмы и комедии — 5 ед. хр.; материалы к работе над персидским языком и литературой — 7 ед. хр.; переписка — 148 ед. хр.

Из творческих материалов наибольшую ценность представляют пять поэтических альбомов, каждый из которых, на наш взгляд, отражает определенный этап творческой эволюции поэта.⁴³

Юношеский сборник «Мечты» (1821—1822) (№ 22) — это собрание первых стихотворений начинающего поэта. Он состоит из двух частей; всего в нем 55 произведений, большая часть из них — антологического характера, много переводов из Парни. В целом чувствуются незрелость и подражательность; стихотворения Ознобишина изобилуют традиционными рифмами и образами, превратившимися в поэтические клише. Основные, эпикурейские мотивы часто сочетаются с мотивами тщеты бытия и преждевременного разочарования:

Узнал, узнал и я сей жизни сладость,
Твой поцелуй я пламенный сорвал!
Чего ж желать! — Пускай умчится младость,
Я осушил любви златой фиал.

Альбом первый (1823—1829) (№ 24) значительно отличается от сборника «Мечты»: здесь гораздо больше не только оригинальных стихотворений, но и шире круг переводимых авторов.

Всего в нем 146 произведений, в основном 1828—1829 гг. Наблюдения над датировками позволяют предположить, что в основе создания этого альбома лежит определенный авторский замысел, раскрыть который, к сожалению, не удалось. Возможно, он был задуман как сборник, основой которого явились произведения в ориентальном духе, такие, как «Ода Гафица», «Час блаженства» (арабский мауль), «Долги любви» (мауль), «Упрек» (мауль), «Обращение к душе» (из Саади) и др. Все оригинальные произведения этого альбома, которых по сравнению с переводами все-таки немного, тоже проникнуты ориентальными мотивами. Их сочетание с ана-

⁴³ Самые общие сведения об альбомах содержатся в кн.: Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 2. С. 684. Ни один из альбомов опубликован не был, хотя многие произведения, входящие в них, появились в печати. Заметим кстати, что в альбомах имеются авторские пометы с указанием места и даты публикации, редко — создания стихотворения, а для перевода — источника.

креонтизмом в духе Батюшкова вообще является отличительной стилистической особенностью поэзии Ознобишина. Его «ориентализм» имеет свою эволюцию: от чрезвычайного увлечения им, доходящего порой до абсурда⁴⁴ (1820-е — середина 1830-х годов; альбом первый), к охлаждению (1850—1870-е годы; так называемый «незаконченный» альбом).

Среди оригинальных произведений альбома особый интерес представляют стихотворения «Раичу», «Поэт и светский человек», «Ермолову», «К птичке», «Меня обманула улыбка одна», «Тантал», «Первое признание». Встречаются и метрические эксперименты, склонность к которым характерна для поэтики Ознобишина (стихотворения «Водяной дух», «К Сильфу», «Сильф»⁴⁵).

Группа стихотворений под названием «Эпиграммы из греческой антологии» образуют цикл, который позднее получил название «Гинекион» (цензурный экземпляр — № 20). Снабженное предисловием и комментариями автора, это произведение вышло отдельным изданием в Петербурге в 1830 г.

Еще один цикл — «Сербские песни» включает десять переводов из сборника народных песен В. С. Караджича: «Сердитый конь», «Смельяна», «Потеря времени», «Праведная клятва» и др.⁴⁶

В альбоме первом много переводов из западноевропейской поэзии, особенно из «Ирландских мелодий» Т. Мура: «Уж Эрин бледнеет», «Юноша-певец», «Горный дух», «Вечерний звон» и др. Интерес Ознобишина к автору «Лалла-Рук» вполне закономерен.

Многие стихотворения вошли в последующие альбомы. Сравнительный анализ текстов показал, что каждый из них формировался в значительной мере на основе предыдущего.

Альбом второй (1830—1832) (№ 29) представляет собой довольно пестрое чередование стихотворных и прозаических фрагментов на русском, французском, английском языках и производит впечатление чернового, рабочего. Вероятно, он был подготовительным для альбома третьего: из 42 его

---

⁴⁴ В качестве примера приведем отрывок из стихотворения «Слеза монарха» (л. 67): «Но лучше всех сокровищ мира Монарха доброго слеза: Она душистей роз Ирана, Светлей сапфира Индостана».

⁴⁵ Другое название последнего стихотворения — «Фолетто»; это самый яркий метрический эксперимент, представляющий собой сложную полиметрию, некоторые «куски» которой написаны зыбким метром: «Когда младенец спит И сквозь сон смеется, Над его беззаботною Люлькой стою».

⁴⁶ Подробнее о них см.: *Петухов В. К.* Д. П. Ознобишин как переводчик сербских народных песен//Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 50—55.

стихотворений 20 вошли в альбом третий, в котором всего 139 произведений.

Альбом третий (1830—1847) (№ 21)—это собрание лучших произведений зрелого поэта. Он представляет всю его поэтическую палитру: оригинальные и переводные лирические стихотворения, баллады, литературные обработки народных песен, стихотворения романсного типа. Среди оригинальных произведений можно выделить тематические циклы. Например, стихотворения на библейские сюжеты — «Мария», «Тайная вечеря», «Хорев» и некоторые другие; стихотворения балладного содержания — «Альгама»,⁴⁷ «Вороной конь», «Покров».

Но, пожалуй, самые лучшие лирические стихотворения Ознобишина посвящены Кавказу: «Кавказская ночь», «Кисловодск», «Пятигорск», «Тоска по Отчизне», «Кавказское утро», «Машук и Казбек», «Прости, Пятигорск». К ним же следует отнести стихотворение «Турецкий кинжал» (1842), «являющееся, — по мысли Т. М. Гольц, — „ответом“ („назира“) на два стихотворения Лермонтова — „Кинжал“ и „Поэт“ (<...> Как это было принято в персидско-таджикской классической поэзии при создании „назира“, в стихотворении Ознобишина использованы образы и лексика произведений его предшественника, хотя и не соблюден стихотворный размер Лермонтова».⁴⁸ Это стихотворение, написанное на смерть Лермонтова, перекликается с другим — «Две могилы» (1841), в котором Пушкин и Лермонтов названы «жертвами рока». Интерес к творчеству Лермонтова проявился и в создании перевода на французский язык его стихотворения «Последнее новоселье» — «Le dernier domicile» (1843) (альбом третий, л. 224; более полный вариант — № 13, л. 10).

Увлечение Ознобишина фольклором нашло свое выражение в стихотворениях «Не туманы хладные», «Сердечное горе», «Ковыль», «Чудная бандура», очень разнообразных по степени фольклорной стилизации. Первые два произведения близки к фольклорным источникам, остальные же носят явные следы литературной обработки. Следует также сказать о романсах и стихотворениях романсного типа: «Поцелуй», «Голубые очи», «Ясны очи (I cattivi occhi)» (последнее было положено на музыку А. Алябьевым).⁴⁹

⁴⁷ См.: Испанская поэзия в русских переводах. М., 1978. С. 123—125, 928, 978. Здесь приведен текст этого стихотворения, подробный реальный комментарий, а также краткая биографическая справка об Ознобишине.

⁴⁸ Гольц Т. М. «Северная лира», ее издатели и авторы // Северная лира на 1827 год. М., 1984. С. 264, 266.

⁴⁹ О романсах на стихи Ознобишина см.: Песни и романсы русских поэтов. 2-е изд. М.; Л., 1965. С. 395—396.

В альбоме третьем находим и образцы работы Ознобишина над фольклором других народов, что само по себе очень характерно для того времени. Это новогреческие песни «Вороной конь», «Локон», «Умиравший клефт», эстонская песня «Старый холостяк», литовские песни «Пруд замерз» и «Сирота»,⁵⁰ сербская песня из сборника В. С. Караджича «Девица и рыбка», а также цикл произведений («Исповедь», «Две сестры», «Битва в дубраве», «Злой брат»), который был опубликован в «Московском наблюдателе»⁵¹ под общим названием «Шведские песни».⁵²

Круг переводимых Ознобишиным поэтов весьма обширен и разнообразен: это Парни («Виденье»), Беранже («Прекрасная швея», «Воспоминания народа», «Доктор и больной» и др.), Гюго («Взгляд», «Дервиш»), Р. Бернс («К маргаритке, которую сам в 1786 году срезал неосторожно плугом»), Шекспир («Отрывок из „Юлии и Ромео“, действие 3, явление 5), А. Шенье («К группе Юпитера, похищающего Европу»), А. Шамиссо («Обнаруженная тайна»), Ю. Кернер («Умиравшая мать»), Ф. Рюккерт («Я понял, не бьется лишь сердце в одной»).

Жанровое многообразие альбома третьего определило и многообразие метрико-строфическое: здесь мы встречаем балладную строфу («Две сестры»), белый стих («Мать и дочь») и многие другие размеры и строфы.

Наконец, так называемый «незаконченный» альбом (1830—1871) (№ 23). Он носит отпечаток общего характера позднего творчества Ознобишина, а именно след некоторой небрежности. Альбом скорее лишь начат: из 119 листов заполнены только 25. В основном это произведения 1867—1871 гг., среди которых можно отметить стихотворения «Молитва Господня», «Видение» (из Иова), «Дети Франции».

Рассмотренные альбомы дают необходимый материал для объективной оценки творчества Ознобишина. Ученик Раича, он воспринял от него идею о необходимости обогащения русской литературы путем привнесения в нее элементов других литератур. Особенность его ориентализма заключается в том, что в отличие от других поэтов, для которых восточные мо-

---

⁵⁰ Можно предположить, что эти переводы сделаны с немецкого источника: «Dainos, oder Latauische Volkslieder, gesammelt, übersetzt und herausgegeben von L. I. Rhesa» (Königsberg, 1825. S. 11, 23), поскольку сведений о том, что Ознобишин владел литовским языком, нет.

⁵¹ Московский наблюдатель. 1835. Ч. 2. С. 230.

⁵² По свидетельству В. С. Киселева-Сергенина, это переводы из сборника шведских народных песен Е.-Г. Гейера и А.-А. Афцелиуса «Svenska Folkvisor» (ч. 2. Стокгольм, 1816) (Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 2. С. 689).

тивы и образы были лишь внешним антуражем для выражения традиционных романтических идей, он стремился сделать их элементами содержания, органично внедрив в ткань русского стиха. Однако несмотря на все эти новации, в целом его творчество не выходит за рамки традиционного «анакреонтичества» и, без сомнения, принадлежит к «школе гармонической точности». Ориентализм был одним из проявлений принципиальной особенности поэтики Ознобишина: изначальной установки на перевод, подражание, стилизацию. Эта сознательная антиоригинальность и является отличительной чертой его творчества.

Помимо альбомов в архиве есть рукописи крупных переводов. Среди них стихотворный перевод четвертой части поэмы Т. Мура «Лалла-Рук» — «Светило гарема», 1830 г. (№ 31)⁵³ представляет особый интерес.

В 1827 г. в журнале «Сын отечества» появилось анонимное прозаическое переложение этой поэмы.⁵⁴ «Ни в тексте, ни в оглавлении, — писал академик М. П. Алексеев, — имя переводчика не обозначено; сохранились, однако, известия, что эта поэма привлекла к себе внимание нескольких переводчиков, в частности О. М. Сомова и Д. П. Ознобишина; тем не менее у нас нет достаточных оснований для того, чтобы мы могли приписать перевод в „Сыне отечества“ одному из двух <...> литераторов»;⁵⁵ «Ту же поэму „The Light of the Nagam“ под заглавием „Светило гарема“ перевел Д. П. Ознобишин <...>, но, по свидетельству его биографа, она „нигде не напечатана“ (Державин Н. А. „Забывшие поэты. Д. П. Ознобишин“. — Исторический вестник, 1910, № 9. С. 860)».⁵⁶

Выборочная сверка прозаического (1827) и стихотворного (1830) переводов показала, что текстуально они очень близки; кроме того, есть буквальные совпадения в авторских примечаниях к ним. Все это позволяет предположить, что сначала Ознобишин выполнил прозаический перевод, рукопись которого нам неизвестна, а позднее — стихотворный, который и остался неопубликованным.⁵⁷ Ему же принадле-

---

⁵³ Здесь — четыре списка перевода, дублирующие друг друга; второй и третий из них — цензурные.

⁵⁴ Сын отечества. 1827. Ч. 112, № 5. С. 27.

⁵⁵ Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи. XVIII в. — первая половина XIX в. // Литературное наследство. М., 1982. Т. 91. С. 686.

⁵⁶ Там же. С. 800.

⁵⁷ Заметим кстати, что, по свидетельству Л. И. Володарской, поэма «Свет гарема» «была полностью переведена на русский язык <...> всего несколько лет назад В. А. Потаповой» (Мур Т. Избранное. М., 1986. С. 41).

жит перевод отрывка из поэмы «Лалла-Рук» на немецкий язык.⁵⁸

Следует назвать и перевод отрывка из V песни «Ада Данте — «Франческа Римини», который обладает несомненными художественными достоинствами: изящество здесь сочетается со стремлением к точности перевода.

Есть у Ознобишина и переводы драматических произведений: отрывок (начало) из драмы Кальдерона «Тайной обиде тайное мщение» (без даты) (№ 39); перевод с французского комедии Скриба и Мельвиля «Уроки гусарского полковника» (без даты, около 1840 г.) (№ 42); перевод с французского комедии И. Лука из «Испанского театра» — «Домовой» (№ 40; два списка, один из них автограф).

О последнем переводе следует сказать подробнее, так как его авторство, по-видимому, вызывало некоторые сомнения: в Театральной библиотеке Петербурга имеются два списка этого произведения,⁵⁹ причем автор в обоих случаях указан без инициалов (так же, как и в книге «История русского драматического театра», где есть сведения и о постановках: «Пб., 1857, апр. 24, 28»).⁶⁰ Сопоставление этих списков с оригиналом, на котором есть помета рукой Д. П. Ознобишина: «Представлена в первый раз на Александринском театре в среду, 24 апреля 1857 г.», показало, что все тексты действительно принадлежат ему.

Авторство же комедии «Семейные тайны» остается неустановленным. По свидетельству Б. Л. Модзалевского, она принадлежит Д. П. Ознобишину и была сыграна в Петербурге в 1865 г.⁶¹ Однако в четырех списках этого произведения, также хранящихся в Театральной библиотеке, указан другой автор — И. Ознобишин, как и в «Истории русского драматического театра»: «Семейные тайны. Комедия в 3-х действиях И. И. Ознобишина. Сюжет заимствован из немецкой комедии „Der Herr Vater“». ⁶²

В архиве Ознобишина хранится множество материалов, связанных с его занятиями восточными языками и литературой: это переводы художественных произведений, исследования по литературе и грамматике, публицистические статьи. На наш взгляд, несомненную художественную ценность представляет рукописный сборник «Арабески, или Собрание во-

⁵⁸ ИРЛИ, ф. 388, оп. 1, № 185.

⁵⁹ В этих списках указаны действующие лица и актеры, в конце рукописи имеется план декораций. На одном из экземпляров есть цензурное разрешение от 13 марта 1857 г.

⁶⁰ История русского драматического театра. М., 1980. Т. 4. С. 317.

⁶¹ Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 12. С. 199.

⁶² История русского драматического театра. Т. 5. С. 512.

сточных повестей» (без даты, около 1840 г.?) (№ 46). В предисловии автор писал: «Некоторые из сих повестей были напечатаны в разных альманахах и журналах. Я собрал их, пересмотрел и дополнил многими новыми, еще до сих пор никем не переведенными. В примечаниях, прилагаемых к каждой из сих повестей (...), я старался (...) ознакомить читателей моих с нравами и обычаями жителей Востока; для этого поместил я в них несколько анекдотов, заимствованных мною из сочинений писателей известных; а в конце биографию Гарири, писанную Эбн-Хильканом» (№ 46, л. 4).

В сборник вошли «восточные» повести «Посещение», «Идеал», «Соперничество шести невольниц» (из «Тысячи и одной ночи»), «Спор», «Караван» (из Гарири), «Желание», «Любовь», «Вор», «Золотая монета» (из Гарири).

По свидетельству биографа Ознобишина, ему принадлежат «переводы (...) некоторых из Макама или Бесед Гарири,⁶³ из которых напечатана только одна «Золотая монета»,⁶⁴ а прочие остались в рукописях».⁶⁵

Вероятно, специалистов заинтересуют исследования Ознобишина, посвященные восточным литературам и языкам: «Рассуждение об языке и словесности персидской», «О поэзии арабов», «История персидской словесности» (№ 44); «О персидской литературе» (№ 45); «Персидская грамматика» (№ 47);⁶⁶ «Материалы к составлению персидской грамматики» (№ 48); «Материалы по составлению персидско-русского и русско-персидского словаря» (№ 49); перевод с латинского персидской грамматики Фридриха Вилькена (№ 50); «Список книг, вышедших по части восточной словесности в России» (1825) (№ 67).

Что касается литературоведческих работ, то большая часть из них не завершена, хотя есть и исключения — статья «Рассуждение об языке и словесности персидской». В целом же все они так или иначе нашли свое отражение в программ-

---

⁶³ Макамы — это жанр плутовской новеллы в средневековой арабской литературе, непревзойденным мастером которого был Гарири (Харири) (XI в.). Особенность произведений, написанных в этом жанре, заключается в том, что автор «отказывается от половины азбуки или пользуется лишь словами, начинающимися звуками „с“ или „ш“, притом попеременно, и это не отражается на стройности рассказа» (Литературная энциклопедия. М., 1932. Т. 6. С. 706).

⁶⁴ Золотая монета (Динарийская макама). Перевод Д. П. Ознобишина. Публикация И. Фильштинского // Осень в горах. Восточный альманах. М., 1979. Вып. 7. С. 529.

⁶⁵ <Горизонтов А. П.> Биография Д. П. Ознобишина. СПб., 1878. С. 12.

⁶⁶ На рукописи имеется архивная помета: «Издана сыном, И. Д. Ознобишиным».

ной работе «О духе поэзии Восточных народов и рассмотренные статьи Московского Телеграфа под заглавием: „Новейшие исследования и сочинения касательно восточных литератур и древностей“». ⁶⁷

Есть у Ознобишина «Новое вступление в русскую грамматику», статья, написанная в шутовском тоне (№ 35, л. 7). Речь в ней идет об азбуке: ставя под сомнение необходимость многих букв, таких, как «ер», «ять», «фита», «ижица», автор в то же время понимает, как трудно с ними расстаться. В заключение, ссылаясь на сложность предмета, он обещает издать новую грамматику через 30 лет.

Значительную часть архива Д. П. Ознобишина составляет переписка, среди которой есть документы, представляющие несомненный интерес для истории русской литературы. Прежде всего это письма С. Е. Раича, которые чрезвычайно важны для понимания целей и задач его кружка. ⁶⁸ Приведем лишь один, впрочем, достаточно известный отрывок из письма Раича к Ознобишину (от 20 ноября 1825 г.): «Слово о простоте. Я той веры, что если мы достигнем до той благородной простоты, которая владычествует в творениях Италианцев <...> то мы, Русские <...>, будем самые роскошные гости на пиру у Муз — но для этого нам надобно много писать и еще более переводить — и именно переводить те творения, в которых преимущественно владычествует простота благородная, и переводить как переводили Италианцы — с благоразумною свободою. — По моему мнению, творение вкуса должно срисовывать по глазомеру — по навыку глаза и чувств, но не по циркулю <...> Когда дело дойдет до переводов, — мне всегда приходит на мысль Ариост. — Кто переведет его — и переведет по образу нашего <мнения>, тот окажет величайшую — неоценимую услугу Русской словесности. В его творении — в этом <особом> — необыкновенном мире столько вещей — столько вещей — для нас, у нас — мертвых; оживите их и вы доставите неисчерпаемый запас новых пиитических выражений, оборотов, слов, картин; — тогда бы все для нас — на нашем богатом языке *опоэзилось*, если смею так выразиться...

---

⁶⁷ Сын отечества. 1826. Ч. 105. № 4. С. 382—402; Ч. 106. № 5. С. 63. № 6. С. 161. № 7. С. 272. № 8. С. 351.

⁶⁸ Отметим кстати, что в одном из материалов архива К. А. Шимкевича есть такое замечание: «Кружок Раича задавался целью создать настоящую историю поэзии <...> Французское стало сменяться немецким, и прежде всего в кружках, салоны сдавались с трудом. <нрзб.> Кружки Раича и другие решительно переходили на переводы и обучение по переводам и Шиллера и <других> поэтов» (ИРЛИ, ф. 828, «История русской литературы», папка № 6).

Куда-куда меня влечешь,
Италия златая!..

Чтобы дополнить это опоздание нашего языка, надобно перенести к нам поэзию Востока. Этот благороднейший, прекраснейший труд предлежит вам, любезный друг, конечно вам, по крайней мере значительною частию. — Нам, соседям Востока, не знать Востока, не пользоваться его богатствами! Это бы значило добровольно отказаться от завиднейшего участка в имении. Подвизайтесь, подвизайтесь, любезный друг» (№ 135, л. 3 об. — 4 об).⁶⁹

Еще один документ, касающийся кружка Раича, — это письмо Ознобишина В. Ф. Одоевскому, предположительно датированное 1823 г.: «В качестве Секретаря Общества я сделал вчера анахронизм, сказав вам, что собрание будет во вторник; прошу объявить почтенному Николаю Алексеичу <Полевому>, как члену Общества, что вторники у нас отменены и что собрания впредь будут делаться только по пятницам, каждую неделю. Если увидите почтенного г. Кюхельбекера, возьмите у него мою книгу: *Firdusi* <...>» (№ 100, л. 2).

Однако письма 1820—1830-х годов в рассматриваемом архиве — редкость; большая же часть относится к 1840—1870-м годам, когда Ознобишин состоял в переписке с В. А. Жуковским, В. Ф. Одоевским, П. А. Вяземским, В. П. Титовым и некоторыми другими.

Эта переписка интересна для понимания взаимоотношений литераторов, чья активная творческая деятельность приходится в основном на первую четверть XIX в. Для них время уже стерло некогда острые литературные разногласия, круг их постепенно становится все уже и уже, и теперь этих очень разных людей объединяет именно причастность к литературе 1820—1830-х годов.

В качестве иллюстрации этих отношений приведем отрывок из чернового письма Ознобишина П. А. Вяземскому от 4 марта 1876 г. (№ 86, л. 1): «С сердечным восторгом прочел я, душевно уважаемый Князь, вдохновенные стихи Вашего Сиятельства, посвященные Памяти нашего друга — труженика М. П. Погодина. Не дождался он возрождения славянских братьев, к чему постоянно стремились все его сердечные помыслы <...> Прилагаемое у сего <письма> мое к Вам приветствие прошу Вас принять как дань моего глубоко-

---

⁶⁹ *Васильев М.* Из переписки литераторов 20—30 гг. XIX в. С. 175. Публикуется по источнику, т. к. текстологическая работа и комментарий, выполненный М. Васильевым, не вполне отвечает современным требованиям.

кого к Вам уважения, дань нестареющему таланту, — оно было внушено Вами, так прекрасно и тепло выразившему (?> давно минувшие дни нашего незабвенного, уже не существующего литературного кружка. Совершенно <...> повторю я словами Вашими:

Все было в той поре заманчиво и ново,
Дух свежий обхватил сподвижников младых.
В народе отзыв был на каждое их слово,
Заслушивался он речей и песней их!»

Переписка Д. П. Ознобишина с В. П. Титовым содержит, в частности, сведения о кончине В. Ф. Одоевского:

«Суббота, вечер, 1 марта <1869>. Лишь теперь успеваю вкратце написать тебе, любезный и дорогой Дмитрий Петрович. Ты, может статься, видел Веневитинова или кн. Вяземского, а потому уже знаешь горе, постигшее весь наш Московский дружеский круг. Третьего дня, четверг, в 4-м часу пополудни не стало там Одоевского. В воскресенье он казался еще совсем здоров и провел вечер на чтении у Кошелева.

— Здесь назначается поминовение в среду, в домовый церкви Мин<истерст>ва просвещения. Будет опубликовано в газетах.

— Грустно, брат, очень грустно. Потом заверну к тебе. Весь твой Титов» (№ 139, л. 13—14).

В ответ Дмитрий Петрович писал: «Смерть незабвенного и всеми нами горячо любимого Князя Владимира Федоровича Одоевского глубоко меня поразила; так что невольно вырвалось из души:

4 марта 1869.

Наш скромный круг друзей науки
Редает с каждым новым днем,
Знакомые живые звуки
Уж многих мы не слышим в нем.
Не буду исчислять утраты,
Кого на переключке нет:
Их имена для сердца святы,
Их жизни памятен нам след;
Но вот над свежеею могилой
Молебный вновь несется глас:
Внезапно, полный жизни силой,
Наш Князь Одоевский уга! . . .»

(№ 107, л. 1)

Из этой же переписки подробнее узнаем о круге знакомых Ознобишина: «Сегодня, бесценный Владимир Павлович, <...> я все утро кружился по городу, был у старых знакомых: графа Корфа, П. А. Валуева, князя П. А. Вяземского

и посетил Аполлинарию Михайловну Веневитинову, которой Вы дали обещание на днях у нее отобедать вместе с нашим милым москвичом М. П. Погодиным, доставившим мне на прошедшей неделе приятнейшее удовольствие литературным вечером у Аполлона Николаевича Майкова.⁷⁰

Кроме того, эпистолярное наследие Ознобишина включает письмо к В. А. Жуковскому от 14 марта 1841 г. с приложением стихотворения «Могила» (№ 91, л. 90); два письма Н. В. Гербелю по поводу участия в антологии «Английские поэты», 1874 г. (№ 88, л. 1—2); письмо С. С. Уварову с приложением стихотворения «Русская слава», которое является своего рода апофеозом русского самодержавия, 1841 г. (№ 108, л. 3); письмо неизвестного к Ознобишину по поводу публикации в журнале «Московский телеграф» статьи Полевого о Карамзине от 30 января 1829 г. (№ 144); наконец, обширнейшую переписку с Н. Т. Аксаковым (№ 71 — без даты, около 1841 г.; № 72, л. 63 — 1858 г.; № 119, л. 110 — около 1840 г. и др.); переписку с И. Ф. и В. П. Базилевскими (№ 75 — 1859—1876 гг.; № 76 — 1858—1874 гг.; № 78 — 1863—1876 гг.; № 226, 227 и др.).

В письмах, адресованных Ознобишину, иногда встречаются списки стихотворений, в том числе прижизненные копии произведений Пушкина.

Об одной из них Л. А. Черейский писал: «Перцов сообщил адресату неопубликованное стихотворение Пушкина „Мой милый, как несправедливы“ (текст его, близкий к тексту, опубликованному в „Полярной звезде“ на 1825 г.,⁷¹ не учтен в академическом издании сочинений поэта)». ⁷² Речь идет о списке стихотворения «Алексееву» (1821), который Э. П. Перцов послал Ознобишину в письме от 29 января 1824 г. (№ 134, л. 1 об. — 2 об.). Эта копия насчитывает 52 стиха и имеет разночтения с каноническим текстом в 18-м стихе: «Как мой *затейливый* проказник» (вместо «*задумчивый*»). Кроме того, после стиха «Во время оно и со мной!» следуют еще 8 строк, которые встречаются лишь в вариантах академического издания (вариант текста, опубликованного в «Полярной звезде»):⁷³

И что ж? Изменой хладнокровной
Я ль стану дружеству вредить?

⁷⁰ Черновое письмо от 6 февраля 1872 г.: № 107, л. 11.

⁷¹ Уточняя эту характеристику, отметим, что тексты практически совпадают, не считая одного расхождения, которое, вероятно, является опiskой: «Иль снова тактики любовной» (в «Полярной звезде»: «И снова...»).

⁷² Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 327.

⁷³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1949. Т. II (2). С. 734.

Иль снова тактики любовной
Уроки хитрые твердить?
Люби, ласкай свои желанья,
Надежде, сердцу слепо верь! . . .
Увы! Пройдут любви мечтанья,
И будешь то, чем я теперь!

(№ 134, л. 2—2 об.)

Главным же образом этот список интересен тем, что представляет бытование пушкинского текста почти за год до публикации.

Необычна копия стихотворения «Свободы сеятель пустынный» (1823), выполненная рукой неизвестного (№ 189, письмо не датировано). Это уникальное сочетание пушкинского текста с четверостишием Б. М. Федорова «Всегда так будет, как бывало. . .»,⁷⁴ оформленное как единый текст. В нем нет строфического деления, много нарушений авторской пунктуации, есть расхождения с пушкинским текстом: «Паситесь, *добрые* народы!» (вместо «*мирные*») и «*На что* стадам дары свободы?» (вместо «*К чему*»). Этот список тоже не учтен в академическом издании.

В заключительном разделе архива «Рукописи разных лиц» есть один любопытный документ — тетрадь, принадлежащая Владимиру Александровичу Андерсону, писателю и карикатуристу, содержащая замечательные по своей выразительности карикатуры на Д. Д. Минаева, А. А. Краевского, А. В. Старчевского, А. Н. Майкова (№ 162, л. 131 об., 132, 178 об., 208).

---

⁷⁴ Это четверостишие, как установила Т. Г. Цявловская-Зенгер, «(. . .) должно быть исключено из текстов Пушкина. Оно приписывалось ему ошибочно. Автором его (. . .) является Б. М. Федоров» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1959. Т. XVII (Справочный). С. 23*).

Г. В. Обатнин

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА¹

1

Материалы Вяч. Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома сосредоточены как в личном фонде поэта (ф. 607), так и в других фондах. Они в основном носят творческий характер.

К числу немногочисленных биографических материалов можно отнести документы, отчасти дополняющие судьбу ивановского архива и библиотеки. Устойчивое семейное предание гласит, что библиотеку Иванов передал А. А. Бахрушину в 1920 г., уезжая из Москвы в Кисловодск,² а рукописи, по мнению О. Дешарт, поэт оставил архиву Государственной академии художественных наук (ГАХН) перед отъездом в Италию в 1924 г.³ Документы Пушкинского Дома позволяют установить, что библиотеку и архив Вяч. Иванов оставил в 1920 г. на попечение Ал. Н. Чеботаревской, хотя обзавелся удостоверением Наркомпроса о запрете на реквизицию и уплотнение его квартиры.⁴ В пользу этого говорят также

---

¹ Пользуемся случаем принести глубокую благодарность за неоднократную помощь в работе Л. Н. Ивановой, О. А. Кузнецовой, А. В. Лаврову, Н. В. Котрелеву и К. А. Богданову.

² Об этой версии сообщается в публикации А. Б. Шишкина «Гекзаметры Григория Рачинского» (Русская мысль. Париж, 1990. 6 июля. № 3835. Литературное приложение к № 10. С. XII).

³ См.: *Иванов В.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. II. С. 754 (комментарий О. Дешарт). (Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: римская цифра обозначает том, арабская — страницу.) Идея сдать библиотеку и архив на хранение в ГАХН принадлежала Ал. Н. Чеботаревской (см. ее письмо к Иванову от 26 июля 1924 г.: ИРЛИ, ф. 189, № 47).

⁴ См.: ИРЛИ, ф. 289 (дополн. поступления).

следующие эпизоды из дальнейшей истории архива Вяч. Иванова. Летом 1921 г. В. А. Меркурьева просила М. О. Гершензона помочь ей получить свои рукописи, оставшиеся у Иванова; 21 июля Гершензон отвечал ей: «Бумаги Вячеслава Ивановича разбирала Александра Николаевна; я ей передал Вашу просьбу накануне ее отъезда (к Вяч. Иванову в Баку. — Г. О.), она и сослалась на свой отъезд, но я думаю, не сделает и по возвращении». ⁵ Кроме того, Р. В. Иванов-Разумник, привлеченный В. Д. Бонч-Бруевичем к формированию фондов Литературного музея, писал последнему 11 марта 1940 г.: «Просмотрели ли Вы посланную в Музей опись архива Ал. Н. Чеботаревской? Там богатый материал по Вяч. Иванову». ⁶

Чеботаревская, видимо, считала целесообразным раздать часть (какую — неизвестно) библиотеки на руки писателям, для чего составила список книг Иванова. ⁷ Поэтому в ее архиве сохранились расписки типа: «Получено 2 мешка книг Вяч. Иванова. Бор. Зайцев. 16 февр. 1921»; «2 мешка книг от А. Н. Чеботаревской получил. Мих(аил) Осо(ргин). 17/II <1921>». ⁸ В 1923 г. квартира Иванова в Москве была ликвидирована, и Чеботаревской, находившейся тогда в Петрограде, прислали опять часть вещей и библиотеки. ⁹ Уезжая в 1924 г. в командировку в Италию, ¹⁰ Вяч. Иванов оставил имущество Театральному музею им. А. А. Бахрушина. Приводим текст заявления Иванова в этой связи:

«Директору Государственного Театрального музея имени А. Бахрушина заведующего Историко-теоретической секции и члена Научно-художественной коллегии Вячеслава Ивановича Иванова.

Ввиду моего отъезда в командировку за границу прошу имеющуюся у меня библиотеку, рукописи, музыкальные ин-

---

⁵ ЦГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, № 45, л. 29.

⁶ ГБЛ, ф. 369, карт. 275, № 9.

⁷ ИРЛИ, ф. 189, № 26.

⁸ Там же, № 24, л. 29, 42.

⁹ См. ее письмо к А. Яшенко от 17 марта 1924 г. (Русский Берлин. 1921—1923. Paris, 1983. С. 295). См. также письмо-отчет Чеботаревской в ликвидационную комиссию «Книгоиздательства писателей в Москве» с объяснением, что сорок рублей, взятые ею из кассы издательства, истрачены «на перевозку научной библиотеки члена товарищества Вяч. И. Иванова» в июле 1923 г. (письмо завизировано Ивановым 17 июля 1924 г.: ГЛМ, ф. 64 (330), оп. 1, № 63).

¹⁰ В черновике заявления на филологический факультет Московского университета (ИРЛИ, ф. 94, № 72) целью поездки Иванов называет «завершение и усовершенствование (<...> перевода, размерами подлинника, трагедий и фрагментов Эсхила».

струменты, мебель и сундуки с вещами принять на хранение в находящийся в вашем заведывании Музей». ¹¹

Вероятно, что архивные материалы, оставшиеся у Чеботаревской, и составили основной корпус личного фонда Вяч. Иванова в Пушкинском Доме (видимо, были сданы О. Черносвитовой вместе с архивами Сологуба и Чеботаревских в конце 1920-х годов). Дополнительным аргументом в пользу этого предположения является наличие массы списков стихотворений Иванова рукой Чеботаревской, записи ее рукой, свидетельствующие о работе над бумагами архива (например, попытки сортировки), и т. п.

2

Особый интерес вызывает наличие в архиве поэта прозаических записей замыслов стихотворных произведений. Характерной особенностью творческого процесса Иванова было стремление фиксировать все этапы его (от замысла до конечного результата) на бумаге. В Пушкинском Доме сохранились такие «творческие задания»: «Написать сонет о том, как художник быстро и легко касается... обращение к Пушкину —

Валам, бегущим
бурной чередою

Написать стихотворение о молитвенном настроении, овладевающем душою в разрушенных храмах, и о том, что в разрушенных и покинутых храмах приятнее молиться и что падшие боги — — храм разрушенный — все храм, кумир поверженный — все бог». ¹²

Известна аналогичная запись в дневнике Иванова от 21 апреля 1902 г.: «Итак, в лирической форме, в ряде сонетов сказать то, что я знаю (не тем знанием, которое может быть выражено в прозе) о неумирающем Рае, о Мире и Девстве (<...>» (II, 771). Прозой Иванов часто записывал тексты

---

¹¹ ИРЛИ, ф. 289 (дополн. поступления). Машинопись. Такая практика формирования фондов Музея им. А. А. Бахрушина была распространена; в письме к А. Брянскому сам Бахрушин рассказывал о новых поступлениях в его музей: «...иногда перепадают целые собрания и архивы лиц, ушедших в другой мир или уехавших за границу» (письмо от 7 (?) июня 1925 г., см.: ГПБ, ф. 106, № 113, л. 11).

¹² ИРЛИ, ф. 607, № 203, л. 111 об. (Далее при ссылках на материалы этого фонда в тексте в скобках указываются только номер единицы хранения и лист.) Первый замысел, возможно, был воплощен в сонете «На миг!» (I, 608). Последние строки второго «задания» — цитата из стихотворения Лермонтова «Расстались мы, но твой портрет...».

стихотворений (сохранились такие записи стихотворений «Laeta», «Психея» (№ 203, л. 98, 23), «Возрождение»¹³ и др.), первоначальные варианты трагедий, например диалог Тантала и Бротеаса из трагедии «Тантал» (№ 203, л. 153—153 об.).

Кроме того, существуют совершенно особые записи замыслов произведений — когда прозаический текст уже включает в себя всю образность будущего стихотворения. Приведем запись замысла, воплощенного в стихотворении «Покорность»: «В остальном мы чужды. Ты живешь долее меня, и мой век, летучий и эфемерный, как гонимый осенним ветром листок, ты, конечно, переживешь. Зачем же я люблю тебя мгновенной любовью? Зачем ты приветствуешь меня участливым взором? Так мы проходим, уединенные, как ты, дети творения, друг мимо друга, готовые любить и <не> успевая любить. Только что мы любили, встреча кончается, мы простираем руки во след уходящих теней, и любовь наша охладевает в одиночестве, лишенная <?> пищи. И тогда любим, не можем любить вполне, не можем достигнуть предмета любимого, как бы близко он ни был, и утолить любви не можем. И потому наше краткое счастье омрачается грустью неудовлетворенности, но и оно не долго, и оно проходит, и наступает разлука. Любовь не утоляет, но обращается в отраву, мучительно разрушающую сердце. Покорность, покорность!» (№ 203, л. 100—100 об.).

Ср. аналогичную образность в тексте стихотворения:

Зоны долгие, светило, ты плывешь;
Ты мой летучий век, как день, переживешь;
.....

Как осенью листья, сменяясь без конца,
Несутся смертные дыханием Отца;
Простертые, на миг соединяют руки, —
И вновь гонимы в даль забывчивой разлуки...

(I, 523—524)

Подобные записи замыслов (планы) важны не только как свидетельства особенностей творческого процесса Иванова, но и как материалы, позволяющие установить историю того или иного произведения. Известно, что «Повесть о Светомире Царевиче», ставшая художественным завещанием поэта, была начата, по свидетельству О. Дешарт, в 1928 г. (I, 221—223). Однако запись замысла, сохранившаяся в Пушкинском Доме, позволяет отодвинуть время возникновения его в гораздо более ранний период жизни поэта. Соб-

¹³ ГБЛ, ф. 109, карт. 4, № 70, л. 2.

ственно записи предшествуют, видимо, два проекта обложки: «Комедия о славных мужех Владаре и Боривое и Владаревом сыне Светомире. 2 Мая/20 Апр. <18>94» и Комедия о великих мужах Владаре и Боривое и о сыне Володаревом Светомире. 2 мая/21 Апр. <18>94». Далее зафиксирован план задуманного произведения: «Из тесной ограды монастыря герой, после долгого сидения, выходит на волю (*Калики переходящие*), выдерживает искус в мире духов (*ночь на Ивана Купалу*), является к царю, встречается там своего brutального двойника, соперничает с ним и вырывает у него влияние на царя, совершает государственные дела, губит (сделавшись орудием в руках двойника) некоторую возлюбленную и ее замок и землю, освобождает народ, борется с народными мятежами и наконец утрачивает власть, которая переходит к двойнику, воцарившемуся над страной при помощи хитрых козней и народн<ой> воли. — Святогор. — Во второй части поэмы герой блуждает в области высших идеалов человечества, возвращается на родину, ведет борьбу с двойником, который имеет за себя народ. Исход борьбы??

Последние сцены — загробный мир. Синтез средневековых западных и восточных представлений.

Народ убивает царя — освободитель. 29/17 Апр. <18>94».

Все эти материалы имеют обложку с пометой «Faustus» и проставленной датировкой: «Пасха 1894 г., Рим» (№ 203, л. 115—118). Сразу отметим, что замыслы «русского Фауста» волновали Иванова на рубеже 1880—1890-х годов; сохранилась запись сцены из драмы «Фауст. Русский вариант общечеловеческой легенды». ¹⁴

Замысел «Светомира» подспудно существовал у Иванова все 1900-е годы. Подруга Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, бесменная домоправительница Ивановых М. М. Замятнина, записывала в дневнике: «Сейчас Вяч<еслав> нет, нет да и подойдет к „Богатырям“ (репродукция картины Васнецова „Три богатыря“. — Г. О.), и все в нем бродит и пенится его „Володарь“ со „Светомиром“. Сегодня в детском уютном местечке он еще набрасывал некоторые черточки будущего содержания. Интересная будет драма-поэма в народном духе и для народа, для широкого распространения доступная». Следующая запись позволяет дополнить сюжет будущего произведения: «Затем Вячеслав говорил о „Володаре“. Ключ к нему — он „Всечеловек“ ¹⁵ и он должен кончить тра-

¹⁴ См.: «Русский Фауст». Публ. М. Вахтеля//Минувшее. Париж, 1991. № 12. С. 265—273.

¹⁵ Аллюзия на мысль Ф. М. Достоевского о назначении русского человека стать «всечеловеком» (*Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.*: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 147).

гической смертью, вытекающею отсюда с необходимостью». ¹⁶

Материалы Пушкинского Дома позволяют отметить еще одну веху бытования этого замысла. Стихотворение «Озимь» (II, 251) в черновике имело несколько вариантов третьей строфы (в черновике — второй):

Что не уснет, то не воспрянет:
Весна блеснет, и сев проглянет <?>

Далее зачеркнуты строки:

Не все затынет мутный вир <?>
И в мире встанет Светомир.
Что в солнце канет, втянет [вир]
Но встанет в мире Светомир

Окончательный вариант:

Что канет в глубь, затынет вир
Жди: в мире встанет Светомир.

(№ 118, л. 25)

Кроме приведенных, в архиве Иванова сохранился ряд незаконченных замыслов, не воплотившихся в окончательные тексты. К их числу следует отнести замысел трагедии под условным названием «Матери», явно соотносимый с Великими Матерями из «Фауста» Гете. В архиве Пушкинского Дома находятся два отрывка этого замысла, по-разному варьирующие сюжет с «покрывалом Изида»: дерзость героя, посмевшего поднять покрывало (№ 203, л. 62 об. и след.) и последующий суд Матерей (Изида, Каменная Мать, Водная Мать и др.) над ним (№ 118, л. 106—163 об.).

3

Другую важную группу материалов составляют документы, освещающие подготовительные этапы составления стихотворных сборников Иванова. Здесь следует указать в первую очередь на предисловие к сборнику «Кормчие звезды». Известны три варианта этого текста, два из них хранятся в Пушкинском Доме. Первый представляет собой, видимо, ранний, более пространный вариант (№ 202, л. 7—8). Второй текст с незначительными разночтениями соответствует тому, который Иванов включил в сборник (он сохра-

---

¹⁶ См. недатированную запись 1902 г. и запись от 17/30 июня того же года: ГБЛ, ф. 109, карт. 43, № 6, л. 31 и 41 об.

нился в макете книги¹⁷), но потом выбросил: «Поэтическая жатва долгого и замедленного ряда „годов учения и странствий“¹⁸ необходимо являет противоречия формы и увлечения, и самый строгий выбор не может превратить собранного в единое. Но постоянство созерцания верховных направляющих начал есть также единство, и оно-то дало собранию его общее наименование, которое благословил тот, чьей памяти благоговейно посвящена была эта книга, если бы иной, священнейший долг не обратил ее в *ex-voto*¹⁹ почившей матери стихотворца, — столь рано ушедший от нас в предел своего желанья великий и возлюбленный муж, труженик работы

Господней,²⁰ мистагог благий — «μισταγωγὸς τοῦ βίου ἀγαθοῦ»²¹ в логосе и символе своего чаяния и возгорания, предтеча и учитель обращающихся к поэзии и духа поколений. Кармил. Май 1901» (№ 203, л. 23).²²

Ряд материалов позволяет судить о первоначальном составе сборника «Кормчие звезды». Один из этапов составления его отражен на отдельном листе под заглавием «К организации Сборника»:

«Стихотворения разбить на небольшие разделы, означаемые римскими цифрами. Так, один раздел займет Герма (?), один Laeta, один Disticha, один Парижские Эпиграмы, один Новая Весна и т. д. Флорентийские стихотворения (Сумерки, Вечерние Мечты, Зимние Дионисии, В челне по морю <нрзб.>), Лунные Розы) могут составить особый отдел.

Особый отдел должны составить следующие пьесы: Возвышение. Падение. Вожатый, Освобождение. Сомнение. Пророк (Беглец). Ночь в Пустыне».

На том же листе продолжено:

«Особый отдел имеют образовать стихотворения: Кумы, Пестум, Амфион; особый: Фантазия, Молитва Капила,

¹⁷ ГБЛ, ф. 109, карт. 2, № 9, л. 4.

¹⁸ Обыгрываются заглавия романов Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» и «Годы странствий Вильгельма Мейстера».

¹⁹ приношение, дар (лат.).

²⁰ Аллюзия на предсмертные слова В. С. Соловьева, приведенные в некрологе С. Н. Трубецкого: «Трудна работа Господня» (Вестник Европы. 1900. Кн. 9. С. 420). Эти слова стали для Иванова ключевыми к образу философа, см. его статью «Религиозное дело Владимира Соловьева» (III, 296), эпиграф к стихотворению «Стих о Святой Горе» (I, 557). Об отношениях Иванова и Соловьева см. «Автобиографическое письмо» Иванова (II, 20—21), «Введение» О. Дешарт (I, 38—41), а также статью Н. К. Котрелева «К истории „Кормчих звезд“» (Русская мысль, 1989. 15 сентября. № 3793. С. 11).

²¹ жизни мистагог прекрасной (греч.).

²² Сохранился также иной вариант конца предисловия, см.: № 118, л. 27.

Сафо, Орфей, Арион (?), Мистерии поэта. После этих лир<ических> стихотв<орений> антич<ные> формы должны следовать: Disticha, после них Париж<ские> Эпигр<аммы>, затем Laeta, после Laeta Новая Весна, потом Сонеты, потом Подражание Платону, потом Поэмы.

Начать с од (Муза. Прибой. Аскет. Песнь детей Каина. Музыка).

Потом более легкая лирика в нескольких отделах. После Ночи в Пустыне — напр<имер>, Флорентийс<кие> стихот<ворения>).

Наблюдать Abweckselung,²³ гармония звуков и вкус в чередовании групп.

В особый отдел могут быть соединены: Посвящение Чайке.²⁴ На Рейне. Из Англии.

Отдельно группируются (после предыдущ<их> отде<лов>): Портрет. Русский ум. На смерть герм<анского> историка.

После этой группы Возвышение, Падение и т. д.».

Здесь же находится третий вариант плана:

«— Оды.

— Ясно сегодня — <нрзб.>.

— Посвящ<ение> Чайке. На Рейне. Из Анг<лии>.

— Портрет. Русский ум. На смерть герман<ского> историка.

— Возвышение. Падение. Вожатый, Освобождение. Сомнение. Беглец. Ночь в Пустыне.

— Лирика.

— Флорентий<ские> стихотворе<ния>.

— Антич<ные> стих<отворения>.

— Антич<ные> стих<отворения> по форме.

— Disticha.

— Париж<ские> эпигр<аммы>.

— Laeta.

— Новая Весна.

— Сонеты.

— Подраж<ание> Платону.

— Герма» (№ 203, л. 99—99 об.).

Известно, что окончательный вид разделов «Кормчих звезд» далеко не такой: каждый раздел имеет свое название, а перечисленные стихи входят в разные отделы.

В письме к Брюсову от 14 февраля 1911 г. Иванов писал о «Кормчих звездах»: «Доныне утверждаю, что книга сплошь

---

²³ Разнообразие, чередование (нем.).

²⁴ Поэма «Чайка» (1887), не вошедшая в «Кормчие звезды», существует в нескольких черновых и беловых вариантах, один из которых хранится в ИРЛИ (№ 72).

музыкально продумана».²⁵ В свете этого особый интерес приобретает анализ тех притяжений и отталкиваний внутри циклов и между циклами, которые, очевидно, и представляют структурный компонент этой «продуманности». Наиболее полно в материалах Пушкинского Дома представлен раздел «Парижские эпиграммы». Мы можем установить ряд этапов работы Иванова как над составом раздела, так и над конкретными стихами. Сохранился лист со списком прозаических замыслов эпиграмм. Некоторые из этих замыслов реализовались в законченные стихотворения. Например, «Вандомская колонна. Четверостишие — гимн славе» (№ 118, л. 166 об.) — замысел стихотворения «Вандомская колонна» (I, 626). Сохранились замыслы стихотворений «Бульвар», «Париж с высоты». Ряд замыслов не нашел известного нам стихотворного воплощения, например: «Революции — эпохи творческие. Но когда они прошли, в душе поколений остается надлом. Гнев прошел, как и прежняя вера, — остается холодное повиновение официально признанным нормам. Образуются характеры филистеров, и наступает эпоха реакции» (№ 118, л. 166).

Следующим этапом на пути к окончательному тексту «Парижских эпиграмм» были стихи, записанные гекзаметрами и пентаметрами. На примере стихотворения «Пантеон» можно проследить все перечисленные стадии превращения замысла в окончательный текст. Замысел его записан первоначально следующим образом: «Защита изгнанных богов» (№ 118, л. 166). Следующий вариант:

Парижский Пантеон

Всем богам вы построили дом: был жив лишь Единый.
Он вселился, но вы трижды изгнали его.²⁶

(№ 118, л. 165)

Приведем окончательный печатный вариант:

Пантеон

Всем богам вы храм создали,
Был один живущий Бог:
Трижды вшедшего в чертог
Трижды вы его изгнали.

(I, 627)

В подобной записи сохранились практически все «Парижские эпиграммы». Интересно, что среди них находится стихо-

²⁵ Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 553.

²⁶ 1-я строка двустопная является или испорченным гекзаметром, или дактилоэпитрическим размером Пиндара, 2-я строка — чистый пентаметр.

творение, вошедшее в окончательном тексте в раздел «Дистихи»:

Белые стихи

Как прекрасное тело без риз златотканых прекрасней:
Полный гармоний без рифм, стих обнаженный милей.

(№ 118, л. 165)

В опубликованном варианте оно заключено в ту же форму:

*Veste Detracta*²⁷

Грации, вами клянусь: милей красота без одежды!
Полный гармоний без рифм стих обнаженный милей!

(I, 635)

Можно предположить, что первоначально разделы «Дистихи» и «Парижские эпиграммы» представляли собой единое целое, из которого выделились стихи последнего раздела в новой форме. Об этом свидетельствует также наличие рядом, на тех же листах, черновиков окончательных текстов: стихотворение «*Odiōsa*», которое в опубликованном виде называется «*A Toutes Le Gloires de la France*»²⁸ (I, 629), представлено записью гекзаметром и — на обороте — началом черновика опубликованного текста. Остается отметить, что шесть стихотворений в гекзаметрах остались неопубликованными:

Веры

Гордый Германца дух затаенно протввится вере;
Пылкий Романец таит жажду небесных чудес.
Слепо несут одного к Бесконечному крылья гармоний;
Верит очами другой, ноги лобзя Мадонн.²⁹

(№ 118, л. 165)

*Palma nobilis*³⁰

Жажда похвал окрыляет сей труд неистомный народа.
Ходят, кичась пред толпой, дети в зеленом венке.
Пусть под негреческим небом бедней олимпийская пальма,
Ах, она вовсе чужда гиперборейским снегам!³¹

(№ 118, л. 165)

Венера Милосская

Галльских муз роскошный чертог — тебе злая неволя!
Пленница гордая ты. Варвары мы пред тобой.

²⁷ Белые стихи (лат.).

²⁸ Всем славам Франции (франц.).

²⁹ Другой вариант этого стихотворения с правкой см.: № 187, л. 2.

³⁰ Благородная пальма (лат.). Видимо, имеются в виду празднества на открытии Олимпийских игр 1892 г.

³¹ Под заглавием «Честолюбие» автограф с разночтениями см.: № 187, л. 2.

Literatur française

«Как изменилися вы! здоровы ль родители ваши:
Чтимый monsieur Bon-Gout³² и madam Raison?»³³
«Право, не знаю: давно стариков я не видела. Кстати:
Замужем вновь я» — «Ваш муж...» — «Naturalisme!» —
«Я слышал!
Имя, не правда ль, из новых?» — «Ах, он древнейшего рода:
Знатной старухи Natur сын незаконный — мой муж».
«Тысячи благожеланий! И пусть здоровой семьею
Вас одарит Гименей...» — «Поздно... я развожусь».

*Le style (c'est l'homme)*³⁴

Новое — творческий хаос: вот темный стиль твой, Германец.
Старое — космос: таков, Галл, твой устроенный стиль.

Самобытность

Гений чуждых племен здесь молчит. Подражая чужому,
Галл оскорбляет его и... дурачит себя.

(№ 187, л. 1 об. — 2)

Кроме материалов к «Кормчим звездам» в архиве поэта находятся документы, группирующиеся вокруг третьего сборника стихов Иванова «Эрос». Это в первую очередь многочисленные черновики стихотворений, большинство которых с датами написания. Прямое назначение этих материалов — послужить базисом для научно подготовленного собрания сочинений Иванова. Здесь мы приведем два неопубликованных стихотворения, созданных в пору написания «Эроса».

Сфинксу

О, как зазывчиво и сладко,
Приемля Девы нежный вид,
Твоя «красивая загадка»,
Мой Сфинкс, Эдипу предстоит.

Загадку Девы разрешая,
Я пояс Девы развязал...
Но, вновь о тайне вопрошая,
Ты, измененный, мне предстал

Под той же маской непонятной,
Как сокровенная Жена...
И вновь душа еще невятной
Разгадкой томной смущена...³⁵

(№ 225, л. 18)

³² мосье Хороший вкус (*франц.*).

³³ мадам Разум (*франц.*).

³⁴ Стиль (это человек) (*франц.*). Знаменитое изречение Бюффона.

³⁵ Под текстом дата: «11. IX <19>06». Подпись: «Эдип» (мотив «Эдипа» присутствует в сборнике «Эрос», ср. стихотворение «Мать» — II, 377).

В тусклом замке совершалась
Лабиринтных высей тайна.
Город темный стлался низом.
Люди спали в темных домах.
В небе ночь светло синела.

Дивной близостью пронизан,
Я бродил в пустых хороммах.
Тишина необычайно
Душной силой насыщалась,
Синей дрожью пламенела.³⁶

(№ 13)

В архиве поэта сохранились также подготовительные материалы к изданию «Изборника». Известно, что в 1918 г. издательство Сабашниковых проектировало серию избранных самими писателями сборников их стихотворений. Сохранились договоры с Буниным, Сологубом; изборник Блока был подготовлен к печати. Договор с Ивановым был подписан 4 мая 1918 г.³⁷ Кроме сохранившейся в Пушкинском Доме копии договора (№ 206), к материалам этого невышедшего издания относится подробный план сборника с росписью названий стихотворений по книгам стихов и с подсчетами строк. «Изборник Вячеславов» (такое название имеет он в рукописи) должен был состоять из 16 разделов: Оды и Гимны; Дифирамбы; Античные баллады; Дифирамбические действия; Песни; Элегии; Лирические мгновения; Эрос, оды, песни, элегии; Сонеты; В старофранцузском строе; «Любовь и Смерть»: канцоны и сонеты; Баллады; Духовные стихи; Газелы; Антология; Послания.³⁸ Изборник должен был базироваться на всех вышедших из печати сборниках стихов поэта. Задаче объемного представления всего стихотворного творчества Иванова подчинено и деление на разделы. Нетрудно заметить, что это деление чаще основывается на жанровом принципе либо разделы получают названия в соответствии с названиями отделов в печатных сборниках («Эрос», «Любовь и Смерть», «В старофранцузском строе»). Разделы «Оды и гимны» и «Эрос» совмещают эти два принципа.

Определение Ивановым жанровой принадлежности собственных произведений заслуживает, на наш взгляд, пристального внимания. В черновых и подготовительных мате-

---

³⁶ Проставленная дата: «8 окт<ября> <1906?>». На обороте листа написано и зачеркнуто слово «Эрос».

³⁷ См.: *Котрелев Н. В.* Александр Блок в работе над томом избранных стихотворений («Изборник», 1918)//*Блок А. А.* Изборник. М., 1989. С. 192.

³⁸ ИРЛИ, ф. 289 (дополн. поступления). План «Изборника» карандашом сохранился также в ГПБ (ф. 304, № 47, л. 1, 2).

риалах к «Изборнику» остались росписи стихов, должествующих войти в него, по сборникам. Например, для сборника «Прозрачность» указывается:

«Прозрачность	ода
Небо живет	песня
Душа Сумерек	ода
Fio, ergo pop sum ³⁹	ода
Слоки	ода» и т. д.

Важно отметить, что жанровая принадлежность того или иного текста не основывается на его структурных признаках — все перечисленные стихотворения написаны разными размерами и строфами. С другой стороны, тексты, заключенные в твердые стиховые формы, — сонеты, газели, дистихи — выделены в особые разделы. Думается, что жанровые определения обусловлены функциональной спецификой, приписываемой Ивановым тому или иному тексту (например, одами в большинстве случаев называются стихи, несущие идеологическую нагрузку).

4

Философско-эстетическое творчество Вяч. Иванова в архиве Пушкинского Дома представлено весьма обширно. Это черновые, беловые и наборные тексты статей и выступлений всех периодов творческой биографии поэта. Большая часть их опубликована, однако есть материалы, нуждающиеся во введении в научный оборот.

Среди последних — несколько листов, являющихся отрывками черновых вариантов выступления Вяч. Иванова в Религиозно-философском обществе с чтением и комментарием своей поэмы «Человек» (№ 120, 203, л. 6—9). Выступление Иванова «о существе и назначении, отпадении и божественном восстановлении человека»,⁴⁰ состоявшееся 30 марта 1916 г.,⁴¹ вызвало полемику, выплеснувшуюся на страницы прессы. Оппонент Иванова Н. Устрялов обвинял его в «преобладании рассудка над непосредственным чувством», выступая против венка сонетов как подходящей формы для рели-

³⁹ Я становлюсь, значит не существую (*лат.*).

⁴⁰ Полный текст (с разночтениями) см.: ГБЛ, ф. 109, карт. 3, № 33, л. 1). См. также ст.: *Шишкин А. Б.* К истории поэмы «Человек» Вяч. Иванова // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* 1992. Т. 51. № 2. С. 47—59.

⁴¹ Печатная программа Религиозно-философского общества им. В. С. Соловьева хранится в ГБЛ (ф. 746, карт. 38, № 56, л. 18). Указано А. Л. Соболевым.

гиозного откровения.⁴² В напечатанной в той же газете заметке Иванова «О „мысли изреченной“». Ответ г. Н. Устрялову» (наборная рукопись ее также хранится в Пушкинском Доме — № 173) поэт защищал свободу художника.⁴³

В Пушкинском Доме хранится также ряд неосуществленных замыслов статей, отрывочные заметки и т. п. Приведем здесь один из этих текстов:

«О свободе воли.»

Русла готовы. Ткань событий соткана необходимостью, но эти русла должны быть наполнены текучей водой. Потоками <?> должна разлиться, как электричество, живая жизнь. Человек выбирает свободно готовые различные формы. Адам, поволлив согласно словам Змия, должен был потечь руслом, дотоле <?> уготованном в возможности <?> истории человечества. Если бы он поволлил иначе, жизнь его наполнила бы собою иное русло, также готовое в возможном. — Человеку остается не *что* действия, а его *как*. Те же действия он может совершить различно *по качеству* волеия. Это *качество* при нем, оно свободно, тогда как действие предопределено. Предопределено действие, предузнано качество. *Как* не может изменить *что*; но каждое *что* гармонирует с каждым <?> *как*.

Акт свободной воли в человечестве известен: это — выбор всечеловеком пути, решений — Адамом. В этом выборе замкнута вся свобода человеческого *что*. Змий ратовал выбору Адама в предложенной альтернативе: послушание или слушание. Но радоваться было нечего. Свою альтернативу Адам наполнил другим содержанием, чем какого хотел Змий. Он выбрал слушание, но в силу иных мотивов, и в иных целях, в ином смысле, чем думал Змий. Да, слушание, но не Змиево. Это слушание должно было проявиться в послушании как Адама, <так> и его детей» (№ 197, л. 2—2 об.).

Думается, что приведенный текст затрагивает одну из важнейших для Иванова мировоззренческих констант: проблему возможного и реального. Не пытаюсь охватить здесь всю проблему (например, ее роль в поэтической сюжетике сборника «Эрос»), отметим важность ее, скажем, для такого

---

⁴² Устрялов Н. О форме и содержании религиозной мысли. (По поводу последнего доклада Вяч. Иванова в Религиозно-философском обществе.) // Утро России. 1916. 16 апреля. № 106. С. 5.

⁴³ Поэму «Человек» Иванов хотел издать в 1919 г. Однако это ему не удалось: «Комиссар печати, агитации и пропаганды Союза коммун. Сев. области не нашел возможным разрешить печатание по старой орфографии лирической трилогии „Человек“ и „Сборника стихов“ В. Иванову» (№ 208, справка в Наркомпрос от 14 февраля 1919 г.).

текста, как поэма «Миры возможного» (1891). Другой аспект этой проблемы — диалектика предопределенности и свободы, одна из важнейших тем поэзии Иванова — от поэмы «Сон Меланпа» (1907) до лаконичной формулы «судеб и воли договор» в стихотворении «Дикий колос» (III, 546).

Среди сохранившихся планов статей следует отметить план статьи «Дикие колосья»:

«„Ты еси“, как гносеологический принцип.⁴⁴

„Я“ — грядущее. (Спасение личности. Антихристово „мы“).

О смерти и любви.

О религии из полноты.

Иерархизм в этике.

Земля и мир.⁴⁵

Ecclesia non habet corpus nisi in mysteria.⁴⁶

„Смерть“ — тема православия, „жизнь“ — тема католичества.

Что такое христианский индивидуализм?

Гармония и ее искушение.

Σύμβολον αντιλεγόμενον.⁴⁷

Ἐπὶ τὰ μυστήρια καὶ παραλόγια <?>.⁴⁸

Дионисийство в христианском сознании.

Прежде чем признать Бога и помыслить имя Его, примирись с людьми.

Реальное всеприсутствие Христа. Христос среди грешных. Христос — абсолютный человек; Его тайна — тайна человека.

Эфирное тело.

Уничтожить всякое „что“.

Лучше неверие, чем вера; ибо оно основано на добродетелях.

Молись, если ты веруешь; и молись, если не веруешь. И если ты не в силах сказать Аллилуйя, ты еще можешь сказать Аминь. Внутренний круг христианской морали и ее рефлексы» (№ 197, л. 3—3 об.).

Так и не увидевшая свет статья «Дикие колосья» писалась зимой — весной 1912 г. В письме от 30 января 1912 г. А. Белый сообщал Э. Метнеру из Петербурга об Иванове:

⁴⁴ Развитие этой темы см. в статье «Религиозное дело Владимира Соловьева» (III, 304).

⁴⁵ О различении «земли» и «мира» см. в публикуемом в настоящем издании доклада Вяч. Иванова «О евангельском смысле слова „земля“».

⁴⁶ Церковь не имеет тела, иначе как в таинстве (лат.).

⁴⁷ Цитата из Евангелия, слова Симеона Богоприимца (Лука, 2, 34). Канонический перевод: «Предмет пререканий» (греч.). Цитируется Ивановым в статье «Две стихии в современном символизме» (1909).

⁴⁸ Семь таинств и т. д. <?> (греч.). Имеются в виду семь таинств православной церкви.

«. . . для нас он начал статью „*Степные колосья*“, отрывки из которой читал: эти отрывки — *лучшее из всего, что я знаю: лучше его предыдущих статей*». ⁴⁹ 8 или 9 марта того же года он сообщал Блоку: «Предполагаемое содержание третьего, осеннего, номера (. . .) 2) В. Иванов „*Дикие колосья*“ (дописываются)». ⁵⁰ Статья предполагалась для третьего номера «Трудов и дней». Из приведенного плана видно, что статья наряду с развитием традиционных для Иванова тем («религия из полноты», комплекс идей вокруг формулы «ты еси» и т. д.) впервые ставила проблему православия и католичества, осмысления личности Христа в духе характерных для Иванова 1910-х годов размышлений о сущности человеческого.

Из сравнительно поздних неопубликованных текстов Иванова приводим предисловие, относящееся, по всей вероятности, к какому-либо публичному выступлению писателя: ⁵¹

«Революц(ионные) эпохи суть эпохи наименьшего творческого действия и наиболее стремительного *становления*. Возможно ли творчество форм, когда металл расплавлен? Возможно ли действие во время родов? Мы чувствуем, что *жизнь нас творит*, а не мы творим жизнь. Отсюда ощущение рока.

Молчание! Рок нам из мрака зовущую руку простер,
И в трепете все же схватили мы руку вожатую,
Темный, влечет он тропой непочатою
Жертву в костер.

Единственный возможный самовольный жест — схватить руку, протянутую из мрака. Это не творчество, а жертва. Для духа возможны только гадания по звездам, *внушения Музы Урании*:

Ты, звездочетов начальница,
Сроки судьбы
В зимних созвездьях читаешь, Урания,
Числишь в них убытки, прибыли ранние,
Долгую полночь и солнцеворот
Феникса-птицы из пепла возлет. ⁵²

---

⁴⁹ Литературное наследство. М., 1982. Т. 92, кн. 3. Александр Блок. Новые материалы и исследования. С. 390.

⁵⁰ Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М.; Л., 1940. С. 287.

⁵¹ Возможно, к лекции Вяч. Иванова «Всенародное искусство», прочитанной в мае 1918 г. в Доме свободного искусства (см. объявление о ней: Раннее утро. 1918. 10/23 мая. № 92. С. 4). Печатная программа лекции с проставленной датой 6/19 мая хранится в ЦГАЛИ (ф. 2398, оп. 1, № 288, л. 5) и в целом совпадает с приводимым текстом.

⁵² Цитаты из стихотворения «Зарева» (1903) (I, 250—251).

Да еще надежда!

Огнем крестися, Русь! В огне перегори
И свой Алмаз спаси из черного горнила!
В руке твоих вождей сокрушены кормила, —
И, в небо кормчие, ведут тебя цари.⁵³

Под гул землетрясений должны мы услышать в сердце великую тишину.⁵⁴

Как осенью ненастной тлеет
Святая озимь, — тайно дух
Над черною могилой реет,
И только душ легчайший слух
Незадрожавший трепет ловит
Меж косных глыб, — как Русь моя
Немотной смерти прекословит
Глухим зачатьем бытия.⁵⁵

В такие эпохи всеобщего расплава или распада — уповаем, животворного — важны особенно наши мысли. Каждая мысль, каждое волеустремление — акт, действие. Поверхность жизни пластична — на ней отпечатлевается весь состав нашего духовно-душевного бытия. Действие — детерминистично по-преимуществу; тайнодействие — наиболее свободно.

Этим строем сознания обуславливается характер беседы. В ней не будет призыва к непосредственному вещественному действию, не будет указаний на возможность пути такового. Как роженица лелеет светлый образ должного и чаемого. Я был бы удовлетворен, если бы представил перед вами осязательный, светлый, вожделенный идеал всенарод(ного) искусства, чтобы не было в наших стремлениях *подмены* (это страшнейшая опасность таких эпох). Право желать и, чтобы право желать, сердце чистое в себе созидать — вот все, что нужно. Остальное приложится.

Мы в иллюзии *tabulae gasae*, будто все, чего захотим, можем и исполнить. Мы ничего не можем сотворить от себя, особенно же в сфере духа. Исполнят все силы (?), ведущие строгий учет нашим вожделениям. Они низвергают самодержцев и могут осуществить «тишайшие слова».⁵⁶

---

⁵³ Цитата из стихотворения «Цусима» (1905) (I, 253).

⁵⁴ Здесь заканчивается первый лист текста, находящийся в фонде Вяч. Иванова (№ 203, л: 57).

⁵⁵ Цитата из стихотворения «Озимь» (1904) (I, 251).

⁵⁶ Аллюзия на мысль Ф. Ницше, см.: «Самые тихие слова суть именно те, которые вызывают бурю» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Пер. Ю. М. Антоновского. СПб., 1900. С. 281).

Перед нами даль новой жизни. Но что за жизнь без красоты, след(овательно) без красного художества? Мы им богаты, но пользуются им немногие. *Искусство не должно быть для немногих.* Отсюда стремление к демократизации искусства. Простейшее ее применение (<?) — забота об общедоступности искусства. Эта тенденция относится к мысли о всенарод(ном) искусстве, как благотворительность к социализму. Курица Генриха.⁵⁷

IV. Желательность распростра(нения) строгого, истинного искусства достижений. Опасность зараж(ения) ядами новейших исканий и утраты самобытных творч(еских) энергий народа.⁵⁸

Искусство демократическое, в смысле классовом, возможно лишь при самопреодолении классового сознания в творчестве, — но тогда оно уже не будет и классовым. Искусство едино, универсально; у него одна задача: Человек. Оно не знает исторического оппортунизма, гетерономности, не любит ни утончаться, ни опрощаться помимо своего стилевого закона. Искусство *далее* жизни, если не эстетич(еское) завершение ее, искусство требует нового узрения достижений ли или задания, объект его узрения всегда весь мир.

Желательно привлечение творч(еских) сил от народа, их гибель — одно из величайших преступлений старого строя, но им нечего продолжать у обособив(шихся?), они должны внести свое новое.

Предмет лекции — всенародное искусство, не в пассивном, рецептивном смысле, но в творческом, не искусство *для* народа, но искусство *всего* народа, не искусство, обращенное к народу, но *народом* к *миру*, искусство народа-художника, искусство, в котором участвуют *все* и при этом не выделяются из народа, остаются народом.

Мыслимо ли, однако, такое искусство (<?)

Изложение статьи „Копье Афины“ (1904)».

Далее — запись карандашом: «Оговорка: интимное искусство делается демотическим, келейное — через строго демотическ(ое) — всенародным (Дант). Реализм всенарод(ного) иск(усства) и идеализм интим(ного). Три эпоса: Гомер, Виргилий, Тасс».⁵⁹

---

⁵⁷ Король Генрих IV обещал каждому французу курицу к обеду.

⁵⁸ Здесь заканчиваются второй и третий листы (того же формата, что и лист первый), находящиеся в составе фонда Ф. Сологуба, куда попали, видимо, из бумаг Ал. Н. Чеботаревской (ИРЛИ, ф. 289, дополн. поступления).

⁵⁹ Конец четвертого листа текста в фонде Вяч. Иванова (№ 203, л. 3).

На отдельном листе записан подробный план выступления:

«Поток (?) новой жизни и попытки или надежды ее строительства. „Искусство не должно быть для немногих“. Все должны воспринимать — и творить. Что воспринимать? Что творить? Ужели как творят (?) немногие. „Демократизация искусства“. Разные значения этого лозунга. Искусство „общедоступное“. Искусство должно стать общедоступным, но это относится лишь к искусству *строгому*, выдержавшему испытание временем и преемством его высокой оценки, к искусству достижений, тогда как, напротив, современные художественные *искания* не должны вопреки своей природе (они принадлежат искусству *замкнутому*) иметь общенародное распространение. Опасность заглушения творческой самобытности народа. Искусство „демократическое“, в отличие от искусства верхних социальных слоев (как недавно еще говорили о „пролетарском“ классовом искусстве) — *nonsense*; здесь требуется напомнить, что искусство едино и подчинено одной (?) идее (?): Человек. Оно возможно лишь когда классовое сознание преодолевает себя. Оно не может ни прироваться и приспособляться, ни служить гетерономной цели, ни осложняться или утончаться, ни опрощаться помимо заложенного в нем закона (?). Искусство отчасти таково, какова сама жизнь, отчасти — в высших своих проявлениях — дальновиднее и пророчесвеннее, чем жизнь. И искусство всегда требует нового зрения, нового узрения: оно синтетично: оно не может быть предопределено идейн(ой) программ(ой). Предмет моей лекции — всенародное искусство не в смысле рецепции, а в смысле творчества, не искусство *для* всего народа, но искусство *всего* народа, не искусство, обращенное к народу, но искусство, обращенное народом к миру. Искусство, в котором народ не воспринимающий, а творящий: искусство народа-художника. Не то искусство, в котором участвуют многие *из* народа, но *все* и поскольку они остаются народом. Мыслимо ли такое искусство? Посмотрим, как оно осуществлялось некогда.

Из этого обзора будет явствовать, что хотя искусство *едино*, всегда независимо, самопроизвольно, по-новому зрителю (?), всегда, хотя и по-разному, уставно, но различны, однако (?), *типы* его, как различествует хоровое начало от индивидуального, соборное от уединенного».

Сбоку приписка карандашом: «По Зв(ездам) 44 сл.». ⁶⁰

---

⁶⁰ ИРЛИ, ф. 289 (дополн. поступления). Со стр. 44 сборника статей Иванова «По звездам» (СПб., 1909) начинается концептуальная часть статьи «Копье Афины» (1904), посвященная типологии искусств.

Очевидно, что текст написан после Октябрьской революции 1917 г. и находится в кругу идей Иванова первых годов Советской власти. В это время Иванов сосредоточен на разработке концепции всенародного действия,⁶¹ создания нового искусства,⁶² нового театра.⁶³ Он читает большое количество публичных лекций (в бюро художественных коммун, в студии «Красный петух» и др.), работает в Институте ритмического воспитания, ведет пушкинский семинарий, участвует в заседаниях Центротeatра и т. п. Иванову приходится, как заведующему Историко-театральной и Научно-теоретической секциями ТЕО Наркомпроса, принимать участие во многих мероприятиях, например выступать на съезде по внешкольному образованию в мае 1919 г.⁶⁴ и на съезде по рабоче-крестьянскому театру в ноябре 1919 г.⁶⁵ Среди материалов Пушкинского Дома сохранились различные служебные проекты, составленные Ивановым (№ 213). За составление «Записки о реорганизации Научно-теоретической и Историко-театральной секции Наркомпроса» (№ 218) и «Положения Историко-театральной секции при театральной секции Народного комиссариата по просвещению» (совместно с В. Э. Мейерхольдом) он попросил отдельный гонорар, в чем ему было отказано. «Ввиду того, что В. Ив(анов) состоит председателем Историч.-театр. и Теоретич. секции, то считаю эту работу по должности» — такова резолюция О. Д. Каменевой на прошении от 13(11?) февраля 1919 г. (№ 297). В архиве Пушкинского Дома имеется также стихотворение Иванова «О. Д. Каменевой», датированное 4 июля 1919 г. (№ 29).⁶⁶

---

⁶¹ В отчете о деятельности Театрального отдела Наркомпроса (ТЕО) (за 1919 г.) шла речь даже о книге под названием «О Всенародном Действе» (№ 219, л. 5), см.: План изданий Историко-теоретической секции// Вестник театра. 1919. № 47. С. 14.

⁶² См. предисловие Вяч. Иванова в кн.: *Роллан Р. Народный театр*. Пг.; М., 1919. С. VII—XIV.

⁶³ См.: *Иванов Вяч. К вопросу об организации творческих сил народного коллектива в области художественного действия*// Вестник театра. 1919. № 26 (автограф — № 147).

⁶⁴ См.: Вестник театра. 1919. № 27. С. 3.

⁶⁵ См.: 1-й Всероссийский съезд по рабоче-крестьянскому театру. 17—26 ноября 1919 года. М., 1920. С. 1—2. Иванов выступал на съезде трижды.

⁶⁶ Опубликовано по другому автографу Д. Мальмстадом в кн.: *Иванова Лидия. Воспоминания. Книга об отце*. Paris, 1990. С. 80—81. Вероятно, стихотворение написано по поводу ухода О. Д. Каменевой с поста председателя ТЕО в июле 1919 г.

В материалах поэта в Пушкинском Доме доля переписки невелика. Среди корреспондентов Вяч. Иванова упомянем С. М. Алянского 3 (1918—1919), К. Д. Бальмонта 1 (1906), Ф. Д. Батюшкова 1 (1911), А. Белого 1,⁶⁷ С. А. Венгерова 1 (1919), М. А. Волошина 6 (1907), С. М. Городецкого 1 (1910), И. Гюнтера 2 (1908), Ф. Ф. Зелинского 1 (1919), Н. Н. Киселева 1 (1914), В. Маккавейского 1 (1918), О. А. Мочалову 1 (1919), Н. К. Пиксанова 1 (1920), Н. Н. Пояркова 1, М. В. Сабашникова 1 (1913), С. Л. Франка 1 (1916), В. Ф. Ходасевича 3 (1919), а также различные учреждения и организации: издательство «Всемирная литература», издательство «Брокгауза и Ефрона», Институт «Живого Слова» и др.

Писем Вяч. Иванова сосредоточено в Пушкинском Доме также немного.⁶⁸ Следует упомянуть письма к Ал. Н. Чеботаревской,⁶⁹ три письма к Н. А. Котляревскому (1906, 1909, 1910),⁷⁰ письма к С. А. Венгеру.⁷¹ Имеются также письма Иванова к К. Сюннербергу (Эрбергу), прокомментированные самим Эрбергом. Кроме письма от 5/18 января 1913 г., излагающего затруднения с изданием книги стихов Эрберга в «Орах» (отсутствие денег), заслуживает упоминания телеграмма с приглашением Эрберга на лекцию Иванова на Высших женских курсах 14 апреля 1907 г.⁷²

⁶⁷ Частично опубликовано в кн.: *Лавров А. В.* Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома//Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 56.

⁶⁸ Некоторые из них опубликованы, см.: *Иванов Вячеслав.* Письма к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской. Публ. А. В. Лаврова//Ежегодник Рукописного отдела на 1974 год. Л., 1976. С. 136—150.

⁶⁹ ИРЛИ, ф. 189, № 93 (охватывают период с 1903 по 1921 г.; готовятся к печати).

⁷⁰ ИРЛИ, ф. 135, № 331.

⁷¹ См.: Переписка Вяч. Иванова с С. А. Венгеровым. Публикация О. А. Кузнецовой//Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 72—100.

⁷² ИРЛИ, ф. 474, № 144, л. 1. См.: *Эрберг Конст.* (Сюннерберг К. А.). Воспоминания. Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова//Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 128—134. Имеется в виду лекция под названием «Пути и цели современного искусства», легшая в основу статьи Иванова «О веселом ремесле и умном веселии» (вошла в сборник статей «По звездам», см.: III, 61—77). Лекция упоминается в статье Д. В. Философова «Дела домашние» (Товарищ. 1907. № 379. 23 сентября. С. 3); о ее роли в развернувшейся весной 1907 г. полемике о «мистическом анархизме» см. нашу статью «Неопубликованные материалы Вяч. Иванова по поводу полемики о „мистическом анархизме“» (Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 468).

В архиве хранится ряд разрозненных писем Иванова. Среди них письмо к А. Дмитриевскому от 10/22 апреля 1891 г. с подробными разъяснениями смысла поэмы «Мир возможного» (№ 242). Письмо к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от 23 января/5 февраля 1903 г. из Вилла-Жава в Петербург посвящено различным делам и событиям текущего момента, в частности упоминаются занятия у Ф. де Соссюра.⁷³ В письме к редактору «Журнала для всех» В. С. Миролюбову Иванов предлагает к напечатанию свои стихотворения: «Самый Ваш выбор будет для меня поучителен: ведь я, при всем желании быть общедоступным, зачастую не отдаю себе отчета в степени трудности или общеприемлемости своих писаний. „Журнал для всех“ может оказать мне в этом отношении существенную услугу — нужное мне научение. Посылаю неудачу стихотворения политические („Люцина“ и „Сивилла“ — 1 и 2) и просто лирические».⁷⁴ При письме к В. К. Ивановой-Шварсалон от 1 августа 1915 г. прилагается стихотворение «Madonna della neve».⁷⁵ Здесь же упомянут неизвестный замысел Иванова: «Только что <...> ушел Гнесин,⁷⁶ который скоро уезжает в Ростов-на-Дону. Зашел он опять поговорить о „Миндальном дереве“ — музыкальной драме, которую мы окончательно решили написать вместе и план которой вчерне разработали» (№ 239).

В письме к В. Княжину от 21 мая 1915 г. небезынтесным представляется свидетельство о редактировании Ивановым книги В. Эрн «Время славянофильствует» (СПб., 1915): «...корректурa была черна от поправок <...>».⁷⁷ В письме от 15 февраля 1917 г. Иванов просит С. Франка напечатать

---

⁷³ ИРЛИ, ф. 94, № 76. Письмо обозначено Ивановым под № 3; письма, пронумерованные соответственно как 2-е и 4-е, находятся в ГБЛ (ф. 109, карт. 10, № 2).

⁷⁴ ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 560. В «Ежемесячном журнале для всех» (1906. № 4. С. 194) появилось стихотворение Иванова «Все, чем жадно жило ты...»; под заглавием «Assai palpitasti» оно вошло в «Cor Ardens» (II, 232).

⁷⁵ Вошло в «Свет вечерний» в составе цикла «Ее дочери» (III, 521).

⁷⁶ Гнесин М. Ф. (1883—1957) — композитор, теоретик и практик музыкальной декламации, участвовал в собраниях на «башне» (см.: Гнесин М. Ф. Страницы из воспоминаний//Гнесин М. Ф. Статьи. Воспоминания. Материалы. М., 1961. С. 140, 149—150). В письме к Иванову от 27 февраля 1912 г. Гнесин писал: «...я в полном восторге от Ваших стихотворений в сборнике „Cor Ardens“. Написал уже музыку (хотя еще не отделал) к стихотворениям „Под березой“ и „Ad Lydiam“ и, вероятно, еще напишу ряд вещей на Ваши стихи» (ГБЛ, ф. 109, карт. 16, № 26, л. 1). Кроме упомянутых стихотворений, Гнесин написал музыку к циклу «Rosarium», к стихотворению «Мертвая царевна», к ряду стихотворений из сборника «Эрос», к некоторым переводам из Сафо.

⁷⁷ ИРЛИ, ф. 94, № 54.

в «Русской мысли» венки сонетов К. Бальмонта.⁷⁸ Одно из двух писем к П. Е. Щеголеву (недатированное, весна 1916 г.) дает дополнительный материал к участию Иванова в третейском суде между Ф. Сологубом и С. В. Познером по поводу второго издания сборника «Щит».⁷⁹

Два письма к А. Евлахову (от 7 июля и 23 августа 1923 г.) посвящены описаниям научно-педагогической деятельности Иванова в Баку с целью привлечь Евлахова на службу в Бакинский университет.⁸⁰ Лишним свидетельством хорошего отношения к Иванову может служить следующая выдержка из письма Иванова к Евлахову: «Монографий и исследований специальных печатать не полагается, хотя исключения бывают: к таковым принадлежит моя книга в 300 страниц „Дионис и прадионисийство“, обошедшаяся НКП(ро)су дорого».⁸¹

Письмо к М. А. Цявловскому от 24 мая 1925 г. посвящено вопросам публикации статьи Иванова «К проблеме звукообраза у Пушкина».⁸²

Ряд писем Вяч. Иванова, находящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, публикуются в настоящем издании.

---

⁷⁸ ИРЛИ, ф. 264, № 143. См.: *Бальмонт К. Он и Она. Венки сонетов*//Русская мысль. 1917. Кн. VII, VIII. С. 173—179.

⁷⁹ ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 886.

⁸⁰ Евлахов стал профессором Бакинского университета по рекомендации Иванова. См.: *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета//Ученые записки Тартуского гос. университета. 1968. Вып. 209. С. 329—330.

⁸¹ ИРЛИ, ф. 680, № 25, л. 4.

⁸² ИРЛИ. ф. 387. № 168.

С. А. Кибальник

**МАТЕРИАЛЫ К. К. ВАГИНОВА
В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА**

Константин Константинович Вагинов (1899—1934) — без всякого преувеличения один из выдающихся писателей в русской литературе советского периода. И в то же время это автор, почти неизвестный широкому читателю.

Основная причина этого состоит, разумеется, в ложности критериев, долгое время господствовавших у нас и сохраняющих свою силу и теперь. Тесно связанный со многими модернистскими течениями «серебряного века» и первых послереволюционных лет, усматривавший в Октябрьской революции прежде всего торжество восточного тоталитаризма и неспособный вследствие исторических потрясений 1920-х годов (коллективизация, преследование интеллигенции) к положительному восприятию новой, советской действительности, К. К. Вагинов, как и многие другие писатели такого плана, был надолго вычеркнут из истории русской литературы. При этом его творчество, расцвет которого пришелся на вторую половину 1920-х — начало 1930-х годов и, следовательно, на эпоху разгула «рапповской» критики, не могло получить заслуженной оценки и верного освещения в советской печати. Вот почему подлинное признание Вагинов имел лишь в узком литературном кругу. Так, например, его поэзию еще в начале и в середине творческого пути писателя высоко оценили Гумилев, Кузмин, Мандельштам, причем некоторые из их отзывов проникли в печать. Менее счастливая судьба постигла прозу Вагинова, печатавшуюся в 1928—1931 гг., однако именно в ней по-настоящему полно развернулся его талант.

В 1923 г. биография писателя под его собственным пером выглядела следующим образом: «Родился в Петербурге в 1899 г. Девяти лет поступил в гимназию Гуревича, которую

и кончил в начале Буржуазной революции. После окончания поступил в Университет, откуда и был взят в Красную армию, в которой пробыл до 1922 г. Начал писать в 1916 г. под влиянием „Цветов зла“ Бодлера. В детстве любил читать Овидия, Эдгара По и Гиббона. Печатаюсь <с> 1921 г. Состоял во всех петербургских поэтических организациях: Цех поэтов, Зв<учащая> раковина и др.».¹

Творческий путь Вагинова оборвался рано: в апреле 1934 г. он скончался от туберкулеза. В критике первой русской эмиграции о нем иногда вспоминали как о начинающем поэте, много обещавшем в начале 1920-х годов; зрелое же его творчество почти не было замечено.²

В свою очередь это связано с тем, что далеко не в полном объеме оно было представлено в печати. Неопубликованными при жизни писателя остались стихотворные циклы «Петербургские ночи» (1921—1922) и «Звукоподобие» (1930—1933), рассказ «Конец первой любви», роман «Гарпагониана». Изданные же в СССР три миниатюрных стихотворных сборника («Путешествие в хаос», 1921; «Стихотворения», 1926; «Опыты соединения слов посредством ритма», 1931) и три романа («Козлиная песнь», 1928; «Труды и дни Свистонова», 1929; «Бамбочада», 1931) вышли мизерными тиражами и до последнего времени не переиздавались.

Тем не менее интерес к Вагинову и у нас, и за рубежом растет. В 1972 и 1978 гг. в издательстве «Ардис» (США) вышли репринтные воспроизведения двух первых его прижизненных поэтических сборников, в 1983 г. там же впервые издан роман «Гарпагониана». В 1982 г. в Мюнхене появилось первое «Собрание стихотворений» Вагинова, подготовленное Л. Чертковым. Наконец, в 1989 г. Вагинов впервые был переиздан в СССР.³ В подготовке большинства из этих изданий принимала участие Т. Л. Никольская, которой принадлежат и основные работы, посвященные изучению жизни и

---

¹ ИРЛИ, р. I, оп. 4, № 2. Вагинов был также членом эгофутуристического «Кольца поэтов имени К. М. Фофанова» (1921—1922), поэтического содружества «Островитяне» (1922—1924) и общества «ОБЭРИУ» (1927). В Рукописном отделе ИРЛИ хранится ряд материалов, относящихся к первым двум из этих объединений (ИРЛИ, ф. 282, № 91; р. I, оп. 27, № 32).

² Сводку этих отзывов о творчестве Вагинова см.: *Чертков Л.* Поэзия Константина Вагинова//*Вагинов К. К.* Собр. стихотворений. München, 1982. С. 213—230.

³ См.: *Вагинов Конст.* Козлиная песнь. Труды и дни Свистонова. Бамбочада. М., 1989.

творчества писателя.⁴ Выходят исследования о Вагинове и за рубежом.⁵ В 1972 г. в переводе на итальянский язык вышел роман «Бамбочада», который получил хорошие отзывы.

1

Рукописное наследие Вагинова сравнительно невелико. Основная его часть находится в Рукописном отделе Пушкинского Дома, куда в 1987 г. вдовой писателя, Александрой Ивановой Вагиновой, был передан ряд ценнейших рукописей.⁶ Первостепенное значение имеют творческие материалы, среди которых прежде всего следует назвать печатный экземпляр романа «Козлиная песнь» с многочисленными поправками, дополнениями и сокращениями текста.⁷ Экземпляр этот содержит новый вариант романа, готовившийся ко второму его изданию, переговоры о котором в Издательстве писателей в Ленинграде проходили в 1929 г.⁸

Роман «Козлиная песнь» может быть поставлен в ряд таких значительных романов об «интеллигенции и революции», как «Хождение по мукам» и «Доктор Живаго». Отличие «Козлиной песни» в том, что автор ее никак не корректирует своей позиции из внелитературных соображений и сосредоточивает внимание на судьбе русской интеллигенции не в революции и гражданской войне, а в безбурные послереволюционные 1920-е годы. Это позволяет Вагинову показать не только трагическую несовместимость с новой действительностью одной части русской интеллигенции, но также конформизм и вырождение другой. С трезвостью летописца автор запечатлевает в романе процесс гибели старой петербургской культуры, которая в новой жизни объявляется

---

⁴ См.: *Никольская Т. Л.* 1) О творчестве Вагинова//Материалы XXII научной студенческой конференции. Тарту, 1967. Ч. 1. С. 94—100; 2) К. К. Вагинов. (Канва биографии и творчества)//Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 67—88; 3) Трагедия судаков//*Вагинов Конст.* Козлиная песнь. Труды и дни Свистонова. Бамбочада. М., 1989. С. 5—18. Вторая из этих статей включает в себя почти исчерпывающую литературу о жизни и творчестве Вагинова.

⁵ См., например: *Малмстад Д., Шмаков Г.* О поэте Константине Вагинове//Аполлон-77. Париж, 1977. С. 34; *Paleari L.* La Litteratura e la vita nel romanze di Vaginov//Rassegne Sovietica. Roma, 1981. № 5. P. 153—170; *Сегал Д.* Литература как охранная грамота//*Slavica Hierosolymitana*. 1981. N V—VI. С. 151—244.

⁶ ИРЛИ, р. I, оп. 4, № 263—275.

⁷ Там же, № 263.

⁸ Сохранилось заявление Вагинова в Правление Издательства писателей от 5 июня 1929 г.: «На предложение Константина Александровича Федина издать роман „Козлиная песнь“ отвечаю полным согласием» (ГПБ, ф. 709, № 3).

просто ненужной и даже вредной. Будучи «романом с ключом» (*roman à clef*), в котором почти все герои имеют реальных и угадываемых прототипов, книга сохраняет в этом отношении не только художественный, но и исторический интерес.

Наряду с собственно историческим планом существует план универсальный, план противопоставления подлинно прочной духовности и поверхностной интеллигентщины, легко скатывающейся в мещанство. В отличие от А. Толстого и Пастернака Вагинов делает акцент на исторической ответственности самой интеллигенции, деградации культуры, умирании искусства. И трагедия русской интеллигенции, не переставая быть трагедией, получает в романе также и сатирическое освещение. Именно прозрение под покровом исторических конфликтов универсальных коллизий человечества обнаруживает в Вагинове большого писателя, оказывающегося в этом плане конгениальным уже не А. Толстому и Пастернаку, а Набокову и Платонову.

Роман «Козлиная песнь» представляет собой настоящий шедевр русской литературы советского периода, и новая его редакция, отличающаяся большей отделанностью и большей проясненностью в решении центральной философско-исторической темы, содержащая около одного авторского листа дополнений к прежнему тексту, безусловно заслуживает публикации⁹ и особого исследования. Нет оснований, впрочем, для того, чтобы считать эту новую редакцию совершенно законченной. Как свидетельствует вдова писателя, у Вагинова была привычка править каждое новое свое произведение сразу по его выходе из печати. В некоторых случаях печатный экземпляр «Козлиной песни» содержит несколько вариантов решения одного и того же эпизода. Нельзя исключить, что в случае осуществления нового издания Вагинов снова обратился бы к тексту своего романа, определился бы в вариативных случаях и, может быть, внес бы еще какие-либо изменения.

Исчерпывающий текстологический анализ, подробное обоснование основной редакции и вариантов к ней остаются задачей будущего научного издания «Козлиной песни», кото-

---

⁹ Когда настоящая работа уже готовилась к печати, в издательстве «Современник» вышло в свет издание «Козлиная песнь. Романы» (М., 1991), подготовленное Т. Л. Никольской и В. И. Эрлем. «Козлиная песнь» воспроизведена здесь именно в новой, переработанной редакции. При всей правомерности подобного издания, на наш взгляд, не хватает указания в примечаниях на гипотетичность некоторых текстологических решений, особенно в случаях, когда предпочтение самим автором одного из имеющихся нескольких вариантов выражено недостаточно ясно.

рое представляется весьма необходимым. Здесь уместно привести только наиболее существенные дополнения Вагинова к редакции 1928 г., которые четко показывают основные направления, по которым шла переработка романа.

Одной из причин нового обращения Вагинова к тексту романа было то, что некоторые его знакомые, узнав себя в героях «Козлиной песни», не на шутку обиделись на писателя. В новой редакции поэтому Вагинов пытался прояснить свое отношение к этим героям как вовсе не однозначно отрицательное. Так, например, на с. 12 помещена следующая вставка:¹⁰ «Пусть читатель не думает, что Тептелкина автор не уважает и над Тептелкиным смеется, напротив, может быть Тептелкин сам выдумал свою несносную фамилию, чтобы изгнать в нее реальность своего существа, чтобы никто, смеясь над Тептелкиным, не смог бы и дотронуться до Филострата. Как известно, существует раздвоенность сознания, может быть, такой раздвоенностью сознания и страдал Тептелкин, и кто разберет, кто кому пригрелся: Филострат ли Тептелкину или Тептелкин Филострату» (л. 8). Указание на связь Тептелкина (прототип — Л. В. Пумпянский) с идеальным образом романа — Филостратом призвано прояснить сложное, неоднозначное отношение к нему автора.

Вставка на с. 98 должна была подчеркнуть отвращение Тептелкина по отношению к той тенденции деградации культуры, которая представлена в романе сюжетной линией, связанной с Костей Ротиковым. В предыдущей главе (XVI) Тептелкин случайно узнает, что Ротиков собирает порнографию. Конец следующей, XVII главы выглядит так:

«В антракте Тептелкин трижды яростно прошелся мимо Константина Петровича Ротикова.

— Выродок, тоже ценитель искусства!

Глазки Кости Ротикова освещали румяные щеки, и крохотные жемчужные зубки смеялись.

Костя Ротиков поднялся и подошел к Тептелкину. Тептелкин, не смотря, поздоровался и прошел мимо.

В фойе Тептелкин заметил философа и неизвестного поэта, мирно беседующих на звезде паркета.

Неизвестный поэт посмотрел на Тептелкина, но Тептелкин прошел, будто бы его не заметил» (л. 94).

Вставка на с. 122 содержит дополнительный текст к главе XXIII:

«Свобода любви, — возмутился молодой поэт, — это не порнография. Женщина должна быть свободна, как и муж-

---

¹⁰ ИРЛИ, р. I, оп. 4, № 263, л. 8. (Далее при ссылках на архивные материалы, связанные с романом, листы указываются в тексте в скобках.)

чина. Порнография — это описание груди и движений, рассчитанное на возбуждение скверных инстинктов».

Далее вклеен лист под номером 118 с началом главы «Опытная мобилизация»:

«Назначена была опытная мобилизация и многие инвалиды благодарили бога за то, что у них нет ноги или руки, что они ослепли на один глаз или что у них изуродованы пальцы. Они, сидя в своих папиросных будочках, смотрели на обеспокоенные лица горожан и думали, что все же у них больше шансов остаться в живых, чем у проходящих здоровых людей.

И ночью они вернулись к своим семьям и молодым женам еще более ценящие жизнь, чем когда-либо.

Возможность войны, как болотные огоньки, прыгала почти рядом, и одиноким героям моего романа страшна была вторая война, как новая смерть. Действительно, дух их сформировался в ужасную эпоху, и запах трупов хотя и не долетал до города, но все же психологически в нем присутствовал. И, хотя мои герои не обладали никаким имуществом, все же им не хотелось отправляться вторично в могилу, хотя бы и психологическую» (л. 117).

На вклеенном листе набросана новая, нумерованная глава, очевидно в значительной степени автобиографичная (известно, что состояние здоровья Вагинова с конца 1920-х годов становится все хуже и хуже):

«Можно было видеть, как в халате по саду ходил неизвестный поэт и бормотал, и записывал, и подпрыгивал, и хлопал в ладоши, и натыкался на деревья. И видно было, что он все это проделывает от радости. Затем он, выпрямившись, ходил взад и вперед, и лицо его сияло. За решеткой в будке сидел [милиционер] сторож и разговаривал с милиционером.

Подснежники цвели в саду, и над садом было голубое небо. Незвестный поэт сидел на скамейке и писал, и рука его все стремилась вверх. Строчка с каждым днем все поднималась. Иногда воробей слетал на скамейку и начинал подскакивать и с любопытством посматривать на неизвестного поэта, <нрзб.> карандаш бегал по бумаге. Затем неизвестный поэт шел в свою палату и засыпал, а когда просыпался, как маниак, хватал карандаш и писал. Затем приходил доктор, щупал пульс, заставлял сесть; ударял по коленам. С каждым днем ноги неизвестного поэта все слабей и слабей подпрыгивали под ударами докторского молоточка. С каждым днем лицо доктора становилось все самодовольнее и самодовольнее, с каждым днем все меньше и меньше

писал неизвестный поэт. Наконец наступило время, и неизвестный поэт больше ничего не писал» (л. 126).

На с. 130 прописана другая, чрезвычайно важная для самого Вагинова тема — тема старых книг. Приписано начало XXVI главы, озаглавленной теперь «Тептелкин и Марья Петровна»:

«Тептелкин читал фолианты, которые некогда так сильно волновали человечество. Боже мой, ведь всегда книги волнуют человечество. И чем лучше новые книги старых? И они станут когда-нибудь старыми. И над ними когда-нибудь [станут] будут смеяться. А в старых книгах солнце, и душевная тонкость, и смешные чудачества, и невежество, и чудовищный разврат; все есть в старых книгах. Но Тептелкин в них видел только солнце и душевное изящество, разврат и невежество для него как-то темнели и становились случайным явлением, не становились неотделимой частью мироздания. Для него одно лицо было у мироздания, и Возрождение для него сияло одной светлой стороной. Вполне светоносным было для него Возрождение. Вот Тептелкин сидит, а вокруг летают мухи и садятся на его шею и на страницы книги. Сидит у его ног на скамеечке Мария Петровна и чистит картошку. Но картошки не американское ли растение, а мух не изгнал ли из Неаполя Вергилий?»

— Мария Петровна, — говорит Тептелкин, — знаешь ли ты чудную легенду о Фениксе поэзии латинской и мухах?» (л. 129).

На с. 141 дописано окончание главы, в которой проясняется тема Филострата:

«Вместе с Тептелкиным старел Филострат — теперь он стал для Тептелкина сухеньким, бритым старичком, с болтающимися кольцами на пальцах, составителем придворного романа.

Еще некоторое время слабенькая и ненавистная тень следовала за Тептелкиным, наконец и она пропала» (л. 140).

Иное начало главы XXIX, озаглавленной теперь «Неизвестный поэт», содержит автобиографическую деталь в характеристике неизвестного поэта. Как рассказывает А. И. Вагинова, автор «Козлиной песни» чрезвычайно скептически относился к своему раннему поэтическому творчеству. На с. 148 читаем:

«Теперь неизвестного поэта приводили в неистовство его прежние стихи. Они ему казались беспомощным паясничаньем. Музыка, которую он слышал, когда писал их, давно смолкла для него. Он отвернулся от публики, его страшно любившей и прощавшей ему бесчисленные его недостатки.

Лысый, одолеваемый хандрой, он вернулся к матери, некогда брошенной им ради великого искусства.

Она гладила его по [голове] лысой птичьей голове, взяв за подбородок, считала морщинки вокруг глаз, спрашивала, все также ли он много пьет, все также ли он проводит бессонные ночи среди друзей своих» (л. 147).

На соседней, 149-й странице — другая мелкая, но многозначная вставка: «Неизвестный поэт чувствовал себя теперь только Агафоновым» (л. 148).

На с. 153 и 171 как произведения Агафопова приведены стихотворения самого Вагинова «В разноцветящем полумраке» и «Война и голод точно сон», причем после чтения героем «за чайным столом» первого из них следует такой весьма симптоматичный диалог:

«— Скажите, — обратилась к нему девушка, — имеют ваши стихи какой-либо смысл или никакого не имеют?

— Никакого, — ответил Агафонов.

— Я полагаю, — заметил кооператор, — что бессмысленных стихов писать не стоит» (л. 154).

На отдельном двойном листе большая вставка, относящаяся к с. 172 (перед словами «хотя барышня смеялась. . .»), любопытная в первую очередь пародированием расхожих декадентских представлений о том, какой должна быть «жизнь поэта»:

«Шел Троицын к Екатерине Ивановне и думал, вот я какая забубенная натура, и жалко мне ее, а жениться не могу — не пристало поэту жениться. Посидеть с девушкой у печки, почитать [ей] свои стихи, а потом, утром, в путь-дорогу собраться, а вечером на концерте-бале встретиться, профокстротировать, почитать ей на диване свои стихи. Заполонить. И вернувшись домой, весь день высыпаться. Вот это жизнь поэта. И подходил к аптекарскому зеркалу и, гарцуя, Троицын самодовольно улыбался.

* * *

Горят электрические люстры под потолками с облаками и амурами. Джазбанд. В небольшом помещении фокстротируют, а наутро посещение редакций, поиски рецензий, поиски денег, стояние в очередях у кассы. И, подводя к камину девушку, он пробует ей читать стихи свои, а [вокруг] полукругом журналисты, редакторы, прозаики ужинают, и он смотрит на девушку, выведенную им из танца.

— Почитать вам мои стихи? — спрашивает он.

— Бросьте, — говорит барышня. — Все ваши стихи я давно уже знаю.

— Какое у вас коленко, — восхищается Троицын.

— А вы не смотрите! — смеется барышня.

— Да вы, кажется, лысете, — заливается она, повертывая голову Троицына.

— Да, черт возьми, — лысею, — смеется Троицын.

Как это действительно произошло, что он из молодого стал лысым?

Но не свойство ли поэта стать лысым и [обрести] вздыхать над собой и силиться заполнить своими умершими мечтами какую-нибудь барышню, с губами как вишня, с капельками пота на лбу после фокстрота» (л. 174—176). И далее по тексту романа.

На с. 173 небольшая правка вносит большую ясность в самоубийство неизвестного поэта. Исправленный текст с незначительным добавлением выглядит так:

«В эту ночь долго смотрел бывший [неизвестный] поэт — ныне чувствовавший себя только Агафоновым — из окна гостиницы на просторный проспект, на белую петербургскую ночь. Сел за столик, выпил пивца, положил листок и стал читать свои последние стихи:

Нам в юности Флоренция сияла,
Нам Филострата нежного на улицах являла —
Не фильтрами мы вызвали его,
Не за околицей, где сором поросло.
Поэзией, как утро, сладкогласной
Он вызван был на улице неясной.

А когда прочел вслух, то [ясно] увидел, что стихи плохи, что юношеский расцвет его кончился, что [с падением его мечты] вместе с мечтой кончился и его [жизнь] талант» (л. 178).

Глава XXXIII, переозаглавленная «Междусловие», сокращена до двух абзацев. Чрезвычайно показательно, что Вагинов отказывается здесь от эксцентричного образа автора с «остроконечной головой», «с глазами, полузакрытыми желтыми перепонками», «со своими уродливыми от рождения руками: на правой руке три пальца, на левой — четыре». Повидимому, критически настроенному по отношению к своему прошлому модернистскому творчеству Вагинову глава эта теперь казалась вычурной, претенциозной и слишком связанной с былой бессмысленной «заумью», уже преодоленной писателем.

На с. 184 снова вставка, призванная снизить сатирический заряд в освещении Тептелкина:

«Был зимний день. Морозное солнце багровым шаром висело над городом. Мороз отчаянно щипал прохожих. Но на душе было удивительно радостно.

Тептелкин сидел у печки и читал одну из своих любимых книг, но читалось плохо. Он прислушивался к тому, что про-

исходит в нем. Было нехорошо и больно. Он начинал понимать, что совсем не исторического Филострата, не придворного романиста времен Юлии Домны (и не другого — составителя эротических писем к гетерам и юношам, и не третьего) любил он. И стало на душе его спокойно и ясно и больше не ужасало его, что конторщики так же чувствуют мир, что нет бездны между ним и бухгалтером» (л. 187).

Большая вставка на с. 185 (л. 188), весьма автобиографичная, развивает тему библиофильских увлечений Тептелкина и Марьи Петровны. Чрезвычайно важную для понимания романа вставку представляет собой приписанный на с. 187 конец главы XXXIV:

«В светлые минуты¹¹ Тептелкин не сваливал ни на войну, ни на Революцию бесплодие свое и своего века. И тогда осенние листья для него шумели по-прежнему в самую яркую весну, в самое неумолимое лето. И из-за деревьев смотрели на него пленительные рожцы с рожками и копытцами, и нимфы с глазами непробудной глубины как пар поднимались над водой, и он слышал их речь внутри себя, пленительную и удивительную; и он думал, что вот из другого мира приходят к нему существа, что он вовсе не одинок, что вместе с ним отходит великая эпоха человечества.

В эти нежные минуты Тептелкин перечитывал свое письмо к неизвестному поэту:

„Дорогой друг, вы паганист. Это черта глубоко отрицательная, вы не приемлете христианской благодати, между тем можно соединить христианство с верой в прелестных богов и ощущать особую тишину мира. Ведь что бы вы ни говорили, вы любите солнце, теплое утреннее солнце, любите утреннее пение птиц и не только декоративность [и не только] вас привлекает в языческой религии, не многообразие божеств, не материализация сил природы, а та особая святость, то сокровенное знание, которое рождается от соприкосновения с природой. Вы любите агонию этого чувства, но не лучше ли любить его рассвет. Вы любите умирание, но не лучше ли любить жизнь. Помните наши беседы в Петергофском парке, в саду при Мон-Плезире, среди уже осыпающихся деревьев, под наблюдением босой девушки, сторожащей сад и щелкающей кедровые орешки. До меня дошли слухи, что вы не отреклись от самого себя. Дорогой друг,

---

¹¹ Над началом фразы: «В светлые минуты...» — сверху написано: «Больше не сваливал». В издании 1991 г. эта фраза выглядит так: «В светлые минуты Тептелкин больше не сваливал ни на войну, ни на Революцию бесплодие свое и своего века», что является достаточно произвольным решением, тем более что фраза в таком виде приобретает нехарактерную для Вагинова тяжесть.

опомнитесь, вы сейчас тяжело больны, вернитесь к паганизму, но к просветленному, без ядовитых веществ, без смешка и без презрения. Ведь те нимфы и сатиры, которые являлись нам, не являлись другим людям. Дорогой друг, зачем вы так клевете на себя. Мы с Марьей Петровной здесь часто говорим о вас, — здесь в зале, где собран Боттичелли, мы часто вспоминаем о вас, вы ведь тоже любили его картины. Вы всегда стремились в Рим, но ведь Флоренция ближе нам и дороже. Вы переживаете ужасные испытания, которые я уже пережил, вспомните ваши же слова о превращении нас в чертей. Теперь я принимаю мир во всей его горестной красоте. Не мечта наша, а мы были ложью. Мы уже были недостойны того, что открылось нам. Я вижу наши недостатки, но они меня не пугают. Я знаю, что мы слабы, бешено слабы, что мы развратны, что мы алчны, но что мы любили духовное солнце и [может быть], кто знает, может быть, и теперь любим“» (л. 192).

Вставка эта вполне проясняет ту ревизию принципа детерминизма, которая в первой редакции остается несколько загадочной. Не социально-исторические потрясения, а сами личностные основы человека и универсальные коллизии эпохи — такие, как, например, деградация культуры, — определяют в первую очередь судьбы людей.

На отдельных листах под номерами 196, 197 и 198 приведены варианты окончания главы XXXV, вносящие важные штрихи в образы Филострата и Тептелкина, в решение петербургской темы:

«Как-то вечером, когда Тептелкин спорил с Марьей Петровной, после многих лет отсутствия появился Филострат, сухонький [лысый бритый] старичок с болтающимися нарядными кольцами на пальцах, составитель придворного романа. Теперь он был только составитель придворного романа, притом романа без особых, живописных красот и без философской глубины».

«И тут на смертном одре страшная мысль осенила Тептелкина — он понял, что ради людей он покинул Высокое Возрождение, и бледный, с святающимися глазами, он привстал и почувствовал, что мысли его были прекрасны, но что ничтожество людей на много лет помрачило его разум, что он распространил ничтожество людей на идеи, на первообразы, которые ни в коем случае не были ничтожны, и тут во всей своей славе явился ему Филострат, но не исторический, а скорей символический и светоносный».

«Большая луна освещала Дом Искусств, уже несуществовавший. Служитель с лицом последнего императора готовился запереть двери. Тептелкин и Марья Петровна спусти-

лись вниз по черному ходу и вышли в пустой перерождающийся город.

— Черт возьми, как это было давно!

Свет стоял над проплеванными зданьями, когда Тептелкин и Марья Петровна шли вместе. И [музыка поднималась и] в предрассветном томлении сжималось сердце, и холодный ветер рвал и прищелкивал, и присвистывал. Автор смотрит в окно. В ушах его звенит, и поет, и воет, и опять поет, и опять звенит, и, переходя в неясный шепот, замолкает Козлиная песнь. Автор молод еще. Если его станут слушать, он расскажет еще одну петербургскую сказку. Итак, до следующей ночи, друг». ¹²

Необыкновенно интересно также «Второе послесловие» к роману (имевшееся же в тексте обозначено как «первое»), вписанное на с. 196 (л. 202):

«Я лежу в постели в комнате, выходящей ротондой на улицу. У дивана, на полу и на стульях и на столе лежат всякие листки, — так вокруг ствола дерева осенью лежат листья, но эти листы непохожи на желтые широкие листья дуба, на узорные листья клена, на круглые листья липы; дело в том, что они не упали, что между мной и листьями не порвана связь, они остались на ветвях, одни из них свернулись в трубочку, другие сломались, иные прилипли.

Всматриваюсь в листы; это совсем не листы, это крышки от папиросных коробок, это вырванные листки из записных книжек, это обложки книг, все они покрыты моим почерком. Я вижу, они увеличиваются в объеме, становятся прозрачными, растворяются в воздухе, и нет комнаты, в которой я лежу.

А солнце все склоняется, и уже ложатся вечерние тени, и уже зелень кажется более темной, чем утром, и я вспоминаю другой день, когда в полдень стало темно, как сейчас, и, добежав до бельведера, по пути срывая цветы, мы увидели, как блеснул солнечный луч, как осветил он подножие дерева, а затем озарил всю поляну и, поднимаясь, позолотил листву. И по блестящей траве, следом за появляющимися бабочками, мы направились к башне. Тогда я не был Тептелкиным, неизвестным поэтом, философом, Костей Ротиковым, Мишей Котиковым, тогда я был одним лицом, цельным и неделимым. Тогда я еще не распался на отдельных людей и тогда страшный свет я чувствовал в себе, и собственно не мы, я один

---

¹² В издании 1991 г. последний вариант введен в основной текст, а два предыдущих напечатаны как первоначальные варианты. Вполне возможно, что сам Вагинов в конце концов остановился бы именно на нем, но непосредственно в печатном экземпляре с правкой писателя это никак не обозначено.

шел по всем этим дорогам, но затем произошло неожиданное дробление. И снова белая ночь, как в прекраснейшие дни моей жизни, и снова мне хочется видеть только [прекраснейшие] тихие здания столицы, только бесподобную голубую Неву, чувствовать окрестности, наполненные кентаврами, и стоять на мостах в окружении звезд.

Но вышел ли я окончательно из книги, освобожден ли я от моих героев, изгнал ли я их в мир, потусторонний по отношению ко мне, что станет со мной, если я действительно изгнано, может быть, появится [наступит] пустота, огромное ничто, и в эту пустоту бросятся другие существа, не менее печальные, и в ней поселятся?

1927 г.».¹³

Послесловие это, во-первых, содержит важное заявление об автобиографичности всех героев романа, препятствующее идентификации некоторых из них с их прототипами, а во-вторых, уже вводит в проблематику следующего романа Вагинова «Труды и дни Свистонова».

Значение новой редакции романа «Козлиная песнь» трудно переоценить. Помимо некоторых деталей, вносящих большую определенность в философско-исторический план романа, помимо уточнений в авторской трактовке некоторых центральных персонажей, она ценна также тем, что четко определяет некоторые моменты дальнейшей творческой эволюции писателя. Одна только основательная переработка главы XXXIII, обыкновенно используемой как весомый аргумент в пользу сближения художественного мира Вагинова с поэтикой «обэриутов», — красноречивое свидетельство серьезных эстетических расхождений его с этим направлением, культивировавшим «заумь» именно тогда, когда для Вагинова она уже оказывалась вчерашним днем.

2

Остальные материалы не требуют столь широкого цитирования в данной работе. Исключение составляет только рукописный сборник Вагинова 1917 г. из 94 стихотворений. Этот миниатюрный по формату сборник, заполненный, по видимому, рукой самого поэта, в том числе и карандашными

---

¹³ В издании 1991 г. как первое, так и второе послесловия приведены в разделе «Из ранних редакций», между тем как в анализируемом печатном экземпляре они не зачеркнуты и вопреки указанию комментаторов на с. 580 заклеены не были. Дата же под «Вторым послесловием» — «1927 г.» и последняя фраза избранного публикаторами варианта окончания XXXV главы: «Итак, до следующей ночи, друг» — не могут служить основанием для исключения обоих послесловий из дефинитивного текста.

рисунками в стиле кубофутуризма, позднее был подарен автором его брату по «Аббатству гаеров», молодому поэту К. М. Маньковскому (1904—1937).¹⁴ Сборник был передан в Пушкинский Дом вдовой Маньковского.¹⁵ Ранние стихи Вагинова отмечены особым влиянием французского символизма и прежде всего Бодлера, а также русского футуризма. Несмотря на ученический характер многих из этих стихотворений, сборник безусловно заслуживает публикации его в полном объеме.

Трудно переоценить также значение авторизованных машинописных экземпляров романа «Гарпагонияна»,¹⁶ драматической поэмы «Тысяча девятьсот двадцать пятый год» и последнего сборника стихотворений «Звукоподобие».¹⁷ Все эти произведения опубликованы за рубежом, однако с большими неточностями и даже пропусками текста. Достаточно сказать, что 29 пьес «Звукоподобия» в мюнхенском издании «Собрания стихотворений» опубликованы как 30: окончание стихотворения «Русалка пела, дичь ждала» со слов «Когда уснули все опять» напечатано как отдельная пьеса.

Важный материал, который непременно должен быть использован при подготовке научных изданий стихотворений Вагинова, представляет собой тетрадь его лирики 1920-х годов.¹⁸ Тетрадь включает два автографа (л. 40—41 — «Мы, эллиныты, здесь толпой» и «Час от часу редет мрак медвяный») и 24 стихотворения, записанные женой поэта А. И. Вагиновой с поправками самого поэта. Стихотворения датированы: первое, «Опять мне страшно, страшно захотелось», — «1 ноября 1923 г.», последнее, «Пред разноцветною толпою», — январем 1925 г. Эти даты позволяют во многих случаях уточнить время создания стихотворений по сравнению с тем, как оно обозначено в мюнхенском издании. В отдельных случаях может быть откорректирован и текст или содержатся ценные варианты. Пять стихотворений до настоящего времени не публиковались (л. 2, 3, 15, 16 и 30).

Первое из них датировано «1 ноября 1923 г.»:

Опять мне страшно, страшно захотелось
Развалин тесных, взвизгиванья вин
И чтобы скрипка вскрикнула и встала,
И поплыла сквозь розоватый дым.

---

¹⁴ На форзацном листе переплета надпись: «Дорогому Константину Максимовичу Маньковскому для будущих <нрзб.> вечеров, когда захочется общих воспоминаний. 1 XI <19>21 г. Вагинов».

¹⁵ ИРЛИ, р. I, оп. 17, № 235—236.

¹⁶ Там же, оп. 4, № 272.

¹⁷ Там же, № 267.

¹⁸ Там же, № 265.

Дрова дрожат. Лист никнет желтизною
В сырой огонь. Так спи же, человек, —
Ла-ла ла-ла к тебе вернется воем
Еще не раз на тот же самый снег.

Второе имеет помету «2 ноября 1923»:

Мы отошли, коварные потомки.
Кипящих орд ряды разрежены.
О, [солов] горе горше не придумать!
О, Филомела, я слепой — веди.

Веди и вой, выть должно Филомеле, —
Обманывай сверлящую мечтой
Ребенка, мы же крепки [духом] прахом —
Не город пал, мы пали над Невой.

Поля горят ветвистыми кострами,
Театр великолепен. Ты же, хор,
Ты далеко за белыми полями
В берлогах беспрестанной суеты.

Под текстом третьего стихотворения стоит дата «15 апрель <1924>»:

Отчаянье меня весной объемлет,
Как будто [б] я среди наступающих могил,
Чтобы ясней прорезать очертанья,
Себя как гробовщик глухой рукой зарыл.
И блеск вина и девушка лилея
И шестиглазый дом под высотой луны,
Перекликаются опять в моей пустыне
Как осенью зеленые листья.

Дата следующего стихотворения — «16 апрель <1924>»:

Я [тучною ночью] вечером вскормлен как пепельной
нянькой
Отъявленной тенью стою и [в] смотрю
И вновь оживляю поющую лиру
В открытых весной низких садах.
И птицы и вет[ры]ер. И голос меша[л]ся
С цветами под снегом, берега я пою,
И легкую поступь подруги средь ночи
И теплые руки на теплых губах.

Последнее из стихотворений создано в декабре 1924 г.:

Любовь боролась с смертью духовной,
И в стороне я молчаливо ждал,
Когда опять сияющее жизнью
Свое лицо ты обратишь ко мне.
Шел третий год борьбы членораздельной,
Твой лик бледнел и покачнулся я,
Мой грозный враг гремел десницей верной,
Но с ним в борьбу вступила снова ты.

И в этот час, закрыв лицо руками,
Беспомощный я в дома отбежал
И вижу из окон полузакрытых,
Что гонишь ты, что побеждаешь ты.
Не хлещет дождь зарей полураскрытых,
В развалинах благоуханье доносится.
И сад цветет в убежище
Полуразбитом бурей.

В эту же группу материалов можно зачислить автограф стихотворения «Помню последнюю ночь в доме покойного детства»¹⁹ и машинописную неполную копию с правкой Вагинова стихотворения «Ночное пьянство».²⁰ Автограф, во-первых, более точно, чем в мюнхенском издании, датирован: «11 IV 1922», а во-вторых, имеет с текстом этого издания незначительные расхождения в знаках препинания.

Из творческих материалов, относящихся к прозаическому наследию писателя, отметим также верстку фрагмента романа «Бамбочада» (со слов «Не правда ли, этот холм похож на страсбургский пирог?»),²¹ а также пять последних страниц печатного экземпляра «Трудов и дней Свистонова» (Л., 1929) с поправкой и вставками Вагинова.²² Хотя, как справедливо указывают комментаторы издания 1991 г., эти вставки имеют лишь небольшие разночтения с воспроизведенным в нем полным текстом романа по экземпляру из собрания М. С. Лесмана, все же и они представляют интерес и имеют значение для будущего научного издания прозы писателя. Особенно любопытно начало новой главы («Глава приведения рукописи в порядок»), помещенное вместо прежнего текста на странице 148 печатного экземпляра и характеризующее писательскую манеру не только Свистонова, но отчасти и самого Вагинова:

«Кипы мгновенных зарисовок, еще <нрзб.> изречений, вырезок, выписок, услышанных в лавках фраз, вроде: „баранинка как зеркало, снеговая баранинка!“; разговоров — „только и делаю, что чай пью или кофий, скучно одной«, [стопки] наблюдения, сложенные в стопки, — „Пожилой человек, с брюшком, за столом замяукал — этим он выразил желание попить чайку“; жанровые сценки, схематизированные виды и эскизы различных частей города, все это росло и вступало в связь в комнате Свистонова...»

* * *

---

¹⁹ ИРЛИ, р. I, оп. 17, № 236.

²⁰ ИРЛИ, ф. 630 (не расписан).

²¹ ИРЛИ, р. I, оп. 4, № 271.

²² Там же, № 270.

Массу полуживых героев пришлось отбросить, многих героев, как совпадавших, в некоей восхищенности, друг с другом. Пришлось слить в один образ, и других тоже, и третьих тоже; а четвертых оставить, как общий фон, как толпу, где мелькают то голова, то плечо, то рука, то спина».

Аналогичный интерес представляет также вставка на отдельном листе: «Сначала шли сады, характерные здания, нежные зори, шум и гам улицы. Затем — то здесь, то там — стали возникать фамилии; они сходились, пожимали друг другу руки, играли в шахматы или в карты, исчезали и опять появлялись. Уже под фамилиями начинали появляться фигуры. И наконец под каждой фамилией встал человек. И все было пронизано сладостным, унынным и увлекающим ритмом, как будто автор кого-то увлекал за собой».

Не лишена интереса другая небольшая вставка, также сделанная на отдельном листке: «Тут с грустью подумал Свистонов о Куку и вспомнил стихи из „Тысячи и одной ночи“:

Ты можешь найти страну для себя другую
Но душу другую себе найти не можешь».

Финал романа выглядит так:

«Наконец Свистонов почувствовал, что он окончательно заперт в своем романе — где бы ни появлялся наш автор, всюду он видел своих героев. У них были другие фамилии, другие тела, другие волосы, другие привычки и манеры, но это были они, его герои.

Таким образом Свистонов целиком перешел в свой роман».

Материалы к роману «Труды и дни Свистонова» представлены также гранками корректуры отдельного издания²³ с сокращениями и правкой Вагинова, по которым писатель, по-видимому, готовил журнальную редакцию, так и не опубликованную (правка учтена в издании 1991 г.).

Особую ценность представляет машинописный экземпляр второй, неоконченной редакции романа «Гарпагониа»,²⁴ который позволяет существенно уточнить текст ее, опубликованный в 1983 г. американским издательством «Ардис», а также восстановить первоначальную редакцию (что и было сделано в издании 1991 г.).

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся также принадлежащие самому писателю экземпляры всех трех его

---

²³ ИРЛИ, ф. 172, № 1401.

²⁴ ИРЛИ, р. I, оп. 4, № 272.

прижизненных стихотворных сборников.²⁵ На последнем из них, «Опыты соединения слов посредством ритма» (Л., 1931), сделана дарственная надпись: «Дорогой жене в воспоминание о нашей юности (блужданиях). 31 II <19>31 г. К. В.».

Некоторые материалы Рукописного отдела отражают жизнь поэтических организаций, с которыми был связан Вагинов. Это ряд документов, относящихся к эгофутуристическому «Кольцу поэтов имени К. М. Фофанова» (1921—1922),²⁶ а также к поэтическому содружеству «Островитяне» (1922—1924).²⁷ Ценный биографический материал представляют собой также фотодокументы.²⁸

---

²⁵ ИРЛИ, р. I, оп. 4, № 263, 266, 269.

²⁶ ИРЛИ, ф. 282, № 91; ф. 289, оп. 3, № 880.

²⁷ ИРЛИ, р. I, оп. 27, № 32.

²⁸ Там же, оп. 4, № 273.

II. ПУБЛИКАЦИИ

Леонид Андреев

ДНЕВНИК 1891—1892 гг.

Публикация Н. П. Генераловой

Потребность вести дневник Леонид Андреев (1871—1919) испытал довольно рано — в 16 лет, когда он был учеником Орловской гимназии, однако записи вел несистематически, на отдельных листках, которые, к сожалению, ныне считаются утраченными. Лишь в марте 1890 г. он решает завести толстую тетрадь, которой, как ему кажется, должно хватить года на два. Каково же было его удивление, когда оказалось, что через три месяца тетрадь была полностью исписана.¹

Этот первый «серьезный» дневник положил начало длительной работе, которой будущий писатель уделял, хотя и со значительными перерывами, довольно много времени вплоть до своей смерти, последовавшей 12 сентября н. ст. 1919 г. Судя по пометам на титульных листах тех тетрадей, которые имеются в распоряжении советских исследователей, Андреев планировал свой труд надолго вперед, проставляя цифры, обозначающие не только тома, но и части томов. Так, в Рукописном отделе Института русской литературы хранится одна из тетрадок с пометой «часть II»,² являющаяся продолжением I части второго тома дневника (первый том пока остается неопубликованным и недоступным для исследователей). Весь титульный лист оформлен согласно издательским требованиям, т. е. имеются имя автора, название «произведения» («Дневник»), в нижней части листа — «место издания» («С.-Петербург — Орел») и точная дата («26 марта 1892 г. — 20 сентября»). В правом верхнем углу помещен эпитафия, который воспроизводится на титульном листе и I части этого второго тома. Именно I часть второго тома дневника предлагается в настоящей публикации, подготовленная по ксерокопии, любезно предоставленной в распоряжение ИРЛИ английским ученым-андрееведом Ричардом Дэвисом.

---

¹ Сведения о ранних дневниках Л. Андреева содержатся в сообщении французского ученого А. Звигильского, которому удалось ознакомиться с шестью тетрадями примерно одинакового объема (немногим более 50 листов в каждой — всего 658 страниц по 150 слов). Эти тетради были предоставлены ему ныне покойным сыном Леонида Андреева Валентином. Сейчас все они находятся в Русском архиве в Лидсе (Великобритания). См.: *Zviguilski A. Le journal de jeunesse inédit de Léonid Andréev//Le Journal intime et ses formes littéraires. Actes du Colloque de septembre 1975. Genève; Paris, 1978* (далее: *Zviguilski A.*, с указанием страницы).

² ИРЛИ, ф. 9, оп. 1, № 16.

Публикуемый дневник охватывает около пяти месяцев — с 3 сентября 1891 г. по 5 февраля 1892 г. Подлинник находится в Русском архиве в Лидсе, куда он поступил из собраний сыновей писателя Вадима и Валентина Андреевых.

Прежде чем обратиться к дневнику, необходимо сказать несколько слов о том, при каких обстоятельствах и по каким причинам Андреев решил обратиться к писанию дневника. В дневнике, начатом весной 1890 г., он писал, что потребность в нем была вызвана отъездом его друзей по гимназии для продолжения учебы в Москву и Петербург (сам Андреев отстал от товарищей, так как в связи со смертью отца был вынужден остаться на второй год в шестом классе).³ Однако в другой тетрадке он называет другую причину: «...решил я теперь вновь вести дневник не затем, чтоб удовлетворять (...) несуществующей потребности, а затем, чтобы пробудить известный орган функционированием его, чтоб возвратиться к жизни эту потребность, поступая так, как бы она существовала, другими словами, привить ее к себе».⁴ Называл он и другие причины, но главным, очевидно, было желание разобраться в себе, в своих противоречивых чувствах и мыслях, выработать собственное мировоззрение, отсутствие которого остро ощущал начинающий писатель. Главным было, наконец, стремление найти собеседника, которому можно без утайки поведать самые интимные переживания, проверить их важность и ценность для «другого». Внутренне дневник ориентирован на этого «другого», встречаются и прямые обращения к «читателю». Ими были, возможно, близкие друзья Андреева; давал он его читать и той, к кому обращены многие страницы ранних дневников, — Зинаиде Николаевне Сибилевой, подруге юности, близкие отношения с которой установились еще в 1889 г., когда оба учились в гимназии. Зинаида Николаевна окончила гимназию на год раньше Андреева и уехала в Петербург для продолжения учебы на курсах. С собой она увезла одну из тетрадок дневника (очевидно, за март — май 1890 г.), а уже в одном из первых писем, посланных в Петербург, Андреев выражает беспокойство по поводу того, что это чтение может произвести на нее плохое впечатление. «Ты не поверишь, как тяжело мне вспоминать о своем дневнике, о том, что ты его читаешь. Вспомнится разом какое-нибудь выражение из него, которым я еще тогда любовался за его единичность или за то, что оно ясно выражало настоящую или мнимую подлость, к которой я тогда стремился, — и станет так гадко, так мерзко. Чтобы понять этот дневник, нужно знать, в каких обстоятельствах и под влиянием какой мысли он написан. Ведь когда я писал его, я гордился той двойственностью, которая была между тем, что я говорил и делал, и тем, что я думал. Мне доставляла удовольствие мысль, что вот мол — все меня считают таким, а на самом деле я совсем иной, и для пушего удовольствия старался еще увеличить эту разладицу».⁵ Предчувствуя, что предельная открытость и интимность написанного могут не встретить понимания, Андреев, дав обещание показать дневник, намеревается даже переписать его заново, специально для Зинаиды Николаевны, однако отказывается от этой затеи, проявив, по словам исследователя, делающего ему честь «научное отношение к литературному творчеству».⁶ Опасения Андреева были не лишены оснований,

³ *Zoiguilski A. P. 148.*

⁴ Запись от 27 марта 1892 г.: ИРЛИ, ф. 9, оп. 1, № 16.

⁵ Письмо к З. Н. Сибилевой от 23 июня 1890 г.: ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26, л. 3. В Пушкинском Доме хранятся 74 письма Андреева к Сибилевой за период с 22 июня 1890 г. по 6 апреля 1902 г.

⁶ *Zoiguilski A. P. 148.*

так как в следующий раз он хотя и обещает прислать очередную тетрадку, но вскоре отказывается от своего намерения.⁷

«У Леонида Андреева, — писал много лет спустя близкий к нему Георгий Чулков, — был особый внутренний опыт, скажем «мистический» (<...> но религиозно Андреев был слепой человек и не знал, что ему делать с этим опытом. В нем и тени не было того холодного цинизма, который присущ упадочникам».⁸ Именно этот «внутренний опыт» и запечатлен в ранних дневниках начинающего писателя. В одном из писем той поры он признается, что хочет «отвлечь себя от внутренней работы, работы самоанализа».⁹ Столь внимательное отношение к своему дневнику, подчеркнуто аналитический подход к постижению собственного внутреннего мира позволяют уже на этом раннем этапе говорить о литературном творчестве, опыте работы в исповедальном жанре, который позднее найдет богатое воплощение в зрелых произведениях Андреева — от «Мысли», «Красного смеха», «Моих записок» до символически незавершенного романа «Дневник Сатаны».

Характерно, что и к своим письмам Андреев тоже предъявляет литературные требования. Так, 26 июля 1891 г. он пишет З. Н. Сибилевой: «...прошу уничтожить это письмо, как плохой образец моих писательских и умственных способностей».¹⁰ Свою корреспондентку он шутиливо просит не делать грамматических ошибок, от которых у него, «репетитора и писателя по профессии, становятся волосы дыбом и захватывает дыхание».¹¹ Он требует от нее той же предельной искренности, что характерна для его собственных писем, многие из которых напоминают по стилю и тону дневниковые записи. Эпистолярное наследие Леонида Андреева богато и разнообразно. Письма к родным, друзьям, опубликованные в разных изданиях, но до сих пор не собранные воедино,¹² могли бы раскрыть читателю новые, неизвестные ему стороны таланта писателя, в частности талант комический, столь мало воплощенный в художественном творчестве. Что же касается публикуемого дневника, то в нем преобладает трагическое настроение, граничащее подчас с отчаянием и желанием уйти из жизни. Общее мироощущение Андреева той поры определялось как объективными, так и субъективными причинами.

После смерти отца Андреева, последовавшей в 1889 г., семья оказалась в тяжелых материальных условиях. У Леонида было еще три брата — Всеволод, Павел и Андрей и две сестры — Зинаида и Римма. Мать будущего писателя, Анастасия Николаевна, оказалась человеком непрактичным, далеким от житейских неурядиц, и сыну, учившемуся тогда в шестом классе гимназии, пришлось впервые задуматься о хлебе насущном. Еще будучи гимназистом, Андреев дает уроки, пытается зарабатывать на жизнь рисованием, делая дешевые портреты с фотографий (его живописный талант раскроется в ряде картин, удостоившихся позднее похвалы самого В. А. Серова), экономит на всем, закладывает и перекладывает вещи, словом, испытывает в прямом смысле нужду, грани-

⁷ См. письма от 10 апреля, 30 июля и 7 августа 1891 г.: ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26, л. 124, 157 об.; 160 об.

⁸ Книга о Леониде Андрееве. Пб.; Берлин, 1922. С. 73.

⁹ Письмо к З. Н. Сибилевой от 30 июля 1891 г.: ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26, л. 156 об.

¹⁰ ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26, л. 155 об.

¹¹ Письмо от 13 февраля 1891 г.: ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, л. 41 об.

¹² Часть писем Л. Н. Андреева к родным была опубликована Н. Н. Фаговым в книге «Молодые годы Леонида Андреева» (М., 1924), переписка с Горьким опубликована в 72-м томе «Литературного наследства»; другие публикации либо находятся в труднодоступных изданиях, либо рассеяны в периодике.

чашую с нищетой. В таком состоянии Андрееву придется прожить годы затянувшегося студенчества и позднее, в период поденной работы в газетах. Даже в 1902 г., после выхода в свет первого сборника рассказов, принесшего ему писательскую славу, Андреев признавался: «В денежном отношении дела мои пока еще не особенно важны: приходится жертвовать своим делом и для заработка заниматься газетной работой».¹³ «Чистая литературная работа» и тогда останется для него недостижимой мечтой. Постоянная нехватка денег, полуголодное существование, забота о родных, материальная зависимость от знакомых и близких (среди которых была и З. Н. Сибилева) необычайно ранили самолюбие и гордость будущего писателя, вынужденного принимать денежные пособия «по недостаточности», ходатайствовать об освобождении от платы в гимназии и университете и т. д. Общее состояние усугублялось физическими недомоганиями (Андреев с детства страдал тяжелыми головными болями и сердечной болезнью) и унаследованным от отца пристрастием к алкоголю, от которого удалось избавиться лишь спустя много лет.

Нельзя не принимать во внимание и общей атмосферы, в которой проходил процесс формирования личности юного Андреева. Это были 80-е годы, получившие название эпохи «безвременья» и реакции, которая наступила после убийства в 1881 г. Александра II. «Мы жили и воспитывались в среде нытиков-восьмидесятников, — вспоминал один из первых биографов Леонида Андреева, — как принято говорить теперь о людях „чеховских настроений“».¹⁴ Эпоху 80-х годов можно было бы назвать временем поколебленных авторитетов, столь велико было ощущение кризиса общественных и нравственных устоев, который так или иначе был выражен в произведениях тогдашних властителей дум — Л. Толстого и Михайловского, Чехова и Гаршина, Г. Успенского и Надсона. Сомнения во всеилии разума, в возможности разумного мироустройства, трагическое ощущение диссонансов бытия, разочарование в могуществе науки, кризис христианской этики — все это лишь углубляло природную расположенность к трагическому мироощущению юноши, жаждавшего в книгах найти ответы на мучавшие его «проклятые вопросы». Усомнившись в безусловности буржуазной цивилизации, в самом понятии прогресса, русские мыслители (Герцен, Толстой, Достоевский) подвергли глобальной критике существующий миропорядок, задав вопросы, на которые нельзя было найти однозначные, успокаивающие ответы. Уже в раннем дневнике будущий автор «Саввы» и «Дневника Сатаны» запишет, что он «непреренно завоеует себе почетное звание „знаменитого“ писателя и своими писаниями разрушит и мораль, и установившиеся человеческие отношения, разрушит любовь и религию и закончит свою жизнь всеразрушением».¹⁵

Пессимистические настроения Андреева принято связывать прежде всего с влиянием на него Шопенгауэра и Гартмана, позднее — Ницше. Сочинения этих философов действительно оказали глубокое воздействие на мировоззрение писателя, но андреевский нигилизм имел и более близкие, русские корни. «Моментом сознательного отношения к книге, — вспоминал позднее сам Андреев, — считаю тот, когда впервые прочел Писарева, а вскоре затем „В чем моя вера?“ Толстого. Это было в классе

¹³ ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26, л. 252.

¹⁴ Брусянин В. В. Леонид Андреев. Жизнь и творчество. М., 1912. С. 31.

¹⁵ Там же. С. 55. Эту запись Брусянин воспроизводит, очевидно, по памяти. Ср. аналогичное признание Андреева в письме к З. Н. Сибилевой от 23 июня 1890 г.: «... вот уже второй год мной завладела мысль о несостоятельности нашей нравственности, что нет ни „подло“, ни „честно“» (ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26, л. 3 об.).

четвертом или пятом гимназии; и тут я сделался одновременно социологом, философом, естествоискусником и всем остальным. Вгрызаясь в Гартмана и Шопенгауэра, и в то же время наизусть (. . .) вы зубрил полкниги „Учение о пище“ Молешотта. К двадцати годам я хорошо знаком был со всею русскою и иностранною (переводной) литературою». ¹⁶ Неизвестно, какие сочинения Писарева читал юный гимназист, однако несомненно, что призывы отбросить «разный старый хлам» в вопросах «нравственности и житейских отношений» («что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то и хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть») ¹⁷ не могли не найти отклика в душе юного ниспровергателя устоев. Позднее Андреев признавался, что, читая трактат Толстого, взял из него только «отрицательную часть», не приняв толстовского вероучения. Не случайно и свою нашумевшую «Бездну» он назовет впоследствии «родной дочерью» «Крейцеровой сонаты».

Говоря о «литературной эмбриологии» Андреева, если использовать выражение Н. К. Михайловского, исследователи, как правило, не называют имени Герцена. Но вот какое характерное свидетельство содержится в письме Андреева: «А хорошая это вещь: убедиться навсегда, как доктор Крупов, что все сумасшедшие, много легче жить на свете становится. Так хладнокровно относиться тогда и к чужой глупости и подлости, и над собой всегда посмеяться можно. Да, я теперь окончательно убедился в этом». ¹⁸ «Нигилизм, — писал Н. А. Бердяев в „Русской идее“, — обвиняли в отрицании морали, в аморализме. В действительности в русском аморализме (. . .) есть сильный моральный пафос, пафос негодования против царящего в мире зла и неправды, пафос, устремленный к лучшей жизни, в которой будет больше правды: в нигилизме сказался русский максимализм». ¹⁹ Странно лишь, что Бердяев не называет Леонида Андреева как одного из ближайших предшественников русского персонализма, очевидно усматривая его «чужеродность» в богоборческом пафосе многих произведений писателя. Думается, однако, что в страстных отрицаниях Андреева, в его почти кошунственных выпадах против христианских заповедей и самого Христа, было едва ли не больше жажды веры, чем в религиозных исканиях русских персоналистов. Но характерно, что одним из наиболее ярких представителей этого течения Бердяев называет Писарева.

Приведем характерную запись в дневнике Л. Толстого, сделанную в 1874 г.: «Проживя под 50 лет, я убедился, что земная жизнь ничего не дает, и тот умный человек, который взглянется в земную жизнь серьезно, труды, страх, упреки, борьба — *зачем?* — ради сумасшествия, тот

---

¹⁶ Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., 1911. С. 29.

¹⁷ Писарев Д. И. Соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 110, 135.

¹⁸ Письмо от 7 января 1892 г. к З. Н. Сибилевой: ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26.

¹⁹ Бердяев Н. А. Русская идея//Вопросы философии. 1990. № 2. С. 91. 15 марта 1890 г. 18-летний Андреев делает попытку доказать в своем дневнике, что человек по преимуществу эгоистичен: «Такие исключения, как Христос, Гус, Савонарола, кажутся таковыми лишь на первый взгляд. Если измерять глубину эгоизма (. . .) то величайшими эгоистами окажутся Гус и др., жертвующие собственной жизнью во имя собственного „я“» (цитируется в обратном переводе с французского по: Zviguilski A. P. 151). Ср. с записью в последнем дневнике Андреева: «Сейчас захотелось молиться. Но как? Но кому? Какими словами?» (цит. по: Реквием. Сборник памяти Леонида Андреева. М., 1930. С. 46).

сейчас застрелится, и Гартман и Шопенгауэр прав. Но Шопенгауэр давал чувствовать, что есть что-то, отчего он не застрелился. Вот это *что-то* есть задача моей книги. Чем мы живем?»²⁰ В это время Толстой работает над «Исповедью».

В дневнике 1890 г. Андреев набрасывал план философского сочинения, озаглавленного им «Проклятые вопросы».²¹ Если бы это сочинение было завершено и дошло до нас, мы бы обнаружили в нем основные темы будущих произведений, как читаются они в ранних дневниках и письмах, ибо именно «проклятые вопросы» лежали в основе всех произведений Андреева — от ранних рассказов до «Реквиема» и «Собачьего вальса». Трагическая раздвоенность сознания, повышенный интерес к человеческой мысли, находящейся на грани катастрофы и останавливающейся перед непостижимой загадкой смысла и цели бытия, отчаяние и ужас перед лицом неизбежной смерти, постоянно присутствующий в жизни и творчестве писателя мотив самоубийства — все это есть в ранних дневниках Андреева. Однако внимательный читатель заметит за строками и острое чувство неудовлетворенности собой и окружающей действительностью, и бескомпромиссность в поисках истины, и страстную жажду идеала. В одном из писем той поры он признается: «...хочется всего себя отдать чему-нибудь великому, хорошему, хочется забыть в гармонии чувства и мысли».²² Сын своего времени, Андреев уже не мог пребывать в эйфории позитивизма 60-х годов с его увлечением естественными науками, не мог ощутить и духовного подъема эпохи «хождения в народ», застав народничество в глубоком кризисе; его скепсис распространяется и на зарождающиеся марксистские кружки, в которых он появляется случайным гостем; не находя в себе глубокого религиозного чувства, он отказывается принять и официальное христианство, и толстовское вероучение. Как верно писал Г. Чулков, «он был одним из многих русских скитальцев (...) Но он был сыном своего времени, он был весь в предчувствии катастрофы».²³ Вот почему дневник Леонида Андреева является не только фактом его биографии, не только позволяет увидеть в зародыше темы многих будущих произведений, но и сам по себе является документом эпохи.

Публикуемый дневник хронологически охватывает первые месяцы петербургского периода жизни Андреева, начавшегося с поступления на юридический факультет Петербургского университета, откуда он в 1893 г. был отчислен за невзнос платы. В том же 1893 г. он переводится в Московский университет, который успешно заканчивает в 1897 г. Сомнения относительно поступления в Петербургский университет не покидали Андреева еще на последнем году гимназического учения. Петербург произвел на него тяжелое впечатление. «Буйному орловцу» было тесно в каменных комнатухах дешевых пансионов. Петербург войдет в его творчество как «страшный и непонятный город» (рассказ «Молчание», 1900), в котором есть «что-то упорное, непобедимое и равнодушно-жестокое» («Город», 1902). В рассказе «Он» (1913), герой которого — студент, исключенный, как и сам Леонид Андреев, из Петербургского университета «за невзнос платы», называет свою студенческую жизнь «дешевкою студенческой борьбы за существование», а Петербург ассоциируется у него с «голодовками, пятачками и гривенниками». Этот герой, кстати, ведет дневник, находя в нем исход своему «печальному воображению, склонному к тягостным вымыслам».

²⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 48. С. 347.

²¹ См. об этом: *Zoiguiński A.* P. 150—151.

²² Письмо от 12 октября 1890 г. к З. Н. Сибилевой: ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26, л. 15 об.

²³ Книга о Леониде Андрееве. С. 65.

Как никто другой, Андреев был писателем устойчивых мотивов, большинство которых присутствует в его ранних дневниках. Тяготение к резким контрастам, к противопоставлению «первой» и «второй» действительности позволяет обнаружить в его творчестве романтические корни.²⁴ Ставшее привычным определение раннего периода его творчества как реалистического с последующей эволюцией к символизму или, по другой версии, к экспрессионизму, возможно, будет поколеблено в связи с изучением дневников будущего писателя. Разумеется, это был период исканий творческого самоопределения, но именно в это время он ищет и находит исход своему воображению, своим мыслям и чувствам. Вот что он сообщает своей орловской знакомой, узнав в апреле 1892 г. о том, что его рассказ «В холоде и золоте» будет напечатан: «Это было моим первым опытом — и к счастью удачным. Теперь уж с уверенностью последую своей склонности и займусь не на шутку писательством. Я уверен, что меня ожидает успех. Я знаю себя, знаю, что я могу сделать многое, если захочу».²⁵ Пройдет десять лет, прежде чем он напишет героине своего раннего дневника З. Н. Сибилевой: «Книжка моя пошла хорошо — в три недели продано 5000 второго издания — и это освободит меня для чистой литературной работы. А литературу я люблю до смерти!».²⁶ Годы студенчества — только поиск этого единственного пути, но предчувствием его наполнены и письма и дневники вчерашнего гимназиста. «И чувствуешь вместе с тем, что дремлет в тебе какая-то великая необъятная сила, — пишет он 26 июня 1891 г. З. Н. Сибилевой, — и эта сила — сила любви. Найти бы только исход этой любви, полюбить что-нибудь так, как она того требует — и горы, кажется, с места сдвинул бы. . . Да что полюбить-то? Людей? Так ведь их можно только ненавидеть. Науку? Но науку любят умом, а у меня сердце, мятежное сердце ищет любви. Ведь сердце у меня чуть не разрывается от страстного, нестерпимого желания любви, а голова. . . голова только смеется над сердцем, над этими строками, писанными от сердца. Любить женщину? Но ведь женщина такой же человек, как и я, такой же смертный, несвободный, ограниченный, а я хочу любить то, что абсолютно, вечно, что меня, своего адепта, сделало бы бессмертным и великим».²⁷ Было бы странно читать эти строки, обращенные к любимой женщине, если бы они не принадлежали будущему писателю Леониду Андрееву. А через несколько месяцев из-за этой женщины он будет пытаться убить себя, как два года спустя совершит попытку застрелиться из-за другой женщины, пока не найдет

²⁴ «Я не делаю из этого теории, но для меня воображаемое было всегда выше сущего», — писал Андреев позднее Борису Зайцеву. Интересно, что именно этой особенностью он объясняет свое пристрастие к алкоголю: «Поэтому я, пока не сделался писателем и не освободил в себе способности воображения, так любил пьянство и его чудесные и страшные сны» (Книга о Леониде Андрееве. С. 86). В том же письме он признавался: «Сколько скучных дней и просто неинтересных людей в первой действительности (. . .) и чем правдивее я буду изображать, тем меньше останется правды. Ибо само слово принадлежит ко второй действительности, само по себе оно картина, рассказ, сочинение» (Там же. С. 87). Не случайно Г. Чулков определял Леонида Андреева именно как романтика: «. . . как человек, он был все-таки, несмотря ни на что, из той страны, из той духовной отчизны, где растет „голубой цветок“. Весь его болезненный хмель оправдывался тем, что в сердце у него всегда звучала какая-то песня „не от мира сего“». Андреев был романтиком, и романтиком своеобразным» (Там же. С. 68—69).

²⁵ Письмо к Л. Н. Дмитриевой от 28 апреля 1892 г.: Архив Орловского гос. музея, № 2634.

²⁶ ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26, л. 252.

²⁷ Там же, л. 138 об. — 139.

выход бурлящим творческим силам в литературе, которая принесет ему славу и бессмертие.

Какими бы субъективными, незначительными, а подчас и отталкивающими ни казались нам некоторые черты личности Андреева, раскрывающиеся на страницах его ранних дневников, будем помнить, что его «мятежное сердце» действительно разорвалось, как он сам себе пророчил в юности, от страстной любви и тоски по родине, отрезанной от него революционными событиями. «Революция его задела чрезвычайно, — писал в своих воспоминаниях Б. Зайцев. — Пережить ее ему не удалось. Сколько его знал я, он был индивидуалистом, индивидуалистом и ушел, писателем, за письменным столом скончавшимся от разрыва сердца. Много волновалось ведь оно и в тихие времена; бури уже не вынесло».²⁸

Тяжелый и мучительный опыт осознания своего пути, отраженный в ранних дневниках Леонида Андреева, человека, по словам Горького, «редкой оригинальности, редкого таланта и достаточно мужественного в своих поисках истины»,²⁹ дает уникальную возможность более глубокого постижения творческих истоков писательской судьбы, вобравшей в себя противоречивый и мятежный дух предреволюционной эпохи, уточнить многие факты личной биографии; наконец, этот опыт имеет ценность и как запечатленный в слове процесс нравственного и творческого становления личности.

При подготовке текста к печати соблюдался принцип приближенности к современной пунктуации и орфографии. Текстологические замечания и переводы иностранных слов даются под строкой; в угловых скобках восстанавливаются сокращенные слова, раскрываются известные имена и фамилии; в квадратных скобках даются зачеркнутые слова.

В заключение приношу благодарность Л. В. Ивановой и другим сотрудникам Дома-музея Леонида Андреева в Орле за помощь в подготовке настоящей публикации.

ДНЕВНИК

Кто беспокойному сердцу ответит?
Море любви ему в вечности светит,
Светит желанный покой!..¹

Том II, часть I

3 сентября 1891 — 5 февраля 1892

3 сентября 1981. Вторник. <Петербург>.

Для меня всегда очень трудно и неприятно начинать новую тетрадку, так же неприятно, как потерять старого друга и входить в дружбу с новым. Не знаешь, как нужно и что нужно говорить, чтоб ему потрафить; кажется, что он тебя

²⁸ Книга о Леониде Андрееве. С. 89.

²⁹ Там же. С. 38.

слишком мало понимает, и много времени нужно для того, чтоб он стал тем, чем он должен быть, т. е. чтоб с одного слова он понимал весь тот ряд мыслей и чувств, который в данную минуту составляет твоё настроение.

Вот уже полторы недели, как я в Петербурге.² Да, только полторы недели — а когда вспомнишь свою мирную, тихую, беспечальную и беззаботную орловскую жизнь, начинает казаться, что прошли уже целые года, до того непохожа она, до того далека от моей теперешней, преисполненной забот, огорчений и всяческих разнокалиберных впечатлений жизни. Впечатления! Можно в Орле прожить год и не испытать их столько, сколько испытал я их здесь за немногие дни. И нечего греха таить — мало хорошего узнал я здесь. Университет, который в настоящее реакционное время можно назвать усовершенствованной, поправленной и дополненной Гимназией; Университет, который сперва отказывает мне в приеме вследствие дурной характеристики,³ а затем так же резонно принимает меня благодаря какому-то поручительству; полиция, всем заведывающая, все пронюхивающая, ибо она свой нос сует повсюду; полиция, следящая не только за поступками человека, но и за его мыслями, и не <за> теми только мыслями, которые воплощаются в свою естественную форму — слово, но и за теми, которые еще не являлись на свет Божий. Боишься не только говорить, но и думать. Каждую минуту над тобой висит дамоклов меч в виде дворника, подозрительно оглядывающего твою комнату, в виде городского, с подозрением провожающего глазами всякого студента. Я ничем не гарантирован, что даже этот дневник, которого я не даю в руки и близким мне людям, не попадет в грязные лапы какого-нибудь околоточного или сыщика.⁴ Проклятый Петербург! А тут эти петербургские новые знакомые: юноши, до ослепления увлекающиеся своим профессиональным потрошением и плюющие на остальной мир, не занятый этим «специально человеческим делом»; старцы, строящие из себя юношей...

Нет, не в силах я переламявать и себя и писать этим равнодушным и втигиватым словом. Мне скверно, страшно скверно. Скверно было вчера, еще сквернее нынче — и не знаю, как будет завтра. С одной стороны, меня мучает необеспеченность: денег мало, а уроков не предвидится, а с другой — Зинаида⁵ и я сам. Не знаю, что с нами случилось: оба чисто сбесились — ссоры, ссоры и ссоры. И оба, главное, не правы, и я, и она. Благодаря этому я страшно одинок; сперва, пока жил в пансионе у Гедройц,⁶ одинок был только душевно, так как вокруг народу много, а теперь, когда перешел на квартиру,⁷ одинок и душевно и с общественной точки зрения. Хотя Зинаида должна жить со мной вместе, но ее переезд

все откладывается отчасти благодаря ей самой, а отчасти по не зависящим от нее обстоятельствам — и я все вечера один. А это при полной неспособности к чтению и какой бы то ни было умственной работе — ужасно. И из-за чего мы ссоримся? Она любит меня, я люблю ее, а вместе с тем нами еще ни одного слова человеческого не было сказано: только брань, попреки — да изредка «поцелуй», пот<ому> что и помирившись мы не в состоянии все-таки говорить о чем бы то ни было, ибо опять рискуем поссориться. Я и себя не узнаю. В Орле я был гораздо уступчивей и благоразумней, а теперь прямо с ума сошел. Это и сказала сейчас Зинаида — и она права. Полчаса тому назад у нас была самая крупная ссора; наговорили друг другу ужасных оскорблений и расстались чуть ли не навсегда, ибо я не уверен, придет она теперь или нет. Дело вышло из-за пустяков. Она была немного не права, а я не прав совершенно. Она вела себя нелепо и дико, а я еще хуже. Я знал, что сделаю я незначительную уступку — и я не был бы теперь один, не был бы один и после; не томился бы такой ужасной тоской, от которой я не знаю куда деваться, что делать с собой. Уступка эта ничего мне не стоила, но я ее не сделал, а вместо того оттолкнул Зинаиду, прогнал ее от себя, и теперь мучаюсь. Зачем я это сделал? Чем руководился? — не знаю. Я тогда сознавал, что поступаю дико, не глупо, а именно дико, но не мог поступать иначе. Я сам сделал свое несчастье.

4 сентября. Среда.

Зинаида вчера пришла; я повинился перед ней, и мы помирились, так что с этой стороны все благополучно. С других сторон есть и реальные неприятности, как, напр<имер>, то обстоятельство, что я до сих пор не могу выхлопотать себе из У<ниверсите>та свидетельство на жительство и поему подвергаюсь ежедневным нашествиям докучного дворника, есть неприятности и более духовного свойства. Доставляет мне их тот же У<ниверсите>т, и состоят они в целом ряде вопросов, на которые наталкивают у<ниверсите>тская наука и у<ниверсите>тская жизнь.

Слышал я прежде, что для вступающих в Ун<иверси>тет важна в особенности первая лекция, так как она разом из мира куцой, ненаучно-научной гимназической науки с ее обязательностью и элементарностью переносит в сферу высшего чистого знания, не зависящего ни от учебников, одобренных М<инистерством> н<ародного> п<росвещения>, ни от убеждений директора. И, говорили мне, переход этот так резок, так неожиданен, несмотря на долговременную подготовку

к нему, что человек сразу теряется и хлопает ушами, не будучи в состоянии сразу приспособиться и открыть уши для «нового слова». Вообще много говорили мне о том, какое дивное впечатление производит на всех У<ниверсите>т в первое время, и я, как только ввалился в У<ниверсите>т, с нетерпением стал ожидать, скоро ж это и на мне станет отражаться чудное действие у<ниверсите>тских порядков, лекций и стен. Но, увы, так и не дождался. Удивляться, действительно, пришлось многому, но ничего не нашел я ни поражающего, ни приводящего в восторг в этих лекциях и порядках. Не знаю, сам ли я еще слишком твердо храню в своем сердце Гимназию, или же те студенты, которых я вокруг себя вижу, суть не студенты, а только надевшие студ<енческую> форму и обросшие бородами гимназисты, но только пахнет, пахнет Гимназией. Уже одно то, что ум останавливается на таком ничтожном различии, как свобода куренья, доказывает, насколько ничтожны другие отличия, ничтожны до того, что их и не замечаешь. Они, конечно, есть: «милостивый государь», «имею честь читать», «прошу обратить ваше внимание» и т. п., показывающие, что к нам относятся уже не как к детям, а как к взрослым. Но неужели вся разница между Г<имнази>ей и У<ниверсите>том только в этом и состоит, и я должен радоваться, что меня, 20-летнего малого, не ругают мальчишкой и позволяют курить?

Есть еще одна действительная разница, принять которую я пока не в силах. Это то, что в Гимназии нам задавали уроки, а здесь читают лекции. Не в силах я именно понять, в чем преимущество чтения лекций перед заданием уроков. Не в том, что я в одном случае вижу мертвые буквы, а в другом слышу живое слово? Но насколько я пока слышал это живое слово, для меня много интересней и весомей мертвая буква. Прежде всего некоторые профессора представляют собой только говорильные машины и притом дурной системы, так как постоянно заикаются и хрипят. Другие же, наоборот, слишком показывают, что они люди, и так кривляются и гримасничают на своих кафедрах, что напоминают или шутов или одержимых бесами. Есть между ними середина — и это самое лучшее, что я видел, но и здесь для меня непонятно, в чем выгода лекции выслушанной или же прочитанной мной самим? И я не только, *пока*, не вижу выгоды, но вижу одни неудобства и невыгоды. Положим, что профессор читает свою лекцию ясным, внятнм языком, без перхаканий, без ненужной жестикуляции, отвлекающей внимание от предмета, он все-таки в своей прочитанной лекции не скажет ничего лишнего против того, что находится в той же самой литографированной лекции. Значит, с этой стороны

выгоды никакой нет. Если же мы заметим, что при слушании, и притом напряженном, так как, пропустивши одно слово, становится очень трудно понимать остальные, внимание не может быть продолжительным, так что к концу часа на всех лицах заметно утомление, то выйдет, что и здесь нет никакого преимущества перед чтением, при котором два-три часа незаметны. Если вдобавок обратить внимание на различные мелкие неудобства, как неудобство сидеть долгое время в одном положении, невозможность покурить, — все это отвлекает внимание от лекции. Затем, при чтении я всегда имею возможность два, три, сколько мне угодно раз, прочесть непонятое мною место, тогда как при слушании этой возможности не существует. Наконец, еще неудобство: при чтении я могу остановиться тогда, когда я уже успел составить себе ясное представление об известной стороне предмета, т. е. когда прочтенное мною стоит в голове цельным и понятным, здесь же я должен остановиться тогда, когда пробьет звонок, независимо от того, на каком месте прерывает он лекцию. Есть у нас известный сорт читателей, которые, получивши книжку журнала, прочитывают ее от доски до доски, перескакивая с романа на повесть, с повести на критическую статью, и все это ничем не связанное между собою, все неоконченное, — и мне кажется, что мы, студенты, очень похожим на них, перескакивая с римского права на политическую экономию, а с ней последней на какое-нибудь богословие.

Все мною сказанное не может относиться, конечно, к лекциям физико-математического факультета, где лекции необходимо сопровождаются опытами и где вообще приходится иметь дело не с понятиями, а с вещами. Там особь статья.

9 сентября. Понедельник.

С Зинаидой, кажется, у нас совсем кончено. Я по крайней мере не только примирился уже с этой мыслью, но употребляю все усилия к тому, чтобы не оказаться на этот раз таким же слабым, каким оказывался я прежде при подобных почти обстоятельствах. Не буду говорить о всех тех «мелочах», которые привели меня к этому — слишком уж много их, а скажу только, к каким заключениям они приводят. Зинаида прежде всего любит только себя, а меня ровно настолько, насколько я ей доставляю удовольствие. Затем она страшно избалована и привыкла, чтоб ей все подчинялись, чтоб исполнялись всяческие ее прихоти, которые она всегда считает законсообразными и справедливыми. Я же не привык подчиняться и привык исполнять только те желания других, которые действительно разумны и справедливы. Наконец, что

самое скверное в ней — это чисто женское маломыслие, благодаря которому для нее истина то, чего она хочет. Никакими словами, никакими доводами нельзя убедить ее, что она неправа, и если б она упорствовала только из желания добиться своего — а то нет, она сама искренне верит своей правоте. И в этой вере она доходит до возмутительных вещей. Так, напр<имер>, вот недавно она сказала мне такую фразу: «Вы не имеете права говорить что бы то ни было обо мне А. А.,⁸ говорить о наших отношениях» (в сущности, я вчера не сказал ничего такого А. А., что бы ему не было уже известно). Вместе с тем среди ее петерб<ургских> близких знакомых нет ни одного, который не знал бы <в> точности, что я такое; сам А. А. вчера огорошил меня заявлением, что он читал часть моих писем; что ему известны *все мои мысли, мечты и желания*. Зин<аида> не забыла даже сообщить ему о том, что мать заложила дом, чтобы купить мне велосипед, — и, конечно, придала этому якобы факту очень дурную окраску, хотя бы ей-то давно следовало знать меня, и знать, чем был тогда для меня велосипед.⁹ Вера Игн<атьевна>, Дмит<рий> Петрович,¹⁰ все знают наши отношения и все дают ей советы, как должна она вести себя со мной. Больше всего возмущает меня то, что она давала читать мои письма. Она, впрочем, и сама, должно быть, сознает всю мерзость этого поступка, пот<ому> что лгала мне и уверяла — это было давно уже, — что она никому не дает моих писем. Да всего и не перескажешь. Все это она называет мелочами, а эти мелочи доводят меня *до слез*, до сумасшествия.

Да и вот как <на> нас отражаются все ссоры и неприятности. Я вот сейчас дохожу до бешенства, быстрыми шагами иду к неврастении, пот<ому> что почти не могу уже спать, а она... она только спит лишний час или два.

18 сентября. Среда.

Мне, кажется, удалось понять наши отношения с Зинаидой, удалось найти причину тех беспричинных, как я думал, ссор, которые отравляют. Нужно сказать, что я с З<инаидой> примирился. Произошло это обычным путем. Она стала ласкова, уступчива, надавала разного рода обещаний; я хотя и не верил ни на йоту этим обещаниям, но размягчился, [видя] воображая, что она хоть вину свою сознает, и наконец уступил ввиду многих осязательных преимуществ примирения. Но со второго же дня началось повторение прошлого: ссоры, шпильки ежеминутные и т. д. На этот раз они сослужили нам, вернее мне, известную службу, уяснив наши взаимные отношения. После всякой ссоры З<инаида>, желая окон-

чательно сразить меня, говорит: «Не я первая начала!» Да, как ни горько, а приходится сознаваться, что действительно, я первый начинаю ссоры, но отсюда уже, кажется мне, не особенно трудно догадаться, на чьей стороне лежит вина ссор. Ведь ругаться я, конечно, начинаю только тогда, когда Зинаида совершает какой-либо поступок, который, как мне кажется, не к лицу любящему человеку. Так как ссоры у нас постоянные, то, следовательно, Зинаида должна очень часто отступать от своих обязанностей. Но вопрос в том, чаще ли она отступает от них, чем прежде, или же, наоборот, увеличились мои требования? И то и другое. И отступает чаще, и требования увеличились. Какое из этих обстоятельств служит причиной, а какое следствием — не скажу: вернее, они взаимодействуют. В глубине же обоих лежат такие причины: Зинаида потому чаще отступает, что уверена в моей любви, сама сравнительно любит мало и наконец имеет вокруг себя почву, благоприятную для отступлений. Я же потому предъявляю ей увеличенные требования, что 1) вижу уменьшение ее любви, [а своей увеличение], 2) что сам люблю ее больше, чем прежде, и в-3) что я здесь совершенно одинок и потому принужден все свои мысли и чувства, которые в другое время расходились бы на десяток лиц, расходовать на нее одну. Следствием коллизии этих двух направлений является то, что Зинаида с утра до ночи отступает, а я с утра до ночи пилю ее. Картина очень невеселая и притом глупая. Конечно, в результате всех ссор, каждый из нас остается правым, потому что Зинаида смотрит на вещи с точки зрения права, и с этой точки зрения она права, а я смотрю с точки зрения любви — и точно так же прав. Другими словами, мы с Зинаидой только поменялись ролями: как раз так же обстояло дело около двух лет тому назад, с той только разницей, что я толковал о праве, а Зинаида о любви.

Вот еще что нужно заметить. Если б Зинаида все время твердо стояла на правой точке зрения, с ней еще можно было бы поладить и можно было б хоть иногда разуверить ее; но в том-то и дело, что она перескакивает с своей точки зрения на всякую другую, и на мою даже, когда видит, что эта другая будет для нее удобнее. Весьма естественно, что таким образом исчезает всякая возможность найти среднее, т. е. примирение.

Большое притом значение имеет еще, помимо уменьшения любви, и характер Зинаиды. Благодаря тому, что за ней до сих пор только ухаживали, только соглашались с ней и воскурляли ей фимиамы, она теперь не терпит никаких противоречий и требует обязательного себе подчинения. Довольно-таки узкий эгоизм, выработавшийся в ней под влиянием тех

же ухаживаний, точно так же играет свою роль, и немало-важную. Если ко всему этому я прибавлю, что Зинаида очень легкомысленна, т. е. умственный кругозор ее ограничивается всегда только данной минутой, да небольшими кусочками ближайшего прошлого и ближайшего будущего, что, конечно, отнимает возможность правильного суждения и заставляет ее очень легко относиться ко всему и делать глупости, то характеристика [ее] будет до известной степени полна.

Теперь еще один вопрос: в самом ли я деле настолько сильно люблю Зинаиду, как воображаю и как воображает она, и затем, из одной ли любви проистекают мои увеличенные требования или здесь незаметно действует еще какой-нибудь фактор?

Об этом, точно так же как и о многом другом, поговорю вечером.

12 ч. ночи.

Итак, сильно ли я люблю Зинаиду? Ей-богу, не могу на это ответить. Любить-то, конечно, люблю, но в пределах умеренности, мне кажется, а что требования усиленные проистекают из другого, не совсем чистого источника. Вызваны они особенностями моего теперешнего положения: одиночеством и хандрой. В самом деле: весь почти день один, не с кем словом перекинуться — а тут приходит вечером она и или ложится спать, или читать собирается. Ну скажешь ей, что это нехорошо, что она со мной двух слов не сказала; она на это ответит, что устала, или что ей говорить не о чем, или читать хочется; я заявляю ей, что это означает недостаток любви с ее стороны и т. д. — ну и пошла потеха. В конце концов она-таки засыпает, а я как бешеный мечусь по комнате.

Отношения мои к окружающим будут таковы. С Верой Игнатьевной на ножах, верней на шпильках; она видит во мне всяческие недостатки, подозревает, что я порчу ее дружеские отношения с Зинаидой, полагает, что я ее, т. е. Веру Игнатьевну, терпеть не могу и т. п., — и конечно, ошибается. В сущности она думает обо мне столько же, сколько и о китайском богдыхане. Да и некогда ей думать: она ведет двойную, не то тройную игру, причем ее мышкам приходится очень солоно. А влюблены в нее до безумия: брови она нахмурит — готовы ей с неба звезды достать. Молодец-девица! Впрочем, она сама себе хорошо цену знает — и это ее коренной недостаток. Она забывает только, что на нее, как и на другие предметы роскоши преимущественно, цена опре-

деляется спросом, а что абсолютной ценности она не имеет. Ну да Бог с ней, она все-таки лучше многих.

Так называемые «старики», т. е. Леонид Петров(ич) Р(азумовский), Дмитрий Петрович Невст(роев) и Александр Александрович (Бодиско) относятся ко мне по-разному. Леонид Петрович, всецело занятый игрой, — он одна из мышек и притом самая несчастная, — относится ко мне безразлично; Дмит(рий) Петрович, очень симпатичный, мягкотелый, добродушный и, как все математики, не видящий дальше своего носа субъект, старается выказать мне расположение, но в душе, кажется, дурного обо мне мнения. (Этот Дмитр(ий) Петр(ович) бывший обожатель и друг Зин(аиды), которому она говорила обо мне все, нынче увлекается Коссовой, той рыбовидной девицей, о которой я как-то говорил. В его любви, как и в фигуре, много комического.) Третий, Алек(сандр) Александрович, будет самый интересный. Он умен, остроумен и свысока осмеивает всех и вся — и себя в том числе. Он бывший (?) друг и ухаживатель Зинаиды, и как я уже говорил, имевший известный успех. Встретились мы с ним враждебно настроенными [друг против друга] (впрочем, это относится только ко мне) и притом заинтересованные друг другом. Случай дал нам возможность побеседовать — в результате маленькая размолвка, хотя я говорил ему, что он мне нравится; кажется, я недостаточно уважения оказал ему. Теперь он против меня — и то слава Богу — а то все безразлично и безразлично. Зинаида с ним все еще не прекращает игры, точно так же как до сих пор не хочет помириться с тем, что Д(митрий) П(етрович) влюблен в Коссову, а М. М.¹¹ не влюблен в нее, в Зинаиду.

Варвара¹² относится ко мне довольно хорошо, но, если я умру, забудет обо мне на другой день и никогда не вспомнит. Познакомился с двумя студентами, естественниками. Один, брат Леон(ида) Петровича, представляет собой 20-летнего, бородатого младенца, с материалистическими тенденциями и самыми «естественными» взглядами. Впрочем, малый очень простой и хороший. Другой — так, ерунда на постном масле — довольно безличная личность. Р(азумовский) хочет ввести меня в один кружок, где все однородны с ним. Кружок безобидный — судя по Р(азумовскому).¹³

Довольно часто получаю письма из Орла. Получил также от Дмит(риево)й¹⁴ и от Васильевой.¹⁵ Дмит(риево)й толкует все о своем расположении ко мне, а Васильева очень наивно напоминает, вернее говорит о том, что я ей очень нравлюсь.

Мое положение таково, что его по всей справедливости можно назвать безвыходным. Наши отношения с Зинаидой обострились до невозможности оставаться дальше в таком положении. И с моей и с ее стороны была уже неоднократно произнесена вечно новая фраза: «Проклят и день тот и час, когда я Вас полюбил или полюбила». Оба мы страдаем ужасно — вернее, заставляем страдать друг друга, но не можем поступать иначе, хотя оба даем постоянные обеты исправиться и изменить все. И главное — можно сказать с полной уверенностью, что будущее не принесет с собой никакой перемены. Из этой невозможности вполне логично вытекает единственное средство, к(отор)ое могло бы избавить нас от страданий, это средство — разрыв. Но он для нас недоступен, хотя я собственно согласен был бы на него, пот(ому) что, как ни горько мне навсегда расстаться с З(инаидой), но лучше, выходит, уж расстаться сразу, чем ежедневно мучаться и в конце концов прийти к тому же самому. Вместе с тем Зинаида не может разорвать, да и я в те минуты, когда у нас нет ссор, мало чувствую себя способным на это. И вот мы, скованные какой-то невидимой цепью, должны вести ужасное, мучительное существование, без всякой надежды улучшить его когда-нибудь. Если бы вдобавок у меня не было матери — я разрубил бы посредством пули этот гордиев узел — а то ведь мать, мать-то!¹⁶ А ей-богу, убить себя было б не в пример лучше, чем жить так, как мы живем. Достаточно вспомнить о том, что я теперь чуть не каждый день дохожу до слез — да каких еще слез! Я так плакал только, когда отец умер.¹⁷ Ведь вот сейчас даже, когда мы с З(инаидой) в мире, — и теперь, как вспомню эти минуты безысходной муки, так впору только убить себя. Что делать, что делать — положительно не знаю!

Познакомился, наконец, с кружком, о котором говорил. Впечатлений получил от него много — остановлюсь из них на двух: это было что-то вроде страха. В этих бородатых, сильно фанатичных, нетерпимых людях я увидел что-то особенное, какую-то скрытую великую силу. Я одно мгновение почувствовал себя так, как должен чувствовать себя человек, попавший в клетку хищных зверей, — хотя какой там хищный зверь этот сплошно добродушный О. или вечный младенец Р(азумовский). И силы-то у них нет, да и будет она, не против же меня обращена она, а вместе с тем я струсил.¹⁸

Вторым, наиболее резким впечатлением было сознание, яркое сознание своей беспочвенности. Все они чему-то верят, к чему-то стремятся, цель какую-то видят — один я без веры, без стремлений, без цели. Я не знаю даже, как мне говорить,

за что стоять и против чего ратовать. Без догмата! ¹⁹ Да, мне смешна всякая вера, всякое увлечение, и приходится верить или делать вид, что веришь, чтобы не остаться одному, чтоб тебя мог понять хоть один живой человек.

24 сентября. Вторник.

Кажется, ведь должен быть материал для писания, по-т(ому) что ни одного дня не проходит, чтоб не явилось чего-нибудь новенького касательно моей психики — а вместе с тем не знаю, о чем сейчас писать. Должно быть, виной этому сознание, что всего не опишешь, а на чем из всего этого остановиться и что бы такое выбрать, что могло бы наилучше послужить для характеристики моего теперешнего я, — не сообразишь. Буду писать, что Бог на душу положит.

Мое несчастное, вечно изменчивое я на этот раз психопатится и чрезвычайно притом сильно, так что заставляет его обладателя подумывать о желтом доме, как о весьма возможном и естественном будущем. ²⁰ Не говоря уже о болезненной раздражительности, которая может быть и без [вредных] сильных повреждений в психи(ке), у меня являются симптомы настоящей неврастении. Меня, наприм(ер), и во сне и наяву преследует страх чего-то такого, о чем я не имею ни малейшего представления. Я боюсь — но чего, не знаю. Сегодня, напр(имер), ходил днем по улицам, довольно пустынным действительно, но не представляющим, конечно, ни малейшей опасности, — и боялся. Боялся и заводских труб — в особенности одной, из которой периодически показывалось пламя; боялся самих черных высоких стен, с заделанными решеткой окнами; боялся и всякого прохожего, но почему боялся, не знаю. Затем, что меня сильнее еще беспокоит, чем этот страх, это ощущение какой-то путаницы в голове. Чувствуется, что как будто мысли сбились каждая с своей дороги и теперь толкаются, путаются, переплетаются между собой — просто черт знает, что с ними там делается. И вся эта их путаница покрыта каким-то белесоватым туманом, из которого то выскочит на поверхность обрывок одной мысли, сейчас же снова исчезнет и заменится таким же клочком [мысли] другой мысли, то покажутся [сразу] неясные очертания сразу нескольких мыслей. Является желание удариться головой о стенку, или сделать вообще что-нибудь такое, что прекратило б этот мучительный шабаш. Совсем почти не могу читать: нужно что-нибудь особенно интересное, такое, чтоб само в голову лезло. И рисовать не в состоянии: проводишь черту — и сам не знаешь, зачем ее провел; в голове нет ясного представления о картине, которую рисую, потому так и выходит.

Ужасное впечатление производит на меня У<ниверсите>т: просто не могу его переваривать. Вот уже вторую неделю не показываю туда носа; вчера показал было, да как просидел полчаса в зале, ожидая конца лекций, — так не знал, как уйти поскорее? Скверно в особенности действуют на меня студенты. Люди они, должно быть, хорошие, а я вижу в них что-то отвратительное, что-то мне до крайности чуждое, как будто не людей даже. Я не могу и проанализировать [этой] того неприятного чувства, какое они во мне вызывают. Что касается лекций, то уже давно их не слушал. В четверг на той неделе пошел к Карееву²¹ — он читает философию истории, и читает очень хорошо, — и не чаял, когда кончится лекция, пот<ому> что мной овладела такая сонливость, как будто я неделю не спал. После лекции чувствовал себя совсем разбитым. Просто не знаю, что со мной делается.

Чувствую большую потребность в обществе, но не имею возможности удовлетворить ей.

Интересно было бы знать, какое в действительности чувство испытываю я к В<ере> И<гнатьевне>. Первое время я вполне искренне думал, что прошло мое увлечение ею — дело давно прошедших дней — и не оставило во мне никакого следа, а теперь так же искренне думаю, что если б В<ера> И<гнатьевна> захотела, я давно был бы у ее ног. К счастью, или к несчастью, но знаю, она не хочет и никогда не захочет.

В материальном отношении — скоро придется, говоря кратко и сильно, положить зубы на полку. Урока нет и не предвидится. Деньги почти все вышли, и я теперь уже одоляюсь у Зинаиды. Нечего говорить, насколько это мне приятно, тем паче что З<инаида> такой человек, что под сердитую руку не усумнится и попрекнуть этим — примеры бывали. Единственное, как я думаю, средство, которое могло бы радикально излечить меня от всех моих страданий, — это много, много денег. Сейчас же бы путешествовать!

26 сентября. Четверг.

Болван! Вот с нынешнего дня мое настоящее имя. Заслужил я его, тысячу раз заслужил, скажу без лести, и заслужил тем, что глупо, как 8-летний ребенок, поддался речам З<инаиды> и поехал с ней и для нее в Петербург.²² Теперь я плачусь за это, сильно плачусь — и поделом, конечно. Пришлось мне испытать теперь то, что еще никогда не испытывал, пришлось ознакомиться с чувством человека, считающего себя лишним. А я не только лишний, но прямо как бельмо на глазу у всех моих милых друзей и знакомых.

Удивительной вещью представляется мне жизнь вообще и моя в частности. Если даже допустить натяжку и признать «жизнь вообще» известной величиной, — что невозможно, — и в этом случае моя личная жизнь представит из себя громаднейший «X». Как я живу, чем я живу, где цель моей жизни, отчего я так сильно страдаю в жизни и так мало радуюсь — вот ряд вопросов, которые я тысячу раз решал на все лады и которые до сих пор еще в сущности остаются открытыми. А ведь каждый раз мне казалось, что эти вопросы решены мной вполне верно, и ничего уже не оставляют неразгаданным. Проходит неделя, другая — и я опять торчу над ними и опять допытываюсь, зачем это я на белом свете живу. Неужели я настолько изменчив, неужели во мне так мало того, что можно бы назвать постоянным элементом мирозерцания, что для меня никогда и ни в чем, ни в мысли, ни в чувствах, нет и не будет истины? То я ставлю себе целью сделаться великим писателем, то плюю на всяческую науку и решаю посвятить жизнь наслаждениям; то я наконец плюю и на самую жизнь и дни и ночи мечтаю о сладости смерти. Вчера я был пессимист, нынче социалист, завтра буду нигилистом, послезавтра еще каким-нибудь «истом» — и в сущности я ничто или, вернее, представляю невозможное соединение всяческих «истов». А от чего я только не страдал и не страдаю! Кажется, нет на свете такой вещи, что не причиняла б мне в свое время мучений. То мне горько оттого, что меня слишком много любят, то оттого, что слишком мало. В гимназии я с нетерпением рвусь в Унив(ерситет), в Унив(ерситете) жалею, а почему я не в гимназии. Проклинаю в Орле Орел и хвалю Питер, в Питере — наоборот. Все не по мне, все не хорошо, все не то, чего я хочу. Жажду науки, сталкиваюсь наконец с ней носом к носу и говорю: «Фу, какая гадость!» Когда люблю [жалею], завидую людям, не ведающим страстей, когда мое сердце пустует, с мольбами призываю Бога любви и требую от него утешений. Временами же я, как будто сбросив свою шкуру, становлюсь до удивления всем и всеми и самим собой довольным. И дураки меня радуют, как богатый материал для размышлений, и пошлости людской я рад, ибо она дает мне лишний повод презирать человечество, и презрение это, ужасное презрение тоже веселит меня, как будто, презирая других, я себя могу не презирать. Потом хандра и всенедовольство. И нельзя, главное, этой нелепой смены необоснованных впечатлений даже под норму подвести и причину им указать. А причина, очевидно, лежит во мне самом, ибо то, что нынче меня радует, завтра

печалит, следовательно, меняюсь я, смотрю на одни и те же вещи, как будто в очки с вечно разными стеклами. Так как, впрочем, недовольство в моей жизни вообще преобладает, то можно эту аналогию несколько видоизменить или, вернее, дополнить. Я как будто сижу в громадном фонаре, в котором те стекла, что выходят на прошедшее и будущее, окрашены в розовый цвет, а те, что обращены к настоящему, — в черный. Фонарь движется: то, что было настоящим, становится прошлым и т. д., и сообразно с этим меняют окраску свою все встречные предметы. Конечно, не один я обладаю таким фонарем, у всякого он есть. У всякого будущее, и во всяком случае прошедшее, бывает окрашено розовым цветом, а настоящее — черным, но только не в такой же степени, поистине безобразной. Да, но как бы то ни было, а ведь пренеприятно знать наверняка, что никогда, ни при каких условиях жизни я не буду счастлив или, по крайности, доволен, и всегда буду озираться назад или заглядывать вперед, пропуская все хорошее, что есть на дороге, или замечая только одни камни. Очень неприятно — и вместе с тем ничего не поделаешь: принять сейчас какое-нибудь благоразумное решение вроде того, что нет, например, ничего в мире, что стоило бы слез, и нет, наоборот, ничего такого, над чем нельзя было бы посмеяться, а потому, дескать, будем смеяться над всем и вся, — выйдет и смешно и глупо, так как решение это послужит только к вящему доказательству сейчас высказанного мной и никоим образом не доставит мне счастья. Так что приходится примириться с этим неизбежным злом, и разве только доставить себе некоторое утешение — выяснить причину того, почему это для меня так хорошо будущее с прошедшим и так дурно настоящее. Может быть два толкования. По одному я выхожу. . . как бы это выразиться поскромней. . . ну загадочной натурой, положим, а по другому совсем не загадочной, а самой обыкновенной дрянью. На самом деле: человека ничто не удовлетворяет, ни мелкие радости житейские, ни те блага, что дает ему судьба; он стремится к чему-то высшему, к чему-то такому, чему и названия нет; даже эпитафией к своему дневнику он ставит такие слова, как

Кто беспокойному сердцу ответит? и т. д. —

слова, которые, ясно, как день, показывают, сколь широки и высоки те требования, которые он предъявляет к жизни, ибо только «в вечности» [он] надеется он найти удовлетворение.

С другой стороны: всякий человек, живущий непосредственной жизнью, т. е. мало вдумывающийся в жизнь и ее явления, а только участвующий в них, всякий человек —

актер, как бы назвал я его, а не актер — зритель, всегда будет в силу своей природы смотреть на мир сквозь призму надежды и, поскольку она касается будущего, видеть его в роз(овом) свете. Между тем когда будущее становится настоящим, ему приходится разочаровываться и даже жалеть о прошедшем, из которого он помнит одно хорошее, а дурное, как всегда водится, давно уже забыл. Нечего, конечно, говорить о том, что человек с настолько развитым умом, чтоб видеть вещи в их настоящем свете, никогда не испытает ничего подобного, ибо он хорошо знает, что разница между настоящим, прошедшим и будущим только в наименовании, а по существу они одинаковы, так что все, что справедливо для настоящего, справедливо и для будущего. Меняются только виды страданий, а страдания всегда остаются. И человек, думающий, что только в настоящем он так сильно страдает, а в будущем этого не будет, просто-напросто глуп, как тысяча Дурасовых.²³

Стало быть, или я велик, или глуп как 1000 Дурасовых. Признать первого я не могу, ибо давно уже известно, что я среднего роста; согласиться же со вторым также не в состоянии, ибо тогда, для пользы отечества, я должен сейчас же убить себя. Не вернее ли будет такое толкование, третье по счету: вся нижеуказанная ерунда происходит отчасти оттого, что я, вечно экспериментируя и анализируя свой дух, приобрел неумеренную любовь к анализу всяческих своих чувствований, тогда как известно, что всякое чувство, как и всякий человек, разложившись, очень дурно пахнет. Эти же самые самоанализы да самонаблюдения настолько ослабили мою волю, что мне приходится на своей дороге мучаться над такими камешками, какие другой человек, с сильной волей, столкнет носком сапога без всяких усилий. В-третьих, наконец, я не ведаю цели своей жизни и потому так часто и неумеренно признаю за собой всякие «измы».

27 сентября. Пятница.

В прошлом дневнике я, помнится, говорил о том, что у В(еры) И(гнатъевны) есть жених. Этим именем принято было обозначать одного офицера, М. Г. По-ого,²⁴ которому она из всех своих обожателей уделяла наибольшую долю любви. Женихом же в полном смысле этого слова он никогда не был, по той простой причине, что В(ера) И(гнатъевна) никогда и не собиралась за него замуж. Их любовная история, как и все вообще подобные истории, в которых участвует женщина, привыкшая к тому, чтоб ее любили, и не дорожающая этим, напоминала игру кошки с мышью, причем

неблагодарная роль последней выпала, естественно, на долю М. Г. Человек с сильно развитыми чувствованиями и мало рефлектирующий, он всей душой отдавался В(ере) И(гнатьевне) и, понятно, требовал от нее того же, но безуспешно. Тех же крох любви, которые она бросала [ему В. И.], хватало ему ровно настолько, чтобы вечно терзаться ревностью и прочей гадостью и в конце концов дойти до неврастения. Почти всю весну он пролежал в клинике; летом В(ера) И(гнатьева) обнаружила к нему — на моих глазах, — довольно сильную (для нее) любовь — но это было последним лучом в его жизни. Затем Петербург, Л(eonид) П(етрович), В-к²⁵ и другие — и В(ера) И(гнатьевна) уже задается мыслью, что нужно еще раз порвать с М. Г. (она однажды уже делала это), а то, как бы то ни было, неловко чуточку прохладиться с другими в то время, как он там живет только ее мнимой любовью. По всей вероятности, она высказала ему в письме эти или им подобные соображения. Ответ получился такой, как и следовало ожидать: «Делайте что и как хотите: для меня в жизни ничего не остается; буду пить и на дне бутылок искать утешения». В(ера) И(гнатьевна) ожидала такого ответа, ее несколько не поразило, что из-за нее человек идет на все тяжкие, портит свою жизнь, да не только портит, а прямо хочет медленно убить себя. Она скас форменной отставкой. Сегодня получила ответ такой, как зала только «глупости!», и, кажется, отправила ему письмо и следовало ожидать, но какого она — удивительно! — не ожидала. В письме из нескольких строк М. Г. говорит, что действительно пора кончить эту комедию, в которой он играл такую глупую роль. И он кончил ее, пот(ому) что, когда В(ера) И(гнатьевна) читает его письмо, его уже нет на свете. Конечно, с В(ерой) И(гнатьевной) сейчас же нервный припадок; отправляется З(инаида) к брату М. Г. узнать, действительно ли тот убил себя, — там ничего не знают. Неизвестность продолжается до сих еще пор. В(ера) И(гнатьевна) совершенно больна — больше душевно, конечно, и — о, человеческое сердце! — ее утешает некий Фен-ров,²⁶ также офицер и наиболее счастливый соперник М. Г. Бедный М. Г. — если б он это знал!

Спрашивается теперь, кто прав и кто виноват в этой драме. Как это ни странно на первый взгляд, но все присные В(еры) И(гнатьевны) и большинство незаинтересованных, но, к своему несчастью, свободомыслящих людей решат, что кругом миноват М. Г., а В(ера) И(гнатьевна) [есть невинная] чиста как голубь и есть жертва людской жестокости и глупости. В самом деле, мало ли людей может влюбиться в нее, а она каждому отвечай, а то застрелятся или утопятся.

Вот еще! где же тогда свобода личности, свобода чувства? [Разве] Неужели ей нужно было лгать и притворяться любящей, когда любовь прошла? Была любовь, она не скрывала, а теперь, когда ее нет, должна делать вид, что есть? И какое право имел М. Г. стреляться из-за нее и писать ей такое письмо, по к(отор)ому выходит, что она как будто причина его смерти? Подумал ли он о том, что ведь причина лежит в нем самом, в его невозможном характере и в слабости воли, и что этим письмом он заставит вечно страдать неповинного человека? О бедная жертва, несчастная страдалица!

Само собой понятно, что такое решение есть сплошная несправедливость. Дело в том, что В(ера) И(гнатъевна) не была пассивна; она не только позволяла любить себя, но даже по временам поощряла эту любовь, хотя никогда не сомневалась в том, что не может серьезно любить М. Г. Человек живет разнообразием; когда ей бывало скучно и все ее поклонники надоедали ей, она обращала внимание на всегда готового к ее услугам М. Г., доводила его до белого каления, а затем, наскучивши и им, обращалась к прежним. М. Г. принимался в расчет ровно настолько, насколько его любовь, по тем или другим причинам, была ей в данный момент приятна — а что он там чувствует, когда его бросают, насколько тяжела для него эта смена ощущений — об этом не думалось. Если он начинал говорить об этом, ему отвечали, что он отравляет другим жизнь, и старались от него отделаться. Вот и отделались. . . Кто же виноват?

Последнее время мои отношения с ней настолько обострились, что я уже решил [перестать] прекратить посещения пансиона. Но сегодня, вызванный туда письмом З(инаиды), я *принужден* был пойти к В(ере) И(гнатъевне), а там уже как-то незаметно состоялось что-то вроде примирения. Что-то дальше будет — интересно.

До сих пор нет писем из Орла. Здорова, даже жива ли мать — не знаю. Вчера получил квитанцию на 15 руб., нынче не успел еще получить. Нахожусь в недоумении, кто это посылает. Думаю, что Дмитриева.²⁷ Вот молодец-то! Я ей чрезвычайно за это благодарен, ибо деньги нужны — позарез.

29 сентября. Воскресенье.

О М. Г. вестей никаких нет. Можно предположить, что его письмо просто буффонада — но это, конечно, не меняет дела и не дает права уважать В(еру) И(гнатъевну)

Деньги, действительно, оказались от Любочки; при деньгах такое милое письмо, что за него мало расцеловать ее.

Получил письмо от матери, здоровье ее кажется ничего, но в денежном отношении положение отвратительное: не писала так долго потому, что 7 копеек на марку не было.

Дела с Зинаидой — ни шатко, ни валко — а глупо.

30 сентября. Понедельник.

Чувствую себя до одурения скверно. Не знаю, что со мной случилось — должно быть, в середине поломка какая-нибудь есть, а то иначе и не объяснишь этой в сущности беспричинной тоски. И не тоски собственно. Этим именем едва ли можно назвать то чувство, крайне неприятное чувство, которое не оставляет меня весь день. Я как будто не то потерял что-то, не то что-то ищу; сознаю, что все, что я ни делаю, глупо и бессмысленно, но вместе с тем убежден, что и все впереди будет таким же бессмысленным и глупым. У меня нет острой тоски, а есть какая-то глухая, тупая внутренняя боль, которая от самой, впрочем, ничтожной причины может перейти и в острую, мучительную. Не знаю, что с собой делать. Думал нынче о самоубийстве — да нельзя, мать. А то, ей-богу, недурно бы. Что редко случается — не только будущее, но и прошедшая жизнь представляется мне чем-то чрезвычайно поганым, до тошноты скучным и прозаическим. Ужасно прозаическим. Все эти мои любовные истории, на которых я так любил мысленно отдыхать, постоянно открывая в них, благодаря дальности времени, крупицу поэзии, освещавшей их каким-то полумистическим даже и вообще крайне интересным, загадочным светом, — эти истории кажутся мне теперь ничем иным, как только игрой разнузданного животного чувства. «Хочу тебя употребить» — вот формула, к которой все они сводятся.

Наблюдая за собой, можно иногда делать интересные выводы и заключения, касающиеся не только одного себя, но и множества других. В своем «известном» сочинении²³ я, помнится, сказал [однажды] такую фразу: «так как всякий судит людей, сам того не сознавая, по себе, то будьте уверены, что только подлец может назвать всех людей подлцами». Этим в связи с предыдущим я хотел собственно сказать, что знания и убеждения людей крайне ложны, обманчивы, ибо основываются по большей части на наблюдениях за своим я и применении найденного к другим, тогда как я-то ведь у каждого различно. С этим находится как будто в противоречии фраза, с которой я начал, что, наблюдая-де за собой, можно узнать кое-что интересное и относительно других — но это противоречие кажущееся. Почему — не хо-

чется говорить, расскажу только случай, подавший мне повод к этим незаконченным рассуждениям.

Сегодня сижу я на лекции рядом с Еланским²⁹ (скотинной) и беседую. Вдруг ему подають кошель с такого рода запиской: «Помогите товарищу, не имеющему денег для взноса за право учиться». Еланский кладет пятиалтынный, я также достаю 7 к<опеек> и кладу. При этом в голове у меня проходят такие мысли, или посылки:

1) Мне нет никакого дела до этого товарища.

2) Денег у меня очень мало, до того мало, что я отказал себе в бутерброде, который стоит всего пятак, хотя мне очень хотелось есть.

3) Я, даже в крайней нужде, не в состоянии никогда буду употребить этот способ прошения милостыни, а потому для меня не действительно правило утилитаристов: поступай так-то для того, чтоб впоследствии с тобой поступили таким же образом. Другими словами, мне нет никакого расчета класть деньги; ибо я не намерен никогда получить их обратно этим образом. Отсюда заключение: не нужно класть 7 копеек. И сделавши такое заключение, положил 7 к<опеек> в кошель. Вопрос в том — чем я руководился? Про совесть говорить нечего: раз я не только говорил, по своей теории, но чувствовал в действительности, что мне «нет дела» до других — совести не могло быть. И положивши деньги, я не почувствовал никакой радости, как это, говорят, бывает, когда в ущерб своему интересу следуешь голосу совести, — а наоборот, с чувством горести и негодования назвал себя дураком. Вместе с тем подай мне еще раз кошель, я бы еще раз положил и еще раз назвал бы себя дураком — и притом сугубым. Что же руководило мной? Страх общественного мнения? Отчасти, да; отчасти — потому, что я, будучи совершенно один, все-таки, пожалуй, положил бы деньги. [Притом] Далее, ведь меня видел один Еланский, а я, положивши деньги, тотчас же сказал ему, что сделал глупость, — все-таки сделал ее. А ведь при этом условия мой поступок лишается своей, как говорится, нравственной ценности. Почему же я так смело решаюсь говорить о том, что я не признаю нравственных правил, и в то же время поступаю наоборот, даже не влекомый к тому голосом совести, что еще могло бы оправдать меня. Нет ни одного человека, к<отор>ый бы стал, без особенной причины, говорить о себе дурно, и я, говоря Еланскому, что не признаю нравственности, вовсе, конечно, не рассчитывал повредить себе этим в его глазах, а даже наоборот. Давая же деньги, я точно так же рассчитывал на то, что благодаря этому его мнение обо мне будет хорошим. — Не в состоянии писать: в голове какой-то сумбур, не могу

даже слова подходящего найти и не могу уследить за своей мыслью.

1 октября. Вторник.

Скверно. . . И физически и духовно. Отчего скверно и в чем именно состоит сквернота — решительно не знаю. Вместе с тем не могу даже придумать, что могло бы сейчас развеселить меня. Водка? да, пожалуй, да денег тратить не хочется. Впрочем сомнительно, развеселит ли она — скорее ввергнет в «пучину страданий», глухую боль обративши в острую. Всем недоволен, и в частности З(инаидой). Знаю превосходно, что нельзя же ее держать на привязи около себя — она и то никуда уже не ходит, а вместе с тем мне очень неприятно, что ее нет сейчас дома. Главное, не будь подозрений кое-каких, а то ведь есть проклятые, хотя положительно ни на чем не основанные. Долго ли протянется это мерзостное состояние — не знаю; должно долго. Ведь у меня в жизни на этот счет какой-то фанатизм проявляется: вот уже третья осень — крайнее расстройство нерв(ов) и в особенности сильная любовь к Зинаиде. Прошлый год она в это время уезжала в Питер. Как я страдал тогда. То же самое — плакал, руки кусал себе. Потом ничего, успокоился — да другое горе, начал от усиленной умственной работы с ума сходить. Пьянка, всяческие безобразия и единственное хорошее — это Любочка да мое сочинение.³⁰ Т. е. самое сочинение ниже критики, а хорошо то чувство, с каким писал я его. Господи, что же это такое значит? Как начал вспоминать свою жизнь за год, она оказывается наполненной одним расстройством нерв, водкой да горем. Где же радость-то, где счастье? В будущем, батенька, в будущем! Где-нибудь там, далеко, далеко — около того света. . . Да, действительно, лучше, пожалуй, было б, если б З(инаида) не ездила прошлый год в Пет(ербург) — во многом он на нее дурно повлиял. И с другой точки зрения — тоже лучше. За год я или успел бы разорвать с ней, разлюбивши, и уж во всяком случае не был бы в Пет(ербурге), а в Москве, имел бы там и уроки (это не предположения, а факт) и друзей. А здесь я имею ее одну, и она, одна, от меня бегаёт. Зато свобода, свобода. . . жаль вот девать ее некуда, [ибо это] да и свобода эта ничто иное, как замаскированное рабство. Деньги — вот свобода. А самого главного права, какое дает человеку эта quasi-свобода, права умереть, когда вздумается, у меня нет.

Вот что могло бы меня сейчас развеселить: если б явился сейчас ко мне Арбузов³¹ или Ильин.³² Даже лучше последний. Помню, год назад я в этот день заявлял публике, что

у нас с Ильин<ым> все кончено — ошибся только во времени: разрыв наступил только после Рождества. А жалко, что мы с ним порвали, малый он душевный. Я <его> всегда любил — и до, и после разрыва. Гадко вот, что любовь мне только несчастье приносит — и мне, и [другим] тем, кого люблю (не вытерпел: сейчас, на середине фразы, сбегал в трактирчик, что внизу, и выпил шкалик). Вспоминается Рождество, которое мы с ним (т. е. с Ильиным, а не шкаликом... впрочем, и со шкаликом) провели вместе. Вот пили-то! — с раннего утра до поздней ночи. Помню первый день, ездили мы с ним с визитами. Были у Дмитриевой — какая хорошенькая была Любочка: раскраснелась, руку мне жмет под столом. А я-то, я!.. Недаром после Капитошка³³ передразнивал. А как он, бедняга, перетрусил на Новый год, когда со мной случился припадок бешенства и я начал все бить... Ведь он тогда насилу у меня кинжал отнял, к<ото>рым я хотел пропороть себе брюхо, да и то только благодаря тому, что мать явилась ему на подмогу. До сих пор помню его лицо, испуганное еще, с запекшимися губами, когда мы, после этого припадка уже, лежим рядом на кровати, и он с жаром, торопливо объясняет мне свое поведение за этот вечер. А мамочка, бедная мамочка... ведь я тогда ей ногу ушиб... Как она плакала, как умоляла меня успокоиться...

Какой же я мерзавец — просто ужас. А Святая и вечер у Алексея Филип<повича>,³⁴ когда я разносил все и вся? Ведь и тогда я чуть не грозил убить ее, и в то же время слушался малейшей просьбы Зинаиды. Подлец! Теперь не бывать этому: достаточно хорошо узнал я разницу между Зин<аидой> и матерью, между любовью той и другой... Помнится мне смерть Н<иколая> Евграф<овича>.³⁵ Как это было неожиданно и ужасно. Вечер, снег хлопьями падает; я подхожу к их дому: окна освещены, у одного видна восковая длинная свеча. Жутко идти по лестнице... Подводят меня к покойнику и открывают покров. Вот оно, страшное для меня при жизни лицо — как оно спокойно — видно, что улетела душа, остался один прах, тлен. Ночь: все спят; до меня издалека доносится заунывный, плаксивый [чтение над покойником] голос читальщицы: «Блажен муж, иже и не иде на совет нечестивых...» Меня тянет, страшно тянет взглянуть на покойника; иду; как падает сердце, когда вошел...

(Не могу писать; пришла Зин<аида>, она была у А<лександра> А<лександровича> — исполать ей. Жаль, мало пил. Очень, очень жаль.)

Я сейчас *вне себя*. Это не значит того, что обыкновенно под этим подразумевают. Я не в бешенстве; если оно и есть, так только *потенциальное*. Я только уже не владею собой..

Мной целиком завладели разные чувства, и в числе их такое чувство, ко(торо)е не дает мне читать: хочу что-то сделать, могу только писать да писать. Писать хоть о чем-нибудь. Не могу, не могу, не могу. С ума схожу. Вот сейчас я принял решение: порвать; если не *de jure*, то *de facto*^a мои отношения с З(инаидой). Господи, что же я за дрянной человек. Если б хоть это выдержать. Ведь единственный выход, единственное спасение от несчастья ⟨?⟩ — смерть. Дело в том, что вот сейчас, ведь я *люблю* З(инаиду), завтра все забудется, и я опять стану овечкой, к(отор)ую стригут. Не могу, не могу... Я сейчас качусь по наклонной плоскости. У меня уже конвульсивно сжимается рука, поднимается кулак, чтоб разбить. Едва сдерживаюсь — и едва ли сдержусь.

2 октября. Среда.

Сдержаться-то сдержался, благодаря тому, что постарался рисованием и чтением отвлечь мысль и руку, зато нынче с утра пью. Пью ровно настолько, чтоб поддерживать известное состояние полусумасшествия, когда маньяк с самым беззаботным видом — и здраво — толкует обо всех вещах в мире и в то же время носит в душе одну мысль, одно чувство. Это чувство, эта мысль — Зинаида. Совестно сознаться, но это так. Хотел нынче в дневнике заняться воспоминаниями — пережевывать жвачку, — но забыл, о чем хотел вспоминать.

Сейчас был у Р(азумовского). Пошел я к нему не для того, чтоб получить удовольствие от его беседы, а с единственной целью позлить З(инаиду), заставить ее чувствовать то же, что и я чувствую, когда ее не бывает дома. К [счастью] моему несчастью, она не заметила того, что меня нет дома, и сейчас преспокойно спит. Бог с ней. Вчера я настойчиво отказывался лечь с ней вместе и предложил ей разрыв; она, замявши вопрос о разрыве, сказала, что не *может* спать без меня, и этим принудила меня лечь. Всегда так! Мы смелы на словах, а на деле... Впрочем, все время был с ней до последней возможности холоден. Да, забыл совсем, о чем говорить. Так вот, был я у Р(азумовского). Как только мы с ним встретились, в 1/2 пятого, ровно до 8 спорили. Спорили о Писареве, о значении деспотизма и знаний,³⁶ обо всем в мире. Потом, уставши спорить, я стал в небольших характеристиках и очерках представлять ему картину нашей гимназии. И вот здесь, говоря без самовосхваления, я был и умен, и остроумен, и интересен. Заключаю об этом не только по

---

^a *de jure* — «на словах», *de facto* — «на деле» (лат.).

простому анализу того, что я говорил, но и по тому действию, какое производили мои рассказы. Соответственно тому, что я выражал в них, лицо этого милейшего Р(азумовского) выражало то страх, то сочувствие, то смех, сильный, бесхитростный смех. И это я! Это я, <нрзб.>, исподлившийся, изсамоанализировавшийся, до абсурда дошедший человек, так непосредственно сильно действовал на свежего, мыслящего человека. Вот сейчас в письме я что? Дурак! — а там я был воплощенный ум. То же было, когда я говорил с Никольским.³⁷ Не понимаю, что со мной делается, когда я говорю с другими. Как будто я лишаяюсь всего, что во мне есть.

3 октября.

Мне нынче весь вечер очень тяжело. Вот причины.

Когда перед моим отъездом в Пет(ербург) мать выражала опасения касательно того, что вот я в П(етербурге) попаду в разные недозволенные общества, сойду с «опасными» людьми и т. п., я на это отвечал ей, что она, значит, совсем не знает меня, не понимает того, что весь я — отрицание и этих обществ, и этих людей.³⁸ Но говорил так я только для ее успокоения. Это не значит, что мои слова о том, что я отрицаю эти общества, были ложью, но дело в том, что, долговременным опытом познавши шаткость и крайнюю теоретичность моих убеждений, я думал, что и здесь они не выдержат столкновения с практикой, что, другими словами, отвергая в теории всякие кружки, я на деле буду одним из деятельных членов их. Я при этом вспоминал, как, бывало, всеми силами ума ратуя против нравственности, я в жизни бывал не только отрицательно [честным], но иногда и положительно честным человеком. Я надеялся и здесь найти ту же счастливую непоследовательность, счастливую, потому что только благодаря ей я могу еще с грехом пополам жить — но, оказывается, ошибся в расчете. Благодаря тому, что у меня существует убеждение в бесцельности, ненужности [существования] жизни, у меня *собственно нет никаких убеждений*. Не все ли равно для человека, как кто и чем живет, когда, по его мнению, совсем жить не нужно? Вследствие этого при первом же знакомстве с кружком я почувствовал крайнюю, совершенную беспочвенность. Задумавшись о том, не могу ли я в чем-нибудь найти почву, я принужден был ответничать отрицательно. А без почвы нельзя. Кружок требует от своих членов не только пассивного соучастия, но и активной деятельности. А как могу я что-нибудь делать, не зная, что нужно делать? И если даже я стану симулировать их убеждения и тем приобрету возможность сознательного

действия в известном направлении, то спрашивается, что может заставить меня симулировать? Да ничто. Таким образом, мне совершенно закрыта дорога в кружки. Теперь нужно заметить вот что. Здешняя молодежь делится, по существу, на два лагеря. В одном — деятельная, мыслящая, составляющая кружки, общества и т. д. Сближение с этой частью молодежи для меня, как я уже сказал, недоступно. Во втором лагере находятся дураки, скоты и «благонамеренные». Сближение с ними для меня также [вполне], что понятно, недоступно. И я остаюсь посредине, в положении мертвеца между живыми людьми. Итак, в результате полное, неизбежное одиночество.

Весь день меня мучает *чувство*: зачем это я живу? зачем хожу обедать, [вот сейчас] пишу, ищу квартиру, хлопочу — зачем? Ну положим, что я квартиру нашел, имею возможность каждый день обедать — ну а дальше что? Читать, получать всякие удовольствия... Да, но те удовольствия, к(а)кие я еще, пожалуй, хотел бы получить, недоступны для меня, ибо у меня нет и не будет денег, а те, которые доступны, те уже и надоели мне и притом настолько мизерны, что в себе самих заключают вопрос «зачем?». Во всем, что я ни делаю, я вижу только средство для поддержки жизни, а в то же время не понимаю, решительно не понимаю, на что мне эта самая жизнь. Вот я сегодня пообедал, на один, значит, или на два дня поддержал жизнь. Ну а на что я употребляю эти два дня? На чтение? — это только средство избавить себя от скуки, на писанье? — писанье не доставляет мне удовольствия или такое же, как и дрянной обед у Девиза, — оно только средство к удовлетворению потребности общения, точно так же как и обед — средство не умереть с голоду. Любовь, учение, водка и т. п.? Но все это только средство и средство, к(отор)ое не дает мне положительного удовольствия, а лишь дает мне жить. Но где цель, цель где?! Где, в чем это *положительное* удовольствие?! Не знаю. Нет ее. Ужасное, скверное чувство. До того скверное, что у меня не раз появлялось сожаление о том, что у меня есть мать, и даже как будто желание, *чтоб ее не было*, — значит, до абсурда дошел. А нужно это мне для того, что, не будь матери, я убил себя — и достиг бы цели. А пока мать жива, у меня не хватит решимости на это, не хватит решимости подвергнуть ее страшному горю.

Нужно жить! Вот они, роковые слова,
Вот она, роковая задача...
Кто над (ней) не томился, тоскуя и плача,
Чья над ней не ломилась от дум голова? ³⁹

4 октября. Пятница.

Скверно, скверно и скверно. Не знаю, что с собой делать.

Живя в Орле, перенося, как и все, борьбу за существование, я все-таки всегда больше предполагал о ее существовании, чем на самом деле убеждался в ней. Я ходил на уроки, нуждался иногда в необходимом, постоянно чувствовал, что я беден — но и только. Самая же скверная сторона бедности — это ежеминутная забота о хлебе насущном, постоянная мысль о том, как бы здесь вывернуться, как бы достать где-нибудь деньжонок, как бы ухитриться на 30 к⟨оп⟩. устроить обед на 7 душ — эта сторона была мне незнакома. Я трудился, получал деньги, отдавал их матери — остальное меня уж не касалось. Я свое дело сделал — а там пусть она как хочет. Был обед — я даже не замечал, что он есть, до того бывал уверен в нем; не было — я кипятился иной раз, иной раз смеялся и голодал [даже] с чувством даже некоторого удовольствия — но все это проскальзывало как-то незаметно, не оставляя следа в памяти. Иногда мать, несшая на своих плечах заботу о всей семье, начинала советоваться со мной по поводу какого-нибудь хозяйственного мероприятия, но эти копейки, эти «стирки, водовозы» и пр⟨оч⟩. тотчас же выводили меня из терпения, и я говорил ей, что пусть она делает как хочет; пусть закладывает мое пальто, если это, по ее мнению, необходимо; пусть рассчитывает Катю, и т. п. Благодаря этому я находился в блаженном неведении по части жизненных продуктов, и нисколько, конечно, не думал интересоваться, 10 или 9 копеек стоит фунт говядины. Вообще цены деньгам я совсем не знал. С каким, помню, жаром приходилось мне иногда доказывать матери, что эти 20 к⟨оп⟩., которые мне необходимы на какую-нибудь прихоть, и не деньги даже. Ну что такое на самом деле 20 коп.? Пустяки, ничтожные пустяки, о которых и говорить-то нечего! Да, и вот только теперь, в Петербурге, понял я, что стоят эти 20 коп.

5 октября. Суббота.

Когда я из пансиона переселился на собственную квартиру⁴⁰ и стал жить самостоятельно, т. е. сам должен был позаботиться и о том, где обедать, и как чайку напиток, и чего к чайку купить, во мне, вернее, в моем отношении к жизни с ее *misères*,⁶ произошла большая, резкая перемена.

---

⁶ нищетой, несчастьями (франц.).

(Вы меня, почтеннейший читатель, извините за слог — видите ли, я не совсем... как бы вам сказать, нормален⁴¹.) Я как-то разом постиг цену всех вещей в мире, и постиг ее крайне странным образом. Раньше у меня не было критерия ценности, а тут он у меня разом явился, и явился в очень странном виде — в виде очень скверного, грязного обеда у фон Дервиза, за к(отор)ый я платил 20 к(оп). и к(отор)ый считал чуть не «перлом творения» — в первое время по крайней мере. И вот на эти гаденькие, хотя с филантропической заправки, обеда я стал переводить все, что мне случалось видеть и покупать. Стоял ли я на берегу Невы и смотрел на снующие мимо пароходы или покупал [ли я] камашу, я думал: а сколько обедов стоит один переезд на пароходе? а сколько обедов можно купить на эти 5 рублей, которые я плачу за камашу? и т. д. Обеды! вот единственная мысль, которая владела мною, чтобы я ни делал, куда бы я ни шел. Как далек я стал от того Л(еонида) Н(иколаевича), к(отор)ый удивлялся дешевизне какой-нибудь дряни, за к(ото)рую драли с него рубль, и не мог понять, неужели это деньги, эти несчастные 20 копеек, с которыми некуда деваться? Ну, после как-нибудь об этом. Обращаюсь сейчас к тому, что все еще составляет для меня «нерешенный вопрос». Что мне делать с Зинаидой? Жить вместе решительно невозможно. Мы не понимаем друг друга. Т. е. я ее несколько понимаю, ибо, по прежней моей теории, мой круг шире ее круга, но она положительно ни в чем меня не понимает. Хотя я всегда знаю это, но иной раз становится невтерпеж, как, например, сегодня, и я ей начинаю говорить о своем душевном состоянии. Господи, что она только на это отвечает!! Просто в отчаяние меня приводит. Жить вместе так долго, и так не знать друг друга. Как и все, как и Р(азумовский), как и другой кто-нибудь, кто не знал никогда мучений бессмысленности существования, она в ответ на мои «не могу ничего делать», «не могу ходить на лекции», «не могу быть веселым» — говорит: «Это лень, это барство, это изнеженность» и т. д., не понимая того, что я душу свою отдал бы за то, чтобы *ночь*. Сегодня, как и вчера, как и все эти дни, мне было тяжело. Нужно было слово участия, нужно было видеть хоть одного человека, к(отор)ый отнесся бы ко мне по-человечески, а не с точки зрения какой-нибудь «прогрессивной теории», а тут... Неудивительным покажется, [что] если я скажу, что своим «участием» она довела меня до слез, тяжелых горьких слез. К счастью, это было в темноте, и она их не видала. Слезы, мои горькие, тяжелые, камнем на сердце лежащие слезы — хоть вы-то скажите обо мне людям, что я ни лентяй, ни шалопаи, что я *хотел бы*, но не могу.

И при таком отношении друг к другу, я сплю с ней, совершаю известный акт — ведь это проституция, крайняя, невозможная проституция. И она этого не понимает. Своими словами показавши, как мы далеки друг от друга, она вслед говорит: «Линочка, пойди, поцелуй меня!» — и думает, что все размолвки кончены, что от них и следа не осталось. Поистине счастливый и завидный человек!

Я не знаю, люблю я ее или нет. Но я настолько все это время ненормален, что вопреки разуму, логике предъявляю ей ни с чем не сообразные требования. Быть все свободное время со мной, во мне одном находить *все* — вот чего я хочу от нее. Насколько эти требования дики и вредны самому мне, об этом свидетельствую сам я в прошлом дневнике.⁴² Вот подлинные слова: «Все несчастье в том, что я не люблю Зин(аиду) и потому мне страшно тяжелы все ее, иногда ни с чем не сообразные требования. Требования эти в главных чертах состоят в следующем: я должен все *свое свободное время* посвящать ей одной; во-вторых, обязан избегать всех барышень вообще, а Наталии⁴³ (Ал. Ал.!) в частности. С последней я даже не должен разговаривать». Далее я говорю о том, что эти требования окончательно заставляют меня разлюбить З(инаиду). Теперь то же самое, только ролями поменялись. Впрочем, я, кажется, уже разлюбил ее.

Давно ни один роман не производил на меня такого сильного, жизненного впечатления, как роман Эртеля «Смена».⁴⁴ Я сейчас положительно выходил из себя, ругался как сапожник и чуть не плакал. Когда читал то место, где Мансуров уехал в театр, а она отдается, глупо, бессознательно, Рогову. Ах, подлая, подлая! [Роговым] Кретовым я быть уже не могу, а Мансуровым отчасти себя чувствую. Просто не могу я этого переварить. Отдалась! отдалась без любви, под минутным впечатлением, спьяну — а он, этот дурак Мансуров, небось все время только и думал о ней, о подлой. Ух, какая гадость! Не знаю, я б ее убил, убил, как собаку.

7 октября. Понедельник.

Вчера мы с Зин(аидой) разделились. Мы убедились и взаимно убедили друг друга, что наша совместная жизнь обходится нам очень дорого — в денежном отношении конечно, а (я) думал про себя, что и в моральном тоже. Оказывалось более выгодным, если она будет жить в пансионе, а я найду себе где-нибудь поблизости комнатку. Так мы решили, так и сделали. Вчера весь день потратили на переезд. Господи, вот несчастье-то этот переход с квартиры на квартиру, и смех и горе. Приходится скрючившись ехать на из-

возчике, вокруг тебя и под тобой чемоданы, а в руках — в одной жестянка с керосином, а в другой лампа. Итак, я живу теперь на В(асильевском) о(строве) на четвертой линии, в мансарде.⁴⁵ Комнатка, несмотря на свою возвышенность, очень уютненькая и напоминает мне наш [свой] дом. Разделом я доволен: мне слишком надоело мучиться из-за Зин(аиды), и в этом разделе я вижу средство уменьшить количество этих мучений. Кроме того, я в нем вижу шаг к разрыву. Как бы [часто] ни хотела часто ходить ко мне Зинаида, связь, которая у нас главным образом состояла в сожительстве, будет порвана.

Вчера вечером был очень сильно пьян; поэтому сегодня весь день страшно болит голова. Но самое скверное — это зубы. Такая невыносимая боль, что не знаешь, куда деваться. Писать не могу. А тут еще сейчас домой писать нужно. Получил от матери письмо. Дома все благополучно. Была еще раз Дмит(риева), и в свою очередь мать была у них. Превозносит Дмитриеву до небес.

8 октября. Вторник.

Началось то, что я и ожидал. Хотя я еще до перехода заявил, что в пансион буду ходить редко, и получил ответ, что З(инаида) сама будет ходить ко мне, теперь она требует от меня, по праву и справедливости, изменить это. Я, будучи также правым, так как у меня есть свои <причины> не ходить — и причины уважительные, отказываю ей в этом. Отсюда неприятности.

Во-вторых, я раньше указал на неудобство хождения ко мне Зинаиды, именно на необходимость провожать ее. Она сказала, что этого не нужно. Теперь же она этого требует, во имя опять-таки справедливости. Хотя мне было очень жалко оставить ее одну, очень жалко, но я все-таки не пошел. Одна уступка влечет ведь за собой десяток других. Пойди я нынче провожать, через неделю я должен буду ежедневно ходить в пансион и, таким образом, на ее стороне окажутся все выгоды разделения, а на моей все невыгоды. Выйдет хуже еще, чем когда вместе жили, а за это покорно благодарю. Последними словами Зинаиды было: «Бог с тобой, оставайся!» — и эти слова до сих пор звенят у меня в ушах, хотя я по-своему прав. Когда Зинаида от меня *требует* и *оскорбляет* меня — я непоколебим, но когда она обращается к сердцу, я едва могу устоять. Вот теперь мне ее ужасно жалко, хотя она давно, глядишь, уж забыла об этом и спит. Во всяком случае теперь у нее любви больше, чем у меня.

Состояние весь день довольно скверное. Много этому способствует неразрешимый вопрос «чем жить?» С голоду умереть не умру, а унижаться и обязываться придется, ох, как много придется!

Скотина Арбузов, до сих пор не отвечает, а я ему около трех недель тому написал. И Ильин хорош с своим молчанием. А последняя мысль все-таки о Зинаиде. У Веры И<гнатьевны> тиф. Очень скверно.

9 октября. Среда.

Настроение относительно сносное, абсолютно же — дурное. Как будто чего-то недостает. Все время в голове мысль о деньгах. Как ни стараюсь экономить, плывут, между пальцев плывут. Хотел было ограничить себя касательно еды — да не могу. Аппетит как на зло волчий, и как начнет брюхо подводить, не в состоянии терпеть.

Зинаида сегодня больна. У нее регулы всегда сопровождаются сильной болью. Пришлось нынче быть в пансионе и протосковать около З<инаиды> больше двух часов. Не умею я с больными обращаться. Слишком я эгоист и любви мало. Вообще, час от часу не легче. Как все это надоело, о господи, а перемены ждать неоткуда. Т. е. она всегда может быть, только к еще худшему. И это называется жизнью.

Получил от Алекса<ея> Петровича <Арбузова> письмо. Письмо умное, но едва ли в нем видна дружба. И тон какой-то свысока снисходительный. Обращать, впрочем, на это внимания не буду, напишу ему по душам. Пить стал бы — да не на что пить. О распроклятейшая бедность — никогда, видно, мне от тебя не отделаться. Вечно нуждаться, вечно подавлять свои потребности, вечно быть рабом всего и всех — вот мой удел, удел бедняка. А сил на борьбу нет. Большая я дрянь.

21 октября. Понедельник.

Все время, за исключением последних трех или четырех дней, чувствовал себя хорошо. Причиной этого было то, что я в видах приобретения денег принялся писать. Писал с увлечением. Сперва взялся было за роман, но он оказался слишком длинным; тогда я написал небольшой очерк. Снес в «Неделю» — только через три недели результаты известны будут.⁴⁶ Сегодня же чувствую себя необыкновенно скверно. Причина — Зинаида. Написал ей нынче письмо, [что] с просьбой о разрыве,⁴⁷ думал, что она хоть на минуту зайдет, но она не пришла. А у меня еще вдобавок денег нет:

вчера обедал за 10 <коп.>, а нынче совсем не обедал, да и завтра то же придется. Вот когда с голодом познакомимся-то. Если у нас с Зин<аидой> и дальше пойдет так же, я не ручаюсь, что дело не кончится смертью одного из нас. Ах как скверно! прямо хоть руки на себя наложить.

1 ч<ас> ночи.

Невыносимое состояние. Одна только мать удерживает от самоубийства. Ни писать, ни читать не могу. Зинаиду я сейчас ненавижу так, как только можно ненавидеть человека. Она, одна она причина этого состояния. А что если и завтра она не придет? Куда мне деваться, чем заглушить тоску? О водке противно думать, да откуда и взять ее, когда на хлеб денег нет. Неужели опять такой же мучительный вечер, как нынче? Не вынесу, ей-богу, не вынесу. И пойти некуда. Вот оно, одиночество-то настоящее. Ведь главное, я люблю Зин<аиду>, мучительно люблю. И в то же время чувствую себя способным убить ее, — в особенности, как подумаю, что в то время, как я обдумываю в деталях план самоубийства, ибо больше ни о чем думать не в состоянии, она в это время смеется, разговоры разговаривает. А что если она согласилась на разрыв? Иначе я не могу допустить такой жестокости. Ведь она *знает, знает*, как мне скверно, если я написал такое письмо, и не пришла. Пошла вместо этого на какие-то чтения, совсем ненужные ей. В субботу то же. Я тосковал, пил водку, для того чтоб *заставить* себя писать, а она, она сперва наслаждалась разговорами с влюбленным в нее Соколовым,⁴⁸ а потом пошла к А<лександр> А<лександрович>, с которым я просил ее раззнакомиться. Вчера то же. Как тянулся день, как медленно проходили минуты до 6 часов, когда она [обычно] всегда приходит, — она пришла в 1/2 седьмого. Всего на полчаса опоздала и по уважительной причине — чай пила. Не могу же я заставить ее отказаться от пищи. Да, а я в эти полчаса, всего полчаса, дошел до *plus ultra*^в отчаяния. И пришла, радости мало. Легла, я кожу; удивляется, почему я такой холодный, иронизирует, показывает равнодушный вид, а там Хлобошин⁴⁹ с Варварой, смех, шутки — и над моим расстроенным видом тоже, — там водка, беспамяństwo. Хоть бы одно ласковое слово, хоть бы крохотную долю любви — нет, ничего. Самолюбие, если хотите, есть, есть сознание своей правоты, а любовь — за что любовь? За то ли, что я «систематически отравлял ей каж-

---

^в крайней степени (лат.).

дую минутой». Ведь я ее замучил. До того ее каждый вечер расстраиваю, что только спать способна становится. А я, который и спать не может? Сам виноват: что же ей поделывать, если я такой придира, из-за всякой мелочи на стенку лезу. Не пришла на полчаса раньше — сцена. Она и то разорвалась: и там будьте с В(ерой) И(гнатьевной), и сюда не опоздайте, лекции, уроки. А тут еще нужно к Соколову пойти, нельзя, обещала, а тут у В(арвары?) новоселье. Положим, мне тоже было обещано, да ведь у нас «обещания разве имеют значение — мы свои люди», обещано было, что в Питере я найду с ней счастье. Обещано, что с А(лександром) А(лександровичем) раззнакомится, обещала, что будет у меня каждый день бывать, обещала обо мне заботиться, как мать о сыне. «Как я могу отпустить вас в Москву — чтобы постоянно думать, что вы не евши сидите?» Друг ты мой, да вот я за одну улицу от тебя не евши сижу — ты чувствуешь это? До того ли! Да и здесь опять-таки сам виноват: языка что ли нет попросить? Дитя не плачет, мать не разумеет. Верно и это. Мне так и следовало: отдавши письмо с просьбой о разрыве, попросить заодно двугривенный. Замечательно оказывается просто. А еще бы проще выйти прямо на улицу и протянуть руку — Христа ради. Господи, как убийственно долго тянется время! Хоть какую-нибудь живую душу — а то с ума сойду. Нет, тихо все; все спят. Спит и Зинаида. Сладкие сны видит. А тут еще грудь невыносимо болит. Нет, с болью легче. Отвлекает внимание. Жалко мне маму. Бедная она, бедная. Ждет меня не дождется, одна, небось, теперь меня во сне видит. Ну как убить себя? Дождалась — привезли сына, холодного, мертвого. Нет больше сына. Нет больше и жизни. И ради кого, ради кого убью я эту бедную, несчастную, больную маму? Я не могу, не могу, господи, да за что же это!

22 октября.

Опять мучительно тянется день. Грудь еще не переставая болит, слабость какая-то: как выкуришь папиросу, так голова страшно кружиться начинает. Отчего, не знаю. Во всяком случае не от того, что я не ел вчера — мне совсем есть не хочется. Каждая минута равна часу. Через каждое мгновение взглядываешь на часы — и даже отчаиваться начинаешь. Со всем не двигается стрелка. А чего жду, и когда конец этой каторге? Нету конца. А вечер еще, а завтрашний день, а там еще целый ряд вечеров и дней. . . Болит собственно не грудь, а сердце. Вот если б разорвалось-то само. Каким я стал сентиментальным — смешно даже.

17 ноября..

Прошел почти месяц, как я последний раз писал в дневнике — но это не значит, что я забыл тебя, голубчик дневник, или больше не нуждался в тебе. Нет, все время помню, а не нуждаться в тебе не могу по той простой причине, что потребность делиться горем и радостью у меня всегда останется, а удовлетворять этой потребности при посредстве людей никак нельзя. Нельзя потому, что у всякого человека есть свои особенные радость и горе, что всякий человек способен понимать лишь то, что к нему относится, — а ты, дорогой мой дневник, ты безличен, у тебя нет своего, и потому ты можешь понимать мое.

Плохо, брат, мне теперь живется — теперь, как и всегда. И все по-разному.

18 ноября. Понедельник.

Довольно интересная вещь для характеристики здешнего студенчества.

Всех здешних студентов можно поделить на две группы: одни — шпагисты, как их здесь называют, т. е. совершенно пустые, ничтожные фаты или щедринские пескари — вообще дрянь во всем ее разнообразии. Вторая группа составляет красу и гордость У〈ниверсите〉та как такового — и вот о ней я хочу поговорить.

Я как-то — как я уже писал — был в одном кружке и вынес оттуда сознание своей беспочвенности — беспринципности.⁵⁰ Благодаря этому я сперва не хотел поступать в кружок — по незнанию я приписывал ему действительное значение, — но потом, основательнее ознакомившись с его членами, я увидел, что кружок в сущности не представляет собой развивающего начала в нашей жизни, а служит началом специализирующим. Вследствие этого я подумал, что могу сослужить в нем пользу своей именно беспринципностью — до известной степени только кажущейся — и своей разносторонностью, хотя дилетантской, но достаточной для того, чтобы внести в кружок свежую струю. Я видел в его членах, в целях кружка, в его деятельности — если можно назвать этим именем чтение и редкие споры — видел крайнюю узость и односторонность; к ним примешивалась еще одна сквернейшая черта всякой тесно сплоченной, „изолированной от жизни“ агрегации или секты, именно нетерпимость к мнениям и взглядам, несхожими с ее взглядами, — но я объяснял это тем, что кружки состоят почему-то из одних естественников, т. е. людей с одинаковым приблизительно [знаниями] мирозозерца-

нием, и в силу этого, вместо того чтобы служить для взаимного развития, служат только к большей специализации и односторонности. Не стану говорить, в чем выражалась эта односторонность, — слишком долго было бы рассказывать.

29 ноября.

Я не забыл дневника — о, нет! он всегда останется моим наилучшим другом — но я не могу писать, одно это слово «писать» наводит на меня ужас. Я хотел бы иметь такого друга, которому мог бы *говорить* — говорить, а не писать. Теперь, в противоположность прежнему, я хорошо говорю и плохо пишу. Мое перо не поспевает за мыслью, или у меня столько мыслей, что передавать все их письменно — каторжный труд. Вот поэтому я с таким нетерпением жду Орла, пот<ому> что там буду иметь возможность *выговорить* все, что терзает мой ум и душу.

Скверно, ах! скверно в Петербурге. В Орле лучше было. Действительно, я нахожусь в «центре умственной жизни России», но если это центр — то несчастная Россия, воспитывающая как лучших своих сынов фанатиков и изуверов свободы, в стремлении к ней подавляющих всякую истинную свободу.⁵¹

Написал я два письма! Одно к Любочке, другое к Ильину.⁵²

Что такое произошло с ней? Когда она прислала деньги, я ответил ей письмом — но до сих пор на это письмо нет ответа. Почему? 16-го они, т. е. Любочка и Наталья, были у матери.⁵³ Неужели Наталья что-нибудь сплела касательно меня? На это она способна. И неужели Любочка поверила? Этого я не могу допустить. . . Почему же она молчит? Она не знает, как это действует на меня. Сегодня же напишу ей.

А Ильин? Ах какая *подлость*! Вот уже второе письмо пишу я к нему — и прошу извинить меня, говорю, что я по-прежнему люблю его и дорожу его дружбой — а он? Он не считает нужным ответить мне. Господи, я готов заплакать. Какие ужасные эти люди. Рассчитываешь на них, надеешься — а они. . . Я ведь не шутя люблю Ильина, с ним связаны лучшие воспоминания в моей жизни. Но за что это? За что? Арбузов тоже. . . Нет — видно одному мне переносить все, видно пора мне туда — пора разложиться моему телу и разложиться душе!

Очень я себя скверно чувствую. Настолько скверно, что не знаю даже, в чем эта сквернота состоит. Нет определенного предмета, который меня заставлял хандрить — а только о чем ни подумаешь, все такой гадостью кажется. . . А всем гадостям гадость — это я сам. И чего мне нужно? Водки не хочу,

любви не хочу, людей насилу перевариваю, а один оставаться совсем не могу. Читать не хочется, писать не хочется, говорить не хочется — а без дела оставаться не в состоянии. И что делать — не знаю. Умирать нет желания, нет желания и жить — а вместе с тем я полон какими-то желаниями — а о чем они, не знаю. Нужно убивать время — и нечем убивать. Да и живуче оно слишком: убьешь один день — на смену ему идет другой. И сколько еще впереди этих дней и ночей, которые нужно убивать. И что это за глупость: жить, чтобы умереть; умирать, чтобы жить. А для чего и жить и умирать? Собака, которая крутится на одном месте, стараясь поймать свой хвост, — вот что значит жизнь и смерть.

6-го или, вернее, 7-го декабря.

Сейчас были у меня студенты Электротехнического института, и я им поведал то, что не говорил даже более близким, как, напр<имер>, Родину <?> и другим. Студентам — а почему? а потому, что я чувствовал себя гораздо ближе к этим студентам, чем к тому же Родину; здесь же, например, я сознаю, что ежели, напр<имер>, я скажу, что я хочу выпить рюмку водки, то получу ответ: не смейте! Это неправда! Я хочу *пить*, я, следовательно, имею право пить, но дело в том, что даст мне З<инаида> Н<иколаевна> это право или нет. Ах, Зиночка, Зиночка, люблю я тебя страшно, и ты не можешь представить, чего стоит мне ходить к тебе и изнывать, где ты. Постараюсь написать поправильнее, чтобы ты, Зинутко, сказала, что я люблю тебя — но не затем сказала, чтоб А<лександр> А<лександрович> это подтвердил, но затем, чтобы ты не вздумала изменить мне, ради того же самого А<лександра> Александровича.

Прости, Зинуточка!

15 декабря. Воскресенье. <Орел>.

Вот уже неделя, как я выехал из Петербурга. Да, только неделя, а представляется, будто я никогда не выезжал. Первых два дня, как приехал домой, было все несколько дико и чуждо, а теперь совсем вошел в колею. С утра до ночи пью, пью без просыпа, верчусь с барышнями, стараюсь, *как прежде*, за ними ухаживать, не вижу, как проходит день и ночь, получаю массу впечатлений и т. д.

И что самое главное — во мне опять пробудилась любовь к женщинам, чего в Питере не было. Опять я мечтаю (я этому очень рад, это напоминает мне мое прошлое, милое, дорогое прошлое), да, опять я, как 18-тилетний мальчуган,

мечтаю о барышнях, глаза которых показались почему-либо лучше других, опять огорчаюсь при мысли, что *она* предпочтет меня другому, ^г опять жажду ласки, поцелуев, опять перед сном перебираю все те действительные и показавшиеся только мне случаи, когда она ласково взглянула на меня и т. п. — опять я молод. Ах, как хорошо быть молодым! как хорошо обладать свободным сердцем, не отданным никому сердцем, когда ты любишь весь мир, когда этот мир не успел для тебя олицетвориться в одном человеке. . .

Зинаида. . . Тяжело мне было с ней расставаться. Казалось, что от меня отрывается часть меня самого. И удивительно: за все время я никогда не хотел другого поцелуя, другой ласки, кроме Зиночкиной — а теперь мне хотелось бы поцеловать. . .

Да мало ли что! Времени прошло мало, а я совсем другим стал. . .

И вот все время стоит перед глазами лицо З(инаиды), когда она, провожая меня, чуть не плакала, а я давал ей обещание не изменять. Не изменять — да разве это возможно! Можно было (не) изменять, когда я в Пет(ербурге) видел только один свет — в З(инаиде), а теперь? теперь, когда я почти забыл, под влиянием водки и впечатлений, что есть З(инаид)а, можно ли теперь не изменять?

А вместе с тем не выходит из головы мысль о самоубийстве. И стоит в голове так настоятельно, так ясно. . . Только когда я сильно пьян, как сейчас, чувствую я известное удовлетворение, а то. . .

. . . Умрешь, похоронят, как не жил на свете
Не встанешь, как прежде, к веселью друзей. . . ⁵⁴

19 декабря. Четверг.

Вот опять я нынче пьян, и даже очень пьян, несмотря на то что совсем не хотел пить. И опять я чувствую себя молодым, но не столько, как прежде. Не знаю, что со мною — но только минута одна была, когда я почувствовал себя непосредственным, чуждым всяких анализов, самоугрызений человеком, и эта минута, увы! прошла. Опять я тот же, тот же, несмотря на всю выпитую водку, несмотря на все сказанное и услышанное мною. Чего мне недостает, где тот фактор, что делал меня ребенком, что прививал ко мне это детское мирозерцание, в котором главную роль играет «нравится», «не нравится», — не знаю. А минутами, правда, я становлюсь ре-

---

^г Так в тексте.

бенком. Мне донельзя хочется поцеловать другого ребенка — Женичку.⁵⁵ Как она хороша! Как бы желал я хоть на минуту прильнуть губами к ее не ведавшему ничьих поцелуев личику, к ее маленькой ручке.

Милая! Слов не хватит описать мое чувство при виде тебя! Всё, волосы твои, твои чудные глазки, твоя грудь, фигура — всё пробуждает во мне новое, вернее, старое чувство, которого я давно уже не испытывал. Чего я хочу, на что я надеюсь — не знаю; но я хочу, я надеюсь и я получу свое. А потом . . . потом опять свое. Опять пессимизм. Опять собачья старость. Опять дни без света, ночи без радости, опять этот противный полумрак, в котором я принужден проводить свою жизнь. Не думай, Зинулочка, — я знаю, что ты будешь читать это место и простишь меня, — не думай, что я жалею на тебя или что я жалею о своей любви к тебе — о нет! без этой любви меня давно, пожалуй, и на свете не было бы, но я жалею свое несчастное я, проклинаю свой несчастный характер, свою проклятую судьбу, что раньше времени сделала меня стариком. И *так* прожить свою молодость! Так. . . о господи! Будь же ты проклята, наука, будь проклято всякое знание. . . Не хочу быть умным! Хочу быть Арх<ангельским>, Строевым,⁵⁶ кем угодно, но только не иссушенным знанием и опытом человеком, к<отор>ому все известно, к<оторы>й надо всем смеется, который и в самой могиле видит лишь вещь, над которой можно посмеяться или к<отор>ую можно эксплуатировать. Знаете ли вы, вы, люди, знающие, что такое труд производительный и непроизводительный, знаете ли вы, что такое значит томиться жаждой чувства любви, желанием почувствовать возле себя молодое существо, полное жизни и желаний, полное красоты и гармонии, — знаете ли вы это? Эх, да отстаньте вы от меня, призраки недавнего прошлого! Прочти это один из вас — и он скажет: «легкомыслие, неразвитость. . .» и т. д. — а знаете: я вас всех, со всем вашим развитием готов послать к черту за один только поцелуй Женички. Поцелуй — да, по-вашему, это обнюхиванье, а, по моему, в этом поцелуе скрыта вся прелесть мира, вся мудрость существования, вся субстанция философов, весь пессимизм Гартманов⁵⁷ — все, все!

Зиночка, не думай, что я не люблю тебя: я тебя люблю, сильно люблю — но я уже не могу о тебе *мечтать*!

И вот часто во мне пробуждается *старый* человек. Как подумаешь, чем все это кончится, к чему ведут меня эта водка, эти «измены». Как вспомнишь о том, что дальше ожидает та же несчастная борьба за жизнь, тот же Вас<ильевский> остров, те же фонари, улицы, люди, те же часы страданий и минуты кажущегося счастья, — так, ей-богу, только

один выход вижу из этой дребе(де)ни: пуля! Пуля, пуля и пуля! Нельзя мне, видимо, ее избежать... Наплевать! Зато уж повеселимся!..

20 декабря. Пятница.

Да, действительно, заключение всего лучше. Весь я в нем сказался. Заведешь путаницу в жизни и в душе, и вместо того чтобы распутать ее, решаешься лучше разрубить узел. Оно и легче и спокойнее. Чувствую, давно чувствую, что слишком уже далеко зашел я с водкой и что с каждым лишним днем, проведенным так, как я его провожу, я быстро подвигаюсь к одному из трех концов: сумасшествию, самоубийству или полному нравственному падению. Знаю, что к нему приближает меня каждая выпитая рюмка, каждая мысль, подобная всем этим, — знаю все это — продолжаю выпивать новые рюмки и мыслить старые мысли. Да и что ж на самом деле? Умирать так умирать. Ведь слишком уж по-детски выходит — думать, что от лишнего дня или года жизни тебе лучше будет. Наоборот, много хуже. Как и что ни говори, а быть человеком и жить — очень унижительное занятие. Многие живут, весь свой век ни разу не задумавшись над тем, [что заключается] сколько противоречий, сколько глубокого смысла или великой бессмыслицы, сколько смешного и грустного заключается в этих немногих словах: я человек и живу. И благо этим людям. И для них лишний год жизни — важная вещь. Они не спрашивают природу: зачем ты устроила эту глупость? зачем я буду жить, если я должен умереть? а вместо того стараются воровским манером оттягать хоть один лишний денек, хоть один час. Бедные! им хочется пожить... Как же! мало ли остается у них вопросов, которые нужно обязательно решать: тут вопрос о том, как из мужика сделать барина, там — как устроить «общий харч»... Да мало ли этих вопросов? — и не перечтешь.

21 декабря. Суббота.

До чего я опустил — ужас! Так часто уличать себя в пошлости, так часто ловить себя на глупости, как я это делаю — хоть кого до тоски доведет. Прежде у меня был какой-то такт, который не позволял мне ни сказать, ни сделать ничего такого, за что бы после я мог краснеть; теперь же я постоянно говорю и делаю такие вещи, воспоминание о которых бросает меня в краску. И как скучен, нестерпимо скучен стал я; какая ненаходчивость, какое воловье тупоумие, какие жалкие остатки остроумия, которыми когда-то

я наиболее гордился... И куда все это ушло? Прежде моя речь доставляла мне удовольствие; теперь же стоит мне заговорить, чтобы сейчас же опротиветь самому себе. Одно и то же, одно и то же! Бесконечные вариации на тему «скучно жить на свете», бесконечное нытье, бесконечная скука... Хоть бы какая-нибудь новая нотка проскользнула в этом умопомрачающем концерте однообразной тоски и скуки. По неволе с удовольствием приносишь в жертву водке остатную силу и жизнь, водке, к(отор)ая хоть на час, хоть на минуту делает меня иным, вливает в меня новую жизнь, делает меня живым, бодрым, остроумным.

И хотя водка мне противна, противен ее вкус, противна сама процедура питья и опьянения, я все ж таки в каждую минуту готов пить ее, каждую минуту думаю о ней, моей последней возлюбленной. А денег нет — совсем нет. Такая вокруг меня бедность, такая нужда, такая тоскливая безысходная нужда, что копейка даже — и то является капиталом. И от этой нужды еще больше тянет к водке.

23 декабря. Понедельник.

К счастью, хоть через день, но пить приходится. В субботу пил много, нынче пил мало (сравнительно), но все-таки пил. Жалко вот только, что чем дальше, тем больше приходится увеличивать порции для произведения известного состояния. Но закон неумолим. Ощущения возрастают, как логарифм вызвавшего их возбуждения.

А все-таки лучше, много лучше, как выпьешь. Светлеет в голове, светлее становится поганая жизнь. Цель жизни, зачем, к чему, что я — все эти вопросы уходят куда-то далеко, далеко. Остается лишь человек-животное, жаждущее жизни, любви, поцелуев...

Не прозы любви хочу я, а ее поэзии. Хочу, как прежде, волноваться от одного взгляда, приходиться в восторг или отчаяние от одного слова. Хочу, чтоб один, украдкой сорванный поцелуй заставлял по-прежнему не спать ночи, мечтать о другом поцелуе... не больше! Какой славный я был тогда, когда при мысли о поцелуе у меня не являлось представления о акте, о сопровождающих его сладострастных ощущениях. Поцелуй! все в этом поцелуе, вся жизнь, вся радость этой жизни... А теперь: поцелуй!.. а дальше? дальше — корсет, а там... и т. д. Как это гадко. Понятно поэтому, что когда я хочу хоть на миг стать юным и чистым, я думаю не о Зин(аиде), а о той же Женичке. Да, и только в любви к такой, совершенно чистой девушке, на которой нет следов тысячи поцелуев, девственное тело которой не запятнано еще прикос-

новением ничьих рук, я могу — на время, конечно, — найти облегчение, найти то, что даст мне силу жить.

У меня много воспоминаний; есть среди них воспоминания о разных ночах, проведенных в бардаках или с «любовницами», в которых прежде у меня недостатка не было, но редко моя мысль останавливается на них. Останавливается тогда, когда, после долгого воздержания, начинает волноваться кровь и требовать удовлетворения половое чувство. Да и останавливается-то не на том, что представляет самую суть, а на разных несущественных обстоятельствах, предшествовавших сути: как-то я стоял полчаса на холодном полу и выжидал, пока заснет нянька и я могу пойти к кормилице, и т. п. Большинство же воспоминаний совсем иного свойства. Положим, они всегда, прямо или косвенно, касаются женщин и любви, но «суть» в них совершенно отсутствует. Вспоминаются такие вещи, как пожатие руки, прикосновение руки, краска на лице, а еще чаще вспоминается какой-нибудь момент, в который я испытывал какое-нибудь, *редкое*, чувство. Здесь «суть» совсем уж далеко. Напр(имер), до сих пор ясна в моей голове картинка: сад, музыка, толпа, я иду с Зин(аидой), одетой в какое-то черное, длинное пальто. Мало ли раз ходил я с З(инаидой) и мало ли в каких костюмах она бывала, а не помню я ни одной из этих прогулок, кроме этой. А эту так помню, как будто дело вчера было. И в моих воспоминаниях жизнь делится на периоды и каждому периоду соответствует известная картинка или какой-нибудь мотив вальса, польки или чего-нибудь под(обного). Обязательно мотив, без него даже воспоминаний нет. И стоит мне вспомнить какой-нибудь из таких мотивов — и я разом переносюсь в то прошлое, к которому он относится. Я вспоминаю не лица, не обстановку — я вспоминаю и вновь переживаю *то чувство*, которое я тогда испытывал.⁵⁸ И вот в этих чувствах все дело. Странные какие-то чувства вспоминаются, даже названия им не подыщешь — но только одно общее есть в них: это общее я называю поэзией. Иначе трудно охарактеризовать это общее. Как будто не та жизнь, не те люди — как будто все это окрашено в какой-то особый цвет: такой загадочный, неопределенный. Чувство, которое обнимает весь мир, желания, самому непонятные, — это главное. Вспоминаются именно те чувства и желания, к(отор)ые я не мог или не хотел проанализировать. Хочу, но чего, не знаю; чувствую, но что, не сумею сказать. Вот почему я называю их поэтическими, или, по-научному, эмоциональными. И этих самых чувств хочу я теперь. Хочу, как прежде, желать увидеть девушку, испытывать при виде ее какое-то чувство, которому я не могу дать имени, какие-то желания, о которых я не знаю, чего они ка-

саются... И это возможно для меня тогда только, когда я пьян, когда я потерял способность анализа, когда меня не тянет, по привычке, дать имя каждому возникающему во мне чувству. Вот, напр<имер>, когда у меня были гости, была Ж<еничка>, и я был пьян. Меня тянуло быть возле нее, говорить с ней, пожимать ей руки — но зачем это, что значит это «тянуло» — я не думал, а чувствовал себя именно так, как хочу чувствовать, молодым, юным. Я могу, конечно, и не пьяный отрешиться от самоанализа и пр<оч>., но для этого нужно сильно полюбить, что ли — а на это я, кажется, уже не способен. Итак, будем жить, Л<еонид> Н<иколаевич>, употребим все наши силы на добычу водки, отдадим за водку все: здоровье, честь, самоуважение — но только будем хоть на минуту человеком, а не счетной машиной. Dixi.^д

24 декабря. 12 <час>, вечер.

Настроение меняется. Великое за это спасибо матушке природе. Скука весь день, скука начало вечера — а вот сейчас скуки нет. Отчего была скука — знаю; куда она делась, отчего прошла — не знаю. Не произошло ничего веселого. Положение во всех статьях то же, что и днем. Люди вокруг те же, что и всегда, — а я не тот. Отчего я не тот? Не знаю. Веселья у меня нет — это бы уж слишком, но нет тоски и скуки — и этого довольно. Знаю момент, с которого прошла скука. Это — когда я задержал в своей руке руку Ж<енички> и пожал ее. Но причина не в этом пожатии. Люблю ли я сейчас Ж<еничку> или нет? Нет. (Люблю — в смысле: испытываю ли то же чувство, что и раньше.) Да, раньше «любил», а теперь нет. Она кажется мне менее привлекательной, чем раньше. Я не испытываю неодолимого желания целовать ее, ее руки, такого неодолимого, что я насилу мог сдерживаться, чтоб не привести его в исполнение при посторонних; а если бы испытал хоть на минуту наедине с ней, я не удержался бы. Сейчас же я тоже могу поцеловать ее, но для этого мне нужно употребить всю силу воли, именно^е чтоб преодолеть известный страх, чувство стыдливости и уважения. Теперь я могу насиловать свою природу, руководясь тем, что после мне будет приятно, а тогда я, наоборот, только мог последовать ей. У меня не было соображения о том, будет это мне приятно или нет; поцеловать для меня было так же необходимо и естественно, как выпить стакан воды, когда мне хочется пить. Не было также мысли о том, хорошо это или

---

^д Я сказал (лат.).

^е Далее не читается одно слово вследствие дефекта текста.

дурно; зачем это, чем кончится и т. д. — именно тех вопросов, которые тормозят теперь волю. Хочу — и только. И мне неприятно, что я не могу привести в исполнение своего «хотения», и я готов употребить все старания, чтоб сделать то, что я *хочу*. Да, вот оно настоящее-то «хотеть». Не чета моему всегдашнему. И вот именно тех минут жажду я, в к(отор)ые у меня было бы «хотеть». Не моего всегдашнего, гамлетовского: «хотел бы», а именно этого: «хочу», равнозначущего с «могу».

1 января 1892 г. 4 часа ночи.

Все время пью и безобразничаю. Что я делал вчера у Подобед — и вспомнить стыдно. Главное, ничего не помню. И весь нынешний день томит неприятное чувство, в особенности при мысли, что своим поведением я оттолкнул от себя Ж(еничку), которая решительно нравится мне. Вот уже больше двух лет ни одна барышня так не нравилась, как она. Вчера я говорил ей, что она мне страшно нравится, целовал ей руки — и боюсь только того, что она подумает, будто это спьяну. А я, трезвый, сейчас отдал бы жизнь за ее поцелуй. Мне в ней нравится именно то, что она совершенно не *тронутая*.

2 января. Среда.

Сейчас были у меня гости: Дмитриевы, Ильин, Подобед и Архангельский. Вышло это нечаянно. Хотел быть один Дмитриев, а вместо этого набралось столько народу. Среди всех этих было две, на которые я должен был обращать свое внимание: одна Любочка, быть с которой обязывает меня начатая с нею игра,⁵⁹ и Ж(еничка), к которой меня тянет сердце. Я хотел поделить поровну, но Л(юбочка) корчила из себя неприступность — поэтому за вечер я не сказал с ней двух слов и все свое внимание обратил на Ж(еничку). Странная вещь происходит со мною. Я всегда любил и люблю общество. Всегда *несколько* для меня дороже *одной*. Всегда пленял меня этот шум оживленных голосов, этот разговор, теряющийся в общем шуме, но сегодня ничего этого не хотел я. Хотел я одного: быть вдвоем с Ж(еничкой), говорить с ней — и только. Говорить — про остальное я даже не осмеливался думать. А когда, при игре в фанты, Арх(ангельский) поцеловал ей руку, у меня сжалось сердце. Все время, весь вечер меня терзала мысль — и от нее я был скучен страшно, — что для Ж(енички) я ничем не отличаюсь от других, что она смотрит на меня так же, как и на Ильина, что мое

пожатие для нее не важнее пожатия руки Ильина, что, одним словом, она не любит меня. Терзало меня и то обстоятельство, что я ничем не могу выразить ей своей любви, что нет во мне ничего такого, что дало бы мне перевес над другими. Да, нет, ничего нет. Чем я интереснее того же Ильина? Разговор мой скучен, однообразен, наружность моя не лучше или немногим лучше наружности Ильина. Но ведь не в наружности дело. Дело в словах, а слов у меня теперь нету. . .

И как скучно было мне весь вечер. Не мог говорить, играть в эти глупые игры, хотел одного. . .

Расскажу кстати, в чем заключается начатая мною игра с Дмит<риевой>. Встретила она меня с великой радостью. Дальше пошло хуже; но на первый день Р<ождества> я был, пьяный, у них, целовал без конца А.,⁶⁰ объяснял с ней в любви и т. д. Она обещала прийти в пятницу, но не пришла, поэтому я играл роль, а отчасти на самом деле представлял собой все время обиженного. Любви к ней не чувствую ни малейшей; не нравится она мне ни копейки — но я не могу выносить, когда мне предпочитают другого, не могу даже выносить мысли, что *мне могут предпочесть другого*. Вот поэтому, не чувствуя любви, я в то же время прилагаю все старания, чтоб предпочтение было отдано мне. Напр<имер>, я нравлюсь, и сильно, некой Овечкиной, довольно славной барышне, и хотя она мне не нравится, я тем не менее стараюсь обратить на себя ее внимание, когда мне почему-либо покажется, что ей приятней говорить с Ильиным, чем со мной.

А последняя мысль все-таки о Ж<еничке>. Как мне хочется, чтоб поскорей настало завтра, чтоб поскорей наступил тот миг, когда я скажу ей простую фразу: я вас люблю. . .

А Зинаида? Зинаиду я люблю, люблю, как люблю мать [может быть] и даже, может быть, нежней.

10 января. Пятница.

Много событий произошло с того времени, как я последний раз писал в дневнике. Не стану говорить о них — скучно говорить о прошлом, когда есть настоящее. Упомяну только об одном. Мне пришлось — и не раз — говорить Ж<еничке> о своей любви. К несчастью, в оба раза обстановка была настолько неудобной, что пришлось ограничиться одними словами, а с такими людьми, как Ж<еничка>, слова, без достаточного подкрепления жестами, не имеют никакого значения. И в самом деле: она ответила, что я ей *очень* нравлюсь, и вместе с тем до сих пор мы держимся друг с другом как малознакомые люди. Все обстановка проклятая! Благодаря

маменьке и остальным никогда вдвоем остаться не придется. А то остаться бы хоть раз наедине. . . Она, по некоторым признакам, несомненно *любит* меня и не с ее стороны препятствия.

Да и я, кажется, не на шутку влюбился. Все время думаю о ней, нигде кроме них не бываю, везде, где нет ее, чувствую себя скучно, жалею о том, что придется уезжать из Орла и не видеть ее, и т. д. Неужели на самом деле не видеть? Да ведь это тоска будет! Милая! Как хочется мне прижать к губам твою ручку, твои горячие щеки. Немудрено, что сейчас, засыпая, я буду думать о ней, да и во сне ее же увижу.

Милый мой друг, дорогая, желанная,
Все о тебе моя мысль постоянная! . . .⁶¹

12 января.

Была опять Дмитриева, была Подобед, была Ж<еничка>. Опять тоска, опять скука. Нет, не скука, — тоска, мертвящая тоска. Чего-то жаль, отчего-то сердце сжимается, на глаза навертываются слезы. И все это могло пройти от одного поцелуя Ж<енички>. Но его не было, и, боюсь, не будет. Боюсь себя, своей нерешительности, своей опрометчивости, как, напр<имер>, нынче. Простить себе не могу этого ответа. Чтоб я дал, чтоб вернуть к себе эту минуту. А она? думает обо мне сейчас? жалеет меня? желает ли того же, что я сейчас с такой силой желаю? Милая моя, голубочка, когда же это будет — и будет ли когда-нибудь? Будет. . .

24 января. Пятница.

Этот дневник останется недоконченным. Я не хочу брать его в Петербург, ибо там он неминуемо попадет в руки Зинаиды, а этого не должно быть. Она не должна знать моего увлечения Ж<еничкой> именно потому, что это увлечение не оставило никаких следов в моей душе и несколько не повлияло на мое отношение к Зинаиде, а вместе с тем, если б З<инаида> узнала, она была бы сильно огорчена. Посему я дневника не захвачу, но заведу новый, хотя это не совсем приятно.⁶²

Да, к Ж<еничке> я совершенно хладнокровен и совершенно разочаровался в ней. Как это вышло и почему — долго рассказывать, да и не к чему. Важно одно: пропала мечта о настоящей любви. Когда же дождусь я этой любви, которая не исчезла бы от первого дунновения действительности!

Вот я в Петербурге опять — и вот опять то, чего я так боялся и чего ждал. Один. Передо мною бутылка и рюмка. Я пишу, и после нескольких строчек иду прикладываться к бутылке. Дело кончится тем, что я, написавши много патетических глупостей, пьяный, едва добреду до кровати и засну мертвым сном пьяницы или трупа. Зачем это и отчего? Отвечу сперва на второе. Зинаида. Все из-за Зинаиды. Я приехал в Питер три дня тому назад и до сих пор не могу видеть ее как следует. Т. е. не могу даже остаться с ней один. Я в этом, конечно, не виноват, но и она тоже. У ней много дела. Она, в стремлении приносить пользу человечеству, взяла на себя какую-то срочную работу; она ходит на курсы; она имеет уроки; ей нынче нужно в оперу, завтра на вечер, послезавтра опять в оперу; а когда она сидит дома, к ней приходят ее обожатели поговорить об опере, работе или курсах. А я все жду! То жду долго, глядя в окошко, пока она придет с курсов, стою около печки и курю папиросу за папиросой, не в состоянии ничего больше делать; то жду у нее, сидя в углу и безутешно глядя вперед, пока она придет с тех же курсов; то хожу из угла в угол по комнате и отсчитываю минуты до конца ее урока; то, наконец, мечусь, как угорелый, не в состоянии дожидаться той минуты, когда уйдет ее приближенный и даст мне возможность хоть минуту побыть с ней наедине. А то, как вчера, сижу и с прискорбием замечаю, как летят одна за другой минуты того часа, который она имела милость подарить мне. Все жду — и огорчаюсь. А она огорчается и негодует, почему я огорчаюсь. И тот час, который мы сидим с ней вдвоем, мы посвящаем бесплодному, хотя интересному и горячему спору о том, кто виноват в этом споре. Да и вот сегодня, напр<имер>, она пошла в оперу, а я один. Но она не виновата. Она предлагала мне пойти, она умоляла меня об этом, а я не пошел, хотя и мог. Кто же виноват, что я один? Она даже не хотела *сама* идти, и *даже* сняла пальто, и хотя, конечно, не осталась, но все-таки показала этим, насколько желает меня видеть. И до тех пор уйти не хотела, пока я не дал ей чего-то вроде обещания — она видела, что это не обещание — что я завтра приду. . . не к ней, ей по обыкновению некогда: срочная работа, вечер в Институте и т. д., а приду проводить ее от дому до Публичной библиотеки. Наконец, она требовала от меня, просила, чтоб я, если не хочу идти с ней в оперу, не пил дома водки, т. е., другими словами, рекомендовала мне пойти и броситься головой в прорубь, пот<ому> что мне, трезвому, кроме этого ничего не оставалось бы. . . О, она меня любит!

А я, неблагодарный, чем я плачу за ее любовь? В оперу не пошел, водку пью, и даже завтра к ней не пойду, чем заставлю ее или совершить страшное преступление, отказаться от работы, никому не нужной, или совершить великий подвиг: отказаться от меня, тоже никому не нужного. Да, интересно: придет она завтра? Ну, если не придет. . .

5 февраля. Среда.

Не пришла. Опять один и водка.⁶³ Только вчера не так скверно чувствовалось. И водка пила, и писалось — а теперь проглотить рюмку страшный труд. Отвратительно. И вчера выпил я много, а был совсем трезв, голова работала превосходно — а сейчас выпил 3 рюмки и совсем одурел. Не пьян, а именно одурел. Это, должно быть, отчасти оттого, что я слегка нездоров. Только мыслей в голове нет, а что-то чудное. Какие-то странные чувства я испытываю. То вот минуту тому назад мне показалось, что я не я, т. е. собственно как будто я стою, а еще другое «я» смотрит на меня. То показалось на миг, что я лишен всякой чувствительности; будто от всех впечатлений меня отделяет какая-то стена. Вообще очень странно. И завтра вечер проведу так же, вернее, еще хуже. К ней я ни за что не пойду, а она не придет. У ней завтра тоже, кажется, дело есть. Нынче она сопровождает Наталью в Горный на бал, а завтра еще куда-то. Эх, *(нрзб.)* . . . Ведь подумать только, что она делает, где ее любовь. А говорит, что любит, да и меня еще в недостатке любви упрекает. По ее мнению, любовь есть сплошная жертва, а я, как известно, ни одной жертвы ей не принес. А она вот ежеминутно приносит себя в жертву моему ненасытному тиранству. Но, конечно, всему есть пределы. Не может же она из-за меня совершенно отказаться от всяких удовольствий. Это значит, если согласиться с моими требованиями, извольте весь вечер *сидеть со мной*, и никакого *удовольствия не видеть*. Конечно, Зиночка, без сомнения так. Какое удовольствие сидеть со мной и лизаться, как она выражается, или говорить о таких вещах, которые никакого интересу не заключают. Положим, мы не виделись два месяца — но что за важность: времени впереди много, поспеем наговориться и нализаться. Опять-таки, с другой стороны, у меня кроме нее никого здесь, не только близких, но и просто знакомых, к кому бы я мог пойти, нет, и потому, если она идет куда-нибудь, то я должен вечер сидеть один, а как тебе, любезный читатель, так и ей, известно, что значит для меня сидеть одному.

(Оказывается, одурел я не оттого, что пил, а оттого, что *мало* пил.) Теперь, когда я выпил как раз столько, чтобы в другое

время с ног свалиться, я нахожу в себе способность мыслить и писать поистине удивительную. Мыслей столько, что даже писать трудно, не уследишь. И притом: в письме все это бледно чересчур выходит. Вот здесь, по тетради, к сожалению, незаметно антрактов, т. е. тех десяти минут, когда я, выпивши рюмку водки (собственно не рюмку — я сообразил, что из стакана пить лучше), хожу по несколько времени по комнате, мыслю великие мысли (к предмету нынешнего писания почти не относящиеся) и затем, нагулявшись и накурившись, сажусь продолжать дневник. Как жаль, что я задним только умом крепок. Теперь, когда водки уже почти ничего нет, я после каждой рюмки буду оставлять красную строку. Таким образом, можно будет проследить, насколько возрастают мои умственные способности... и сумасшествие. (Да, а сейчас я совсем трезв — в обыденном смысле слова — и только один признак опьянения есть: страшный шум в ушах.)

Здесь, читатель, красная строка. Понимаешь? Ах, водка, водка! Великое спасибо тому, кто тебя выдумал. Ну чтоб делал я, если б тебя не было? Вот, до тех пор, пока я начал пить (т. е. сегодня), я два часа ходил из угла в угол, и в моем мозгу была только одна мысль, как молотом бившая по натянутым нервам: «Придет Зинаида или нет?» И от этой мысли или оттого, что она была *одна*, — я чувствовал, как мало-помалу исчезает то, что отличает здравого умом от сумасшедшего.

(Красная строка; больше об этом говорить не буду; сам понимай.)

Я чувствовал, как шаг за шагом мои несчастные, разброшенные мысли заволакивала какая-то млечная пелена; как из этого неопределенного, ужас наводящего тумана выползала все ярче и ярче эта проклятая мысль: придет или нет? И все, куда ни обращал я глаза свои, все для меня служило олицетворением этой мысли. Плетеный, прорванный стул заставлял меня думать: вот здесь сидела Зинаида — придет она или нет? Появлялись на сцену непроизвольные движения: глаза, устремленные бессмысленно на пол, невольно поднимались и глядели в окно, нет ли там, на дворе, Зинаиды, спешащей ко мне. Слух, давно отказавшийся воспринимать все звуки, до ребячьего крика за стеной включительно, невольно настораживался и становился изумительно тонким, когда в дверях раздавался звонок и шаги. А сердце, глупое, бессмысленное сердце! Кто заставлял тебя так стремительно биться при этом *(нрзб.)* звонке? Я ли не старался всей силой моей воли сдержать твое бесцельное биение, я ли до боли не прижимал рук к тому месту, где ты колотилось?

А какая мертвая тишина, какое глубокое безмолвие наступало после этой жизни духа и тела, когда незнакомые шаги, оставляя в стороне мою комнату, глухо замирали вдали! Как тихо и пусто все становилось. Сердце не бьется, глаза, не мигая, в окошко глядят — и печка, одна вечно жаркая печка, свой отблеск кровавый на стены кидает. . .

(Я пью без закуски, а то не удастся вконец опьянеть).

А там в это время она, Зинаида, «жуирует» жизнью. Свет, музыка, шум в этом зале. Вокруг все студенты: болтают, и взоры огнем вдохновения горят, и «Ах, как было б славно хоть миг на груди этой всласть полежать!» — так мыслит студентик беспечный, разговор заведя бесконечный о том, что избито и старо, как мир. «Вы знали такого? Ах как он трудился для пользы отчизны своей! Три раза был обыск — два раза он сдуру попался, а третий — в Сибирь угодил. Но это не важно. Идея бессмертна».

«На смену погибшему даром свежие силы сберутся. Хотя, без сомненья, не в их это силах — гнет свергнуть могучий — но капля и камень долбит».

— И вы, Зинаида Николаевна, конечно, к великому делу свободы труды уж давно приложили?

— О да, без сомненья! Я с утра до ночи тружуся! — с восторгом ему отвечает она. За этим рассказ: как ей предложить работать для тех, кого голод ужасный (Красная) ст(рока)) так сильно терзает, для бедных крестьян. (А эти крестьяне, коль правду сказать, не стесняясь, ей нужны как снег прошлогодний!) И что безобразней всего: не в голоде дело, не в этих крестьянах, а в том, что ему <нрзб.> захотелось, а ей жару некуда деть. И благо, коль в этих, невинных снаружи, но пакостных, время, беседах, пройдет. . . (Красная) с <трока>).

Однако я очень увлекся. Совсем не заметил, что вместо того чтоб последовательно рассказать, чем я недоволен в поведении Зинаиды, я стал, как Дурасов, преглупые вирши писать. Но я не виновен. Великого стоит труда мне удерживаться от этого проклятого «размера», который преследует каждое мое слово. А все от водки. Вот когда я действительно пьян. С трудом сознаю, о чем пишу. И только когда яркая, как молния, промелькнет мысль о Зинаиде, о том, как она сейчас преспокойно беседует с каким-нибудь наипохабнейшим студентом, забывая о том, что я в это время пью водку, другими словами смерть к себе <...>* <...> бился головой об стенку, головой, бедной головой, которая и так горит, как

---

* Текст обрывается — возможно, далее была вырвана страница. Следующий отрывок написан неровным почерком, свидетельствующим о крайнем возбуждении.

огонь; я рвал на себе волосы — посылаю тебе из них; прости, что немного: только всего и нашел, я рвал когтями грудь, к сожалению, тупыми, иначе б я тебе послал и крови своей — и несмотря на все это, чем я старался отвлечь себя от идеи разрушения, я не могу удержаться от нее. Господи, если ты есть, создатель, дай мне силу пережить! Ах как это глупо и подло. Будь проклято. . . Мамочка бедная, больная, забитая всем и всеми — и тобой, моя милая Зиночка, — мамочка, хоть ты дай мне силу, дай мне не убить тебя окончательно. . .

Вот теперь, Зиночка, я успокоился. Не много времени прошло, всего час один, но я до того стал спокоен и разумен, что вместе с тобою сознаю всю глупость и безобразие этого вырыванья волос и т. п. Но так как, деточка моя, я знаю наверное, что если ты завтра *не придешь*, я буду делать то же самое и даже, пожалуй, хуже, то я предупреждаю тебя об этом, дабы ты не сказала после, что я это сделал спьяну, т. е. именно то, что я сделаю завтра.⁶⁴ На всякий случай прощаюсь с тобой и желаю тебе всего лучшего. Желаю найти искомый идеал, желаю тебе скорее забыть меня и все те неприятности, которые в таком изобилии я тебе доставлял. И скажу тебе на прощанье, что я тебя сейчас ненавижу так сильно, как только могу. Но я думаю, что для тебя это не важно. Ты от природы счастливый человек: ты умеешь спать и забывать. Тебе впереди много увлечений еще предстоит, предстоит настоящая любовь со всеми ее радостями, предстоит прижимать к груди и забываться с другими. Прощай! О, если б ты знала, как я тебя сейчас ненавижу, когда вспомню, где ты и что ты. . .

Л. Андреев.⁶⁵

6 февраля. 9 ч(ас). вечера.

Она не пришла и сегодня. Значит, не любит, пот(ому) что, будь у нее хоть йота любви, она (бы) пришла, зная, как я мучаюсь. Весь нынешний день я как сумасшедший. Одна мысль и одно для нее выражение: придет или нет. Да, не любит. Значит, это правда. Что ж остается, где исход? Навсегда, значит, конечно все. Я один. Я не могу выразить словами, что неприятного заключается в этом «кончено» и «один» — только когда я подумаю об этом, у меня вырываются спазматические слезы. Как мало любила она меня! Неужели не могла за весь этот день найти 15 мин., чтоб забежать ко мне. Ведь это смешно. Меня отделяет от нее расстояние в 2 мин. ходьбы — и она не зашла. Не хочет, пот(ому) что не любит. Неужели могут после этого продолжаться наши отношения? Нет, не могут. . . Не могут? А как сильно, оказывается, люблю я ее. Весь мир в ней, в ее любви.

- ¹ Источник цитаты не установлен. Этот же эпиграф находится на обложке II части второго тома, которая хранится в ИРЛИ (ф. 9, оп. 1, № 16).
- ² В августе 1891 г. Л. Андреев был зачислен на юридический факультет Петербургского университета, откуда, как явствует из выданного ему свидетельства, «в июне месяце 1893 г. за невзнос платы» был уволен (см.: *Фатов Н. Н.* Молодые годы Леонида Андреева. М., 1924. С. 281). В университете он имел «два зачетных полугодия и одно незаченное».
- ³ Плохая характеристика, о которой говорит Андреев, была выдана ему в связи с тем, что в апреле 1891 г., перед окончанием гимназии, на него было подано прошение мировому от некоего Кутепова «о буйстве, оскорблениях и угрозах», что грозило исключением из гимназии. Дело рассматривалось в суде, и Андреев был приговорен к штрафу в 20 руб. Хлопотами директора гимназии И. М. Белоруссова Андрееву удалось получить аттестат, в котором его поведение было оценено как «отличное» (см. об этом в письмах к З. Н. Сибилевой от 2 апреля, 30 мая и 8 июня 1891 г.: ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26, л. 120—134 об.), что давало ему право поступать в университет, однако хорошую характеристику получить, очевидно, не удалось.
- ⁴ «Народ кругом отвратительный, — писал Андреев 1 сентября 1891 г. своей орловской знакомой Л. Н. Дмитриевой, — не с кем слова молвить. А самое скверное — это полиция. Полиция, полиция и полиция. Плюнуть нельзя без того, чтобы не попасть в городского или дворника, который здесь также составляет полицейскую власть, и притом очень важную, так как на нем лежит обязанность наблюдать за жильцами» (Орловский гос. литературный музей И. С. Тургенева, основной фонд, № 2625).
- ⁵ Т. е. Зинаида Николаевна Сибилева. О ней см. в предисловии к публикации.
- ⁶ Пансион Гедройц находился на 6-й линии Васильевского острова против Николаевского моста (ныне мост Лейтенанта Шмидта), в доме 25/1.
- ⁷ В архиве Орловского гос. литературного музея среди писем Андреева к Л. Н. Дмитриевой сохранился отдельный листок, относящийся, судя по содержанию, к одному из первых писем Андреева из Петербурга, где он указывает свой новый адрес: Васильевский остров, Малый проспект, д. 15, кв. 16.
- ⁸ Очевидно, имеется в виду Александр Александрович Бодиско, общий знакомый Андреева и З. Н. Сибилевой, студент.
- ⁹ В письме к Сибилевой от 27 июня 1890 г. Андреев сообщал, что купил «столь желанный велосипед, пробовал несколько раз, учась кататься, сломать себе шею» (ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26, л. 5 об.).
- ¹⁰ Вера Игнатьевна Гедройц — подруга З. Н. Сибилевой, очевидно дочь владельца пансиона на Васильевском острове, где некоторое время жил Андреев. Дмитрий Петрович Невстроев (?) — петербургский знакомый Андреева и Сибилевой, студент физико-математического факультета.
- ¹¹ Лицо неустановленное.
- ¹² В. Н. Сибилева — сестра З. Н. Сибилевой.
- ¹³ «Петербургская жизнь писателя, — писал один из первых биографов Андреева, основываясь на его устных рассказах, — как раз совпала с теми годами, когда среди учащейся молодежи и интеллигенции появились первые марксисты, и с их появлением началась идейная война с народничеством и с «субъективизмом» во главе с Н. К. Михайловским. Марксизм того времени еще не захватывал широких кружков молодежи, а ютился в интимных группах. Сочинения Маркса и Энгельса изучались в кружках. К одному из таких кружков примкнул и Андреев, но его отношение к марксистам носило характер случайных

- встреч. Это не помешало ему самостоятельно изучить полит. экономию, и знал он науку о народном хозяйстве основательно (<...> Андреев всегда старался избежать кружкового воздействия» (*Брусянин В. В.* Леонид Андреев. Жизнь и творчество. М., 1912. С. 46). В письмах и дневниках Андреева встречаются многочисленные негативные отзывы о студенческих кружках; возможно, он посещал не только марксистские, но и народнические кружки.
- ¹⁴ Любовь Николаевна Дмитриева (в замужестве Тухина) — близкий друг Андреева. Сохранилось 10 писем его к ней, которые хранятся в Орловском музее. «Если мне удастся наконец стать на ноги, — читаем в письме от 28 апреля 1892 г., — половиной этого я буду обязан Вам. Не в деньгах дело — дело в том, что своей постоянной готовностью помочь мне Вы были для меня и будете нравственной опорой» (Орловский гос. литературный музей И. С. Тургенева, основной фонд, № 2634).
- ¹⁵ Андреев был знаком с двумя сестрами Васильевыми — Софьей Ивановой и Зинаидой Ивановой. Упомянутое письмо было, очевидно, от Софьи. Об отношениях с Васильевыми Андреев писал во второй части своего дневника (ИРЛИ, ф. 9, оп. 1, № 16).
- ¹⁶ Мать Л. Н. Андреева, Анастасия Николаевна (урожд. Пацковская), была одним из наиболее близких ему людей; без нее, по воспоминаниям брата Андреева, Павла, «Леонид никогда не прочитывал (<...> ни одного своего нового рассказа, повести или драмы. Она делала такие ценные замечания, что Леонид часто, под влиянием ее указаний, исправлял то или другое место (<...> а то и все переделывал заново». Любовь же к Леониду, которого она выделяла среди своих детей особенно, «доходила у нее иногда прямо-таки до курьезов» (*Андреев П. Н.* Воспоминания о Леониде Андрееве // Литературная мысль. Л., 1925. Вып. 3. С. 177—181). После смерти Леонида она несколько раз покушалась на самоубийство; умерла она 2 декабря 1920 г.
- ¹⁷ Андреев Николай Иванович (1847—1889) умер накануне переходных экзаменов Леонида из 6-го в 7-й класс. Л. Андрееву было тогда 17 лет, «с этого дня очень резко изменилась и вся дальнейшая жизнь Леонида» (*Андреев П. Н.* Воспоминания о Леониде Андрееве. С. 150).
- ¹⁸ Ср. с тем, что писал об этом посещении кружка Андреев Л. Н. Дмитриевой от 30 сентября 1891 г.: «Хотя я попал в один студенческий кружок (это между нами), но чувствую себя там совсем чужим, да и едва ли когда-нибудь своим почувствую — уж больно наши взгляды на жизнь расходятся. Они народ деятельный, верящий и имеющий свои идеалы, а мой идеал — поскорей добраться до Болховского или Крестьянского кладбища» (Орловский гос. литературный музей И. С. Тургенева, основной фонд, № 2627, л. 3 об.).
- ¹⁹ Вероятно, имеется в виду название популярного тогда в России романа польского писателя Г. Сенкевича «Без догмата», перевод которого был опубликован в 1890 г. в журнале «Русская мысль». Роман написан в форме дневника молодого человека, разочаровавшегося в общественных идеалах и сосредоточившегося на анализе собственного «я». Любопытно сравнить приведенное рассуждение с откликом Л. Андреева на статью о его творчестве критика В. Г. Сахновского «Писатель без догмата» (Новая жизнь. М., 1916. Кн. 1) в письме его к С. С. Голушеву от 12 декабря 1916 (?) г.: «Без догмата! — это, конечно, так... но куда ты денешь мою героическую личность, мой „Океан“, моего Лоренцо? Наконец — „Тота“? Или семь повешенных? Или „Тьму“?» (Реквием. Сборник памяти Леонида Андреева. М., 1930. С. 131).
- ²⁰ Уже после окончания Московского университета в начале 1899 г. Л. Андреев провел два месяца в лечебнице для лечения неврастении. Впечатления от этого пребывания отразились в рассказе «Жили-были».
- ²¹ Кареев Николай Иванович (1850—1931) — историк, профессор Петер-

- бургского университета, автор работ по истории Великой французской революции и истории Западной Европы.
- 22 После отъезда З. Н. Сибилевой в Петербург Андреев писал: «... ненавижу я твой Петербург страшно и все симпатии мои на стороне Москвы, гостеприимной и радушной. Москвы, где и все товарищи мои, где и побунтовать можно и попить и погулять (...). И начальства в Москве меньше и не такое начальство, как в Питере, где студентов начеку держат» (письмо от 30 октября 1890 г.: ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26, л. 22).
- 23 Очевидно, имеется в виду М. С. Дурасов, с которым Андреев учился в Орловской гимназии.
- 24 О ком идет речь, установить не удалось.
- 25 В-к — возможно, студент по фамилии Веншток, сосланный впоследствии, по воспоминаниям П. Н. Андреева, в Сибирь. См.: Литературная мысль. Л., 1925. Т. 3. С. 168.
- 26 Лицо неустановленное.
- 27 Речь идет о денежном переводе Любови Николаевны Дмитриевой, которая неоднократно оказывала Андрееву материальную помощь в годы учебы в Петербургском университете. Ответное письмо Андреева к Л. Н. Дмитриевой от 30 сентября 1891 г. хранится в Орловском гос. литературном музее И. С. Тургенева (основной фонд, № 2627).
- 28 Очевидно, имеется в виду так называемое философское сочинение Андреева, задуманное им в гимназии и озаглавленное «Проклятые вопросы». Набросок его содержится в гимназическом дневнике Андреева, написанном весной 1890 г. В нем он рассуждал о социальном устройстве общества, основанном на природном неравенстве людей, об эгоизме как главном движущем факторе человеческих поступков и т. п. (подробнее о нем см.: *Zviguilski A.* P. 150—151).
- 29 Еланский Алексей Петрович — одноклассник Андреева по Орловской гимназии, учился с ним на юридическом факультете Петербургского университета.
- 30 См. примеч. 28.
- 31 Арбузов Алексей Петрович — приятель Андреева в гимназические годы, затем учился в Москве, возможно в военном заведении. Переписка с Арбузовым неизвестна.
- 32 Ильин Михаил Иванович (?) — одноклассник Андреева по Орловской гимназии. См. о нем в письме Андреева к З. Н. Сибилевой от 20 января 1891 г. (ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26, л. 34).
- 33 Прозвище Ильина.
- 34 Кто имеется в виду, неясно.
- 35 Речь идет о Николае Евграфовиче Сибилеве, отце Зинаиды, орловском адвокате, который умер 20 февраля 1891 г. Подробное описание смерти Н. Е. Сибилева, неприязненно относившегося к Андрееву, содержится в письме к Сибилевой от 24 февраля 1891 г. (ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26, л. 44—46).
- 36 Об отношении Андреева к Писареву см. в предисловии к публикации. В своих воспоминаниях П. Н. Андреев приводит следующую выдержку из дневника Андреева от 20 марта 1897 г.: «Возмущаются у нас деспотизмом, с криком указывают на жертв бесправия — дурачье. Вот кто деспот, вот кто наш враг, наш убийца — жизнь проклятая. Как бессилён, как жалок человек» (Литературная мысль. Л., 1925. Вып. 3. С. 171). О скептическом отношении Андреева к научной мысли и знанию писалось много, приведем характерную запись из его письма к З. Н. Сибилевой от 30 октября 1890 г.: «К черту разум, к черту развитие с его дурацкими требованиями и претензиями. Будь животным, как и должно, ешь, пей, люби и веселись, пользуйся минутой и

- забывай о завтрашнем дне — вот философский камень, который я так глупо искал в книгах» (ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26, л. 22 об.).
- ³⁷ Возможно, речь идет о В. М. Никольском, с которым Андреев учился в Орловской гимназии.
- ³⁸ «Одинокий оппонент в товарищеских кружках, — писал об Андрееве В. В. Бруснянин, — в то время все еще был под влиянием Гартмана и Шопенгауэра, и это влияние делало его возражения пессимистическими, что, конечно, не могло нравиться пионерам марксизма» (*Бруснянин В. В.* Леонид Андреев. Жизнь и творчество. С. 47).
- ³⁹ Андреев не вполне точно цитирует стихотворение С. Я. Надсона «Нужно жить! Вот они, роковые слова...» 1885 г. (см.: *Надсон С. Я.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1962. С. 287).
- ⁴⁰ См. примеч. 7.
- ⁴¹ Эта запись в дневнике, как и некоторые другие, сделана Андреевым в нетрезвом состоянии.
- ⁴² Возможно, имеется в виду дневник, написанный в марте—июне 1890 г., который Андреев дал З. Н. Сибилевой с собой в Петербург (см. письмо от 23 июня 1890 г.: ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26, л. 3).
- ⁴³ Речь идет о Наталье Николаевне Сибилевой, сестре Зинаиды.
- ⁴⁴ Роман А. И. Эртеля (1855—1908) «Смена» был впервые напечатан в журнале «Русская мысль» в первой половине 1891 г. В нем на фоне широкой панорамы русской пореформенной жизни, с ее уходящими в прошлое «дворянскими гнездами» и наступлением капиталистических отношений в деревне, крахом народнических иллюзий части дворянской интеллигенции, показана судьба своего рода «лишнего человека», разорившегося наследника дворянской усадьбы Андрея Петровича Мансурова, испытывавшего немало горьких разочарований, прежде чем он погиб от случайной пули. Героиня, в которой Андреев усмотрел черты сходства с З. Н. Сибилевой, — Людмила Михайловна Горенская, ставшая причиной несчастий Мансурова и самоубийства влюбленного в нее студента Кретова.
- ⁴⁵ В письме Л. Н. Дмитриевой от 30 октября 1891 г. Андреев называет следующий адрес: Васильевский остров, 4-я линия, д. 23, кв. 8 (Орловский гос. литературный музей И. С. Тургенева, основной фонд, № 2628, л. 3 об.).
- ⁴⁶ Речь идет о первом рассказе Андреева «В холоде и золоте», напечатанном 19 апреля 1892 г. в журнале «Звезда». Рассказ известен также под названием «Рассказ о голодном студенте» (см. о нем: *Иезуитова Л.* Первый рассказ Леонида Андреева//Русская литература. 1963. № 2. С. 183—187). Вспоминая свою жизнь на первом курсе Петербургского университета, Андреев писал: «Первый мой, однако, литературный опыт был вызван не столько влечением к литературе, сколько голодом. Я очень серьезно голодал и с отчаяния написал прескверный рассказ „О голодном студенте“. Из редакции „Недели“, куда я самольно отнес рассказ, мне его вернули с улыбкой» (Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. Собрал Фидлер. С. 30).
- ⁴⁷ Это письмо неизвестно.
- ⁴⁸ Лицо неустановленное.
- ⁴⁹ Лицо неустановленное.
- ⁵⁰ См. записи от 22 сентября и 30 октября 1891 г. в настоящем дневнике.
- ⁵¹ Ср. с тем, что писал Андреев З. Н. Сибилевой 13 февраля 1891 г.: «...целью своей жизни <я> поставил нечто другое: свободу, отчасти внешнюю, а преимущественно внутреннюю, свободу духа, которая дается изучением самого духа» (ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 26, л. 40 об.).
- ⁵² Очевидно, Андреев говорит о письме к Л. Н. Дмитриевой от 24 ноября

- 1891 г. (Орловский гос. литературный музей И. С. Тургенева, № 2630).. Письмо к Ильину неизвестно.
- ⁵³ О подробностях этого визита Н. Н. Сибилевой и Л. Н. Дмитриевой к матери Андреева он спрашивал Дмитриеву в письме от 24 ноября (Орловский гос. литературный музей И. С. Тургенева), основной фонд, № 2630).
- ⁵⁴ Цитата восходит к популярной песне А. П. Серебрянского «Вино», задолго до опубликования (в 1906 г.) бытовавшей в многочисленных переработках. Слова из этой песни послужили заглавием пьесы Андреева «Дни нашей жизни» (указано Ю. К. Герасимовым). В песне и в дневнике Андреев цитирует один из устных вариантов песни (см.: Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., 1963. С. 532—533; ср. с текстом на с. 933), ставшей своего рода студенческим гимном.
- ⁵⁵ Имеется в виду Хлуденева Евгения Николаевна (настоящая фамилия Стрежелецкая) — воспитанница начальника Витебской железной дороги Н. П. Хлуденева. Случай на Рождество, который произошел у Андреева с Е. Н. Хлуденовой, лег в основу рассказа «Смех» (1901).
- ⁵⁶ Орловские знакомые Л. Андреева.
- ⁵⁷ По воспоминаниям товарища по гимназии В. А. Еловского, «еще в гимназические годы Л. Андреев читал модного тогда Гартмана, его «Философию бессознательного», и много говорил о нем в гимназии» (цит. по: *Фатов Н. Н.* Молодые годы Леонида Андреева. С. 240).
- ⁵⁸ Эта особенность памяти своеобразно отразилась во многих произведениях Андреева: «Жизнь человека», «Анатема», «Собачий вальс» и др.
- ⁵⁹ В письме к Л. Н. Дмитриевой от 5 января 1892 г. содержится объяснение по поводу этой вечеринки (Орловский гос. литературный музей И. С. Тургенева, основной фонд, № 2631).
- ⁶⁰ В воспоминаниях двоюродной сестры Андреева Зои Николаевны Пацковской есть подробности события, отраженного в рассказе «Смех»: «Он был влюблен в одну девицу, Хлуденеву. Он сам был в маске и объяснялся ей в любви, а она смеялась. Еще он был неравнодушен к Архангельской, Елене Николаевне; она тоже была тут в нашей компании» (*Фатов Н. Н.* Молодые годы Леонида Андреева. С. 212).
- ⁶¹ Источник цитаты не установлен.
- ⁶² Следующую тетрадку дневника Андреев начал 26 марта 1892 г. (ИРЛИ, ф. 9, оп. 1, № 16; опубликован впервые в газете «Орловский вестник» за 9 сентября 1895 г.).
- ⁶³ Один из ранних рассказов Андреева назывался «Он, она и водка».
- ⁶⁴ Андреев совершил попытку самоубийства 15 февраля 1892 г. 18 февраля он писал Л. Н. Дмитриевой из больницы св. Марии Магдалины: «Нахожусь я здесь с 16, вернее, с 15 февраля, именно с того самого часа, когда я имел глупость нанести себе рану ножом в бок. Глупость потому, что рана эта ниже всякой критики, нисколько не опасна и для своего излечения потребует не больше двух недель (...) я даже не знаю причин, знаю только одно, что я давно уже нахожусь в заколдованном кругу с единственным из него исходом — самоубийство» (Орловский гос. литературный музей И. С. Тургенева, основной фонд, № 2632). 5 апреля 1892 г., после возвращения из Орла в Петербург, Андреев запишет в дневнике: «Раскаяние, упреки совести, а с другой стороны мнимая или действительная невозможность изменить свое поведение, остановиться на наклонной плоскости — делали положение безвыходным» (ИРЛИ, ф. 9, оп. 1, № 16). Вскоре он успешно сдаст экзамены за второе полугодие, в жизни его наметится некоторый перелом, выразившийся прежде всего в «исчезновении пессимизма»: «Вопрос „к чему“ (...) вот уже с полгода не является совсем. Исчезновение его можно отчасти приписать знакомству с реальными бедствиями, отеснившими (...) бедствия метафизические. Благодаря исчезновению

вопроса «к чему?» потерял свою силу атеизм и прочие пакостные воззрения, служившие только иным выражением, проявлением этого ненавистного вопроса. Вторым важным признаком перерождения (<...>) является сознательное желание жизни. Начало являться оно уже давно, но урывками, а сплошным стало только после известной попытки. Наконец третьим служит желание работать...» (там же). А в письме от 28 апреля этого же года появятся строки, свидетельствующие о серьезных изменениях в жизни будущего писателя: «...рассказ мой будет напечатан. Это было моим первым опытом — и, к счастью, удачным. Теперь я с уверенностью последую своей склонности и займусь не на шутку писательством» (письмо к Л. Н. Дмитриевой см.: Орловский гос. литературный музей И. С. Тургенева, основной фонд, № 2634). Речь шла о рассказе «В холоде и золоте», появившемся в апрельском номере журнала «Звезда» за 1892 г. и положившем начало писательскому пути Леонида Андреева (см.: *Иезуитова Л. А.* Первый рассказ Леонида Андреева//Русская литература. 1963. № 2. С. 183—187).

⁶⁵ Подпись свидетельствует о том, что здесь Андреев, видимо, хотел закончить свой дневник. Возможно, он хотел отослать несколько страниц, вырванных из тетрадки, З. Н. Сибилевой в качестве прощального письма, однако не сделал этого. На этой странице виден карандашный автопортрет Андреева, сидящего за столом, на котором стоят бутылка и рюмка (см. фотокопию).

Вяч. Иванов

**ДОКЛАД «ЕВАНГЕЛЬСКИЙ СМЫСЛ СЛОВА „ЗЕМЛЯ“».
ПИСЬМА.
АВТОБИОГРАФИЯ (1926)**

*Публикация, вступительная статья и комментарий
Г. В. Обатнина*

I

Доклад «Евангельский смысл слова „земля“» был прочитан Вяч. Ивановым 3 мая 1909 г. на заседании Христианской секции Религиозно-философского общества в Петербурге.¹ Здесь же был прочитан (А. В. Карташевым) также доклад В. В. Розанова «О радости прощения».² На заседании, состоявшемся в помещении Географического общества, присутствовало (по подсчетам С. П. Каблукова) около пятидесяти членов Общества, среди них С. А. Алексеев (Аскольдов), Д. С. Мережковский, Д. В. Философов, З. Н. Гиппиус, В. В. Успенский и др.³

Иванов имел самое близкое отношение к образованию новой секции Религиозно-философского общества, и «Евангельский смысл слова „земля“» явился вторым докладом, читанным в ней. Хронология создания Секции по изучению вопросов истории, философии и мистики христианства восстанавливается по дневнику С. П. Каблукова: 2 марта 1909 г. была создана комиссия по организации секции (куда входил и Иванов), 6 марта на заседании комиссии (на «башне» Иванова) было решено созвать Совет Общества с целью организации Секции, и — по плану — 12 марта на собрании действительных членов Общества (опять на «башне» Иванова) был выбран президиум и состав новой секции.⁴ Председателем секции стал Иванов, товарищем председателя — С. А. Алексеев, С. П. Каблуков был выбран секретарем.⁵ На первом заседании Секции (15 апреля) после доклада К. М. Аггеева «Индивидуализм в христианстве» было решено назначить второе заседание с докладами Иванова и Розанова, а окончательная дата была утверждена на собрании Совета Обществ 27 апреля.⁶

¹ См. вклеенную афишу и запись о заседании в дневнике секретаря РФО С. П. Каблукова (ГПБ, ф. 322, № 4, л. 76), а также повестку, посланную Иванову 30 апреля (ИРЛИ, ф. 607, № 269, л. 1 об.)

² Опубликован: Весы. 1909. № 12. С. 173—181.

³ См.: Н. О. <Лосский Н. О.?) В религиозно-философском обществе// Речь. 1909. № 221. 5/18 мая. С. 5. Если судить по этому отчету, текст доклада Иванова представляется достаточно полным.

⁴ ГПБ, ф. 322, № 3, л. 59, 65, 83, 99, 101. Об активной организационной работе Иванова в делах Секции свидетельствует его письмо к Каблукову от 18 марта, вклеенное в дневник (там же, л. 126).

⁵ Печатный листок с перечнем состава Совета и членов Секции см.: ИРЛИ, ф. 607, № 355, л. 20.

⁶ ГПБ, ф. 322, № 4, л. 16, 51.

Все это позволяет рассматривать доклад Иванова как программный, и в этой связи особое значение приобретает открытая полемичность его к идеям В. В. Розанова и Д. С. Мережковского.

Конечно, Розанов в силу своего антихристианства должен был оказаться в фокусе внимания Христианской секции. Уже на организационном собрании 6 марта, по записи Каблукова, «присутствующие обменялись мнениями о В. В. Розанове, как гениальном противнике христианства». ⁷ Лапидарно ивановская позиция сформулирована в тезисах доклада, хранящихся вместе с разрозненными набросками и неоконченными отрывками в той же папке, что и публикуемый текст (№ 135, л. 15):

«Вопрос о Земле

Нищие

Розанов $\chi\omicron\sigma\mu\omicron\varsigma$ смешивается с $\eta\tilde{\nu}$

нивелированная мораль

Рождение от Духа

«истор<ическое> христианство»

Мережковский

Индивидуалисты».

Все пункты критики идей Розанова нашли в том или ином виде отражение в докладе, кроме спора с розановским взглядом на догмат о непорочности Богородицы. Мнение Иванова по этому поводу можно восстановить по записи С. П. Каблуковым разговора с Ивановым 27 августа 1909 г.: «По поводу утверждения Розанова о невозможности физического девства перенесшей роды Девы Марии, Вяч<еслав> Иванович указал на мнение мистиков средних веков, допускавших, что в акте рождения „печать девства“ преломилась, но в тот момент, когда полнота Христа присвоилась человеку Иисусу в акте крещения от Иоанна, пречистая мать Его вновь стала *вполне* Девой, и она развивалась в этом направлении, как бы молодела, параллельно развитию Богочеловеческого естества в Христе Иисусе, како<во>е развитие завершилось в акте крещения». ⁸ Видимо, за отрицание догмата о непорочности была арестована в начале октября 1909 г. брошюра Розанова «Русская Церковь». Корректурa и несколько экземпляров брошюры имелись у Каблукова, и он мог дать их на прочтение Иванову. Вероятно, именно об этой книге Иванов хотел читать обстоятельный доклад, о чем он сообщил в письме к И. Ф. Анненскому от 16 октября: «Но во вторник заседание Совета Религ.<озно> Философ.<ского> Общества, и я обязан сделать длинный, важный и безотлагательный доклад (по корректурам новой книги Розанова), определяющий ближайшие работы Общества». ⁹

Выбрав своим вторым идейным противником Мережковского, Иванов уже не отражал общее настроение в Секции, этот спор имел для него более личное значение. Возвращаясь осенью 1908 г. после почти годового затворничества, вызванного смертью Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, к литературной и общественной жизни, Иванов ищет литературных и духовных союзников. Новая литературная ориентация его отразилась в докладе «Символизм и религиозное творчество» (составил основу статьи «Две стихии в современном символизме») — попытке предложить новую концепцию символизма, тем самым сняв противостояние московской и петербургской групп модернистов.

Поиском философских единомышленников в какой-то степени можно считать участие Иванова в организации Христианской секции РФО. Од-

⁷ ГПБ, ф. 322, № 3, л. 81.

⁸ ГПБ, ф. 322, № 6, л. 117.

⁹ ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 328, л. 2—3.

нако еще до этого, на рубеже 1908—1909 гг., Иванов пытается наладить контакты с Мережковскими. В письме от 22 января 1909 г. к А. Герцык Волошин сообщал со слов ее сестры, Е. К. Герцык, жившей в то время на «башне»: «Теперь она пишет мне, что он посылал ее как защитницу своих идей к Мережковским, и они несколько часов беседовали с Гиппиус». ¹⁰ Звенем этих контактов явилось письмо Иванова к Мережковскому, Гиппиус и Философому от 28 ноября 1908 г., написанное, «чтобы выяснить и проверить наличие согласий и разногласий, в настоящее время между нами существующих». Основные положения письма в его декларативной части сопоставимы с идеями доклада «Евангельский смысл слова „земля“»: «... всю догматику церковную я нахожу адекватно выражающей религиозную истину; но знаю также, что эта догматика не выражает *всей* истины в ее полноте. Не слишком много в церкви догматов; а, напротив, недостаточно: многое прежде скрыто или не раскрылось еще. <...> Верю в Церковь, как мистическую реальность, и в ее Таинства, как мистическую реальность (из чего вытекает признание духовного иерархизма), — почему сознаю себя — как и *вас*, разделяющих церковное вероучение и видящих в Таинствах Церкви мистическую реальность, — находящимся в лоне Церкви. Относясь в очень и очень многом отрицательно к человеческой организации церковной мистической реальности, я расхожусь с вами, быть может, в том, что тем не менее неправым считаю прекращение общения с церковною жизнью, с обрядом и Таинством: всюду и безраздельно приемлю мистическую реальность, где нахожу ее, — но только ее одну, — не смущаясь земными оболочками, ее затемняющими. Причастие, и переданное рукою убийцы, приемлю». ¹¹ Письмо, с одной стороны, расширяет сферу несогласий Иванова с Мережковским, а с другой — более четко указывает на корень этих несогласий. Действительно, неприятие Ивановым принципиального неучастия Мережковских в церковной жизни (известны их попытки создать «домашнюю церковь») и критика им в докладе идей Третьего Завета имеют одну концептуальную основу — более последовательно проведенный принцип веры в догматы церкви, а значит, и в канонический текст Евангелия.

I

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ СМЫСЛ СЛОВА «ЗЕМЛЯ»

С глубоким сознанием духовной и душевной ответственности за все, что позволю себе сказать, приступаю я к изложению своего понимания некоторых основных истин христианской религии. В то время, когда обычными стали непрестанные переоценки и переистолкования христианского вероучения, исходящие, с точки зрения церкви, извне — от представителей светской мысли, т<о> е<сть> мысли языческой, поскольку она утверждает свою независимость от вероучения церковного, и никого уже, конечно, к сожалению, не удивит, что слышится еще новый голос, говорящий о тех христиан-

¹⁰ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 26, л. 5.

¹¹ ГБЛ, ф. 109, карт. 10, № 18, л. 2 об. — 3.

ских тайнах, речь о коих здоровое религиозное чувство желало бы слышать только из уст лиц, на то уполномоченных. Я разделяю это чувство, и потому рассуждаю так. Или прилично мне мыслить с той свободой, как если бы я был язычник и эллин, и следуя путем этой моей свободы приближаться, сообразно закону моего духовного бытия, к истине христианской — или удаляться от нее; но не должно мне в этих свободных моих и безответственных исканиях переступать через ограду того священного сада, где расцветают цветы внутреннего, т<о> е<сть> церковного в мистическом смысле, познания, не должно называть имен и изрекать слов Тайны Церковной. Или же, если я говорю о тайне верных и остался среди них после слов «двери, двери»,¹ то мне необходимо проникнуться смирением мысли, решительно отворачивающейся, в глубочайшей воле своей, от всего произвольного и личного, устремленной единственно к истинному разумению сокровенного и исполненной искреннею готовностью отказаться от своих примыслов, если они окажутся несогласными с верою верных. Другими словами: или я буду мудрствовать хотя бы и об истине, совпадающей с церковною, но не в терминах церкви; или я буду говорить о церковных истинах и в терминах церковных — но в этом случае устраню все, что свое и личное, из моих слов и моих помыслов и, пытаясь способствовать оживлению сознания церковного, буду бояться впасть в противоречие с утвержденными церковью истинами. Мое намерение говорить не извне, но изнутри, как тот, кто сознает себя в церкви. Живое сознание принадлежности к церкви и искренне изволение быть в ее лоне кажется мне, по крайней мере в переживаемую нами эпоху, уже как бы достаточным полномочием к некоему богословствованию. Но, строго относясь перед своею совестью к мерилу церковности как <в> моих воззрениях, так и в моих заявлениях, я должен присовокупить, чтобы до конца быть прямым и искренним, что по вопросу о внешних критериях принадлежности к церкви в духе и действии я держусь мнений, чрезвычайно, быть может, расходящихся с самоопределением внешних церковных организаций. Внутренним критерием католического церков<ного> созна<ния> я полагаю глубокое и безусловное приятие священных догматов католич<еской> церкви и живую веру в мистиче<скую> реальность ее таинств. Эта — чисто-мистиче<кая> — связь в духе со всеми верными <как> живущими, так и ушедшими и теми, что еще не пришли, обеспечивает принадлежность церкви даже и такого мыслителя, мнения которого не встретили бы признания в представителях внешней церковн<ой> организации или были бы этой последней, как таков<ые? ой?>, прямо враждебны.

Судьба современ⟨ного⟩ религ⟨иозного⟩ созна⟨ния⟩ тесно связана с постижением доселе ⟨?⟩ открытой ⟨?⟩ церковной истины. Церковь не открыла людям *все* истины; ее догматика минимальна. Она следовала принци⟨пу⟩ минимального научения, ибо имела разрешить задачу воспитания человечества. Быть может, доселе открытое уже во многом ⟨?⟩ недостаточно. Не должно, чтобы эквивалент полноты миропостижения восстанавливался только мыслью языческой. Церковь не должна заграждаться от попыток, мистического проникновения в то, что ею же самой некогда был⟨о⟩ сокрыто. «Ревнуйте о дарах духовных» — не напрасно говорит Апостол и еще «ревнуйте о дарах больших». ² И он же напоминает: «никто говорящий о дарах Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса; и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым». ³ Вот почему, противопоставляя любовь

всему знанию и всем тайнам (πάντα τὰ μυστήρια καὶ πάντα ἢ ὑψώσις), он противопоставляет ее не как желан⟨ную⟩ и необходи⟨мую⟩ ненужному и нежеланному, но как первую ценность иной величайшей ценности, обусловленной, однако, наличием ценности первой. ⁴ Если любви нет, нет и познания тайны, истинного гносиса. Дух же любви, как внутри⟨ней⟩ церковной соборности, вырывает ядовитое жало у Змеи познания и проклятого в делах человека и пресмыкающ⟨его⟩ся в наш⟨ей⟩ низменн⟨ой⟩ лжемудрост⟨и⟩ возносит на крест, как исцеляющее людей знамение.

Вопрос о Земле представляется мне в христианстве центральным. Мы знаем все уклоны, все прискорбные недоразумения современной мысли, истекающие из непоним⟨ания⟩ христианских откровений о Земле. ⟨1 нрзб.⟩ провозглашают заветы, которые всем или почти всем непосредственно убедительны, как самоочевидна не жизненная только, но и духовно-нравственная правда: «Братья, будьте верны Земле». ⁵ Христианство было сочтено неверностью Земле! Религия, отличающаяся от всех других именно тем, что она провела дальше всех других линию пути к Богу до нисхождения от Отца, в лике⟨?⟩ Жениха к Земле ради спасения Земли, религия, дающая последние откровения о Земле, религия Благостия о искупленной Земле, — была сочтена религией забвения о Земле, неприятия Земли.

На этом глубочайшем недоразумении зиждется система В. В. Розанова, поскольку последний выступает противником христианства. Критика христианства у Розанова обусловлена двумя основными заблуждениями. Первая ошибка — есть смешение понятий Мира и Земли. Да, так сладостен Иисус,

что мир неизбежно кажется горьким.⁶ Но горчит ⟨?⟩ мир, а не Земля. Розанов, думая быть верным Земле, неверен ей, ибо защищает не Землю, подлежащую преобразению и спасению, а мир, как наличный порядок и принцип земли в ее данном состоянии. Не пол и брак защищает он, а неправое утверждение пола в дурном мире и космическое прелюбодеяние Земли-Жены. Другая ошибка нашего мыслителя есть представление о христианстве как системе нивелированной и все нивелирующей морали. На самом деле, христианство всецело воздерживается от установления прикладных норм поведения, а тем более норм общезначащих. Хорошо пост, но хорошо скрывать ⟨?⟩ его, и хорошо, при известных условиях, вовсе не поститься. Хорошо девство; но хорошо и составить единую плоть с женою во Христе. Не нужно любить мира и всего, что в мире; но хороши цветы и дети, и благовония, и пиршественные чаши. Но устанавливая категории и как бы иерархии христовых последователей (отчего естествен-⟨ный⟩ ⟨?⟩ спор апостолов о первенстве),⁷ сообразно степени посвящен⟨ия⟩ каждой в тайны царствия Божия и внутренней силы возрастающего в человеке Света и его приближения к Отцу, христианство ясно указывает на гетерономичность каждой отдельной ступени по отношению к другим, ибо если Иоанну приличествовало поститься и быть в пустыне, то иной был закон не только для самого Жениха, но и для сынов чертога брачного. Что касается обычной ссылки на т⟨ак⟩ наз⟨ываемую⟩ «историческую церковь», то она не имеет философ⟨ского⟩ значения в рассуждении о сущности христианства уже потому, что, как показывает само слово «исторический», она имеет дело с моментом в раскрытии христианской истины, но вольно или невольно, противопоставляет понятие *всей* церкви — понятию церкви доселе действовавшей. Ясно, что церковь будущей истории связана с истор⟨ической⟩ церковью прошлого только единством основоположительных начал, восходящих к временам Христа и апостолов, но не практикой своего отношения к миру, поскольку это отношение было привлечено в последующи⟨й⟩ период вре⟨мени⟩. С другой стороны, нельзя согласиться с Мережк⟨овским⟩, поскольку последний склонен был думать, что откровение о Земле не дано в достаточной мере Нов⟨ым⟩ Заветом, его распрост⟨ранение⟩ только в Третьем Завете.⁸ Новый Завет есть благовестие о Земле, б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, еще недостаточно усвоенное и во всяком случае не реализованное. Но о Третьем Завете говорить мы не вправе. И действие Духа Утешителя будет, по определенному ⟨?⟩ обету Еван⟨гелия⟩, только напоминанием и разъяснением того, что сказал Христос.

Прежде всего, я хотел бы утвердить, что новозавет(ное) благовестие содержит определенные изречения, смысл которых есть отвержение, или, по слову Достоевского, неприятие *мира*,⁹ но нигде не содержит указаний, имеющих смысл отвержения или неприятия *Земли*.

Смысл слова *мир* обнаружится из дальнейшего изложения; теперь же достаточно ограничиться следующим общим определением. Мир (*κόσμος* в Н.(овом) З.(авете)) знаменует данный, наличный состав, строй, порядок и закон здешнего, поюстороннего бытия, данное, наличное состояние природы и человека. «Человек родится в мир (Ио., 16,21)». «Пришел в мир и мир его не узнал». ¹⁰ Мир привлекателен для природного человека. «Приобретет человек весь мир, а душе своей повредит» (Л., 9,25). «Показал Ему все царства мира и славу их» (Мф. 4,8). Но Христос советует: «Не любите мира, ни всего, что в мире»¹¹ (*ἡ φιλία τοῦ κόσμου ἕχθρα ἔστι τῷ θεῷ*)^a Иак. 4,4. ¹² Мир заражен грехом, но не всецело греховен: «Поле есть мир; доброе семя — сыны Царствия, а плевелы — сыны Лукавого». ¹³ Мир «лежит во зле»,¹⁴ как нива, одичалая от обилья сорных трав. В этом одичалом, недугующем своем состоянии мир — враждебная свету Христову сила. «В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь, ибо я победил мир» (Ио., 16)¹⁵ Мир ненавидит учеников Христовых. «Утешитель придет, обличит мир о грехе и о правде и о суде. О грехе, что не веруют в Меня; о правде, что я иду к Отцу моему и уже не увидите меня; о суде, что князь мира сего есть осужден» (Ио. 16, 8 слл). В своем состоянии отпадения и противления мир преимущественно называется «миром сим». «Царство мое не от мира сего». (Ио. 18,36), «Вы от нижних (*ἐκ τῶν κατώ*), я от вышних (*ἐκ τῶν ἄνω*), вы от мира сего, я не от сего мира» (Ио. 8,23), «Любящий душу свою потеряет ее; а ненавидящий душу свою в мире сем — да сохранит ее в жизнь вечную» (Ио. 12, <25>), «Нищие мира сего — наследники царства» (Иак. 2,5).¹⁶

Мир таков, ибо подвержен князю мира сего. «Идет князь мира сего, и во Мне не имеет (?) ничего» (Ио. 14,30). «Ныне суд миру сему, ныне князь мира сего извержен будет вон» (Ио. 12,31) (*ἐχθληθήσεται ἔξω*). Этот *ἄρχων τοῦ κόσμου τούτου*^б ближайшим образом означает в посл.(ании) к Еф. 2,2». «Грехи, в них же иногда ходисте по веку мира сего,

^a Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу (греч.).

^б Князь мира сего (греч.).

по князю власти воздушныя, духа, иже ныне действует в сынех противления, в нихже и мы вси жихом иногда в похотех плоти нашея, творяще волю плоти и помышлений, и бехом естеством чада гнева, якоже и прочии» (νεκρούς τοῖς παρὰ τῶμασιν καὶ ταῖς ἁμαρτίαις ὑμῶν ἐν αἷς ποτε περιελατῆσατε κατὰ τοῦ αἰῶνα τοῦ κόσμου τοῦ κατὰ τοῦ ἄρχοντα τῆς ἐξουσίας τοῦ ἀέρος τοῦ πνεύματος τοῦ νῦν ενεργούντος ἐν τοῖς υἱοῖς τῆς ἀλειθείας^в)¹⁷.

Уже из приведенных мест выявляется основной смысл различения между Миром и Землею. Мир — Земля в ее данном, временном состоянии, в состоянии подчинения князю мира сего, в состоя(нии) овладения и одержимости этим последним. Он относится к Земле, как к ее стихийной плоти относится воздух. Он — дух, она — плоть одушевленная и душа мировая. Он — преходящий владыка ее, как пребывающей сущности, он будет изгнан вон, и она сядет у ног Христа, как женщина, из которой были изгнаны семь бесов.¹⁸ Христос противопоставляет Себя ему, как некоему сопернику; Христу душа земная должна уготовить место, занятое ныне князем сего мира. Тогда она в соединении со Христом образует новый мир, новый космос. Это обетование высказано в словах Апокалипсиса: ἐγένοντο <...> αἱ βασιλείαι τοῦ κόσμου τοῦ κυρίου ἡμῶν καὶ τοῦ χριστοῦ αὐτοῦ, καὶ βασιλεύσει εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων (Апок. 11,15).¹⁹ Множ(ественное) число βασιλείαι не сохранено в слав(янском) и русск(ом) переводе. Оно значит, конечно, не «царства» в смысле «всех государств», и потому переводчики поставили «царство». Но pluralis, по-видимому, указывает на последовательность царств или царствований несколько князей сего мира, нескольких мужей жены Самаритянки, из коих ни один не был настоящим. Мы уже имели выражение «век» (αἰών) в применении к князю мира сего, т.<о> е.<сть> нынешнему владыке этого нынешнего мира. Христос же воцарится не на один эон, как каждый из неправых владык и мужей Земли, — но на зоны эонов. Христос в мире — Свет во тьме и «тьма его не объят». ²⁰ «Кто ходит днем не спотыкается, ибо видит свет мира сего» (Ио. 11,9). Но этот свет тьма духовная: «Смотрите,

^в Мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления (*ερευ.*).

чтобы ⟨?⟩ свет, который в вас, не был тьма»²¹ — т⟨о⟩ е⟨сть⟩ только свет природного сознания. «Видящий меня видит Отца моего.²² Я свет пришел в мир (ἐγὼ φῶς εἰς τὸν κόσμον ἑλήλυθα), чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме» (Ио. 12,46). «Не так как мир дает Я даю вам» (Ио. 14,27). Подобно тому как учитель «свет пришел в мир», и последователи его «свет мира» (Мф. 5.14). Свет — Солнце, имеющее воссиять в полночь, Жених, грядущий во полунощи.²³ Ибо свет символизирует жениха. Еще язычники молились Дионису: «Гряди, Жених, гряди, Свете Новый». Свет мира сего — муж, одержавший ныне Душу Земли, — но о нем она имеет право сказать: «Я не имею мужа». «Правильно ты сказала, ибо тот, кто ныне имеет не мужа только ⟨нрзб.⟩»²⁴

Обратимся к словам Евангелия о Земле. Ни одного осуждения Земле мы не встретим в новозаветных текстах, разве лишь указание на ее страдательное отношение к одержавшим ее силам зла по библейскому слову о человеке: проклята земля в делах твоих. Но даже об этом древнем проклятии нет более ⟨?⟩ речи, как будто долгое страдание и некая непрерывная устремленность к свету, смутная надежда на пришествие Жениха истинного, смыли, как слезы из глаз грешницы, все ее грехи, и она уже слышит: «женщина, и я тебя не осуждаю — отпускаю тебе грехи твои».²⁵ В евангельском всепрощении раскаявшихся грешниц, возлюбивших много или только способных возлюбить, как женщина, взятая в прелюбодеянии, везде ознаменована мысль о несущественности, поверхностности, периферичности женского греха Души Земной. Грех Земли — один: прелюбодеяние. Она создала себе мужа неистинного, взяла себе многих мужей. Наказание за прелюбодеяние и за женскую измену — lapidatio^Г в библии и языческих мифах. Побиение камнями равняется окаменению. Окаменела Ниобея. Окаменение — последнее, закрытое от дальнейшего брака, статическое утверждение материального начала. Жернов, привязанный на шею, означает окончательное погружение в стихию материи, чрез пол. Окаменение женщины, взятой в прелюбодеянии, значило бы конец Земли, закристаллизовавшейся, застывшей, как мертвая планета, в ее современном состоянии. Она была бы избавлена от одержания дурными мужьями, но она не была бы спасена, высветлена логосом. Процесс обращения к свету был бы прерван. Психея не нашла бы своего Эроса (говоря символом художников катакомб). «Кто из вас без греха,

---

^Г побиение камнями (лат.).

пусть первый бросит в нее камень». ²⁶ Если вы обвиняете Жену-Землю, спросите себя, не в вас ли самих действовал князь мира, ее временный муж, в объятиях которого вы ее застигли. Если вы не приближались к Земле иначе как женихи света, или вы никогда не глядели на Жену с вождедением того, кто ее неправый и временный муж, но всегда с любовным желанием Жениха Истинного, того, кто имеет свою невесту, если принцип пола высветлился в вас до того Эроса, которого единствен(но) нужно ей, неудовлетворенной насильствующею и все же бессильною похотью ее любовников (?), от коих она не может зачать в Свете, — то закидайте ее камнями, обратите ее, отверженную, в косную материю, и бросив на пути — возвышайтесь до сфер Духа, забудьте о Земле-Матери, о Земле-Жене, Земле — поруганной Невесте. Спасайте Дух — не спасайте Души Мира. И склонясь Христос пишет на Земле. По-гречески сказано показательно *ἔγραψε εἰς τῆς γῆς* — вписал в Землю. Он вписал в Землю свой новый завет ей, начертал на ней знак своего обета, начертал знак свой на своей Невесте. ²⁷

В эпоху, когда нужно было безмолвствовать о живых силах космической жизни, ибо энергии кумиротворчества и идолопоклонства были слишком еще живы в человечестве, и всякое наименование живой души в тварности создало бы культ ее, как некоей абсолютной сущности, неудивительно, что Земля не представлена прямо лицом в Священном Писании; и только по намекам угадываем мы об истинной концепции Геи-Жены в первой общине христиан.

Если у Бога все живы, — что же, в особенности следует думать о смысле слов небо, земля ²⁸ и Иерусалим в тексте о клятве. Не клянись ни небом — вследствие величия и священного значения этого имени, знаменующего престол Бога, т(о) е(сть) незримое небо духов, одна иерархия коих прямо называется Престолы. ²⁹ Ни Иерусалимом, Градом Великого Царя, — Градом Новым, сходящим с Неба, живым Градом из живых камней — душ святых и столпов — святых сил. Ни Землею — подножием ног Его. ³⁰ Ὑποπόδιον ^α — великое и таинственное слово Ночи имеют отныне (?) и нисхожден(ия) Слова и опять к полу. Чрез пол соблазняет Змий, жалящий человека в пяту. Соль Земли, потерявшая силу, растоптана ночами, и преобразующая энергия Жениха, пришедшего к Невесте, может — если она утеряла свою силу — послужить только энергией биологического закона. Живое подножие Царя — есть Душа Мира, Земля — Невеста.

---

^α подножие (греч).

- ¹ Цитата из литургии Иоанна Златоуста (Всенощное бдение. Литургии. М.: Моск. патриархия, 1982. С. 47). В статье «Поэт и чернь» (1905) Иванов приписывал это выражение «орфическому чину тайного служения» (*Иванов Вяч.* По звездам. Опыт эстетические и критические. СПб., 1909. С. 34).
- ² Кор. 12, 31; I Кор. 14, 1. Цитаты из Евангелия комментируются нами только при чрезмерной неточности цитирования.
- ³ I Кор. 12, 3.
- ⁴ I Кор. 13, 2.
- ⁵ Намек на известный тезис Ф. Ницше: «Заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах!» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. СПб., 1903. С. 10).
- ⁶ Имеется в виду доклад В. В. Розанова «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира», прочитанный 21 ноября 1907 г. на заседании Религиозно-философского общества — РФО (см.: Записки С.-Петербургского Религиозно-философского общества. СПб., 1908. Вып. 2. С. 19—27 августа (см.: Дневник С. П. Каблукова от 3 августа по 24 сентября С. 33—42), входил в конфискованную в 1909 г. книгу Розанова «В темных религиозных лучах» и увидел свет также в составе книги Розанова «Темный лик. Метафизика христианства» (СПб., 1911. С. 252—268). К моменту написания доклада Иванов мог иметь публикации в «Записках...» и в «Русской мысли», т. к. знакомство его с книгой Розанова состоялось лишь в августе: так, видимо, 6 августа секретарь Религиозно-философского общества С. П. Каблуков рассказывал Иванову о книге Розанова — ср. запись в дневнике Иванова: «Книга, которая будет, вероятно, изъята из продажи, прямо кошунственна» (*Иванов В.* Собр. соч. Брюссель, 1974, т. II. С. 784; далее ссылки на это издание даются сокращенно: римские цифры обозначают том, арабские — страницу). Саму книгу Каблуков принес еще позже — 27 августа (см.: Дневник С. П. Каблукова от 3 августа по 24 сентября 1909 г. — ГПБ, ф. 322, № 6, л. 113, а также письмо Каблукова Иванову от 24 августа 1909 г. — ГБЛ, ф. 109, карт. 26, № 657, л. 5). На вышедшую книгу Розанова Иванов печатно не отозвался, возможно, потому, что близкий друг поэта А. Скалдин уже подверг ее критике (см.: *Скалдин А.* Затемненный лик. (По поводу книги В. В. Розанова «Метафизика христианства»)//Труды и дни. 1913. Тетрадь 1 и 2. С. 89—110). Статья была рекомендована для публикации в журнале Иванова: «Статья А. Д. Скалдина о Розанове я нахожу глубокой и блестящей и, конечно, советую ее печатать скорее. 17 марта 1912» (ЦГАЛИ, ф. 487 (Скалдин А. Д.), оп. 1, № 8, л. 73). Поскольку статью увез за границу А. Белый (см. письмо Э. Метнера к Иванову от 29 сентября 1912 г. — РГБ, ф. 109, карт. 29, № 97, л. 12, а также письмо В. Ф. Ахрамовича от 25 октября/7 ноября 1912 г. — РГБ, ф. 109, карт. 11, № 64, л. 3 об.), Иванов особенно тщательно следил за ее путем в журнал, в письме к Метнеру от 5 октября/22 сентября 1912 г. он настаивал: «...печатайте статью без замедления — ведь она по поводу *новой книги*» (РГБ, ф. 167, карт. 14, № 10, л. 19), с личной просьбой обращался к Белому: «Милый Боря, пошли же статью Скалдина в „Труды и Дни“, если она у тебя» (РГБ, ф. 25, карт. 16, № 2, л. 22 об., письмо от 12 октября 1912 г.).
- ⁷ См.: Лук. 22, 24.
- ⁸ Идеи Третьего Завета были обозначены Мережковским уже в исследовании «Л. Толстой и Достоевский», но окончательное оформление они получили в докладе в РФО «О Церкви грядущего» (8 ноября 1907 г., Мережковский в это время был за границей, читал А. В. Карташев — см.: Протоколы заседаний РФО — ГПБ, ф. 814 (Д. Философов), № 172,

- л. 14), вошел под заглавием «Меч» в сборник статей «Не мир, но меч» (СПб., 1908. С. 2—39). О дальнейшей судьбе этих идей в творчестве Мережковского см. статью: *Пахмусс Т.* Новое религиозное сознание и Человечество Третьего Завета//*Мережковский Д.* Маленькая Тереза. Под ред., со вступ. ст. и коммент. Темиры Пахмусс. Эрмитаж, 1984. С. 46—76.
- ⁹ Комплекс ивановских представлений о «неприятии мира» лег в основу «мистического анархизма» (см. *Иванов В.* Идея неприятия мира. III. С. 79—90), статья впервые напечатана в качестве предисловия к книге Г. Чулкова «О мистическом анархизме». Свою концепцию Иванов строил на известном тезисе Ивана Карамазова о том, что он мира не принимает (см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30-ти томах. Л., 1976. Т. 14. С. 214).
- ¹⁰ Видимо, контаминация из двух цитат: Иоан. 1, 10 и 11.
- ¹¹ I Иоан. 2, 15.
- ¹² «Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу». Иак. 4, 4.
- ¹³ Мат. 13, 38.
- ¹⁴ I Иоан. 5, 19.
- ¹⁵ Иоан. 16, 33.
- ¹⁶ Из послания Иакова: «Послушайте, братья мои возлюбленные: не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его?» (Иак. 2, 5).
- ¹⁷ Русский перевод: «...грехам <...> в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления, между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие» (Еф. 2, 1; 2; 3). Греческая цитата несколько иная: со слова «мертвых» до слов «сынах противления».
- ¹⁸ Имеется в виду Мария Магдалина (см.: Мар. 16, 9; Лук. 8, 2 и т. д.).
- ¹⁹ Неполная цитата из Откр. 11, 15. Приводим полный текст стиха 15: «И седьмый Ангел вострубил, и раздался на небе громкие голоса, говорящие: *царство мира соделалось Царством Господа нашего и Христа его, и будет царствовать во веки веков*». Подчеркнутые нами строки соответствуют греческому тексту, приведенному Ивановым. Купирование цитаты привело к тому, что «царство» он вынужден был поставить во множественном числе, чего нет в греческом тексте Евангелия.
- ²⁰ Иоан. 1, 5.
- ²¹ Неточная цитата из Лук. 11, 35.
- ²² Неточная цитата из Иоан. 12, 45.
- ²³ См.: Мф., 25, 6.
- ²⁴ Пересказ эпизода с самарянкой. Слова Иисуса: «...правду ты сказала, что у тебя нет мужа; ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь не муж тебе; это справедливо ты сказала». (Иоан. 4, 17; 18). Ср. с анализом этого эпизода у Розанова (*Розанов В. В.* Люди лунного света. Метафизика христианства. СПб., 1911. С. 48). Приписка на полях: «Светильник тела есть око. <Мф., 6, 22.—Г. О.> Солнечное око в мире есть око материальное. Истинное солнце истинное око. Логос. Космос — тело вместе физическое, душевное и духовное. Дух — его — *ἄρχων*. Дух противления. Его принцип — *ἐπιθυμία* и <нрзб.>. Это начало хаотическое, алогическое. Принцип хаоса — *μῶνιχεν*. Это не дух зла в наст(оящем) смысле».
- ²⁵ Неточная цитата из Иоан. 8, 11.
- ²⁶ Иоан. 8, 7.

²⁷ См. Иоан. 8, 6; 8. Ивановская трактовка этого места из Евангелия родилась из разговоров с А. Р. Минцловой. В письме к Иванову от 21 апреля 1909 г. наряду с приведением других мест из Евангелия с упоминанием «земли» («...я привожу Вам, т. к. Вы хотели знать, где употребляется слово *Земля* в Ев(ангелии)...») она писала: «При-

косновение Христа к Земле — *εἰσαφε εἰς τῆς γῆν* — в этом *движении* Иисуса, величайшая из тайн — Врезывая в землю Слова, знаки любви и силы, Он освобождал свою Мать, свою невесту от Плена Ночи и Тьмы, от глухой *ущербной* Луны к легкому, тонкому Серпу Месяца — и через него, к Солнцу —» (ГПБ, ф. 109, карт. 30, № 8, л. 13). Не исключено, что источником для Минцловой послужили какие-то разговоры с Р. Штейнером, курс которого под названием «Духовные иерархии и их отражение в физическом мире» она прослушала в апреле 1909 г. в Дюссельдорфе, в опубликованном варианте курса анализа этого стиха Евангелия нет. Он был рассмотрен Штейнером в рамках курса о Евангелии от Иоанна за год до этого, в конце мая 1908 г. в Гамбурге. М. В. Сабашникова, прослушавшая эти лекции Штейнера, отправила подробный эпистолярный отчет о них А. М. Петровой, где среди прочего сообщала штейнеровскую трактовку этих стихов: «Глава 8. Самостоятельное независимое „я“ не судит других и только „я“ может судить. Карма его „записана на земле“ (6 стих). (Христос после таинства Голгофы стал духом земли.) Остался один Христос и женщина» (письмо от 31 мая — 3/6 июня 1908 г. — ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, № 37, л. 17). Не исключено, что Петрова сообщила эти сведения Минцловой и Иванову, гостившим летом 1908 г. на даче сестер Герцык. Любопытно, что именно этот фрагмент доклада запомнила Е. К. Герцык: «Помню среди других доклад В. Иванова „Земля и евангелие“ и в нем толкование главы VIII от Иоанна. К Христу привели женщину, взятую в прелюбодеянии, и, испытывая Его, требовали от Него суда над нею. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом по земле, не обращая на них внимания. Этот жест Вяч. Иванов толковал так: в земле вписана страстная судьба человека и неразрешима она в отрыве от земли, неподсудна другому суду. Но это тайное; Христос, подняв голову, сказал иначе внешним, экзотерическим словом: „Кто из вас без греха — пусть первый бросит в нее камень“. И, опять наклонившись низко, опять писал на земле» (*Герцык Е.* Воспоминания. Рагис, 1973. С. 63). Эту евангельскую ситуацию использовала М. Цветаева, дружившая с Е. Герцык, в стихотворении «Вячеславу Иванову» («Ты пишешь перстом на песке...», автограф в архиве Иванова — ИРЛИ, ф. 607, № 319).

²⁸ В подготовительных материалах к докладу запись: «Понятия „небо“ и „земля“ обычно являются в сочетании, указывающем на тайну их соотношения. „Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли“». Размышления Иванова на этот счет см. в статье «Ты еси» (1907. III. С. 267).

²⁹ Чин Престолов состоит из Серафимов и Херувимов (см.: Святого Дионисия Ареопагита о Небесной Иерархии. Изд. 6-е. М., 1898. С. 24).

³⁰ Текст о клятве: Мф. 5, 34, 35.

3 мая <1907> <Петербург>

Дорогой Макс, пожалуйста, извини мое мертвое молчание. . . Устроить твою книгу в твоё отсутствие и мне казалось всегда только рассечением Гордиева узла. К счастью, меня миновала ответственность Александра.¹ Печатных дел мастера согласились хранить набор до осени; но выяснилось это только вчера, ранее же велись об этом инциденте дипломатические переговоры.² Если этот результат утешителен, зато твоё участие в «Цветнике Ор» не соответствует ни твоему, ни моему желанию. Давно уже отпечатаны первые листы книги, и что-либо переменить или дополнить в твоём отделе было невозможно, когда я получил твоё письмо о «Цветнике».³ Я нимало не сожалею, что в «Цв.<етник>» вошли твои превосходные «*киммерийские*» сонеты; но мне жаль, что я располагал в момент напечатания только двумя из этого цикла («Закатным золотом. . .» и «Здесь был священный лес»).⁴ Было уже поздно, когда, благодаря новым сонетам, присланным тобою (которые очень люблю и высоко ценю, кроме вчерашнего Сатурна, весьма, на мой взгляд, сумбурного),⁵ и благодаря отсрочке книги, мне явились богатейшие возможности великолепного букета твоих стихов, почти *embarras de richesses*^a. . . Впрочем, бесполезно долго обсуждать совершившийся факт. Я ни в чём не виноват перед тобой (вина в сроках и обстоятельствах) — кроме произвола, выразившегося в наименовании твоих двух сонетов «Киммерийскими Сумерками» (мне очень нравится это соединение и кажется соответственным и выразительным), и, быть может, отчасти произвольного выбора той редакции их из многочисленных твоих вариантов, которая представляется мне наиболее безусловно формально. За это прости дружески.

Ни о чём внутреннем и сердечном писать не в силах. Будем любить друг друга нашею лучшею верой друг в друга, не сводя балансов преждевременно.⁶ Ибо, как говорит Ангел в «Евдокии», хороший домохозяин считает прибыли по завершении предприятия.⁷ Итак, до свидания, любимый друг, приветствуй от меня Маргариту и дай ей прилагаемые новые

^a преизбыток (*фр.*).

сонеты из «Золотых Завес»,⁸ а также прими благодарность за твой очаровательный поэтический привет «Орам».⁹ Вячеслав.

ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 581.

- ¹ Обыгрывается один из легендарных «подвигов» Александра Македонского.
- ² Речь идет о готовившемся в это время в издательстве «Оры» и так и не вышедшем сборнике стихотворений Волошина «Звезда-Полынь» (другое название — «Ad Rosam»). 18 апреля 1907 г. Волошин из Коктебеля писал Иванову: «Дорогой Вячеслав! Аморя <М. В. Сабашникова> советует мне не выпускать теперь моей книги, а отложить ее на осень, т. к. и ты теперь очень занят и уже поздно, да и я летом напишу еще многое, что может сделать ее гораздо более содержательной. Так что, если это возможно — отложи издание ее до осени». (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 49, л. 6). Обеспокоенный молчанием Иванова, 30 апреля Волошин пишет ему из Москвы: «Ради Бога, напиши мне хоть несколько строк на открытке о судьбе моей книги: отложена ли она на осень?..» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 49, л. 7). Иванов получил это письмо 1 мая (датируется по почтовому штемпелю), публикуемое письмо является ответом.
- ³ См. в письме Волошина от 18 апреля: «Если это так <об отсрочке издания «Звезды-Полынь». — Г. О.), то тогда можно оттуда взять кое-что для „Цветника“, напр(име р) „Гност(ический) Гимн Деве Марии“ или четыре последних „Руанских Собора“ (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 49, л. 6). Альманах „Цветник Ор. Кошница первая“» (СПб.: Оры, 1907) вышел в мае.
- ⁴ Упоминаемые два сонета составили цикл «Киммерийские сумерки», которым Волошин участвовал в «Цветнике» (С. 45—48). Оба вошли в его сборник: Стихотворения. 1900—1910. М.; Гриф, 1910. С. 86.
- ⁵ Сонет «Сатурн» был послан Волошиным при письме от 30 апреля. Вошел в «Стихотворения...». С. 74.
- ⁶ В этой фразе — отзвук личного конфликта между Волошиным и Ивановым на почве сближения последнего с М. Сабашниковой.
- ⁷ Имеется в виду реплика персонажа к пьесе М. Кузмина «Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка», вошедшей в альманах «Цветник Ор...», с. 92:

А н г е л

Хозяин опытный всегда
В конце лишь прибыли считает.

- ⁸ Одной из лирических героинь цикла В. Иванова «Золотые завесы» («Цветник Ор...». С. 215—233) была М. В. Сабашникова. Анализ антропометрической структуры цикла (со ссылкой на рукописную статью М. С. Альтмана) см. в примечаниях ко второму тому Собрания сочинений В. Иванова (Брюссель, 1974. С. 764—765).
- ⁹ Стихотворение «Я здесь расту один, как пыльная агава...» было послано Иванову 16 апреля 1907 г. из Коктебеля (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 49, л. 5). Опубликовано по другому автографу с незначительными разночтениями В. Купченко (Новый журнал. Нью-Йорк, 1987. Кн. 168—169. С. 63), а также З. Д. Давыдовым и В. П. Купченко в «Нашем наследии» (1989. № 1. С. 98).

9 апр. 1910. <Петербург>

Дорогой Макс, благодарю тебя за твою книгу, и один из двух голосов твоей души благодарю я за произнесенное им слово — «любовь». ¹ Другому же голосу говорю: «да не будет! да обличится и претворится в тебе все, как во мне все обличилось и претворилось!» Книга, как собрание давно мне знакомого и частично глубоко близкого, нравится мне своею густотою, своею содержательностью. Богатая и скупая книга замкнутых стихов, образ замкнутой души. Я радуюсь, что она существует; но я не хотел бы, чтобы она влияла на поэтов. Она учит поглощать мир, а не расточать свою душу. Моя критика: научись быть щедрым, чтобы петь, как поет птица. ² И прости мою неправду.

С любовью

Вячеслав.

P. S. Кажется, С. Городецкий у тебя: передай ему прилагаемое письмо. Елене Оттобальдовне ³ шлю мое почтение и сердечный привет.

ВИ

10 апреля 1910

Милый Сергей, я послал тебе открытку, прося о 2-м томе стихов, чтобы написать о всем собрании статью для «Аполлона», ⁴ — и получил в ответ следующее письмо, которое, по зрелом размышлении, сообщаю тебе в копии, надеясь, что если ты не вовсе ослеп, то оно откроет тебе глаза на сгустившиеся окрест химеры.

Копия:

Милостивый Государь Вячеслав Иванович.

Ваша открытка не застала Сергея — он уехал на юг.

Улетел.

Благородному орлу наскучил шип скользких змей и змеенышей, что поднимается к нему в высь из болотных низин. Неузвимоу, но печальному душой за челоуеконенавистничество, ханжество и мелкую злобу своих «друзей» — не нужны ни похвалы, ни порицания.

А. Белоконь-Городецкая. ⁵

Протестовать, протестовать всенародно и возмущаться нужно против всего, что делается вокруг.

Это письмо Вы, конечно, догадаетесь возвратить обратно.

А. Г.

Я, конечно, не обязан возвращать обратно оскорбительные по намерению (хотя, как в данном случае, и не оскорбляющие фактически) письма, не заключающие в себе вдобавок никаких личных секретов, сообщенных по доверию.

Не будучи к этому *обязан*, я, напротив, *буду хранить* этот драгоценный литературно-исторический документ, чрезвычайно многое объясняющий в литературных соотношениях современности и позволяющий многое предвидеть.⁶

С любовью

Вячеслав.

ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 581. Ответ на присылку Волошиным книги своих стихотворений (СПб., 1910).

¹ Имеется в виду последняя строка четверостишия, надписанного М. Волошиным на книге своих стихотворений:

Вячеславу — Максимилиан
Еще <не> отжиты связавшие нас годы,
Еще не пройдены сплетения путей:
Вдвоем, руслом одним, — не смешивая воды,
Любовь и ненависть текут в душе моей.
7.III.1910 г. Коктебель

Книга с инскриптом хранится в ГЛМ, опубликовано: В. Купченко, А. Марков. «Как знак... в дар... на память...» Дарственные надписи М. А. Волошина на книгах//Дружба народов. 1984. № 7. С. 232.

² На книгу Волошина «Стихотворения. 1900—1910» (СПб.: Гриф, 1910) Иванов отозвался рецензией: «...не должно желать, чтобы она влияла на творчество молодых наших поэтов, <...> слишком трудные стремится она разрешить и слишком ответственные задачи! <...> Это богатая и скупая книга замкнутых стихов — образ замкнутой души. Она учит поглощать мир, а не расточать свою душу. Поэт „Киммерийских Сумерек“ должен научиться быть щедрым, чтобы петь, как поет птица» (Аполлон. 1910. № 7. Отд. II. С. 38). В ответном письме от 17 (?) мая Волошин писал: «Твои Слова обо мне справедливы: Таинство Жизни для меня закрыто — я его *понимаю*, и не умею жить. Твое предостережение от моей поэзии я бы принял, если бы оно не было голословно. Такие слова требуют точных указаний, анализа и комментария. Мне оно понятно, но понятно ли тем, которых ты от меня предостерегаешь?» (ГБЛ, ф. 109, карт. 9, № 15, л. 6). Вероятно, речь идет об оккультном смысле, предполагавшемся Волошиным в своих стихах.

³ Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина (1850—1923) — мать М. А. Волошина.

⁴ Рецензия Иванова на «Собрание стихов» С. Городецкого в двух томах (СПб., т-во М. О. Вольф, 1910) в «Аполлоне» не появлялась. Иванов, некоторое время выступавший литературным наперсником Городецкого (см. его рецензию на «Ярь» — Книжное Обозрение. 1907. № 2. С. 47—49), к 1910 г. разочаровался в его литературной и общественной избранности (см. письмо Иванова Городецкому этого периода — Литературное наследство. 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 352—353).

⁵ Городецкая А. А. (?—1946) — жена С. М. Городецкого. См. также ее письмо к Блоку, написанное в схожих тонах (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 39). Возможно, резкость письма обусловлена как из-

менением отношения Иванова к Городецкому, так и общим охлаждением литераторов к его творчеству.

6 Письмо В. Иванова до С. Городецкого, очевидно, не дошло (весной 1910 г. Городецкий у Волошина в Коктебеле не гостил).

ПИСЬМА ВЯЧ. ИВАНОВА К М. В. САБАШНИКОВОЙ

1

⟨17/30 апр. 1907⟩ Вторник Святой ⟨Петербург⟩

Дорогая моя, вот — благодарение Богу — и письмо, и сразу отлегло от сердца то тускло-стоячее, что составляет тяжесть немой разлуки, подобной смерти. Жизнь по крайней мере вдруг передвинулась, ступив на шаг вперед, хотя бы кругозор и стал от этого передвижения еще более трагическим. Я не хочу на этот раз говорить о наших кругозорах, а останавливаюсь на одном — на состоянии Анны Рудольфовны.¹ Пусть она услышит, как я ее люблю. Но ужас испытываю за нее я — и пусть этого она не слышит. Мнится мне, что она обречена, — она одна. Если я пройду через некие тесные ворота, то выведу и Лидию,² и мою Маргариту, которой я поручен, как она мне, — выведу из царства теней. И мне поможет Бог, чтобы я не оглянулся, как Орфей. Нет обреченности, есть Слово — *καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἔγενετο οὐδὲ ἓν ὄν*.³ Молюсь за Анну Рудольфовну. Верую в Слово и Свет, и в горчичное зернышко, и в Невозможное верую, за которое предстательствует Святая Маргарита. Вячеслав.

ИРЛИ, ф. 562 (Волошин М. А.), оп. 5, № 77. Датируется по содержанию.

Сабашникова М. В. (1882—1973) — художница, переводчик, видная участница антропософского движения, первая жена М. Волошина. Ее отношения с В. Ивановым в этот период обусловлены попытками «тройственного» брака (Ивановы — Сабашникова), осуществлявшимися на «башне» (см. примеч. 2 к след. письму).

¹ Анна Рудольфовна Минцлова — см. примечание к письму к ней.

² Зиновьева-Аннибал Л. Д. (1866—1907) — писательница, вторая жена В. Иванова.

³ «... и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (греч.) — Иоан. 1, 3. Ср. письмо к Минцловой, примеч. 5.

14 Сент.⟨ября⟩ ⟨1907⟩ ⟨Загорье⟩

Милая Маргарита, нежно любимый друг мой! Мне бесконечно грустно видеть свою вину перед Тобой — вину долгого молчания, которое тебя измучило. Если бы ты знала, как реально бессилён я писать Тебе! Скажу только, что душа моя настроена гармонично, что в наших отношениях я воспринимаю только присущую им гармонию. Дух Свободы веет над нами, и да будет меж нас дух огненный и жизнь. Будь свободна, иди, куда поведет тебя твоя свобода. Я верен обету, тебе данному: ты всегда можешь прийти ко мне, как к себе самой. Но я никуда не зову тебя, и ничего от тебя не хочу. Я очень светел и спокоен. Вероятно, если ты еще остаешься в Крыму, мы там увидимся. Не знаю еще этого достоверно, но это уже вероятно.¹ Поцелуй от меня Макса. Благодарю его за письмо.² Хотел бы увидеть А⟨нну⟩ Р⟨удольфовну⟩. Лидия тебя целует, пишет

Твой Вячеслав

Приписка Л. Д. Зиновьевой-Аннибал:

Дорогая Маргарита,

Я получила только последнее твое письмо и на него отвечаю, что ты как будто совсем неверно толкуешь себе все мое отношение к тебе. Также, вероятно, что мое нервное поведение при твоём приезде³ ввело тебя в заблуждение о моем отношении к тебе и нашей жизни. Я переживала кризис в *собственном моем* романе с тобой,⁴ который оказался глубже и сильнее, чем я думала, вот почему была и резка, и бестактна, и непоследовательна. Отныне желала ⟨?⟩ бы, чтобы наши отношения начали совершенно *новый* круг относительно ко вчерашнему дню, ибо в тебе для меня ничего не осталось от вчерашнего дня. Приветствую новое утро. В добрый час

Лидия.

ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, № 77.

¹ В недатированном письме (середина августа) 1907 г. Волошин писал Иванову: «Я жду тебя и Лидию в Коктебель. Мы должны прожить все вместе здесь на той земле, где подобает жить поэтам ⟨...⟩. Все, что было неясного и смутного между мною и тобой, я приписываю ни тебе и ни себе, а Петербургу. ⟨...⟩ На этой земле я хочу с тобой встретиться, чтобы здесь навсегда заковать все темные призраки петербургской жизни» (ГБЛ, ф. 109, карт. 15, № 4, л. 2 об.). Потребность разрешения петербургских конфликтов росла — см. телеграмму от 23 августа 1907 г.: «Заклинаем приехать. Аделаида Евгения ⟨Герцык⟩ Маргарита. Максимилиан» (ГБЛ, ф. 109, карт. 15. № 4, л. 4). После обсужде-

ния ряда вариантов Ивановы решили не ехать в Коктебель, см. текст телеграммы рукой Л. Д. Зиновьевой-Аннибал: «Волошину, Феодосия. Коктебель. Загорье до 20 октября. Целуем. Любим. Пишсм. Ивановы» (ГБЛ, ф. 109, карт. 9, № 15, л. 2). В недатированном письме к М. Сабашниковой Л. Д. Зиновьева-Аннибал писала: «Ему (Волошину) В<ячесла>в выражает свои светлые, ласковые приветы и очень жалсет, что выполнить его просьбу и последовать его приглашению в Крым не может». (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, № 76, л. 21—21 об.). Тема потеряла свою актуальность со смертью Л. Д. Зиновьевой-Аннибал 17 октября 1907 г.

² Какое письмо имеется в виду, неясно. Возможно, письмо от 15 августа 1907 г., в котором Волошин писал: «Я снова верю, что мы можем и найдем те формы, ту истину общей любви, которая позволит нам всем жить вместе...» (ГБЛ, ф. 109, карт. 15, № 4, л. 1).

³ Имеется в виду приезд М. В. Сабашниковой в августе в Загорье к Ивановым — см. запись в дневнике М. М. Замятниной от 12 августа 1907 г.: «Сегодня в 5 ч. утра уехала Маргарита. Приезжала она на два дня — проездом, т. е. заездом из Москвы в Крым. Билет у нее был взят прямой из Москвы в Крым, срок его не позволял ей дольше пробыть. Дни были пробные для многого. Лидия страдала. Мучился Вячеслав. Сложные чувства. Я старалась разгадать Маргариту и полюбить ее, т. к. что Вяч. любит, мне не любить невозможно» (ГБЛ, ф. 109, карт. 43, № 6, л. 69).

⁴ О попытках и неудачах «тройственного брака» на «башне» зимой — весной 1907 г. (Ивановы — Сабашникова) см.: *Волошина М. (Сабашникова М. В.). Зеленая змея. История одной жизни. Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой. М., 1993. С. 145—152 (глава «Башня»); Дешарт О. Паррера и паралипомена//Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. II. С. 764—766; Дешарт О. Введение//Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. I. С. 104—106. Подробное изложение концепции этих опытов см., напр., в письме Зиновьевой-Аннибал к А. Р. Минцловой от 2 марта 1907 г.: «Более истинного и более настоящего в духе брака *тройственного* я не могу себе представить, потому что последний наш свет и последняя наша воля — тождественны и едины» (ОР ГБЛ, ф. 109, карт. 24, № 11, л. 11). Однако уже к лету 1907 г. стало очевидно, что союз не удался. См. в воспоминаниях Е. Герцык: «Казалось, им опостытели декадентски-оргастические вихри, крутившие на их средах. „Ох, уж эти мне декаденты с Апраксина рынка!“ — мотая головой, говорила Зиновьева-Аннибал. Она обожглась, она устала». (Воспоминания. Paris, 1973. С. 45). В письме от 3(5?) сентября 1907 г., к Ал. Чеботаревской, сетуя на усталость, Зиновьева-Аннибал писала: «Все утомление двух безвыездных петербургских годин и все горечи разочарований сказались». (ИРЛИ. Ф. 189, № 91, л. 2).*

ПИСЬМО ВЯЧ. ИВАНОВА К Д. С. МЕРЕЖКОВСКОМУ

⟨*после 17 февраля*⟩ 1906

Дорогой Дм<итрий> С<ергеевич>

С горестным изумлением и сердечную болью прочел я на стр. — Вашей книги [слова], относящиеся к мне.¹ Несколько

дней уже не знаю, как преодолеть душевную смуту, и оттого пишу эти строки. Как? предо мною очевидная наличность преднамеренного и коварного оклеветания, очернения, дискредитирования? Но Вы не можете не знать, [насколько] велико мое уважение к Вашей личности и к Вашим святым в моих глазах исканиям, ко всем ореолам Вашего духовного величия. Очевидность эмпирическая не согласна с этою высокою уверенностью. Но не понимать меня в *такой* мере Вы не можете. Где дело шло о тончайших расхожденииах, об интимнейших различиях внутреннего опыта, недопустима возможность столь грубого недоразумения. Вы не можете искренне смешивать меня, занятого исканием религиозным, с какими-то (?) «декадентами-оргиастами», если бы даже таковые существовали и была бы в самом деле группа, так себя определяющая. Вы не можете не знать — и когда-то определенно знали — что мое «Слово» не искаженный перепев нищезанятия, а попытка раскрыть Диониса как начало религиозное (о чем Ницше и не думал, — хотя, прибавлю кстати, и назвал себя однажды в период уже безумия и в почти бессознательной, но уже пророческой ассоциации христианских и родных своих антихристианских (?) представлений) «распятым Дионисом». только в этом случайном и метафорическом для него восклицании предвосхищает он мою концепцию эллинского, страдающего бога).²

Как могли Вы впасть в такое искушение, написать эти недостойные Вас строки? И, окончательно обличая преднамеренность Вашего лжесвидетельства, подкреплять его (—невероятно!—) фальшивую несуществующую цитатой из моих статей «Религия Диониса» в Вопросах Жизни (—) и это после неоднократных предупреждений в эпоху написания статьи, что нигде подобного у меня не говорится — так понимать (?) эти предупреждения).

Нет, Вы не можете не знать, что «оргазм» — не канкан или кэкус московских трактиров [а ощущение связи экстаза мистического]. [Довольно я об этом говорил с Вами] Вы вправе исследовать критически и полемически содержание [этого] мистического оргазма, но Вам нужно считаться с ним, Вы не убьете живой идеи передержками и затравливанием.

Пишу Вам все это, ища выхода из душевной смуты, из беспорядка противоречий и противочувствований, скорбного недоумения и вместе очевидности Вашей глубокой [вражды] душевного отчуждения. Я же не могу, как всегда, не почитать и не любить Вас во всей полноте этих слов.

Ваш весь (?) сердцем

В. И.

ИРЛИ, ф. 607, № 118, л. 118. Черновой автограф карандашом. Датруется по содержанию.

Отношения между В. Ивановым и Д. С. Мережковским (1865—1941) к 1906 г. уже не носили того безмятежного характера, как в период напечатания «Эллинской религии страдающего бога» в 1904 г. в журнале Мережковских «Новый Путь» (см. письма Мережковского к Иванову этого времени — ГБЛ, ф. 109, карт. 29, № 91). После предварительного обмена полемическими выпадами в 1904 г. (стихотворный ответ Иванова «Лицо или маска?» на статью Мережковского «За или против?» — Новый Путь. 1904. № 9. С. 270) писатели продолжали расходиться в своих позициях. Анализ идей Мережковского Иванов провел в статье «Апокалиптики и общественность» (Весы. 1905. № 6. С. 35—39). Публикуемый черновик, видимо, неотправленного письма является откликом на книгу Мережковского «Грядущий Хам» (СПб., 1906), которую он подарил Иванову в феврале 1906 г. Л. Д. Зиновьева-Аннибал сообщала об этом М. М. Замятиной: «Мережков(овский) принес свою новую книгу «Грядущий Хам» с дружеской (нахальной, по-моему) надписью, но в книге оказались полемические красоты неординарного свойства, направленные на Вячеслава (подлые клеветы притворщика и негодяя Мережков(овского), по-моему). Оба они наверно предатели, и это последнее и окончательное мое мнение плюс еще что Гиппиус уличная девка» (письмо от 17 февраля 1906 г. — ГБЛ, ф. 109, карт. 23, № 16, л. 19 об. — 20).

Об истории этих отношений см. статью: *Rosenthal B. G. From Decadence to Religion. Ivanov and Merežkovskij//Cultura e Memoria. Atti del terzo Simposio dedicato a Vjačeslav Ivanov. I. Testi in italiano, francese, inglese. A cura di F. Malcovati. — Firenze, 1988. S. 141—150.* В ИРЛИ также хранится автограф рукой М. Замятиной с правкой Иванова статьи о Мережковском «Мимо жизни» (ф. 607, № 170). См.: *Иванов В. Родное и Вселенное. Статьи (1914—1916).* М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1917. С. 75—84.

¹ Имеется в виду фрагмент из статьи Мережковского «Грядущий Хам» (впервые опубликована в «Полярной Звезде» — 1905. № 30. 30 дек. С. 185—192): «Одну половину Нитче взяли босяки, другую наши декаденты-оргиасты. Не успел еще скрыться Пляши-Нога, как поклонники нового Диониса запели: „Выше поднимайте наши дифирамбические ноги!“ (Вяч. Иванов. „Религия Диониса“ в „Вопросах Жизни“). Одного немца пополам разрезали и хватили на два русских „новых слова“. Глядя на все эти невинные умственные игры рядом с глубочайшей нравственной и общественной трагедией, иногда *хочется воскликнуть с невольной досадою: золотые сердца, глиняные головы!*» (Мережковский Д. С. Грядущий Хам. СПб., 1906. С. 34). Приведенное место из Мережковского намекает на следующие положения Иванова: «(. . .) есть бури, которые одним дыханием развевают мелочную паутину нашего рассудка. Когда наш порабощенный язык разучится лепетать слова молитвы, само вещество возопиет; молитвенно воспляшут дружные с дифирамбом ноги, и загремит экстатическая молитва музыки (. . .)» (Иванов В. Религия Диониса//Вопросы Жизни. 1905. № 7. С. 139). Обыгрываемое выражение является перифразом из стихотворения В. Иванова «Земля»:

Ах! по Земле, по цветоносной, много
Светлых полян для кущ святых:
Много полян ждут ваших уст приникших
И с дифирамбом дружных ног!
(I, 551)

Еще раз это стихотворение цитируется в статье В. Иванова «Спорады. IV. О лирике» (II, 122), сходное описание дифирамбического танца см.

в стихотворениях «Астролог» (II, 253), «Увенчанные» (I, 748) и др. Претензии к Мережковскому Иванов высказал в статье «О „факельщиках“ и других именах собирательных»: «...я (...) считаю себя оклеветанным (...) лично в книге Мережковского „Грядущий Хам“, где я сопричтен не только к „декадентам“, но и к каким-то „органистам“ (кто они?) и даже (на этот раз в компании с М. Горьким) к „босьякам“, „глиняным головам“ и попугаям Ницше, в доказательство чего приведена обличителем хамства из моих писаний одна фальшивая цитата...» (Весы. 1906. № 6. С. 53).

² Развернутое изложение этих мыслей см. в статье Иванова «Ницше и Дионис» (вошла в сборник его статей «По звездам» — I, 715—726).

ПИСЬМО ВЯЧ. ИВАНОВА К А. Р. МИНЦЛОВОЙ

6 февраля <1907> <Петербург>

Глубоко и нежно любимая, благоговейно почитаемая А<нна> Р<удольфовна>! Пишите, умоляю Вас. Я получил всего одно письмо, возвещавшее другое — в пятницу. В ночь с пятницы на субботу¹ я, мне кажется, узнал, что Ваши «намерения не осуществляют(?)». Я теперь не получил письма, о кот<ором> Вы пишете, и это — предмет нашего общего горя. Л<идия> безутешна, что письмо Ваше невозвратно прошло. Я очень нуждаюсь в Ваших указаниях.² Мои личные задачи все более становятся не *моими личными только*. Я связ<ан> так с другими, как связаны между собой при больших восхождениях горные спутники. Но я еще так глух, что должен слышать Ваш воплощенный голос, чтобы не бояться заблуждения, иллюзии. Итак, пишите мне, не покидайте ученика. С 3 февр<аля>, субботы, я наблюдаю ритм жизни. Час мой 11 ч. 11 м., как строжайшая *норма*, отклонения от которой я допускаю лишь так, чтобы утренняя медитация совершалась при исходе первой четверти двенадцати часов.³ Оказалось, что наиболее плодотворно для меня сочетать первые упражнения в дыхании Йоги с началом Иоаннова Евангелия, что имманентно содержит в себе для меня и учение «Suche den Weg»^e etc.⁴ А именно, метод мой таков — — — Благодаря этой системе я впервые понял смысл этих слов. Содержание их, для меня раскрывающееся, необозримо и несказанно. Я сразу чувствую себя взнесенным на бесконечную высоту: едва голубеют еще темные дали. Потом все исчезает. Задержка дыхания — услада. Покой и тишина божественного лона, где сознает себя Логос, где он у Бога или

^e «Ищи путь» (нем.).

к Богу и тотчас же — сам Бог. Словно зеркало «я» наведено на высшее, и в этом живом зеркале также движется Λογος и Λογος у Самого в я, и Λογος — этот Сам... А потом при выдыхании струится творческий мир из легкого лона — *λαύτα δι' αὐτοῦ ἐγένετο* ^{ж 5} — любовь и логосом, строгою, ответственною, трагическою, все утверждающею любовью, великим Да, последним звуком таинственного слога индусов. Так вдыхание становится жертвой, выдыхание Жрецом. А далее — Когда утомленная грудь хочет нового вдыхания, оно входит как Жизнь, и при задержке свет наполняет погруженный в себя дух — а слова текста также ⟨?⟩ подтверждают, что человек — свет; ⁶ а при выдыхании этот внутренний свет исторгается из глубины существа наружу и пронизывает тьму, которая его не обнимает. ⁷ Так повторяется аналогически первый цикл, реально утверждая и закрепляя в Микрокосме то, чему он был тогда зеркалом, когда оно совершалось в Макрокосме.

ИРЛИ, ф. 607, № 342. Датируется по общности с письмом М. Сабашниковой к А. Минцловой от 6.02.907.

А. Р. Минцлова (?—1910?) — переводчица, теософка, с ориентацией на Р. Штейнера, один из ближайших друзей В. Иванова, особенно после смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. См. о ней: *Минцлов С. Р.* Далекие дни. Воспоминания 1870—90 гг. Берлин, б. г. С. 4—6; *Белый А.* Между двух революций. Л., 1934. С. 355—362. О ее роли в жизни В. Иванова см.: *Герцык Е.* Воспоминания. Париж, 1973. С. 46—48; *Волошина М.* (Сабашникова М. В.). Зеленая Змея. История одной жизни. Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой. М., 1993. С. 123—125, 344—345. Письма А. Р. Минцловой к В. Иванову хранятся в ГБЛ (ф. 109, карт. 30, № 1—10; карт. 31, № 1—7), там же находятся и письма Иванова к ней (ф. 109, карт. 10, № 20). См. также статью: *Carlson M. Ivanov-Belyj-Minclova. The Mystical Triangle//Cultura e Memoria...*, S. 63—79.

¹ См. в письме Минцловой от 31 января 1907 г. из Москвы: «Не позабудьте с пятницы или субботы начать то, о чем мы говорили. В пятницу днем Вы получите от меня письмо. А в 2 часа ночи —» (ГБЛ, ф. 109, карт. 30, № 1, л. 16).

² В конце 1906 — начале 1907 г. Минцлова выступала в роли мистического наставника для Ивановых, ср.: «...все, что он узнал из области тайноведения, пришло к нему через Минцлову» (*Герцык Е.* Воспоминания. С. 48).

³ Ср. в том же письме: «Очень точно, очень строго выбрать момент медитации — этот миг, в очень скором времени, делается самым ярким и значительным в Вашем дне, это будет центр жизни Вашей. (Там же, л. 17.)

⁴ Ср. в письме Минцловой от 26/9 января 1907: «Или же... для того, кто взял себе Христ(ианский) Путь — вместо этих, Восточных слов,

^ж Все через Него начало быть (*греч.*).

берутся первые 6 стихов Ев(ангелия) от Иоанна, глава I — —» (ОР, ГБЛ, ф. 109, карт. 30, № 1, л. 19. «Suche den Weg» (нем.: «Ищи: путь») — формула для дыхательных упражнений, сообщенная Минц-ловой).

⁵ Неполная цитата из Евангелия от Иоанна 1, 3: «Всё чрез Него начало, быть <...>» (*греч.*).

⁶ См. Иоан. I; 7, 8.

⁷ См.: Иоан. I, 5.

III

АВТОБИОГРАФИЯ

(Письмо В. Иванова в Государственную академию
художественных наук)

Президенту Всероссийской Академии
Художественных Наук

Высоко ценя знаки сочувственного внимания Всероссийской Академии Художественных Наук к моим научно-литературным трудам, имею честь заявить Вам о своем желании: подвергнуть обсуждению Академии мою кандидатуру на избрание в числе ее членов.¹

Сведения о моей деятельности в прошлом можно почерпнуть, помимо энциклопедических словарей, в последнем выпуске «Русской литературы XX века» С. А. Венгерова. Родился в Москве в 1866 г. Историко-филологическое образование получил в университетах Московском и Берлинском (1884—1891). 1891—1896 филологические и археологические занятия в Париже и Риме. 1897 одобрение философским факультетом Берлинского Университета, на основании представленной Моммзенем рецензии, моей диссертации на степень доктора философии (*De Societatibus Vectigalium*). 1900/01 частные занятия древностями в Лондоне, 1901/02 греческую археологию и эпиграфику при Германском Археологическом Институте в Афинах. 1903 — чтение курса по истории греческой религии в основанной М. М. Ковалевским Высшей Школе Общественных Наук в Париже.² 1911 — избрание в действительные члены Русского Археологического Общества.³ 1908—1912 ведение работ основанного мною, при ближайшем участии И. Ф. Анненского и Ф. Ф. Зелинского, а также редакции журнала «Аполлон», Общества Ревнителей Художественного Слова. 1911 и 1912 — профессура по исто-

ри античных литератур на Высших Женских Курсах Раева. 1913 — занятия историей греческой религии в Риме. 1918—1920 служба в Театральном и Литературном Отделах Наркомпроса и преподавание истории литератур и поэтики в разных учебных заведениях. 1920—1924 профессура по классической филологии в Бакинском Гос. (ударственном) Университете. 1921 защита семи глав книги «Дионис и прадионисийство» в качестве диссертации на степень доктора классической филологии в том же университете. С осени 1924 научная заграничная командировка для работ по греческой религии и Эсхилу в Италии. 1926 получение адреса Научно-исследовательского Института по Сравнительному Изучению Литератур и Языков Запада и Востока при Ленинградском Гос. (ударственном) Университете по случаю исполнившегося шестидесятилетия.⁴

Работы. — Поэзия: шесть книг оригинальной лирики, многочисленные несобранные стихотворения, две трагедии,⁵ поэтические переводы греческих лириков,⁶ Эсхила (Закончен перевод пяти трагедий из семи сохранившихся), Петрарка (Пам. (ятники) Мир. (овой) Лит. (ературы), изд. Сабашниковыми), Байрона (лирика, поэма «Остров» в изд. Венгерова), Новалиса («Лири Новалиса» — рукопись в редакции Памятников Мировой Литературы), Бодлэра, армянских поэтов (в двух сборниках армянской поэзии — Брюсова и М. Горького), Бялика и др.⁷

Эстетика, ист. (ория) лит. (ературы) и критика: три сборника статей и отдельные статьи в разных изданиях, как «Кризис гуманизма», «Гете на рубеже двух столетий» (Зап. (адные) Лит. (ературы) XIX в., ред. Батюшкова), «Звукообраз Пушкина», «Ревизор» Гоголя и комедия Аристофана и др.⁸

Греция: «Первая Пифийская Ода Пиндара» (Журн. (ал) Мин. (истерства) Н. (ародного) Просв. (ещения) 1898),⁹ «Эллинская религия страдающего бога» («Нов. (ый) Путь» 1904 и «Вопросы Жизни» 1905, отд. изд. погибло на складе в 1917 г.),¹⁰ «De Societatibus Vectigalium publicorum populi Romani» (Изд. Русского Археологического Общ. (ества) 1911),¹¹ «Эпос Гомера» (Гомер, изд. Окто),¹² Алкей и Сафо (2 издания Сабашниковых, Пам. (ятники) Мир. (овой) Лит. (ературы),¹³ «Дионис Орфический». (Р. (усская) Мысль 1914),¹⁴ «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1922).¹⁵ — Питальянски: «Le origini dell religione di Dioniso» (печатается).¹⁶ По-немецки: «Krisis des Humanismus» (1918), «Dostoevski und Roman—Tragoedie (1919), «Briefwechsel aus zwei Zimmerwinkeln» («Die Kreatur 1926, в содруж. с Гершензоном),¹⁷ «Dostoevski: Tragoedie, Mythe und Mystik in

seiner Dichtung (печатается).¹⁸ Переводы на разные языки: лирич.(еских) стихотворений в разных сборниках.

Вячеслав Иванов.

(1926)

ИРЛИ, ф. 607. № 362. Автограф. Датируется по содержанию.

Иванов, покинувший Россию в 1924 г., долгое время не прерывал контактов с родиной, сохранив советский паспорт до 1925 г. (см.: *Чарный М. Неожиданная встреча* (Вячеслав Иванов в Риме)//*Вопросы литературы*. 1966. № 3. С. 198; Переписка С. Л. Франка с Вяч. Ивановым. Публ. В. С. Франка//*Мосты*. 1963. № 10. С. 364). Сохранились заявления Иванова: в Наркомпрос об очередном продлении командировки на год (от 24 июня 1925 г. — ЦГАЛИ, ф. 225, оп. 1, № 57), в ЦЕКУБУ о сохранении за ним «академического обеспечения» (от 16 марта 1927 г. — ЦГАЛИ, ф. 225, оп. 1, № 58). Публикуемая автобиография, написанная Ивановым для ГАХН^а с целью подвергнуть обсуждению свою кандидатуру на избрание в число членов Академии, является еще одним фактом контактов Иванова из-за рубежа с Россией. Машинописная копия этого текста хранится в личном деле Иванова в архиве ГАХН (ЦГАЛИ, ф. 941, оп. 10, № 253, л. 2—3).

- ¹ На заседании Ученого Совета ГАХН от 3 декабря 1926 г. Иванов был утвержден членом-корреспондентом по литературной секции (выписку из протокола заседания см. в личном деле Иванова: ЦГАЛИ, ф. 941, оп. 10, № 253, л. 1). А. В. Луначарский подписал утверждение 15 февраля 1927 г. (См.: *Бюллетени ГАХН*. 1927. № 6—7. С. 84).
- ² В материалах ИРЛИ сохранились подготовительные материалы к этим лекциям, расположенные по отдельным папкам. Даты проставленные на них, позволяют датировать некоторые лекции: II — 29 апреля 1903 (ИРЛИ, ф. 607, № 153, л. 31), III — 5 мая (у Иваново ошибочно — IV/03, там же, л. 55), IV — 9 мая 1903 (там же, л. 87), V — 14 мая 1903 (ИРЛИ, ф. 607, № 223, л. 554). Первая лекция должна была состояться 27 апреля 1903 г., см. письмо Иванова к М. Замятниной от 25/12 апреля перед отъездом в Париж (ГБЛ, ф. 109, карт. 9, № 33, л. 24 об.). Последняя лекция — 13 июня, см. письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к В. К. Шварсалон от 12 июня 1903 г.: «Милая девочка, завтра Вячеслав кончает последнюю лекцию. Затем он остается недели 4, т. е. до середины или даже конца Июля, чтобы отделать лекции к печати, работать будет в библиотеке» (ГБЛ, ф. 109, карт. 24, № 24, л. 11 об.). Лекции составили основу для цикла статей Иванова «Эллинская религия страдающего бога» (см. прим. 9).
- ³ Иванов участвовал в заседаниях Общества 5 ноября, 17 декабря 1911, 3 марта 1912 г. (см.: *Записки Классического отделения Русского Археологического Об-ва*. 1913. Т. VII. С. 195, 198, 200).
- ⁴ Ответное письмо Иванову от 22 мая 1926 г. из Рима см.: *Вечерний Ленинград*. 1989. 10 авг. № 183/18873. С. 3 (Публ. А. Батуриной).
- ⁵ «Кормчие Звезды» (СПб., 1903), «Прозрачность» (СПб., 1904), «Cor Argens» (СПб., 1911—1912, т. 1, 2), «Нежная Тайна» (СПб., 1912); большая часть несобранных стихотворений вошла в книгу «Свет вечерний» (Oxford, 1962); «Тантал. Трагедия» (Северные Цветы Ассирийские. М., 1905. Альманах IV), «Прометей» (Пб., 1919; первая публикация под названием «Сыны Прометей» была в «Русской мысли» — 1915, № 1. С. 1—37).

- ⁶³ Переводы Иванова из греческих лириков были сделаны для антологии в серии «Памятники мировой литературы» для «Издательства М. и С. Сабашниковых», составлявшейся в 1912—1913 гг. В. О. Нилендсром. Отдел, отведенный под переводы Алкея и Сафо разросся до размеров отдельной книги (см. прим. 13), а сама антология не вышла. Переводы Иванова из Салона, Мимнерма, Феогнида, Гиппопакта, Анакреона, Алкмана, Ивика, Симонида Кюсского, Ваххилида, а также несколько переводов фольклорных текстов вошли позднее в хрестоматию: Греческая литература в избранных переводах. Составил В. О. Нилендер. М., 1939. С. 88, 91, 94, 100—101, 114, 116—117, 118—120, 125—126, 128—129). Об истории несостоявшегося издания см.: *Котрелев Н. В.* Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых (переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки)//Книга в системе международных культурных связей. Сборник научных трудов. М., 1990. С. 137—143.
- ⁷ Перевод Вяч. Иванова, недавно изданы: *Эсхил.* Трагедия в переводе Вячеслава Иванова. Изд. подготовили Н. И. Балашов (и др.) М., 1989; *Петрарка.* Автобиография. Исповедь. Сопеты. Пер. М. Гершензона и Вяч. Иванова. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1915 (Памятники мировой литературы); Иванов перевел для издания С. А. Венгерова семь стихотворений Байрона (*Байрон.* Полн. собр. соч. СПб., 1903. Т. 1. Часть 2. С. 406, 408, 411, 413, 414, 420; пять из них вошли в сб. «Сог Argdens» (II, 348—351) и поэму Байрона «Остров» (*Байрон.* Полн. собр. соч. СПб., 1904. Т. 3. Часть 1. С. 170—192); публикации переводов Иванова из Новалиса (IV, 181—251) предшествовали неоднократные объявления об их издании (в частности, в изд. «Musaaget»), а также частичная публикация отдельных стихотворений (Аполлон, 1910, № 7; Русский альманах. Публ. Д. Иванова. Париж, 1981); переводы из Бодлера вошли в сб. «Сог Argdens» (II, 344—347); Иванов участвовал в сб.: Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводе русских поэтов: Ю. К. Балтрушайтиса и др. М., 1916. С. 301, 307, 323, 324, 328, 331, 334, 374—377, 487—488; Сборник армянской литературы. Под ред. М. Горького. Пг., (1916). С. 175—176. О переводах Иванова из армянских поэтов см., в частности: *Сафразбекян И. Р., И. Бунин, К. Бальмонт, В. Иванов, Ф. Сологуб* — переводчики антологии «Поэзия Армении» (Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968. С. 210—228). Из Х. Бялика Иванов перевел четыре стихотворения (см.: Еврейская антология. Сборник молодой еврейской поэзии. Под ред. В. Ф. Ходасевича, Л. Б. Яффе. Предисл. М. О. Гершензона. М.: Сафрут, (1918). С. 36—37, 40—47, 57—60, 61—63). См. также перевод Иванова: *Маннинен О.* Пустынножитель лесов//Сборник финляндской литературы. Под ред. В. Брюсова, М. Горького. Пг., 1917).
- ⁸ «По Звездам» (СПб., 1909), «Борозды и межи» (М., 1916), «Родное и вселенское» (М., 1917); статья «Кручи» (Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 103—118) имеет подзаголовок внутри текста: «Раздумье первое: О кризисе гуманизма. К морфологии современной культуры и психологии современности»; статья «Гете на рубеже двух столетий» была напечатана в «Истории западной литературы» (1800—1910). Под ред. Ф. Д. Батюшкова (М., 1912. Т. 1. Кн. 1. С. 113—156); статья «К проблеме звукообраза у Пушкина» появилась в сб.: Московский пушкинист. Статьи и материалы. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1930. Кн. II. С. 94—105; «Ревизор» Гоголя и комедия Аристофана — в журнале В. Мейерхольда «Театральный Октябрь» (1926. № 1).
- ⁹ *Иванов В.* Первая пифийская ода Пиндара//Журнал Министерства Народного Просвещения. 1899. № 8. (Отд. II). С. 48—56.
- ¹⁰ *Иванов В.* Эллинская религия страдающего бога//Новый Путь. 1904. № 1, 2, 3, 5, 8, 9; Религия Диониса//Вопросы Жизни. 1905. № 6, 7;

- Иванов В.* Эллинская религия страдающего бога. Фрагменты верстки книги 1917 г., погибшей при пожаре в доме Сабашниковых в Москве. Публ. Н. В. Котрелева//Эсхил. Трагедии в переводе Вячеслава Иванова. Изд. подготовили Н. И. Балашов <и др.>. М., 1989. С. 307—350.
- ¹¹ De Societatibus vectigalium publicorum populi romani. Scripsit Venceslaus Ivanov. СПб., 1910. 132 с. (Приложение к Т. VI Записок Классического Отделения Русского Археологического Об-ва).
- ¹² Поэмы Гомера в переводах Гнедича и Жуковского. Ред. А. Е. Грузинский. Вступ. этюд Вяч Иванова. Словарь и 50 рисунков Д. Флакмана. <М.>; Изд-во Окто <1912>.
- ¹³ Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914 (2-е изд. 1915).
- ¹⁴ *Иванов В.* О Дионисе орфическом//Русская Мысль. 1913. Ноябрь. С. 70—98.
- ¹⁵ *Иванов В.* Дионис и праднионсийство. Баку, 1923.
- ¹⁶ Издание не осуществилось.
- ¹⁷ «Переписка из двух углов» была издана в России (Пг., 1921); по-русски в Германии (Берлин. 1922) и по-немецки в журнале «Die Kreatur» (1926, Hf. 2).
- ¹⁸ Книга В. Иванова «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» выходила по-немецки (Tübingen, 1932), по-русски опубликована недавно в составе «Собрания сочинений» (IV, 399—588).

Г. Флобер

ЛЕГЕНДА О СВЯТОМ ЮЛИАНЕ СТРАННОПРИИМЦЕ

Перевод А. А. Блока

Публикация И. С. Приходько

Блоковский перевод «Легенды о Святом Юлиане Странноприимце» Флобера, сохранившийся в черновом автографе в архиве поэта,¹ публикуется впервые.

Блок работал над этим переводом летом и дорабатывал осенью 1914 г. для полного собрания сочинений Флобера, выходявшего в это время в издательстве «Шиповник». Здесь же, в фонде Блока (оп. 3, № 1), сохранился договор с «Шиповником» от 10 февраля 1914 г. об издании сочинений Флобера, согласно которому два тома переписки и том писем к племяннице Каролине Комманвиль в переводе матери Блока А. А. Кублицкой-Пиоттух редактирует и снабжает предисловиями Блок и, кроме того, сам берется перевести «Сен Жюльена» (под таким названием появляется в договоре «Легенда о Святом Юлиане Странноприимце»). В этом документе обусловлены объемы, оплата, сроки исполнения. «Сен Жюльен» должен быть отдан в издательство не позднее сентября 1914 г.; дополнением к договору срок был отодвинут до ноября.

Из запланированного в «Шиповнике» издания сочинений Флобера вышли I, II, III, IV и VIII тома. Предполагалось дать читателю хорошие современные переводы. Для этого издания были заказаны и выполнены новые переводы основных больших произведений Флобера. В числе их: «Госпожа Бовари» — в переводе А. Н. Чеботаревской (т. I — 1913); «Саламбо» — в переводе Н. М. Минского (т. II — 1913); «Искушение Святого Антония» — в переводе Б. К. Зайцева (т. III — 1913); «Сентиментальное воспитание» — в переводе В. Н. Муромцевой (т. IV — 1915). Последний из выпущенных томов — т. VIII — вышел в начале 1915 г. и содержал письма Флобера к племяннице в переводе А. А. Кублицкой-Пиоттух под редакцией и с предисловием А. А. Блока. Два тома переписки — тома IX и X — хотя и были подготовлены Блоком и его матерью, не появились в издании «Шиповника». Эти рукописные тома, выполненные рукой матери Блока, с его предисловиями, правкой и стихотворными переводами цитируемых в IX томе поэтических строк сохранились в архиве Блока (оп. 3, № 48, 51). По-видимому, война и последовавшая за нею революция не позволили «Шиповнику» завершить запланированное издание сочинений Флобера. Остался неопубликованным и «Сен Жюльен», един-

¹ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 196. Далее ссылки на материалы блоковского фонда даются в тексте с указанием номера описи и единицы хранения.

ственный в творческом наследии Блока законченный перевод художественной прозы.

Черновой автограф представляет собою 63 листа большого формата, исписанные не характерным для Блока крупным почерком, сравнительно легко поддающимся прочтению, что позволяет восстановить не только окончательную редакцию чернового автографа, но и отвергнутые Блоком, зачеркнутые варианты. Беловой автограф, надо полагать, согласно договору был отдан в издательство. Архив «Шиповника» не сохранился.

Ко времени обращения Блока к «Юлиану» вышло в свет около десяти русских переводов этой новеллы. Первый перевод, выполненный И. С. Тургеневым, был напечатан в журнале М. М. Стасюлевича «Вестник Европы» в апреле 1877 г., на месяц раньше, чем оригинал Флобера был опубликован в Париже. Довольный своей работой, Тургенев писал издателю: «Изо всей моей литературной карьеры я ни на что не гляжу с большей гордостью — как на этот перевод. Это был *tour de force* заставить русский язык схватиться с фрунцузским — и не остаться побежденным...».²

Перевод Тургенева представлял собою безусловное достижение русской словесности. Но, будучи первым опытом освоения западной литературной стилизации, он, естественно, имел некоторые просчеты. Тургенев переводил с рукописи и не учел последующей правки Флобера при подготовке новеллы к изданию. Во французском академическом издании Л. Конара (L. Conard) воспроизведены 40 разночтений первоначального варианта с окончательным текстом повести Флобера.

Общий объем текста Тургенева превосходит текст оригинала более чем в полтора раза. Такое разрастание текста происходит за счет характерного для Тургенева перевода-комментария. Комментируя, т. е. добавляя что-то от себя, он опускал отдельные слова и фразы Флобера. Но главное — Тургенев изменил стиль, интонацию, ритм этой вещи. Ин. Анненский автор одного из последующих переводов «Юлнана», признавая «артистичность» перевода Тургенева, замечал, что его «яркая <...> поэзия» превышает подчас красоты подлинника.³

Публикация «Легенды» Флобера в России вызвала резкую критику как самого произведения, так и его перевода Тургеневым. Автором критической статьи в газете «Новое время» (от 8/20 апреля 1877 г.) был В. П. Буренин, подписавшийся одним из своих многочисленных псевдонимов — «Тор». Буренин недоумевал, почему такие реалисты, как Флобер и Тургенев, отдались мистике и зачем вообще современному читателю нужны эти католические фантазии. Тургенева он упрекал в забвении русского языка, которое проявилось в обилии галлицизмов. При подготовке новеллы для включения ее в собрание сочинений 1880 г. Тургенев учел некоторые из его замечаний и исправил ряд явных галлицизмов. На остальных он настаивал и объяснил свою позицию в ответном письме, которое направил в редакцию газеты «Наш век». Однако и при переработке перевода для собрания сочинений 1880 г. Тургенев не сверился с окончательным текстом оригинала, сохранив все те же 40 разночтений.⁴

² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1966. Т. 12, кн. 1. С. 131.

³ См. предисловие Ин. Анненского в кн.: Флобер Г. Иродиада. Легенда о Святом Юлиане Милостивом. СПб., 1911. № 30. Оборот титула.

⁴ Перевод «Легенды о Святом Юлиане Милостивом» Тургеневым проанализирован в статье: Клеман М. И. С. Тургенев — переводчик Флобера // Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1934. Т. 5. С. 133—149. О других тургеневских переводах Флобера см.: Эйхенгольц М. 1) «Три повести» Флобера // Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 5—21; 2) Работа над

Перевод Тургенева не удовлетворил и тех, кто понял и принял «Юлиана» Флобера. Эта неудовлетворенность сказалась в появлении в сравнительно короткий срок ряда новых переводов этой новеллы. Первым из них был анонимный перевод, вышедший отдельной книжкой в 1883 г. Второе издание этого перевода с некоторыми исправлениями выходит в издательстве В. И. Губинского в 1899 г. Из небольшой преамбулы на обороте титульного листа можно заключить, что сам издатель был автором перевода. Годом раньше, в 1898 г., появился перевод И. Ясинского. Затем, в 1908, 1910 и 1915 гг., выходят последовательно три издания перевода Н. Соболевского, а в 1908 и 1911 гг. — перевод Ин. Анненского. В советские издания Флобера, наряду с переводом И. С. Тургенева,⁵ включается перевод М. А. Волошина,⁶ сделанный им позднее неизвестного ему блоковского перевода.

Все эти переводы отмечены тенденцией преодолеть недостатки перевода Тургенева, приблизить перевод к тексту оригинала, как в смысловом отношении, так и в отношении стиля и ритма. При правильности общей установки новые переводчики не достигли полного успеха. Они отошли от мощного сказового стиля Тургенева и не приблизились к изяществу поэтической стилизации Флобера.

В этой ситуации в состоянии вступил Блок. Его обращение к «Сен Жюльену» не было случайностью. Проблема «Блок и Флобер» до сих пор не поставлена исследователями, хотя оснований для ее постановки достаточно.

Блок воспитывался в литературной семье Бекетовых, одним из кумиров которой был Флобер. Е. Г. Бекетова, бабушка Блока, сделала талантливый и профессиональный перевод «Сентиментального воспитания» для 3-го тома собрания сочинений Флобера, выходявшего в 1890-е годы.⁷ Юный Блок ознакомился с романом по этому изданию. Отец, А. Л. Блок, также был поклонником Флобера, что нашло отклик в строчках поэмы «Возмездие»:

... (Хоть он юристом был,
Но поэтическим примером
Не брезговал. Констан дружил
В нем с Пушкиным, и Штейн с Флобером).

Здесь же, в поэме, читаем о том, какое значение имело флоберовское воспитание чувств для обоих родителей Блока:

переводом «Иродиады» Флобера // Красная новь. 1935. № 7. С. 196—203; Соболевский Н. «Иродиада» Флобера в переводах Тургенева и Эйхенгольца // Литературный критик. 1934. № 11. С. 187—193; Славятинский Н. Две «Иродиады» // Красная новь. 1935. № 1. С. 197—207. См. также предисловия и комментарии к тургеневскому переводу «Легенды», включенному в его сочинения: Тургенев И. С. 1) Собр. соч. Л., 1934. Т. XI (комментарий Б. Эйхенбаума); 2) Избранное. М., 1982 (комментарий к разделу «Переводы»). Указанные издания сочинений Тургенева служат предлогом для включения блоковского перевода «Легенды о Святом Юлиане Странноприимце» в соответствующий том академического собрания сочинений поэта.

⁵ Флобер Г. 1) Собр. соч.: В 4 т. М., 1971. Т. 4; 2) Собр. соч.: В 3 т. М., 1984. Т. 3.

⁶ Флобер Г. 1) Собр. соч.: В 10 т. М., 1934. Т. 5; 2) Собр. соч.: В 5 т. М., 1956. Т. 4.

⁷ Флобер Г. Собр. соч. СПб., 1897. Т. 3.

Он тоже получил от детства
Флобера странное наследство
Edikation sentimental.⁸

Не случайным было и обращение Блока к письмам Флобера, в которых писатель, составивший себе славу объективного художника, избегающего проявления авторского «я» в своих произведениях, предстает человеком с обнаженной и ранимой душой и одновременно художником, артистом, поднявшимся до высот самоотречения в служении «единому прекрасному». Блока и Флобера роднит также

И отвращение от жизни
И к ней безумная любовь.

Можно обозначить и другие идеологические и эстетические точки соприкосновения этих двух художников. Но наиболее тесно их творческие устремления сплелись в «Легенде о Святом Юлиане Странноприимце»: здесь Блок-переводчик наиболее близко подошел к Флоберу-автору.

Как известно, в творчестве Флобера реалистические произведения из современной жизни чередуются с историческими сюжетами и стилизациями. Нет ничего удивительного в том, что Флобер обратился к мистическому средневековому сюжету. Замысел «Юлиана Странноприимца» возник у него очень рано — в 1846 г.; в 1856 г., когда редактировал «Искушение Святого Антония», он вновь думал о легенде, а написал во время работы над «Бюваром и Пеккюше» в 1875—1876 г. В письме к Тургеневу от 3 октября 1875 г. Флобер признается, что ставит перед собою чисто эстетическое задание: «...чтобы посмотреть, могу ли я еще сделать фразу, в чем я сомневаюсь». Автор определяет это свое сочинение как «маленькую нелепицу», «особый урок в наказании». Эстетизация и героизация прошлого у Флобера отчетливо противопоставлены современной жизни: «Это ставит меня в среду более опрятную, чем современный мир» (от 11 декабря 1879 г.).⁹ Но значение «Легенды о Юлиане» Флобера не может быть сведено к эстетическому экспериментаторству. Блок увидел в ней отчетливо выраженное мифологическое начало и в своем переводе подчеркнул его. Надо полагать, что мифологический, т. е. вечный, смысл привлек к этому произведению и Тургенева, чье собственное творчество не лишено мифопоэтических элементов.

В финале «Легенды» автор сообщает, что сюжет поведанной истории был подсказан ему образами витража Руанского собора. Этот прием повествователя имеет лукавое намерение сбить читателя с толку. В письме к своему издателю Шарпантье от 16 февраля 1877 г. Флобер признается в этом: «Иллюстрация эта понравилась мне потому именно, что она, собственно, была не иллюстрацией, а историческим документом. Сравнивая изображение с текстом, говорили бы про себя: ничего не понимаю! Каким образом он извлек одно из другого?»¹⁰ Более прямое отношение к новелле Флобера имели другие средневековые источники, указанные автором: «Опыт о живописи на стекле» Ланглуа, где описана упомянутая оконница, сборник «Золотая легенда» Якова де Ворегине (XIII в.), в который вошла легенда о Юлиане, послужившая сюжетом для витража, а также «Историческое зеркало» Винцента де Бове (XIII в.), книга, связанная с церковной средой и дающая житийный вариант легенды. На основании этих источников, а также тщательного изучения исторического

⁸ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 323, 337.

⁹ Флобер Г. См. об этом: Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1934. Т. 5. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 7.

материала Флобер создает свою «Легенду». Рукописи отразили стремление Флобера к научной точности воссоздаваемых реалий средневекового быта, образа мира, образов вещей, зверей и т. п. В частности, в связи с работой над новеллой Флобер изучает все способы и атрибуты охоты. Он создает своеобразный «бестниарий» по образцу средневековых. Сохранились отдельные листки с обозначениями: «Собаки», «Олень», «Полет» и т. п., где приведены исчерпывающие сведения по каждому разделу.

Известно, насколько тщательно и всесторонне изучал европейское средневековье Блок (особенно в связи с работой над драмой «Роза и Крест»), какой глубокий интерес и пристрастие питал он к рыцарской культуре. Ожившие под пером европейского мастера картины средневековой жизни, исторически выверенные и овеянные ароматом легенды, не могли не воодушевить Блока на создание своего варианта этого прекрасного сказания.

Интересен и созвучен Блоку мифологический смысл «Легенды» Флобера. Путь героя через падение, чудовищное преступление — убийство отца и матери, явившееся следствием его жестокосердия и наказанием за него, через муку, раскаяние, предельное уничтожение и самоотвержение в служении людям — к вознесению в вечный свет. Легенда иллюстрирует христианское отношение к грешнику, достигшему глубин падения и принявшему на себя муки ада. Грешник, изживший свой грех страданием, Господу дороже праведника, он достоин приобщения к сонму святых. По слову Писания, погубивший душу свою спасет ее.

Эта легенда напоминает о другом легендарном герое средневековья — Франциске Ассизском. Не случайно Блок соединяет эти два имени в своем предисловии к предполагавшейся публикации дневника О. К. Соколовой — в очерке «Дневник женщины, которую никто не любил». Современным «ученым, художникам, политикам» — тем, чья культура «теряется перед лицом темноты, невежества, неубранности, путаницы», Блок противопоставляет «культуру Франциска Ассизского и Юлиана Милостивого», достигших подлинных нравственных высот вследствие искупления своего грехопадения и не гнушающихся в своем милосердии темными, грязными, больными проявлениями жизни.¹¹ С ними Блок связывает представление о чистоте и свете, которые превосходят то, что «умные и тонкие люди» называют культурой.¹² Это культура высшей человечности, овладение которой становится целью его собственного пути.

В переводе новеллы Флобера Блоку было интересно и чисто эстетическое задание: создать текст, адекватный флюберовскому по точности, лаконизму и динамике, по стилю и интонации, музыкальности и живописности. Мастер стиля, Флобер был чрезвычайно взыскателен в своей работе над текстом. Он стремился к созданию прозы ритмичной, как стих, и точной, как научный язык. Большое значение для Флобера имела звуковая сторона фразы. Переживая «ужасы стиля», «муки ассонансов», «пытки периодов», Флобер добивался жизненности фразы, ее соответствия человеческому дыханию, реализуя свой эспираторный принцип. Но Блок — поэт; ритм и дыхание — его стихия, и он без видимого усилия вступает в соперничество с французским мастером.

Блок выполняет перевод в очень короткий срок. Первоначальную редакцию перевода (сохранившийся черновой автограф) он создает с 13 по 26 июня 1914 г. О начале и конце работы над переводом есть записи в «Записных книжках» 41, 42, 44 в соответствующие дни. А между

¹¹ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 29—31.

¹² См. высказывания Блока о Св. Франциске Ассизском в рецензии на сборник К. Д. Бальмонта «Фейные сказки», февраль 1906 г. (Блок А. Собр. соч. Т. 5. С. 619), а также в итальянских заметках «Молнии искусства», октябрь 1909 г. (Там же. С. 391).

ними — почти ежедневные упоминания о продолжающейся работе (от 15, 16, 17, 20, 23 июня 1914 г.).

Блок переводил «Юлиана» с французского издания Л. Конара: вырванные из тома страницы с «Легендой» — *La Légende de Saint Julien l'Hospitalier* — сохранились в архиве Блока при черновом автографе перевода. На страницах французского текста рукой Блока подчеркнуты отдельные слова, значения которых выписаны карандашом на полях. Как правило, это слова редкого и специального употребления — из сферы охоты, хозяйства и быта средневековья, или неизвестные собственные имена. Непродолжительные сроки работы над переводом, а также сравнительно небольшое количество и специфика выписанных слов лишней раз подтверждают, что Блок хорошо владел французским языком. Но главное — он слышал и чувствовал мелодику прозы Флобера.

К черновому автографу приложен рабочий листок (оп. 1, № 196, л. 92), на который вынесены немногие вызывавшие у Блока сомнение или неизвестные ему слова и названия с указанием страницы, на которой они встречаются. Например, «базилик (*basilic*) — 78 цветок?»; «бирючина — бересклет, крушина — душистые кисти»; «*hennin* — 79; какой-то головной убор»; «*chien d'oysel* — ? (87)»; «*tartaret* — соколиная порода (87)»; «*mître mires* (94)? знахари?»; «Гараманты (*garamantes*) — что за племя? 78—79»; «Что за страна *Occitanie* (99 и сл.)». У Тургенева это последнее название переведено как Аквитания, т. е. реальная, известная в средневековье страна, располагавшаяся в юго-западной части современной Франции. Блок оставляет вымышленный флоберовский вариант — Окситания.

Но сомнения Блока начинаются с заглавия — слово «Страннопримец» вынесено на рабочий листок со знаком вопроса, а на первой странице перевода (№ 196, л. 2) первая половина этого слова вымарана и сверху надписано «Странно».

Тургенев перевел название новеллы Флобера как «Католическая легенда о Юлиане Милостивом». Последующие переводчики эпитет при имени героя переводили по-разному: наряду с «Милостивым» появились «Гостеприимец» и «Страннопримец». Блок после некоторых колебаний останавливается на варианте «Страннопримец», так как это слово обладает необходимой в данном случае многозначностью: прежде всего реализуется его буквальное значение — «принимающий странника (странников)»; слово «странник» прочитывается не только по отношению к таинственному гостю Юлиана, но и к нему самому, который, как и всякий человек, в этом мире странник, и в конечном счете его, «странника», «принимают» небеса; в этом слове также актуализируется омонимическое (генетически вторичное) значение «странный», т. е. непостижимый, таинственный. Есть у этого слова и историческое значение: в средние века на острове Мальта существовал орден страннопримцев — иоаннитов, к которому имеет отношение средневековая легенда о Юлиане. Это орден Иоанна — апостола любви. Кроме того, это слово, будучи архаизмом, уже с заглавия привлекает внимание читателя в иной, древний пласт культуры. Таким образом, Блок делает единственно правильный выбор.

Работая над переводом, Блок преследует цель максимально сохранить особенности текста Флобера, не поступаясь законами и естественностью русского языка. Прежде всего ему было важно найти средства, которые бы сохранили и усилили философско-мистическое звучание текста. Так, Блок предельно исключает эпитеты — в полном соответствии с флоберовской волей, за счет чего акцентируется предметно-действенная текстовая структура. Особенно значительной эта тенденция становится в последней главе, воссоздающей аскетизм жизни Юлиана: подчеркнуты скупость и значительность предметного мира. Шалаш, лодка, скамья, постель из

листьев, миска, кружка приобретают онтологическое значение как необходимо элементарные начала, достаточные для земной жизни человека. Аскетизм земного предметного мира увеличивает пространство ее духа. Осознавая эту особенность флюберовского текста, Блок бережно ее сохраняет.

Свою задачу переводчика Блок видит в достижении предельной краткости, в поиске ритмических структур, позволяющих воссоздать упругую динамику текста Флобера. Для этой цели Блок вырабатывает систему собственных приемов. Так, он преобразует синтаксическую структуру оригинала, заменяя подчинительную связь сочинительной или бессоюзной, превращая полные предложения в неполные за счет снятия подлежащего и дополнения, расчлняя сложное предложение на два или более простых и, наоборот, соединяя соседние предложения в одно, заменяя аналитические структуры синтетическими. Примерами такого вольного обращения с синтаксическими структурами оригинала могут быть следующие:

Un jour, pendant la messe, il apercut, en relevant la tête, une petite souris blanche qui sortait d'un trou, dans la muraille. Elle trottina sur la première marche de l'autel, et, après deux ou trois tour de droite et de gauche, s'enfuit du même côté.

Un matin, comme il s'en retournait par la courtine, il vit sur la crête du rempart un gros pigeon qui se rengorgeait au soleil. Julien s'arrêta pour le regarder; le mur en cet endroit ayant une brèche, un éclat de pierre se rencontra sous ses doigts. Il tourna son bras, et la pierre abattit l'oiseau qui tomba d'un bloc dans un fossé.

Сопоставление с переводами этих же фрагментов, сделанными Турганевым и Волошиным, позволяет увидеть, что никто из них не обладал смелостью Блока:

Однажды, подняв во время обедни голову, он заметил маленькую белую мышь, вышедшую из скважины стены. Она побегала немножко по первой ступени алтаря, — и, протрусив раза два, три — направо, налево, снова скрылась в скважине.

Однажды утром, возвращаясь с валу, он увидел на гребне стены голубя, толстого красногого голубя; он красовался и двигал зобом на солнце. Юлиан остановился, чтобы посмотреть на него, и так как стена в этом месте несколько обрушилась и расселась, то ему случайно попал под руку

Раз он поднял голову за обедней и замстил белую мышку; она вышла из дыры в стене, вскопчила на первую ступеньку алтаря, повернулась два-три раза и шмыгнула назад.

Проходя утром по саду, он заметил на краю стены толстого голубя; голубь грелся на солнце. Юлиан остановился посмотреть; в стене была щель, пальцы нащупали осколок камня. Он шевельнул рукой, камень ударил в птицу, та, не пикнув, упала в ров.

Однажды во время обедни, подняв голову, он заметил белую мышку, которая вышла из норки в стене. Она просеменила по ступеньке алтаря два-три раза направо и налево и вернулась в ту же скважину.

Однажды утром, возвращаясь домой по куртине, он увидел на гребне стены большого голубя, который красовался на солнце. Юлиан остановился посмотреть на него. Стена в этом месте была пробита, и осколок камня подвернулся ему под руку. Он размахнулся — и камень полетел в пти-

осколок камня. Он поднял руку — и камень полетел прямо в птицу, которая так и покати́лась в ров, как чурбанчик.

(Перевод И. С. Тургенева)

цу, которая покати́лась чурбанчиком в крепостной ров.

(Перевод М. А. Волошина)

Там, где Тургенев и Волошин, стремясь к адекватности синтаксической конструкции, создают сложные многокомпонентные структуры, Блок обходится минимумом, сводя их к простейшим. Именно это качество позволило Блоку достичь максимальной конденсации текста и усиления его динамики не только в эпизодах действия, но и в пространных флюберовских описаниях и перечислениях. Например, в перечислении собак, составлявших собачью стаю, подаренную отцом Юлиану, Блок сохраняет симметричную структуру Флобера (в то время как Волошин отступает от нее, в результате чего ритмика перечисления разрушается). Блок досаждает на это место новеллы в записи от 15 июня 1914 г.: «Что бездарнее перечислений (на этот раз собак и соколов) у французских писателей? <...> Тоска и скука».¹³ Тем не менее в своем переводе он создает равную флюберовской поэзию каталогизации, главным образом за счет соблюдения ритма. Чуть позднее, 23 июня, он заметит: «Флобер, да воспоминания Фета, да еда, да природа. И скука, и прелесть»,¹⁴ т. е. сам признает флюберовскую прелесть «скуки» и в своем переводе повторит ее.

В стремлении к лаконизму Блок использует словообразовательные и лексические возможности русского языка. Так, например, «une petite souris» он переводит как «мышка», «il en approchait avec douceur» — «он подкрадывается», «Les quatre tours aux angles avaient des toits pointus...» — «Четыре островерхие башни по углам...» и т. п. Он находит адекватные ритмы, убирая местоимения и вспомогательные структуры («Julien s'arrêta pour le regarder» — «Жюльен остановился посмотреть»), эпитеты и определительные конструкции («des bigles chanteurs» — «с визгом гончих»; у Волошина — более громоздко: «певучий лай английских гончих»), предпочитая в синонимических рядах наиболее короткие слова, заменяя слова в множественном числе формой их единственного числа в классно-собирательном значении.

Блок достигает флюберовской простоты и выразительности. Его текст выдерживает испытание голосом, чему подвергал свои сочинения и Флобер, чтобы убедиться в их естественности и благозвучии. Ритмически перевод Блока ложится на дыхание и сохраняет эвфонию поэтического текста. Оставаясь поэтом и в переводе прозы, Блок чуток к ее звуковой стороне, к семантически наполненным ассонансам и аллитерациям, свойственным его поэтической речи: «Террасы, пестрея цветами, спускались к берегу залива, где розовые ракушки звенели под ногами»; «...всюду царил такая тишина, что был слышен шелест шарфа и отзвук вздоха» и т. п.

В целом блоковский перевод «Легенды о Святом Юлиане Странноприимце» Флобера — образец высокой художественности. При большой свободе обращения с текстом оригинала Блок достиг наибольшей ему адекватности, так как сумел почувствовать и передать главное — уникальный ритм и стиль этого произведения.

¹³ Блок А. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965. С. 233.

¹⁴ Там же.

Отец и мать Юлиана жили в замке, среди лесов, на склоне холма.

Четыре островерхие башни по углам были покрыты свинцовыми плитками, а стены упирались в скалистые глыбы; скалы круто обрывались на самое дно рва.

Двор, мощный тесаным камнем, был чист, как церковный пол. Длинные желоба, украшенные драконами с пастью, разнунтой вниз, изрыгали дождевую воду в водоем; на каждом окне в расписанном глиняном горшке покачивался базилик, или гелиотроп.

За частоколом виднелись фруктовый сад, потом расписанная цифрами из цветов лужайка и, наконец, тенистая виноградная беседка для прохлады и площадка с игрой шарами для забавы пажей. С другой стороны помещались псарня, конюшня, пекарня, давальня и амбары. Все это было окружено зеленым пастбищем, а оно замыкалось крепкой колючей изгородью.

Мир здесь не нарушался так давно, что перестали даже опускать решетку; рвы заросли травой; ласточки вили гнезда между зубцами стены; едва лишь солнце начинало припекать, сторож, который ходил целый день по стене, прятался в сторожку и засыпал сном монаха.

В комнатах всюду поблескивали металлические украшения; ковры служили защитой от холодов; шкапы ломились от белья, в подвалах громоздились винные бочки, а дубовые сундуки покрякивали под тяжестью мешков с деньгами.

В оружейной палате хранились знамена, чучела хищных зверей и оружие всех стран и всех времен, начиная с пращей Амалекитян и дротиков Гарамантов, кончая короткими сарацинскими мечами и кольчугами Норманнов.

На главном кухонном вертеле нетрудно было повернуть целого быка; капелла не уступала пышностью королевской молельне. В укромном месте была даже римская баня; но добродетельный сеньор не пользовался ею, не находя возможным следовать обычаю язычников.

Он всегда рядился в лисью шубу и расхаживал по усадьбе, творя справедливый суд над вассалами и миря поссорившихся соседей. Зимой он смотрел, как падают хлопья снега, и слушал чтение историй. Едва наступала весна, он уже ехал на ослице по тропкам, окаймленным зеленой рожью, вступал в беседу с поселянами и давал им полезные советы. Испытав немало приключений, он посватался к девице знатного рода.

Она была очень бела лицом и чуть-чуть надменна. Ее головной убор цеплялся за притолоки дверей; шлейф суконного платья волочился на три шага. Домашний уклад ее в порядливости не уступал монастырскому; каждое утро она раздавала работу служанкам, наблюдала за вареньем и приготовлением ароматов, пряла или вышивала алтарный покров. Господь за молитвы послал ей сына.

Тут-то начались торжества; обед при свете факелов и звуках арф, на грудах листьев продолжался три дня и четыре ночи.

Гости кушали самые редкие пряности и толстых, как бараны, кур; для потехи из пирога выскочил карлик; кубков уже не хватало, так как толпа росла без усталости; пришлось пить из рогов и шлемов.

Молодая роженица не присутствовала на торжестве; она спокойно лежала в постели. Проснувшись под вечер, она увидела в луче месяца скользящую тень. То был старичок в грубой шерстяной ряске; на боку болтались четки, на плече — сумка, словом, он всем походил на отшельника. Он приблизился к изголовью и сказал, не разжимая губ: — Радуйся, мать! Сын твой будет святым!

Она хотела вскрикнуть; старик скользнул по лунному лучу, тихонько поднялся на воздух и пропал.

В эту минуту донеслись звуки застольных песен. Ей почудились голоса ангелов; голова ее упала в подушку; над нею покоились мощи мученика в оправе из карбункула.

Назавтра опросили слуг, но никто не видал отшельника. Не ведомо, что это было — сон или явь; во всяком случае — знаменье небес; она постаралась, однако, никому ничего не говорить, боясь показаться спесивой.

Пирующие друзья разошлись рано утром; отец Юлиана, провожая последнего, вышел из двери подземного хода; вдруг к нему бросился сквозь туман какой-то нищий. То был цыган с заплетенной бородой, с серебряными кольцами на руках; его зрачки пылали. Он вдохновенно бормотал отрывочные слова:

— О! твой сын!.. много крови!.. великая слава!.. счастливцев! Родня императору!

И, наклонившись, чтобы поднять милостыню, он затерялся в траве, исчез.

Милостивый сеньор поглядел направо, потом налево, долго кричал и звал. Никто не откликнулся; только ветер свистел и разлетался утренний туман.

Видение свое он приписал усталости и бессонной ночи.

«Если я расскажу, надо мной будут смеяться», — подумал он.

Предсказание было неясно, и он сомневался даже, слышал ли что-нибудь; а все-таки величие, предсказанное сыну, кружило ему голову.

Супруги скрыли свою тайну друг от друга. Они ухаживали за ребенком с одинаковой любовью; видя в нем печать Божию, они окружили его бесконечной заботой.

Постельку набили тончайшим пухом; над ней бесценно горели светильники в виде голубя; ребенка баюкали три кормилицы; крепко спеленутый, с розовыми щеками и голубыми глазами, под парчовой накидкой, в чепчике, украшенном жемчугом, он был похож на младенца Иисуса. Когда у него прорезались зубы, он ни разу не заплакал.

Ребенку минуло семь лет, и мать научила его петь. Отец посадил его на большую лошадь, чтобы развить мужество. Ребенок улыбался от удовольствия; и скоро постиг все качества боевых коней.

Старый и многоученый монах научил его читать Священное Писание, писать арабские цифры и латинские буквы и рисовать миниатюры на тонком пергаменте. Они трудились вместе, в высокой башенке, вдали от шума.

Когда кончался урок, они спускались в сад и, тихо прогуливаясь, изучали цветы.

Порою в долине появлялась вереница вьючных животных с погонщиком, одетым пестро, по-восточному. Хозяин, признавая купца, посылал за ним слугу. Чужестранец доверчиво сворачивал с дороги, входил в приемную и вытаскивал из сундуков меха, шелка, серебро, ароматы и странные предметы неведомого назначения; уходил он с барышами, не потерпев обиды. Порою толпа пилигримов стучалась у ворот. Их мокрые одежды дымились у огня; откормившись, они пускались в рассказы о своих странствиях; о кораблекрушениях на многопенном море, о переходах по раскаленным пескам, о зверстве язычников, о Сирийских пещерах, о яслях Вифлиема и о гробе Господнем. Они снимали раковины с плащей и дарили их юному господину.

Хозяин нередко угощал своих старых боевых товарищей. За вином вспоминались войны, осады крепостей машинами и почетные раны. Юлиан вскрикивал, слушая рассказы; отец в те минуты видел в нем будущего полководца. Зато, когда после вечерни Юлиан с благородной скромностью раздавал деньги из кошелька, проходя толпою кланяющихся нищих, мать уже ясно видела его архиепископом.

В капелле он стоял рядом с родителями; как бы ни тянулось богослужение, он не вставал с колен перед аналоем; руки были сложены, шапочка лежала на полу.

Раз он поднял голову за обедней и заметил белую мышку; она вышла из дыры в стене, вскочила на первую ступеньку алтаря, повернулась два-три раза и шмыгнула назад. В следующее воскресенье мысль о мыши уже мешала молиться; мышь тут как тут; каждое воскресенье он ждал ее, это ему наскучило; он возненавидел мышь и решил с ней разделаться.

Закрыв дверь, он посыпал на ступеньки хлебных крошек и стал ждать у норы с хлыстиком в руках.

Прошло немало времени, наконец, показалась розовая мордочка, и мышь вылезла. Он ударил слегка и остолбенел: маленькое тельце уже не двигалось. На камне заалела капля крови. Он скорей стер ее рукавом, выбросил мышь и не сказал никому ни слова.

Всякие птички воровали зерна в саду. Юлиану вздумалось положить несколько горошин в стебель камыша. Услышав чириканье на дереве, он подкрадывался, поднимал трубу и раздувал щеки; птички градом сыпались ему на плечи; он был доволен шалостью и хохотал до упаду.

Проходя утром по саду, он заметил на краю стены толстого голубя; голубь грелся на солнце. Юлиан остановился посмотреть; в стене была щель, пальцы нащупали осколок камня. Он шевельнул рукой, камень ударил в птицу, та, не пикнув, упала в ров.

Юлиан бросился, разрывая платье, обшаривать кусты с ловкостью молодой ищейки.

Голубь со сломанными крыльями еще трепетал в ветках крушины.

Это упорство жизни раздражало ребенка. Он стал душить птицу; при виде судороги у него колотилось сердце; он задышался от дикого и буйного сладострастья. Когда тело птицы вздрогнуло в последний раз, Юлиан был близок к обмороку.

Вечером за ужином отец сказал, что в его возрасте пора учиться псовой охоте, и принес старую тетрадь, где в ответах и вопросах излагались охотничьи утехы. Наставник преподавал ученику искусство дрессировать собак, вынашивать соколов, расставлять сети, узнавать оленя по помету, лисицу по следу, волка по логову; описывались лучшие средства различать следы зверей, выгонять, отыскивать их убежища; все заключалось перечислением благоприятных ветров, охотничьих криков и правил, которым надо следовать при дележе добычи.

Когда Юлиан выучил все это наизусть, отец подарил ему собачью стаю.

Двадцать четыре варварийских борзых были послушны и легки, как газели; семнадцать пар широкогрудых и голосистых бретонских псов с белыми пятнами на рыжей шерсти были рабски преданы хозяину. Для охоты на кабана и для опасных разведок назначались сорок грифонов в медвежьих шубах. На зубров ходили татарские дворняжки, ростом с доброго осла, с огненной шерстью, широкой спиной и прямыми поджилками. Черное руно болонок лоснилось, как атлас; тьяканье тальботов сливалось с визгом гончих. На отдельном дворе рычали, звенели цепями и вращали зрачками восемь аланских догов; эти чудовища прыгали выше седла и не боялись львов.

Все собаки ели пшеничный хлеб, лакали из каменных колод и носили звучные имена.

Соколиная охота была, пожалуй, еще лучше собачьей стаи; добрый сеньор потрудился немало на кавказских самцов, на сероголовых вавилонских соколов, на германских кречетов и соколов-странников, которых ловят в дальних краях, на крутых берегах холодных морей. Птицы жили в сарае, крытом соломой, и были прикованы к жерди по росту; перед ними зеленый травянистый пригорок, туда их выпускали иногда поразмяться.

Тенета, удочки, железные ловушки и всякого рода западни — всего было довольно.

Собачью стаю часто выводили в луга, и сейчас же собаки делали стойку. Тогда псарь, крадучись, заботливо набрасывали на их неподвижные тела огромную сеть. По условному крику собаки начинали лаять; перепела вылетали; и тогда соседки, приглашенные на охоту вместе с мужьями, дети, служанки и все, кому не лень, обирали их голыми руками.

А то били в барабан, чтобы выгнать зайца; лисицы проваливались в ямы; скрытая пружина, раскрутясь, ловила волка за лапу.

Юлиан пренебрегал, однако, невинными забавами; он предпочитал охотиться вдаль от всех, на своем коне, с одним соколом. Чаще всего с ним был большой татарский сокол из Скифии, белый как снег. Его кожаная шапочка венчалась султаном, золотые бубенчики позвякивали на сизых лапах; он сидел крепко на руке господина, пока конь скакал, преодолевая равнину за равниной: Юлиан, распустив путы, вдруг отпускал сокола; дерзостная птица взвивалась в воздух прямо, как стрела; было видно, как две неровные точки вертятся, сцепляются и исчезают в лазури. Сокол опускался, расклевав птицу, и опять садился на рукавицу, вздрагивая крыльями.

Так убил Юлиан цаплю, коршуна, ворону и ястреба.

Он любил, трубя в рожок, ездить по следу гончих; собаки взбегали на холмы, перескакивали через ручьи, забирались в лес; когда олень начинал стонать от укусов, он быстро добивал его; потом наслаждался обжорством псов, пока те пожирали разрезанные куски на дымящейся шкуре.

В туманные дни он подстерегал на болотах гусей, уток и выдр.

Чуть заря, три конюха ждали его у террасы; старый монах напрасно делал ему знаки из слухового окошечка; Юлиан не оборачивался. В зной, и в бурю, и в дождь он пил пригоршней из ключей, ел дикие яблоки, растирая их между ладонями, а когда уставал, то отдыхал под дубом. Возвращаясь в полночь в грязи и в крови, с колючками в волосах, он еще чуял запах диких животных. Он сам стал похож на зверя. Мать обнимала его, а он холодно принимал объятия, и мысль его блуждала далеко.

Он бил медведей ударом ножа, быков — топором, кабанов — рогатиной; когда при нем была только палка, он защищался ею от волков, глодавших трупы у подножия виселицы.

* * *

В одно зимнее утро Юлиан уехал до свету, взяв с собою все необходимое; на плече висел арбалет, на луке седла — колчан, набитый стрелами.

Ровная поступь датского жеребца будила эхо; по бокам бежали две таксы. Изморось каплями садилась на плащ, дул свирепый ветер. Горизонт просветлел с краю; в бледных сумерках Юлиан заметил, как прыгали кролики у нор. Таксы сейчас же бросились туда и стали направо и налево перегрызать спины.

Начался лес. На конце ветки спал окоченевший от холода глухарь, спрятав голову под крыло. Юлиан взмахом меча отсек ему лапы и, не оглянувшись, продолжал путь.

Часа через три он очутился на вершине горы, так высоко, что небо казалось почти черным. Перед ним, как стена, высилась скала, наклоненная над пропастью; на краю два диких козла смотрели в бездну. Стрел не было (лошадь осталась позади), и он решил доползти до козлов; разулся, сгорбился, настиг одного и вонзил кинжал между ребер. Другой в ужасе прыгнул в пропасть. Юлиан бросился за ним, споткнулся о труп и повис лицом над бездной, раскинув руки.

Он вернулся на равнину и поехал лозняком вдоль речки. Низко пролетающие журавли порой задевали его за голову. Юлиан без промаха убивал их хлыстом.

Между тем изморось начала таять, за клубился пар и показалось солнце. Вдали поблескивало, как свинец, застывшее озеро. Посредине сидел зверь, еще незнакомый Юлиану, — черномордый бобер. Стрела достигла цели, несмотря на дальность расстояния; он пожалел, что не может взять шкуру.

При въезде в лес два ряда старых деревьев, сойдясь вершинами, образовали подобие триумфальной арки. Из кустарника выпрыгнула козочка, на тропинке показалась лань, барсук вылез из норы, павлин распустил хвост на лужайке; он убил всех, и тогда стали появляться новые козы, новые лани, еще барсуки, еще павлины, и дрозды, и сойки, и лисицы, и хорьки, и ежи, и рыси, зверье без конца, чем дальше, тем больше. Они окружили его, дрожа, со взглядом, полным тихой мольбы. Юлиан не уставал сеять смерть, без конца натягивал арбалет, обнажал меч, всаживал нож; он ни о чем не думал и ничего не помнил. Он охотился в какой-то стране, сколько-то времени; ничто не существовало, только он один, и все совершалось с какой-то сонной легкостью.

Странное зрелище остановило его. В круглой, похожей на цирк, ложбине толпились олени; они жались, согревая друг друга, и пар их дыханий поднимался в тумане.

Сердце Юлиана на минуту сжалось от восторга, предвкушая небывалую бойню. Он сошел с лошади, засучил рукава и принялся стрелять.

Все олени разом повернули головы, заслышав свист первой стрелы. Он уже пробил брешь в стаде; раздалось жалобное мычание, животные заметались.

Край ложбины был слишком крут; звери прыгали в ров, нища спасения. Юлиан целил, спускал стрелу, стрелы падали, как молнии. Обезумевшие олени бились, становились на дыбы, лезли друг на друга, их тела со спутанными рогами образовали живой холм, который обрушивался, передвигаясь с места на место.

Наконец, все издохли, распростершись на песке, с пеной у ноздрей, с вывороченными кишками; судорожная дрожь их тел унялась. И стало тихо.

Близилась ночь; небо за лесом сквозь ветки казалось красным, как кровавая скатерть.

Юлиан прислонился к дереву. Его расширившиеся зрачки блуждали; он сам не понимал, как мог нагромоздить такую гору трупов.

На опушке леса у того края ложбины он заметил оленя и самку с детенышем.

Олень был черен и огромен ростом, у него была белая борода и шестнадцать отростков на рогах. Светлая, как вя-

лый лист, самка щипала траву; пятнистый теленок сосал ее на ходу.

Еще раз звякнул арбалет. Теленок тотчас упал. Самка подняла голову к небу и взвыла глубоким, раздирающим, человеческим голосом. Рассерженный Юлиан свалил ее стрелю прямо в грудь.

Самец увидел его и сделал прыжок. Юлиан пустил последнюю стрелу. Она попала в лоб и там застряла.

Олень как будто не чувял раны. Он приближался, прыгая через трупы, собираясь броситься и ударить; Юлиан отступал в несказанной тревоге. Ужасный зверь остановился; его глаза пылали; торжественный, как патриарх или судья, он трижды произнес, под звуки далекого колокольного звона:

— Будь проклят! Настанет день, чудовище, ты убьешь мать и отца!

Колени его подогнулись, веки тихо смежились; зверь издох.

Юлиан был потрясен; и вдруг почувствовал глубокую усталость; им овладело отвращение, страшная тоска. Он долго плакал, охватив голову руками.

Коня он потерял; собаки убежали; окрестная пустыня насылала невнятные страхи. Томимый ужасом, он пошел напрямик по равнине, выбрал наудачу тропинку и почти мгновенно очутился у ворот замка.

Сон бежал от него. Все время мерещился ему под мерцанием висячей лампы черный олень. Предсказание не выходило из головы; он старался его отогнать.

— Нет! я не убью!

И вдруг опять:

— А если...

Он боялся, как бы дьявол не вселил в него страшной мысли.

Три месяца мать молилась в тоске у его изголовья, а отец бродил, стаяя, по залам. Он созвал лучших знахарей, они прописали множество снадобий. Причиной болезни Юлиана был, по их словам, неприязненный ветер или любовная тоска. Юноша на все вопросы молча опускал голову.

Силы вернулись к нему; старый монах и добрый отец прогуливали его по двору, поддерживая под руки.

Поправившись окончательно, он упрямо отказывался от охоты. Отец, надеясь развеселить его, подарил ему большой сарацинский меч в ножнах, высокий, как столб в конюшне.

Вынуть меч из ножен можно было только с лестницы. Юлиан влез. Тяжелый меч вырвался из рук и, падая, задел родителя так близко, что рассек ему епанчу; Юлиан, думая, что убил отца, лишился чувств.

С тех пор он перестал брать в руки оружие; один вид обнаженного лезвия заставлял его бледнеть. Такая слабость приводила всю семью в отчаянье.

Наконец, старый наставник, во имя Бога и чести предков, заставил его вновь приняться за военные упражнения, приличные дворянину.

Конюхи целые дни забавлялись метанием дротиков. Юлиан скоро преуспел в этом занятии; он попадал в горлышко бутылки, сбивал гребешки у флюгеров и за сто шагов вбивал гвоздь в ворота.

В один летний вечер, когда туман не позволял ясно различать предметы, Юлиан увидел в глубине беседки два белых крыла, трепатавшие на уровне стриженных кустов. Уверенный, что это аист, он бросил дротик.

Раздался раздирающий крик.

То была мать; длинные лопасти ее чепца были пригвождены к стене беседки.

Юлиан бежал из замка и пропал без вести.

II

Он встретил шайку разбойников и присоединился к ней.

Он изведаль голод и жажду, его терзали лихорадка и глисты. Он привык к дракам и стычкам, к виду умирающих. Ветер выдубил ему кожу, члены его огрубели под тяжестью оружия; он был силен, смел, вынослив, расчетлив, и потому сделался без труда атаманом банды.

Он одушевлял бойцов на битву широким взмахом меча. По узловатой веревке карабкался он на стены укреплений; языки греческого огня лизали его панцирь, горящая смола и расплавленное олово текли на него со стен. Не однажды камень разбивал его щит. Под ним рушились перегруженные людьми мосты. Пустив в ход всю силу оружия, он освободился от четырнадцати конных неприятелей. Он вызывал на поединок всех, кто хотел с ним сразиться. Раз двадцать его считали погибшим.

Божьей милостью он всегда оставался невредимым, ибо он защищал духовных лиц, вдов и сирот, а особенно стариков. Завидя идущего впереди, он окликал его, чтобы рассмотреть лицо, точно боялся нечаянно убить.

Беглые рабы, взбунтовавшиеся крестьяне, незаконнорожденные. ., все, кому нечего терять, стекались под его знамя; он собрал войско.

Войско росло. Он вошел в славу. В нем заискивали.

Он помогал дофину Франции и королю Англии, Иерусалимским храмовникам и Парфянскому владыке, Абиссин-

скому негусу и императору Калькутты. Он сражался со скандинавами, покрытыми рыбьей чешуей, с неграми, сидевшими на красных ослах и вооруженными круглыми щитами из кожи бегемота, и со златокожими индийцами, которые размахивали над головой широкими и светлыми, как зеркало, саблями. Он одолел Троглодитов и Антропофагов. Он бывал в странах, где солнце так жгло, что волосы загорались, как факелы; и в других странах, где морозы были так суровы, что руки отваливались от туловища и падали на землю; и в странах, где туман был так густ, что люди шли, окруженные призраками.

С ним советовались государи, которым приходилось плохо. Переговоры послов благодаря ему получали неожиданно благоприятный исход. Когда монарх вел себя слишком плохо, он являлся как снег на голову и делал предостережение. Он освобождал народы. Он дал свободу томившимся в башнях королевам. Это он раздавил Миланскую змею и Обербирбахского дракона.

Император Окситании, торжествуя победу испанцев над мусульманами, сочетался браком с дочерью калифа Кордовы; от этого брака родилась дочь, которую он воспитал по-христиански. Но калиф, притворно изъявив желание креститься, приехал к императору в гости с большим отрядом, истребил весь гарнизон, бросил зятя в подземелье и обращался с ним жестоко, надеясь выманить спрятанные сокровища.

Юлиан пришел на помощь, истребил войско неверных, взял город, казнил калифа и бросил его голову, как мяч, через стену. Покончив с этим, он освободил монарха из подземелья и возвел его на трон в присутствии всего двора.

Император в награду за такую услугу предложил ему множество корзин с деньгами; Юлиан отказался. Полагая, что этого мало, император предложил три четверти своих богатств; опять отказ; предложил разделить с ним царство, — Юлиан поблагодарил; император плакал с досады, не зная, чем бы выразить свою признательность; вдруг он хлопнул себя по лбу и шепнул что-то на ухо придворному; ковер раздвинулся, и появилась молодая девушка.

Ее большие черные глаза сияли, как тихие светильники. Губы улыбались нежно. Кольца кудрей падали на чуть открытое, украшенное камнями платье; за прозрачным покрывалом угадывалось юное тело, все небольшое, уже налившееся, с тонкой талией.

Любовь ослепила Юлиана; ибо до сих пор он вел целомудренную жизнь.

Итак, он женился на дочери императора и получил в приданое замок ее матери; после свадьбы и бесконечного обмена приветствий молодые уехали.

Беломраморный дворец в мавританском стиле стоял на высоком уступе в апельсинном лесу. Террасы, пестрея цветами, спускались к берегу залива, где розовые ракушки звенели под ногами. Позади дворца, точно рисунок на веере, расстилался лес. Небо было всегда синее; деревья клонились туда и сюда, под легким дуновением с моря и под ветром с гор, обставших дальний горизонт.

В полусумраке комнат светились инкрустированные стены. Высокие, тонкие, как тростник, колонки поддерживали купол, украшенный рельефами, подобно сталактитовому гроту.

В залах журчали водометы, двор был вымощен мозаикой, узорные переборки являли тысячи строительных тонкостей; всюду царил такая тишина, что был слышен шелест шарфа и отзвук вдоха.

Юлиан перестал воевать. Он отдыхал, окруженный мирным племенем; каждый день мимо него проходили толпы народу и каждый целовал ему руку, преклоняя колени по восточному обычаю.

Юлиан в одежде из пурпура сидел, облокотясь на глубокое окно, и вспоминал свои былые охоты; ему хотелось скакать по пустыне за страусом и газелью, прятаться в кустах бамбука, подстерегая леопарда, ходить по лесам, полным носорогов, забираться на самые недоступные вершины, чтобы лучше прицелиться в орла, бить белых медведей на льдах океана.

Иногда ему снилось, что он в раю и окружен зверьми, как праотец Адам; он умерщвлял их мановением руки; а то они проходили мимо, попарно и по росту: сначала слоны и львы; потом горностаи и утки, как в день постройки Ноева ковчега. Он пускал в них из пещеры неминуемые стрелы; звери шли и шли без конца; он просыпался, дико вращая глазами.

Дружественные принцы приглашали его на охоту. Он всегда отказывался, надеясь жертвой отстранить грозившую беду; ему казалось, что жребий отца и матери связан с судьбой убитых зверей. Но он тосковал о родных, и новая тоска становилась нестерпимой.

Жена, чтобы развлечь его, позвала танцовщиц и жонглеров.

Она совершала с ним прогулки в полях в открытых носилках. Иногда, ложась на лодку, они забавлялись игрою рыб в ясной, как небо, воде. Она бросала ему в лицо цветы;

сидя у его ног, она перебирала струны мандолины; потом, обвив ему шею руками, спрашивала робко и тихо:

— Мой повелитель, что с тобою?

Он молчал или раздражался слезами; наконец, он поведал ей свою страшную думу.

Она прогнала ее ласковыми словами: отца и матери, вероятно, уже нет в живых; если ж он когда-нибудь их увидит, то с какой стати лелеять ему такую ужасную мысль? Страх напрасен, и надо вновь приняться за охоту.

Юлиан улыбался, слушая ее, но все еще не решался отдаться своей страсти.

В один августовский вечер она только что легла, а он преклонил колени и стал молиться; вдруг раздались тьякканье лисицы и легкие шаги под окном; тени каких-то зверей промелькнули в темноте. Испытание было слишком сильно. Он отстегнул колчан.

Она удивилась.

— Я слушаю тебя! — сказал он. — К утру я возвращусь.

Она исполнилась мрачного предчувствия.

Он стал утешать ее и ушел, дивясь ее непостоянству.

Спустя немного времени паж доложил, что двое неизвестных, не застав дома сеньора, просят немедленного свидания с госпожой.

В комнату вошли старик и старуха, седые, сгорбленные, в холщовом платье, опираясь на палки.

Когда прошло первое смущение, они сказали, что принесли Юлиану весть о родителях.

Она насторожилась.

Встретясь с нею взглядом, они спросили, любит ли он отца и мать, вспоминает ли их когда-нибудь.

— О, да! — сказала она.

Они радостно вскрикнули:

— Так это мы и есть!

И опустились на сиденья, томимые усталостью.

Молодая женщина не поверила сразу, чтобы супруг ее мог быть их сыном.

В виде доказательства они описали приметы на теле сына.

Она вскочила с ложа и кликнула пажа; принесли ужин.

Старики, несмотря на голод, не могли ничего есть; она смотрела сбоку на костлявые руки, в которых тряслись кубки.

Они задали тысячу вопросов о Юлиане. Она ответила на все, умолчав лишь о мрачной мысли, которая касалась их.

Прождав его напрасно, они покинули свой замок; они блуждали годы и годы, следуя смутным указаниям и не те-

ря надежды. Кошельки их опустели, они теперь нищенствовали, столько ушло денег на речные переправы и на гостиницы; владельцы земель брали с них пошлыны, разбойники их грабили. Что нужды? Они обнимут сына. В упоении счастья они радовались на красавицу жену и обнимали ее.

Их поразила пышность убранства; старик, осматривая стены, спросил, почему здесь изображен герб императора Окситании.

— Это отец мой, — отвечала она.

Он содрогнулся, вспомнив предсказание цыгана; а старухе вспомнились слова отшельника. Без сомнения, слава сына была лишь преддверием вечного величия; оба замечались над столом, при свете канделябра.

Должно быть, они были хороши собой в молодости. Мать еще сохранила все волосы, их тонкие, точно снежные нити обрамляли щеки; высокий длиннородый отец был похож на церковную статую.

Жена Юлиана убедила их не ждать сына. Она сама уложила их и заперла окна; старики уснули. День брезжил, маленькие птички начинали петь за цветными стеклами.

* * *

Юлиан миновал парк; он, волнуясь, шел по лесу, вдыхал душистый воздух и радовался нежной траве.

Тени от деревьев лежали на мху. Он останавливался там, где пятна лунного света на прогалинах белели, как лужицы; цвет тихих заводей сливался с цветом травы. Царила глубокая тишина; тех зверей, которые только что бродили возле замка, не было нигде.

Лес становился чаще, мрак сгущался. Налетали теплые дуновения, полные разнеживающих запахов. Он проваливался в кучи сухих листьев и прислонился к дубу, чтобы немного передохнуть.

Вдруг за спиной метнулась темная туша кабана. Он не успел схватиться за лук и огорчился этим, точно случилось несчастье.

Выйдя из лесу, он заметил волка, который пробирался по опушке.

Юлиан послал стрелу. Волк остановился, повернул голову, посмотрел и побрел дальше. Он трусил все на одном расстоянии, останавливался по временам и опять убежал, за видя, что в него целятся.

Юлиан перешел таким образом бесконечную равнину, миновал какие-то песчаные бугры и очутился на возвышенности, в которой открывался просторный вид на страну. Плитняк белел среди развалившихся склепов. Нога спотыкалась

о кости мертвых; местами уныло торчали погнувшиеся, источенные червями кресты. Какие-то смутные очертания сновали в неверных тенях могил; он различил испуганных, дрожащих гиен. Цапая когтями по камню, они подходили к нему и пригнувались, скаля десны. Он обнажил меч. Они сразу разбежались во все стороны торопливым хромающим галопом и потонули в далеком облаке пыли.

Час спустя он встретил в лощине бешеного быка; бык, наставив рога, рыл ногою песок. Юлиан всадил ему в грудь копье. Копье разлетелось, точно зверь был из бронзы; ожидая смерти, Юлиан закрыл глаза. Когда он открыл их, быка не было.

Сердце его упало от стыда. Какая-то высшая воля лишила его сил; его потянуло домой, и он вернулся в лес.

Он рубил мечом густые сплетенья лиан; вдруг куница дерзко шмыгнула между ног, пантера прыгнула через плечо, и змея обвилась вокруг ствола ясеня.

Огромная галка сидела в листьях и смотрела на Юлиана; в ветвях там и сям загорелись крупные искры, точно небо осыпало все звезды в этот лес. То были глаза зверей, диких кошек, белок, сов, попугаев, обезьян.

Юлиан пускал в них стрелы; крылатые стрелы, точно белые бабочки, садились в листьях. Он швырял камни; камни падали, никого не задевая. Он проклинал себя, рвал на себе волосы, выл от досады, задыхался от бешенства.

Все звери, на которых он охотился, собрались и обступили его тесным кругом. Одни присели на задние лапы, другие вытянулись во весь рост. Он стоял среди них, холодея от ужаса, не смея пошевелиться; наконец, собрав остаток воли, сделал шаг вперед; тогда сидевшие на деревьях распустили крылья, а те, кто был на земле, переменили место; и не отставали.

Гиены выступали впереди, волк и кабан — позади. Справа качалась голова быка, слева змея пресмыкалась в траве; пантера, выгибая хребет, двигалась бархатной поступью и вдруг делала огромный прыжок. Он шел как можно медленнее, чтобы не дразнить зверей, и видел, как из гущи кустов вылезали дикобразы, лисицы, ехидны, шакалы, медведи.

Юлиан бросился бежать; они с ним. Змея ползла со свистом, вонючие звери пускали слюну. Кабан касался его пяток клыками, волк щекотал ладони косматой мордой. Обезьяны кривлялись и шипали его, куница терлась в ногах. Медведь ударом лапы сшиб с головы шапку; пантера пренебрежительно выронила стрелу, торчавшую из ее пасти.

В суровых движениях зверей скользила усмешка.казалось, они обдумывали план мести, косясь на него глазами;

оглушенный жужжанием насекомых, иссеченный птичьими крыльями, он шел среди удушливых испарений, как слепой, протянув вперед руки и закрыв глаза; у него не было даже силы крикнуть о пощаде.

Крик петуха пронесся в воздухе. В ответ запели другие; день наступил; над вершинами апельсиновых деревьев Юлиан различил кровлю дворца.

В трех шагах от себя, на краю лужайки, он заметил красных куропаток, порхавших в траве. Отстегнув плащ, он накинул его на них, как сеть. Приподняв плащ, он нашел под ним единственную куропатку, притом давно убитую, гнилую.

Этот обман был тяжелее всех остальных. Жажда крови опять разгорелась; он готов убивать людей, если нет зверей.

Вскарабкавшись по трем террасам, он распахнул дверь ударом кулака; внизу лестницы его охватила нежность к жене. Она спит, наверное, он пойдет к ней.

Тихонько сняв сандалии, он повернул ключ и вошел.

Цветные стекла с украшениями из олова убивали бледный свет зари. Юлиан запутался ногами в одеждах на полу; дальше наткнулся на стол с неубранной посудой. «Должно быть, ужинала», — подумал он; он стал продвигаться к скрытой в темной глубине покоя кровати. Подойдя близко, он наклонился, чтобы поцеловать жену, к подушке, где покоились рядом две головы. На губах он почувствовал укол бороды.

Он отшатнулся, думая, что сошел с ума; но вернулся к постели и нащупал дрожащими пальцами длинные волосы. Провел рукой по подушке, чтобы удостовериться в обмане. Да, это мужская борода! Мужчина спал с его женой!

В неистовом гневе он бросился на них и наносил кинжалом удар за ударом; он топал ногами, пена выступила на губах, как у бешеного зверя. Наконец, он притих. Мертвые даже не шевельнулись, удар пришелся в сердце. Он чутко прислушивался к двум почти одинаковым клокотаниям в груди; по мере того как два хрипа слабели, где-то вдаль им отвечал третий. Этот долгий, жалобный голос, сначала невнятный, приближался, окреп, стал ужасным; скованный страхом Юлиан узнал в нем, наконец, крик черного оленя.

Он оглянулся; перед ним, в раме дверей, мелькнул призрак жены со светильником в руке.

Шум убийства разбудил ее. Взглянув, она сразу поняла все и, убегая в ужасе, уронила факел.

Он поднял его.

Отец и мать лежали перед ним навзничь с пронзенной грудью; величавый мир их лиц хранил, казалось, вечную

тайну. На белой коже, на простынях, на полу, на длинном распятии слоновой кости в алькове была разлита и разбрызгана кровь. Солнце ударило в стекло, и багряный отсвет его лежал на красных пятнах и сам оставлял их по всей комнате.

Юлиан приблизился к мертвым; он твердил себе, что это невозможно, он хотел верить, что опять обманулся, что бывают непостижимые сходства. Он тихонько нагнулся, желая рассмотреть старика; сквозь полуоткрытые веки на него взглянул потухший зрачок, обжигая его огнем. Он обошел кровать и стал смотреть на другое тело; седые волосы закрывали часть лица. Юлиан подsunул руку под эти седые пряди и поднял голову, и глядел на нее; придерживая кистью кочeneющей руки, поднимал другой рукою факел. Капли сочились с кровати и падали на пол одна за другой.

Вечером он пришел к жене; он приказал ей чужим голосом ничего не говорить ему, не подходить, не глядеть; она должна под угрозой проклятия исполнить все приказания, которым не будет отмены.

На аналое в комнате убитых он написал распоряжение о похоронах. Он завещал жене дворец, вассалов, все свое добро вплоть до одежды, которая была на нем, и те сандалии, которые остались у двери на лестнице.

Она подчинилась воле Божией; она подала повод к преступлению и должна была молиться о его душе, ибо с той поры сам он перестал существовать.

Мертвых похоронили с пышностью в монастырской церкви, в трех днях пути от замка. Монах с опущенным капюшоном следовал за процессией, держась вдали от остальных; никто не смел с ним заговорить.

За обедней он распростерся среди церкви на полу, лицом в пыли, раскинув руки крестом.

После похорон видели, как он удалялся по дороге в горы. Он оборачивался несколько раз и, наконец, пропал из виду.

III

Он ушел в мир и стал нищим.

Он протягивал руку за подаванием всадникам на большой дороге, становился на колени перед жнецами или простаивал неподвижно у ограды; лицо его было так печально, что никто не отказывал ему в милостыне.

В порыве самобичевания он рассказывал свою жизнь, и тогда слушатели отходили от него, осенясь крестным знаме-

нием. В тех деревнях, где его уже знали, перед ним захлопывали двери, грозили ему и швыряли в него камнями. Те, кто добрее, ставили миску на подоконник и закрывали ставню, чтобы не глядеть.

Он был гоним всюду и избегал людей, питаясь корнями, травами, оброненными плодами и ракушками с морского берега.

Порою взорам его открывалась беспорядочная масса крыш со шпильями, мосты, башни, черные впадины сплетающихся улиц; оттуда доносилось непрерывное гуденье.

Необходимость быть с людьми заставляла его иногда идти в город; но сердце его сжималось от звероподобия лиц, от грохота молотов и от равнодушия речей.

По праздникам, когда гудящие на заре колокола наполняли все сердца радостью, он глядел на горожан, выходящих из домов, на пляски среди площади, на пиво, струящееся на каждом перекрестке, на шелковые ковры перед домами богачей; вечером в окнах нижних этажей виднелись длинные столы, за которыми собиралась вся семья, и старики с ребятами на руках; рыдания сжимали ему горло, и он уходил из города.

С приливами нежности он глядел на птенцов в траве, на птичьи гнезда, на бабочку в цветке; все живое бежало от него, едва он подходил, пряталось в ужасе, старалось улететь.

Он стал искать одиночества; но голос ветра, похожий на предсмертный хрип, выл ему в уши; падающие на землю капли росы напоминали другие, более тяжелые капли. Каждый вечер солнце оставляло на тучах кровавый след; каждую ночь ему снилось отцеубийство.

Он подбил власяницу железными иглами. Он стал всплзать на коленях на все холмы, где виднелась часовня. Но беспощадная мысль омрачала сияние алтаря и не оставляла его, несмотря на умерщвление плоти.

Он не роптал на Бога, который вложил кинжал в его руку; но сокрушался о том, что посмел поднять его.

Он искал опасностей, желая избавиться от себя, до того отвратителен был он себе самому. Он вытаскивал калек из горящих домов и детей из водной пучины; вода выбрасывала его назад, огонь щадил его.

Время не утолило страдания, мучение становилось нестерпимым, и он решил умереть.

Он свесился над водоемом и смотрел, глубока ли вода; оттуда взглянул на него дряхлый старик с белой бородой; вид его был так жалок, что Юлиан заплакал. Заплакал и старик. Не узнав себя, Юлиан смутно припоминал, где он

видел такое лицо. И вдруг вскрикнул: то был отец; тогда он перестал мечтать о смерти.

Так, под бременем воспоминаний, прошел он многие страны и очутился на берегу реки; она текла очень быстро, а берега на большом расстоянии покрылись илом, так что переправа была опасна. Давно уже никто не переплывал эту реку.

Из камыша торчал нос старой лодки, с завалившейся кормой. Юлиан обшарил ее и нашел пару весел; его осенила мысль посвятить жизнь свою на служение другим.

Он начал с того, что устроил на берегу дорогу, чтобы можно было сходить к воде; он ломал ногти, ворочая тяжелые камни; таскал их, упирая в напряженный живот, скользил и вязнул в тине; не раз он был на краю гибели.

Обломками старых судов он починил лодку и построил себе шалаш из дерева и глины.

Когда узнали, что есть переправа, нашлись и охотники. Они вызывали его с того берега, махая флагом; Юлиан поспешно спрыгивал в лодку; она и сама была тяжела; к этому прибавлялись тюки, вязанки и вьючные животные, которые брыкались со страху и затрудняли движение. Он ничего не брал за труды; кое-кто давал ему остатки пищи или вовсе изношенную одежду. Были и такие, что громко ругали его. Юлиан все сносил с кротостью; когда его осыпали новыми оскорблениями, он только благословлял обидчиков.

Скамья, столик, лежанка из сухих листьев да три глиняные чашки — вот все, что у него было. Окнами служили ему две дыры в стене. С одной стороны расстилались бесконечные и бесплодные равнины; кое-где бледнели на них пруды; а впереди большая река несла свои зеленоватые воды. Весною влажная земля испускала запах гнили. Беспорядочный ветер крутил пыль, которая проникала всюду и скрипела на зубах. Позже налетали стаи москитов; от их укусов и жужжанья негде было укрыться ни днем, ни ночью. Потом наступали жестокие морозы; от них каменела земля и просыпалась безумная охота поест мяса.

Месяцами Юлиан не видел ни души. Часто закрывал он глаза, стараясь возобновить в памяти образы своей юности, и очам представал замковый двор, и гончие, и оруженосцы, и под виноградной сенью — золотокудрый отрок, а рядом — старец в лисьей шубе и дама в высоком головном уборе; и вдруг — два трупа. Он бросался ничком на лежанку.

— О, несчастный отец! несчастная мать! — повторял он, рыдая.

И тяжелая дремота была полна замогильных видений.

* * *

Раз ночью сквозь сон послышалось ему, что кто-то зовет. Он прислушался; только волны роптали.

И опять голос:

— Юлиан!

Река была широка, а голос доносился с того берега; это было странно.

И в третий раз послышалось:

— Юлиан!

Высокий голос был похож на церковный колокол.

Юлиан зажег фонарь и вышел из шалаша.

Ночь содрогалась от страшного ветра. Сквозь глубокий мрак белели кое-где гребешки плещущихся волн.

После минутной заминки Юлиан отвязал веревку. Мгновенно волны утихли, лодка скользнула по ним и пристала к берегу; там ждал человек.

Он был в лохмотьях, и на лице, подобном гипсовой маске, ярче красных углей пылали глаза. Подняв фонарь, Юлиан увидел все признаки отвратительной проказы; но в осанке человека было как бы королевское величие.

Станным образом осела под его тяжестью лодка, когда он ступил в нее; Юлиан оттолкнулся и принялся грести.

С каждым взмахом весел нос поднимался на гребне волны. Черная, как чернила, вода грозно бурлила по сторонам; угловое суденышко то уносилось в пропасть, то взлетало на гребень и, вспрыгнув, опять опускалось, вертясь и качаясь под напором ветра.

Юлиан скрючивался, со всех сил напрягал руки и, упираясь ногами, откидывался всем телом назад, чтобы грести сильнее. Град хлестал по рукам, дождевые капли скатывались по спине; задыхаясь от яростного ветра, он бросил весла, и лодку отнесло назад. Тогда он опять стал грести, чувствуя, что происходит что-то важное, что есть веления, которых нельзя слушаться; только визг уключин спорил с воплями бури.

Впереди горел фонарик; порою он мигал, это пролетала птица. И все время видел Юлиан зрочки Прокаженного, который неподвижно, как столб, стоял на корме.

Казалось, этому не будет конца.

Они вошли в шалаш, и Юлиан запер дверь; тот уже сидел на скамье. На нем было что-то вроде савана, который спустился до бедер; плечи, грудь и плети рук были сплошь покрыты шелушащимися язвами. Глубокие морщины изрезали лоб; на месте носа была дыра, как на мертвом черепе; из синеватых губ выходил густой и вонючий пар от дыхания.

— Я хочу есть, — сказал он.

Юлиан дал ему все, что нашлось: кусок залежавшегося сала и корку черного хлеба.

Он съел все с жадностью; стол, миска и ручка ножа покрылись гнойными струпами.

— Я хочу пить, — сказал он.

Юлиан пошел за кружкой; из нее исходил аромат, от которого расширялись ноздри. То было вино; какая находка! Прокаженный протянул руку и одним глотком осушил кружку.

Он произнес:

— Мне холодно!

Юлиан разжег кучку хвороста посреди шалаша.

Прокаженный стал греться; он сел на корточки, дрожа всем телом и слабая; глаза уже не блестели, язвы намокли; он пробормотал потухшим голосом:

— В постель!

Юлиан осторожно помог ему дотащиться и укрыл его парусом.

Прокаженный стонал. Отвисшие углы губ обнажили зубы, частое дыхание сотрясало грудь, живот при каждом вздохе вытягивался до позвоночника.

Веки его закрылись.

— Точно лед в костях! Ляг рядом!

Юлиан, отодвинув парус, лег на сухие листья бок о бок с ним.

Прокаженный повернул голову:

— Разденься, согрей меня своим телом.

Юлиан скинул одежду; он лег опять на постель, голый, как в день рождения; он чувствовал бедром кожу Прокаженного; она была холоднее змеи и шершавее напильника.

Он старался ободрить больного; тот бормотал, задыхаясь:

— Я умираю... ближе, ближе, согрей меня! Нет, нет, не руками! Прижмись всем телом.

Юлиан лег на него, грудь с грудью и губы с губами.

И Прокаженный обнял его; и внезапно в глазах его засиял звездный свет; волосы его протянулись, как солнечные лучи; ноздри его заблагоухали розами; клуб фимиама поднялся с очага, а волны пели.

В тот миг несказанное очарование и неземная радость потоком ринулись в замерзшую душу Юлиана; и Тот, в чьих объятьях лежал Юлиан, стал расти и расти; Его голова и ноги коснулись стен шалаша. Крыша поднялась и небо разверзлось; и Юлиан вознесся в голубую твердь лицом к лицу с Господом нашим Иисусом Христом, который взял его на небо.

* * *

Вот легенда о Святом Юлиане Странноприимце.....; приблизительно так она изображена на стекле в церкви моей родины.

* * *

Приложение

М. А. Волошин

ПРЕДВАРЕНИЕ О ПЕРЕВОДЕ «ЛЕГЕНДЫ О СВЯТОМ ЮЛИАНЕ ГОСТЕПРИИМЦЕ» ФЛОБЕРА

Перевод «Легенды о Святом Юлиане», сделанный Волошиным, вошел в советские издания Флобера наравне с тургеневским.¹ Он был выполнен в 1920-е годы (точнее время работы над этим переводом выяснить не удалось) по заказу Гослитиздата для Собрания сочинений Флобера в 10-ти томах, которое выходило в 1930-е годы под редакцией А. В. Луначарского и М. Д. Эйхенгольца. В архиве М. А. Волошина в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 562, оп. 1, № 428), наряду с машинописью переводов двух новелл Флобера — «Простое сердце» и «Легенда о Св. Юлиане», — сохранилось его «Предварение о переводе» последней, ранее не публиковавшееся, но использованное без ссылки на источник в примечании от редакции к 5-му тому указанного собрания сочинений Флобера и в статье М. Эйхенгольца «Работа над переводом «Иродиады» Флобера».² Наряду с незаконченной машинописью «Предварения о переводе» (№ 428, л. 3—7) в эту единицу хранения входит и рукопись карандашом на папиросной бумаге (л. 1—2). Между машинописью и рукописью есть незначительные разночтения. Машинопись не имеет конца. Ни рукопись, ни машинопись нельзя считать подготовленными автором к публикации. Но мысли, высказанные Волошиным о «Легенде» Флобера и ее переводе на русский язык, представляя несомненный интерес.

Очевидно, Волошин не знал, что после перевода Тургенева «Легенда» Флобера переводилась многими авторами, включая Блока. Отдавая должное переводу Тургенева, Волошин в то же время обнаруживает возможности более точного и близкого к тексту оригинала перевода. Прежде всего он останавливает свое внимание на заглавии новеллы. Тургеневский эпитет «Милостивый», не соответствующий, с его точки зрения, замыслу Флобера, он заменяет буквализмом «Гостеприимец», который советские издатели не сохранили, отдав предпочтение варианту, впервые предложенному Н. Соболевским, — «Странноприимец».

Волошин высказывает ошибочное предположение, что новелла Флобера не имела литературных источников, чем объясняет его исторические ошибки. Он указывает на три такие ошибки: 1) отсутствие племени цыган в XIII в.; 2) неверное упоминание слова «белье» в отношении к французскому быту XIII в.; 3) способ соколиной охоты, описанный Флобером.

Если первое замечание справедливо, то второе можно оспорить. Французское слово «linge», обозначающее «белье», а не голландское полотно,

¹ См.: Флобер Г. 1) Собр. соч.: В 10 т. М.; Л. 1934. Т. 5; 2) Собр. соч.: В 5 т. М., 1956. Т. 4.

² Красная новь. 1935. № 7. С. 204.

как трактует его Волошин, восходит к слову «lin» — «лен». Таким образом, Флобер имеет в виду льняное, «посконное» белье, наличие которого в Европе XIII в. Волошин признает.

Что же касается замечания о соколиной охоте, то здесь Волошин проявляет осведомленность специалиста и рисует живую и убедительную картину, хотя сам в зачеркнутом в машинописи абзаце (л. 7) не отрицает возможности и другого, неизвестного ему способа охоты с помощью ловчих птиц: «Предполагаю, что мне возражат, что мой опыт мог быть единственным и что охота, описанная Флобером, тоже возможна в другую эпоху у других охотников».

Упрек Волошина Тургеневу в переводе этого фрагмента в полном соответствии с флюберовским текстом снимается тем, что он сам не считает себя вправе что-либо изменить в тексте оригинала.

Из «Трех повестей» Флобера две — «Иродиада» и «Юлиан Милостивый» — были переведены на русский язык Тургеневым. Поэтому их судьба в русской литературе пошла не по линии Флобера, который, несмотря на страстную и бескорыстную пропаганду А. И. Урусова, не пользовался в России популярностью, достойной его имени, мастерства и значения, но по линии Тургенева. И «Юлиан» и «Иродиада» включены в Полное собрание сочинений И. С. Тургенева. Этим самым вошли в состав русской классической литературы. Таким образом, вопрос о Тургеневе как переводчике и не подымался, хотя и приходилось иногда слышать частные и бездоказательные утверждения «из публики»: «Тургенев перевел Флобера — плохо...», которые как будто бы и находили себе подтверждение в недавних сенсационных разоблачениях Тургенева как искажителя тютчевских и фетовских стихов. Поэтому я был немало смущен, когда Госиздат предложил мне перевести «Простое сердце» и «Юлиана».

Но уже самое заглавие повести «Юлиан Милостивый» — вместо буквального Юлиан-Гостеприимец — показало, что тургеневский перевод не исключает возможности иных, более близких Флоберу вариантов. Эпитет «милостивый» взят Тургеневым из церковных Четьи-Миней, как более привычный православному уху, и это не противоречит художественным принципам Флобера, который в этот период избегает слов редких и малоупотребительных, определенно предпочитая работать в материале готовом и уже испытанном. Но если эта вольность в переводе заглавия может быть оправдана стилем, она не находит себе оправдания в содержании повести. И в самом характере Юлиана, который является скорее жестокосердным, чем милостивым. Флобер недаром, отбросив эпитет Святого Юлиана в латинской агиографии «нищий, бедняк», заменяет его не менее привычным в средневековье эпитетом «Гостеприимец». Достаточно припомнить духовный орден «Рыцарей-Гостеприимцев» (Иоаннитов). Когда же я начал сличать оригинал с переводом, то подобных неточностей оказалось очень много. Тургенев всюду обнаруживает склонность русифицировать *(sic)* Флобера и притом в ложном старорусском стиле баллад Алексея Толстого. Так, он говорит о ковшах, которых не хватает на пиру, переводя «ковшом» термин «олифант», то есть рог из слоновьего клыка.

Но и сам Флобер далек от исторической точности. Я не знаю, какими первоисточниками он пользовался, творя Юлиана, и у меня нет под руками для справок классического труда Максима Дюкана о первоисточниках Флобера. Но из финала повести видно, что Флобер исходил не от литературных памятников эпохи, а из чисто зрительных: «Такой я прочел историю Юлиана на расписной оконнице одной из церквей моей родины». Только этим можно объяснить непреднамеренные анахронизмы, которыми в изобилии пестрит текст Флобера. Как, например, цыган, предсказывающий отцу Юлиана судьбу его сына.

Средневековые совершенно не знают цыган. Их появление во Франции отмечено 1427 годом, то есть XV веком, когда уже брезжила заря Ренессанса. Исходя Флобер из литературных документов, у него была бы возможность заменить цыгана иной отверженной расой, которых средневековые знали много и которые социально играли ту же роль: Овернским ли «Маронам», Пиринейским ли «Каго», Бретонским ли «Каку», которых считали потомками прокаженных и относились как к таковым.

Вообще Флобер рисует средневековые вне исторической эпохи и потому вся бытовая часть рассказа изобилует анахронизмами и нелепицами. Так, при описании замка, в котором родился Юлиан, говорится о сундуках, которые ломились от количества белья, которым с особой любовью занималась мать Юлиана, между тем рубашка и вообще полотно появляются только в XVII веке в Голландии, а <в> XIII <веке>, когда психологически происходит действие Юлиана, только впервые узнают льняные «посконные» ткани. Так что в эпоху Юлиана посконная рубаха — это единственная роскошь, которую может себе позволить в смысле белья феодальная аристократия.

Не менее произвольно у Флобера и описание соколиной охоты и ловчих птиц. Тургенев, переводя флоберовские «каталоги», излюбленные писателями романтизма с легкой руки Виктора Гюго, не упускает случая блеснуть знанием охотничьих терминов и словечек, но никак не исправляет флоберовских нелепиц при описании самой охоты. Пишущему эти строки в юности доводилось самому принимать участие в киргизских охотах с молодыми беркутами на фазанов и зайцев. По Флоберу охота происходит в воздухе. Юлиан замечает высоко парящую птицу, спускает сокола и наблюдает две точки, которые кружатся в воздухе, а потом сокол возвращается к нему на перчатку, держа в когтях пойманную дичь. Между тем в реальности охота происходит так: дичь — фазан или заяц — бежит по земле в глубине колючих зарослей, стараясь скрыться от зоркого глаза ловчей птицы, которая парит над нею в воздухе и оттуда клювом вперед падает камнем на добычу и пробивает ей череп. Весь пафос соколиной охоты заключается в яростной скачке конных охотников через заросли кустарника, рвы и колючки. Охотники должны настичь сокола, когда он уже успел убить дичь, но не успел ее растерзать. Иначе он не вернется к хозяину. Обычно охотники застают сокола охватившим добычу когтями и гордо оборачивающим голову к охотникам. В то время как одни спешиваются, чтобы отнять добычу, киргиз достает *привадку* — кусок сырого мяса — и на призывный свист <сокол> делает взмах крыльев и садится на кожаную перчатку хозяина, который тотчас замыкает цепочкой его ногу.

Флобер мог этого не знать, но едва ли не знал этого охотник Тургенев, а в переводе нет никакого намека на желание исправить ошибку оригинала. Он переводит буквально так, как Флобер себе представлял эту картину, невозможную и не соответствующую действительности.

Я не считал возможным вносить какие-нибудь исправления в текст Флобера, но подстрочное примечание стало необходимо.

Коктебель.

ПИСЬМА Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО К Л. Н. ВИЛЬКИНОЙ

Публикация В. Н. Быстрова

Имя Людмилы Николаевны Вилькиной (1873—1920), переводчицы, поэтессы и прозаика, было хорошо известно в модернистских художественных кругах с конца 1890-х годов. Петербургская квартира Вилькиной и ее мужа Н. М. Минского в доме № 62 по Английской набережной являлась в начале века одним из популярных литературных салонов. В разное время Людмилу Николаевну связывали близкие и дружеские отношения с В. Брюсовым, К. Бальмонтом, Н. Бердяевым, В. Розановым, Л. Бакстом и др.¹

Л. Н. Вилькина обладала скромным поэтическим дарованием, сочиняла камерные, во многом эпигонские стихи, навеянные символистской поэзией рубежа веков и не выходявшие, как правило, за пределы «декадентских» тем и мотивов. В. Розанов в предисловии к ее сборнику сонетов и рассказов «Мой сад» писал об авторе: «Она больше задумывается, чем надумывает, и предпочитает больше грезить, нежели видеть <...> Она — немного сомнамбула в стихах. Читатель редко сумеет связать их с действительностью. <...> Поэтесса не претендует на современность. Она принадлежит к тем «душам-потемкам», которых окрестили именем символистов...».²

В стихах Л. Н. Вилькиной, действительно, преобладают мотивы отъединенности от мира, ухода в замкнутую сферу индивидуальных переживаний, мечтаний и грез: «Вся жизнь моя — задуманный узор...» (Мой сад. С. 10); «Я — целый мир. Мой мир мне верен будет» (там же. С. 13); «Мне жизнь милей на миг, чем навсегда» (там же. С. 14) и т. д. О подобного рода декларациях В. Брюсов в своей ироничной рецензии на сборник заметил: «Все это мысли, которые уже довольно давно перестали быть новыми...».³ Не отличалась оригинальностью и проза Л. Н. Виль-

¹ Подробнее о Л. Н. Вилькиной см.: *Брюсов В. Я. Письма к Л. Н. Вилькиной. Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 126—135; Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 442—443 (статья А. В. Лаврова).*

² *Вилькина Л. (Минская). Мой сад. Сонеты и рассказы. М., «Гриф», 1906. С. 5, 6.*

³ *Брюсов Валерий. Среди стихов. 1894—1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. Сост. Н. А. Богомолова и Н. В. Котрелева. М., 1990. С. 222.*

киной. Это, впрочем, не мешало периодическому появлению ее стихов и рассказов в различных модернистских изданиях (в альманахе «Северные цветы», журналах «Новый путь», «Весы», «Золотое руно» и др.). Д. С. Мережковский относился к числу тех немногих художников-модернистов, кто довольно снисходительно воспринимал поэтическое творчество Людмилы Николаевны. И тому были свои, особые, причины...

Д. С. Мережковский был знаком с Л. Н. Вилькиной еще с 1890-х годов. Однако его явный интерес к ней выразился позднее и достиг кульминации в 1905—1906 гг., когда их отношения стали постепенно перерастать рамки дружеского общения. Именно к этому периоду и относятся дошедшие до нас письма Д. С. Мережковского к Л. Н. Вилькиной.⁴ Инициатором перемены в отношениях явился, вероятно, Мережковский, хотя нельзя исключать определенной инициативы и со стороны Людмилы Николаевны, не чуждавшейся внимания именитых поклонников.

Увлечение Мережковского было, по его словам, «метафизического» свойства и имело довольно сложную психологическую подоплеку. Не вдаваясь в тонкости, о которых можно лишь гадать, нужно отметить, что Мережковский уловил в характере и натуре Людмилы Николаевны нечто близкое и родственное ему самому: двойственность сознания, переживание внутренней борьбы духа и плоти, сочетание детскости и искушенности, застенчивости и стремления к свободе, стыдливости и «демонических» порывов (см. письмо от <18 июня 1905>). И интуиция, похоже, не обманывала Дмитрия Сергеевича: у них действительно была определенная схожесть натур и мироощущений. Не случайно в концовке исповедального стихотворения «Я» Вилькина задается вопросом совсем в духе Мережковского:

Кто ближе мне и кто сильнее из двух?
Дух святости иль страсти темный дух?..⁵
(*Мой сад*. С. 23)

Мережковский подчеркивал и еще одно немаловажное, с его точки зрения, обстоятельство: «Кажется, мы нравимся друг другу тем, что мы оба очень *свободны* и бескорыстны. Это главное, подлинное, а все остальное — внешнее, второстепенное»⁶ (ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 882, л. 94 об. — 95. В дальнейшем ссылки на этот источник даются в тексте с указанием листа).

В одном из первых писем, относящемся к марту — апрелю 1905 г., Мережковский называет Вилькину «колдуньей», которая варит «любовное зелье из многих похищенных сердец». «Признайтесь, — спрашивал он, — хотелось бы Вам и моего бедного сердца, милая колдунья?» (Л. 110). С самого начала Мережковский не хотел обнаруживать своих симпатий, стараясь скрывать проявления зарождающихся чувств. В письме, датиро-

⁴ Некоторые письма (главным образом носящие характер кратких срочных сообщений, то есть наименее значительные по содержанию) не датированы, но с большой долей уверенности можно утверждать, что они написаны в то же время.

⁵ Ср. в поэме Д. Мережковского «Старинные октавы»:

С Владыкой Тьмы враждует Ангел Рая:
Кому из них я первенство отдам,
Кто победит меня, — не знаю сам.

⁶ Характерно, что в своем предисловии к сборнику «Мой сад» В. Розанов назвал Л. Вилькину «капризным существом, не знающим сил, под которыми смирился мир: господина, закона и обычая» (Мой сад. С. 5).

ванном 5 марта 1905 г., он писал: «Нас окружает чрезмерное любопытство. А это скучно. И, вообще, как неустроено современное общество для самой даже невинной, но свободной игры. Мне нравится в Вас то, что Вы умеете играть. Кажется, умеете?» (Л. 1—1 об.). Такая «свободная игра», по мысли Мережковского, предполагает род полунитимым дружбы между мужчиной и женщиной, которая окрашена нарочитой неопределенностью: вроде бы страсть, но светлая, сдержанная, вроде бы близость, но до определенной черты, вроде бы все происходит в действительности, наяву, и в то же время — как бы за пределами «жизнейской жизни»... Одно из необходимых условий подобной «дружбы-игры» — отрешенность, забвение окружающего, уход от обыденности в выдуманный мир, погружен в «сон наяву» (см., например, письмо от <18 июня 1905>). Казалось бы, подобная настроенность позволяла Мережковскому надеяться на понимание и взаимность. Л. Н. Вилькина в своих стихах выражала сходные, в сущности, мысли и желания. Так, в сонете «Влюбленность... она декларировала: «Люблю я не любовь — люблю влюбленность... <...> Любовь как смерть. Влюбленность же, — как сон» (Мой сад. С. 43). Мережковский, желая отчётливей обозначить эту родственность подсудных переживаний и надежд, в письмах к Вилькиной часто переводит на язык прозы то, о чем говорится в ее стихах (количество явных и скрытых цитат, реминисценций весьма значительно, что, конечно же, не случайно). В одном недатированном письме содержится любопытное свидетельство Мережковского о том, насколько чутким он был к словам, сказанным Вилькиной: «Я ведь знаю, что Вы в сущности добренькая, «вся светлая и свободная» — как сами Вы говорите — без всяких темных, грешных, или «святых закоулков души» — тоже Ваше слово. Видите, сколько я запомнил Ваших слов» (Л. 111). Это было как бы угадыванием за словами скрытых помыслов и желаний. И «роман» должен был постепенно обрести очертания поэтической мечты героини. Предельно ясно и откровенно Мережковский выразил этот подтекст своих отношений с Вилькиной в одном из августовских писем 1906 г., когда «роман» уже подходил к концу: «...я Вам отражал в моей нежности то, что Вы сами в себе любите» (Л. 94 об.). Мережковский все время убеждал Вилькину поверить в реализуемые им «правила игры». Однако, как показывают письма, сложность, непредсказуемость человеческих взаимоотношений мешали воплотить в жизнь эти романтические помыслы и намерения. Мережковский в своих посланиях нередко сетует на непонимание, отсутствие доверия и доверительности. Выдуманные и подлинные чувства смешались так, что порой трудно было узнать, где кончается «игра» и начинается истинная человеческая привязанность с ее глубиной и теплотой. Отсюда и происходили разногласия. В недатированном письме Мережковский с горечью писал: «Вы вообще не верите мне ни в чем. Это меня отталкивает от Вас. Если бы Вы мне поверили во всем до конца, как бы это сразу сблизило нас! Впрочем, Вам и не нужно сближение наше — это я чувствую с абсолютной ясностью. У Вас ко мне *только любопытство* (правда, большое). А равнодушное любопытство не располагает к откровенности. Вот почему я с Вами так сдержан» (Л. 119—120).

Существенно, что в письмах Мережковского к Л. Н. Вилькиной отразилась развернутая в них своеобразная «философия любви». Эти письма — примечательный человеческий документ тех лет, когда резко возрос интерес к вопросам пола, эроса, когда много писали и спорили о свободе личности, реабилитации и освящении плоти, тайнствах греха, «демонизме» и т. п. Их и нужно воспринимать в контексте эпохи как индивидуальное выражение господствовавших веяний времени, поисков свободы. Как известно, Мережковский был одним из тех, кто на рубеже веков проповедовал идею синтеза духа и плоти, примирения в сознании

современного человека языческих богов и христианского Бога.⁷ Выражением этих поисков синтеза стал культ «дионисийства», особо щедрую дань которому отдал Вяч. Иванов. В повседневности, на бытовом уровне, поклонение Дионису воплощалось по-разному, но чаще всего сводилось к бурному всплеску страстей и эмоций, к реализации тайных желаний, к «стихийному» поведению. Письма свидетельствуют, что Мережковский, вообще-то не склонный к безудержным языческим порывам, пережил увлечение «дионисийством» (см., например, письма от второй половины марта — первой половины апреля 1905 г. и 6 января 1906 г.).

Суждения Мережковского на тему любви, эроса подчас достаточно отвлеченны, и это позволяет вывести разговор за рамки сугубо личных отношений двоих: многое из того, что говорится в письмах о любви, дружбе, страсти, нередко тяготеет не только к сфере чувств, «живой жизни», но и к сфере идей, искусства. Здесь видны отчетливые приметы такого распротраненного в модернистских кругах начала века явления, как «жизнетворчество», превращение будничной жизни в «творимую легенду». Не случайно в письмах то и дело возникают философские и литературные мотивы, призванные рационально объяснить иррациональные, по сути, вещи. . .

Важный аспект писем Мережковского к Л. Н. Вилькиной заключается в том, что в них запечатлелись некоторые скрытые от окружающих черты личности писателя, его характера, души. Они могут служить как бы «штрихами к портрету». Мережковский порой раскрывается с неожиданной стороны, пытается откровенно высказаться, объяснить себя человеку, в понимании и доверии которого в данный момент нуждается. Необходимо учитывать то обстоятельство, что Мережковский в целом не тяготел к углубленной исповедальности. В письме от (18 июня 1905 г.) он признавался: «О самом моем глубоком я совсем, совсем не могу говорить» (Л. 25). В его жизни было мало людей, с которыми он откровенно говорил о личном. На это не раз обращала внимание в своих мемуарах З. Н. Гиппиус.⁸

Безусловный интерес представляют те письма к Л. Н. Вилькиной, которые касаются разнообразных сторон частной и творческой жизни Мережковского, его отношений с писателями-современниками (Н. Минским, В. Розановым, Вяч. Ивановым и др.), а также характеризуют восприятие им драматических событий 1905—1906 гг.

Следует отметить, что эти годы многое определили в мировоззрении Мережковского. Это не было для него время кардинальной переоценки ценностей, но это было время, когда идеи неохристианства еще более укрепились в его сознании под давлением реальной жизни, социальных потрясений.⁹ Именно тогда, вероятно, он окончательно предпочел теориям

---

⁷ Н. Бердяев, излагая основные идеи Мережковского, в частности, подчеркивал: «Двойственность должна быть преодолена в высшем утверждении, а не отрицании; наше языческое возрождение, реабилитация плоти и радости земной, должны быть признаны равными по святости и божественности с возрождением христианским. . .» (*Бердяев Н. О новом религиозном сознании//Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 160*).

⁸ Ср.: «Его всегда занимало что-нибудь большее, чем он сам, и я не могу представить себе его, говорящего с кем-нибудь «по душам», интимно, — о себе самом» (*Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 115*).

⁹ В автобиографической заметке Мережковский свидетельствовал: «То, что я передумал, а главное — пережил в революционные годы 1905—1906, имело для внутреннего хода моего развития значение решаю-

социальных преобразований идею духовного преображения мира. Письма отражают в какой-то степени атмосферу тех дней, дают представление о том, какие явления и факты внешней жизни могли сказаться на мировосприятии Мережковского. Они лишней раз подтверждают: отрицательное отношение писателя к социальным волнениям 1905—1906 гг. определялось главным образом тем, что, с его точки зрения, это была революция «без Бога», без надежды на духовное перерождение общества, то есть, в конечном счете, бесплодная. Порой довольно скептически, судя по письмам, оценивал он и роль культурных сил, интеллигенции в сложившейся драматической ситуации (см., например, письмо от 20 октября 1905 г.). В это время Мережковский очень много и напряженно размышлял о судьбах и предназначении русской интеллигенции, которую считал «живым духом России». ¹⁰ Тревога и горечь его были вызваны тем, что именно на интеллигенцию он возлагал свои главные надежды, связанные с религиозным обновлением общества. ¹¹

Сохранилось 54 письма Д. С. Мережковского к Л. Н. Вилькиной (среди них — одна телеграмма, несколько коротеньких записок из одной-двух фраз). Они находятся в архиве Н. М. Минского и З. А. Венгеровой (Ф. 39, оп. 3, № 882). Для настоящей публикации отобрано 28 писем, относящихся к периоду с 5 марта 1905 г. по 10 октября 1906 г. (тексты еще 12 коротких писем приводятся в примечаниях и преамбуле).

До нас дошли 4 ответных письма Л. Н. Вилькиной (2 из них — в черновиках), написанных в апреле — июне 1905 г. (они хранятся в том же архиве). Эти письма дают ценный материал для понимания некоторых сторон взаимоотношений Мережковского и Вилькиной в начальном периоде их «романа».

Тексты писем публикуются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением тех случаев, когда индивидуальные авторские особенности имеют какое-либо смысловое значение. Все подчеркнутые в тексте слова выделены самим Мережковским. Перевод иностранных слов и текстологические пояснения приводятся под строкой; сокращенные слова, а также инициалы известных лиц раскрываются в угловых скобках; в квадратных скобках даются зачеркнутые слова.

1

15/III — <19>05

Приходите сегодня к Сологубу. Мне хочется Вас видеть. Слышу, как Вы спрашиваете, уставив на меня любопытные пристальные глазки: «Зачем я вам?» Не знаю зачем. Мне

щее. Я понял, — опять-таки не отвлеченно, а жизненно, — связь православия со старым порядком в России, понял также, что к новому пониманию христианства нельзя иначе подойти, как отрицая оба начала вместе» (*Мережковский Д. С.* Полн. собр. соч. Т. XXII. М., 1914. С. 115).

¹⁰ *Мережковский Д. С.* Грядущий Хам. СПб., 1906. С. 37.

¹¹ В статье «Грядущий Хам» Мережковский писал: «И прежде всего должно пробудиться религиозно-общественное сознание там, где есть уже сознательная общественность и бессознательная религиозность, — в русской интеллигенции, которая не только по имени, но и по существу своему должна сделаться *интеллигенцией*, то есть, воплощенным... разумом, сознанием России» (Там же. С. 38).

с Вами весело, просто весело. Мне хочется с Вами играть, шалить, как мальчишки [играют] шалят с девочками. Не правда ли — это довольно смешно и даже глупо со стороны почтенного педанта, книжника; «благословенного» cher maitr'a^a? Но что же делать? Иногда довольно приятно глупеть.

Хотелось бы играть с Вами в пятнашки, как мудрому кентавру Хирону¹ с маленькой беленькой нимфой Бэлою,² на темно-зеленой лужайке,³ окруженной стеною исполинских древних черных кипарисов, и чтобы это было за тысячи верст, за тысячи лет и еще дальше, дальше — в Золотом веке — во сне.⁴ [Я отлично] И если бы я Вас ласкал, то ласки мои были бы невинны и легки, как трепетания крыльев пойманной бабочки.⁵ И Вы *никогда* из ласк моих так и не узнали бы, влюблен я в Вас или не влюблен. . .

Я отлично понимаю, что к золотому веку от нашего века булыжного все пути заказаны, что мы оба не дети, а взрослые, что Вам все это не нужно и, наконец, даже скучно. Ну, что ж, и поскучайте! Мне все равно. Я не боюсь, когда со мною кому-нибудь «скучно». А если не желаете скучать, то уходите. *Мне всё всё равно*. Вы мне решительно ничем не можете помешать. . .

Если не придете сегодня, то приходите завтра на мое чтение. Посылаю Вам билет.

Д. М<ережковский>

Р. С. Будьте добренькой, Бэла, Бэлочка милая, скажите, от кого Вы вчера получили «страстное» письмо. Мне ужасно любопытно. Неужели от Бердяева!? Скажите, хотя бы для того, чтобы убедиться, что я умею хранить тайны.

¹ Хирон — мифический полубог, сын Кроноса, самый выдающийся из кентавров, полулюдей-полуконей, обитавших в горах и лесных чащах; почитался в Греции как мудрое существо, в лице которого нашли олицетворение целительные и облагораживающие силы природы. О кентавре Хироне, который «мудростью превосходил всех людей», Мережковский упоминает в новелле «Святой Сатир», где воссозданы картины «золотого века» языческих богов (*Мережковский Д.* Любовь сильнее смерти. 2-е изд. СПб., 1904. С. 140).

² В письмах Мережковский почти всегда называет Л. Н. Вилькину «Бэлой». Так звали ее в кругу близких (первоначальное имя Вилькиной, до принятия в 1892 г. православия, — Изабелла). Ср. в ее сонете «Я»: «Мне с малых лет прозвание дали „Бэла“, /Хоть в память я Людмилы крещена» (Мой сад. С. 22).

³ Ср. в стихотворении Л. Н. Вилькиной «В лесах»: «Я на ковре из трав темно-зеленых/Не сплю, но вижу чаши пестрый сон. . .» (Мой сад. С. 35).

⁴ Мотивы «грёз», «сновидений», ухода в воображаемый мир весьма ха-

^a Наставника, мастера (*фр.*).

рактерны для лирики Л. Н. Вилькиной; ср., например, в стихотворении «Влюбленность»: «Любовь — как смерть. Влюбленность же — как сон./ Тот видит сновиденья, кто влюблен» (Мой сад, С. 43).

⁵ Здесь также отчетливо ощутимо стремление Мережковского как бы воплотить тот образ отношений, который жил в поэтическом сознании Л. Н. Вилькиной; ср.: «От смертных жал бегу к своим мечтам/И легкие ишу прикосновенья...» («Обладанье» — Мой сад, С. 47); «Боюсь скреплять желаний тайный круг» («Не любовь» — там же, С. 44).

2

〈Март 1905 г.〉¹

Эти дни думал о Вас много. С Вами потому трудно играть, что игра для Вас слишком безопасна. Вы *влюблены в себя*, и другие люди служат Вам только зеркалами, в которые Вы на себя любуетесь, а зеркало — игрушка слишком безопасная.² Игра же становится увлекательной только по мере опасности для *обеих* сторон.

Я в Вас еще (или *уже?*) не влюблен, но если бы и влюбился, то не з(н)ал бы, в кого — в Вас, живую, или в призрак, созданный моею собственной жаждою влюбленности.

Хотел бы видеть Вас, но боюсь посторонних людей — у меня ребяческая застенчивость и неуклюжесть.

Не встретимся ли завтра в четверг в 5 ч(асов) на выставке в Академии Художеств?³

Д. М(ережковский)

¹ Датируется по содержанию, а также по сходству конверта с письмом от 5 марта 1905 г. (таких белых конвертов среди сохранившихся — всего два).

² Этот образ, возможно, навеян рассказом З. Н. Гиппиус «Зеркала» (1896).

³ В начале марта в Академии художеств открылась традиционная «весенняя» выставка, на которой были представлены живописные и скульптурные работы. На следующий день Мережковский послал Вилькиной записку: «Как хотите. Но я Вас буду ждать сегодня в 5 ч(асов) в Академии. Д. М(ережковский)» (Л. 116).

3

Суббота. 5 ч(асов) 〈Вторая половина марта — первая половина апреля 1905 г.〉¹

«Свидания невозможны» (хотя не знаю, почему?), но возможны мимолетные случайные встречи, такие как в четверг.

Я сегодня буду на Портретной выставке.² Вы давно уже хотели быть там. Я отлично знаю, что Вы сегодня туда не пойдете именно для того, чтобы не встретить меня; но я все-таки буду ждать Вас в 10 ч(асов) веч(ера) в зале Александра I (последняя зала). Это безумие? Ну что ж, мне ведь теперь остается надеяться только на мое и на Ваше безумие. О, будьте безумною! Недаром же в Ваших чудесных колдовских глазах проходят иногда искорки безумия. Не мудрый и «корректный» Аполлон, а безумный и «некорректный» — пьяный Дионис — Ваш бог!³ Недаром же Вы любите шампанское. Моя безумная мечта пить с Вами вино. Хотите?

Я тоже колдун. Я очертил Вас очень широким кругом, но круг будет становиться все уже и уже, и мы опять встретимся, и Вы вернетесь ко мне, и Вы будете — не смею договорить безумного слова, — Вы пока слишком благоразумны, слишком «корректны». Я жду.

Я буду ждать Вас и сегодня. Если Вам скучно ехать одной так далеко (на хорошем извозчике всего 20 м(инут)), я мог бы заехать за Вами в 9 ч(асов) в(ечера). Не отвечайте «нет» — я устал от Ваших «нет». Пусть Ваше молчание значит «нет». Без Вашего позволения я к Вам не приеду. Но лучше скажите: «да», а потом тысячи «нет». Тогда Ваши «нет» сделаются сильнее, вернее, чем теперь. А то теперь Ваши «нет» еще слишком похожи на «да» — о, разумеется, против Вашей воли, против Вашего «благословенного», патриархального библейского, розановского⁴ благоразумия. Значит, да? Но если и нет, то, рано или поздно, будет да, будет да, будет да!

Видите, мои письма становятся похожи на заклинания.

Ну, простите все это безумие, или все эти глупости. Я же Вам говорил, что я глуп. Аполлон слишком умен, а мы с Дионисом всегда были глуповаты. И не только этого не стыдимся (так же как нашей «некорректности» — хотя и мы корректны, только *по-другому*), но даже этому радуемся.

А все-таки я Вас жду.

Д. М(ережковский)

¹ Датируется по содержанию.

² Выставка русских портретов, организованная С. П. Дягилевым, открылась 8 марта 1905 г. в залах Таврического дворца. По словам рецензента, «цель выставки — историко-художественная: воскресить историю русского портрета преимущественно в живописных изображениях русских исторических лиц» (Новое время. 1905. 5 (18) марта. № 10416. С. 4). Можно предполагать, что Мережковского более всего интересовали залы Александра I и Павла I (как раз в то время он собирал материалы об этой эпохе, задумав новую трилогию под общим названием «Царство Зверья»). Тот же рецензент особо отметил портреты

Павла «в юношеском возрасте в генерал-адмиральской форме, и такой же — в лейб-кирасирском мундире».

- ³ Идея «дионисийского», экстатического (наряду с «аполлиническим») начала в жизни, противостоящего року, смерти, обыденности, всесторонне развивалась Ф. Ницше (особенно в «Рождении трагедии из духа музыки»), влияние которого испытал на себе Мережковский (см.: *Коренева М. Ю. Д. С. Мережковский и немецкая культура (Ницше и Гете. Притяжение и отталкивание)*//На рубеже XIX и XX веков. Л., 1991. С. 44—76). На рубеже столетий религиозно-философская проблематика, связанная с мифами о Дионисе (главным образом в интерпретации Ницше), получила довольно широкое распространение и обсуждение. Ср.: *Волынский А.* Аполлон и Дионис (Северный вестник. 1896. № 11); *Иванов Вяч.* Ницше и Дионис (Весы. 1904. № 5); *Иванов Вяч.* Эллинская религия страдающего бога (Новый путь. 1904, № 1—3, 5, 7; Вопросы жизни. 1905. № 6, 7 — под загл. «Религия Диониса. Ее происхождение и влияние») и др.
- ⁴ Здесь В. Розанов подразумевается как защитник брачных уз, семейных устоев, ветхозаветных представлений.

4

Четверг <7 или 14 апреля 1905 г.>¹

Скоро я уезжаю. Сегодня вечером в «В(опросах) Ж(изни)»² мы увидимся, может быть, в последний раз. И в последний раз прошу: назначьте мне свидание — у Вас, у меня, в Летнем саду (там теперь прелестно — весна Боттичелли³), на выставке, в театре, в кружке Полонского⁴ (завтра, в пятницу) — где угодно, только бы видеть Вас и переговорить с Вами наедине. Нельзя обвинять, не выслушав. Выслушайте же меня.⁵ Не будьте упрямой. Будьте прежней умной, милой, простой и веселой «девочкой», какой Вы навсегда и несмотря ни на что останетесь в моем воспоминании. Неужели же Вы не видите — это, только это Ваша правда, а все остальное ложь.

Обещаю Вам: если Вы захотите, это свидание будет последним, и *никто никогда не узнает о нем*. Я чувствую, что Вы сами хотите видеть меня, — по крайней мере, иногда хотите. Зачем же Вы противитесь своему желанию? Кому от [этого мо(жет)] нашей мимолетной встречи может быть вред?

Будьте свободною — [Вы] такой, какой Вы созданы...

Если же Вы и на это письмо не ответите, значит, действительно, игре и не-игре — всему между нами конец.

[Надеюсь] Но еще надеюсь, — до свидания!

Д. М(ережковский)

- ¹ Датируется по содержанию. Письмо написано незадолго до отъезда Мережковского в Крым, дату которого (вторник 19 апреля 1905 г.) он указал в письме от 18 апреля 1905 г.
- ² Редакция журнала «Вопросы жизни» находилась в то время в Саперном переулке (д. 10, кв. 6).
- ³ Картина Сандро Боттичелли (1445—1510) на аллегорическую тему «Весна» (ок. 1477—1478) — одно из наиболее известных его полотен.
- ⁴ Мережковские нередко посещали «пятницы» Я. П. Полонского в 1890-е годы. После его смерти (в 1898 г.) решено было сохранить традиции «пятничных» собраний. По инициативе жены поэта, Ж. А. Полонской, в 1900 г. был создан Литературно-художественный кружок имени Я. П. Полонского, члены которого устраивали еженедельные собрания.
- ⁵ Очевидно, в тот момент между Мережковским и Вилькиной произошли какие-то серьезные разногласия, грозившие разрывом. В недатированной записке, также, судя по всему, относящейся к апрелю 1905 г., Мережковский писал: «Конец уродливый и глупый, недостойный даже той легкой игры, которая была между нами. Письмами ничего не объяснишь. Прошу Вас, назначьте день и час, когда бы я мог видеть Вас, чтобы переговорить обо всем лично» (Л. 123).

5

18 апреля 1905

Уезжаю завтра вечером в Москву, оттуда в Крым и, может быть, в Константинополь, Смирну и Эфес.¹

Хотел бы зайти к Вам завтра, во вторник, в Ваши *приемные часы* вместе со всеми, в качестве обыкновенного гостя. Но боюсь, что это будет Вам неприятно. Во всяком случае, без Вашего позволения не приду.

Если бы Вы знали, как Вы были ко мне несправедливы и с какой легкомысленной грубостью Вы оттолкнули меня!.. Вы просто не заметили, что я отдельное живое существо, а не тень другого человека, которого Вы не любите.² Великая не-красота была в Вашей грубости, и если наши отношения этим и кончатся, то, значит, их вовсе не было...³ Но я еще надеюсь, что они этим не кончатся.

Хотите, я Вам буду писать? Но, разумеется, с тем условием, что Вы мне будете отвечать и верить, что письма Ваши никто [чужой] читать не будет кроме меня; я также должен знать, что мои письма никто никогда не прочтет кроме Вас.

Мой адрес до 7 мая: Ялта. Почт(овое) отд(еление). До востребования.

От души желаю Вам всего хорошего!

Д. М(ережковский)

¹ З. Н. Гиппиус в мемуарах писала: «А весной (<...>) мы поехали втроем в Крым, который так неизменно любил Д(митрий) С(ергеевич), и про-

жили там несколько недель. Потом Ф<илософов> уехал в Петербург, но Д<митрий> С<ергеевич> не хотел туда возвращаться: у него явилось желание отправиться из Севастополя — в Константинополь, и лишь оттуда, через Одессу, ехать домой...» (*Гиппиус-Мережковская* З. Дмитрий Мережковский. С. 134). Мережковский свидетельствовал, что поехал в Константинополь (он называл этот город «местом первого соприкосновения Запада и Востока») с желанием увидеть «храм Бога живого и прекраснейшее из всех зданий, построенных людьми и донные уцелевших (. . .) — храм св. Софии, Премудрости Божией» (очерк «Св. София»//*Мережковский Д. С. Грядущий Хам*. С. 147). В статье «Последний святой» он позднее писал об этом соборе: «Если бы в христианстве не было чаяния Церкви Вселенской, то не раскинулся бы подобный своду небесному свод константинопольской св. Софии — первое видение грядущей вселенской соборности» (*Мережковский Д. С. Не мир, но меч*. СПб., 1908. С. 191). В Смирне (Измире) Мережковского могла привлекать находившаяся там «евангелическая школа» греческого ученого общества с ее библиотекой и музеем малоазиатских древностей. Эфес (Ефес) славился некогда своим храмом Артемиды, причисленным к семи чудесам света. Кроме того, это, по преданию, — место пребывания Богоматери в последние годы ее жизни. В 431 г. здесь состоялся Третий вселенский собор.

² Имеется в виду З. Н. Гиппиус.

³ Сохранился черновик ответного письма Л. Н. Вилькиной, написанного сразу же по получении данного письма Мережковского: «Мне не хочется ни укорять вас перед отъездом, ни возражать против вашего упрека в некрасоте. Я действовала, подчиняясь инстинктивному чувству, которому привыкла верить. Вы конечно отдельное живое существо, а не тень другого человека, которого я (будто) не люблю. В сущности, я очень мало знаю и вас, и этого человека. Но вокруг наших отношений была создана атмосфера, кот<орая> мне казалась некрасивой. Вот где скрывается не-красота нашего разрыва, над которой я бессильна.

Искренно говоря, я не особенно виню З<инаиду> Н<иколаевну> за ее склонность уродовать человеческие образы и отношения. Я лично вижу жизнь сквозь кристалл доверия и несуществующего совершенства. Но демонизм, даже мелкий, я понимаю. Он как-то освобождает нас от людей и судьбы.

Завтра «вторника» не будет. Я и Н<иколай> М<аксимович> будем рады вас видеть перед отъездом. Удобнее всего от 1 до 3. Людмила» (ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 796, л. 4).

О сложном, по большей части неприязненном, отношении Л. Н. Вилькиной к З. Н. Гиппиус свидетельствует ее письмо к Мережковскому, написанное в июне 1905 г.: «Дмитрий Сергеевич. Мне Николай Максимович передал все, что З<инаида> Н<иколаевна> вчера сказала ему будто бы с ваших слов о наших отношениях. Я уверена, что вы не способны на ложь, и что все то грязное, обидное и уродливое, что З<инаида> Н<иколаевна> говорила, родилось в ее же голове. Знаю, что З<инаида> Н<иколаевна> клеветала (не только Н<иколай> М<аксимовичу>), но и другим нашим общим знакомым, намеки которых стали для меня теперь понятны) с единственной целью нас поссорить. И этой цели она, кажется, достигла. Впрочем, грязь всегда достигает своей цели, так как не пачкать она не может. Хотя вы — не она и не отвечаете за чужую ложь, но не хочу я быть знакомой с человеком, зная, что его ближайший друг, оставаясь его другом, превращает всякое мое слово и жест в уродство. Не могу вам передать всю глубину отвращения, которое мне внушает эта вечно клеветущая, вечно ссорящая, вечно злословящая женщина. Пока вы находитесь поблизости от этого источника вражды и злословия — я вашей близости буду избе-

гать. Л. Вилькина» (Там же. Л. 6—7). Возможно, о получении именно этого письма, огорчившего его, Мережковский писал Л. Н. Вилькиной 24 июня 1905 г.

6

26/IV — <19>05. Севастополь

Итак, я для Вас только «чудовище»? Не могу совсем верить в это. Но пусть даже так. Во всяком чудовище есть чудо, есть чудесное!

Может быть, Вы полюбите во мне чудо, т(о) е(сть) могли бы полюбить. Потому что я отлично знаю, что между нами не было, нет и никогда не будет любви, но есть *возможность любви*; не прекраснее ли возможность любви, чем сама любовь? — вот вопрос — по крайней мере, не прекраснее ли она той существующей любви, которую донныне знают люди.¹

Все люди вообще разделяются на два рода: на тех, которые [хотят] умеют любить, не желая быть любимыми, и на тех, которые хотят быть любимыми, не умея любить. Вы принадлежите ко второму роду, я — к первому. Я знаю, что хотя Вы никогда меня не полюбите, но Вам хочется, чтобы я Вас любил. У меня нет любви, но я могу Вам дать вечную возможность любви. Это не солнечный, а лунный свет. Но разве иногда лунный свет не лучше солнечного?²

Вчера я был на мысе Фиолент, где в древности был храм Дианы Таврической³ — и где обитала жрица ее Ифигения.⁴ Глядя на море, страшное и великолепное, «многосмеющееся» (слово Эсхила⁵) — темное небо — вспоминал о Вас.

Прочел Ваш сонет «Влюбленность» в Сев(ерных) Цветах.⁶ Он мне нравится, в самом деле, нравится. Я никогда не лщу, никогда не лгу. В этом одна из моих «чудовищностей». Особенно нравится мне стих: «Для тщетных ласк и чистых обнажений».⁷ В этом стихе есть Ваша прелесть, именно Ваша и более ничья. И никто в мире так не может чувствовать этой Вашей прелести, как я...

Бэла, разве Вы не чувствуете силы моего колдовства через тысячи верст, которые нас разделяют? Разве Вы не слышите, что я с Вами, еще ближе к Вам, чем когда [обнимаю] обнимал бы Вас.

Разве и Вы не хотите быть со мною — «для тщетных ласк и чистых обнажений»?..

Что Розанов? Очень о нем беспокоюсь. Люблю его, как родного.⁸ Не обижайте его!

Напишите мне: *Ялта. Почтов(ое) отдел(ение). До востребования.*

Ну, до свидания. Иду греть свои зеленые чешуи на солнце.

Д. М(ережковский)

- ¹ Здесь Мережковский, по существу, близок в выражении именно той невоплощенной любви, о которой Л. Н. Вилькина писала в своих сонетах. Ср.: «Быть может не любовь — одно стремленьё//Моя любовь к тебе, далекий друг» («Не любовь» — Мой сад. С. 44); «Страшит меня довольство обладанья//И достиженья мертвенный покой» («Обладанье» — там же. С. 46); «Покуда ты любовь свою таил,//Я верила — ей нет предела в мире» («Слова»; там же. С. 49). Противопоставление «возможного» (невоплощенного) и реального нередко в поэзии символистов. Ср. в стих. И. Коневского «В небывалое» (1900), которое могло быть известно Мережковскому: «Возможность берегу, в возможность убогу я...»
- ² Ср. в «Женском сонете» Л. Н. Вилькиной: «И я люблю обман, как свет луны...» (Мой сад. С. 55). Видимо, эту же метафору использовала З. Н. Гиппиус в названии своего очерка об А. Блоке: «Мой лунный друг» (*Гиппиус З. Н.* Живые лица. Вып. 1. Прага, 1925). В несколько ином значении употреблял ее В. В. Розанов, называя «людьми лунного света» религиозных аскетов. Как заметил В. Н. Ильин, «этот символический образ (...) связан с устремленностью вдаль, с жаждой необыкновенного, неизведанного...» (*Ильин В. Н.* Арфа Царя Давида в русской поэзии. Брюссель, 1960. С. 7).
- ³ По преданию, на мысе Фиолент в Крыму находился храм богини Дианы (Девы Таврополийской) — Парфенион; в нем тавры приносили в жертву своей богине чужестранцев, потерпевших крушение у берегов Трахейского полуострова.
- ⁴ Согласно греческой мифологии, Ифигения, дочь Агамемнона и Клитемнестры, была спасена от смерти богиней Артемидой (в римск. миф. — Диана), которая перенесла ее в Тавриду и сделала жрицей в своем храме.
- ⁵ Мережковский перевел трагедию Эсхила «Скованный Прометей».
- ⁶ Стихотворение «Влюбленность» опубликовано в составе цикла «Пять сонетов» (Северные цветы ассирийские. Альманах IV. СПб., 1905. С. 60).
- ⁷ Мережковский не совсем точно цитирует строчку из сонета «Обладанье», второго в цикле; у Вилькиной:

О, приходи для неземных сближений,

Для тщетных ласк, для чистых обнажений (Там же. С. 61).

- ⁸ Считая В. В. Розанова гениальным писателем и отмечая «личное неизменно-дружеское отношение» к нему, Мережковский подчеркивал, что их близость — это «близость сходящихся противоположных крайностей», что в сфере религиозных идей у них имеются принципиальные расхождения (см.: *Мережковский Д. С.* Грядущий Хам. С. 167). В статье «Революция и религия» он писал о В. Розанове: «Друзьям церкви он кажется отступником, врагам ее — изувером, а большинству равнодушному — просто юродивым. Единственные люди в России, которые поняли и приняли его как великого, может быть, величайшего из современных русских писателей, — так называемые „декаденты“» (*Мережковский Д. С.* Не мир, но меч. С. 98). В. Розанов позднее так характеризовал свои неоднозначные отношения с Мережковским: «Перипетии отношений моих к М(ережковскому) — целая „история“, притом совершенно мне непонятная. Почему-то (совершенно непонятно почему) он меня постоянно любил, и когда я делал „невозможные“ свинства против него в печати, до последней степени оскорбляющие (были причины), — которые всякого бы измучили, озлобили, восстановили, которых я никому бы не

простил от себя, он продолжал удивительным образом любить меня» (Розанов В. Опавшие листья. СПб., 1913. С. 275). В другом месте книги он, касаясь Мережковского, свидетельствовал: «Мало от кого я видел долгие годы непонятную (для меня) дружбу, которая, казалось, даже имела характер любви» (Там же. С. 473—474).

7

Ялта. 1 мая 1905

Мне грустно, что я не получил от Вас ни одной строчки. А я думаю о Вас так часто. Простые детские мысли, которые бы Вам понравились, но написать их невозможно. Здесь чудесно: земля, небо и море — одна воплощенная влюбленность — в кого — в Кого — неизвестно. Кипарисы такие нежные и стройные, что их хочется обнимать. Запах распускающихся лоз, в котором есть уже запах вина, — душа юного Диониса,¹ — смешан с крепким и соленым пронзительным запахом моря. Вы любите запахи? Я знаю, что любите. Мне хотелось бы вместе с Вами вдыхать теплый солнечный аромат чайной розы, так чтобы наши губы сближены были почти поцелуем в этом благоухании.²

Но как ни хорошо здесь, вспоминаю, как Вы сидели, белая, на корточках перед розовым пламенем камина. Вспоминаю Ваши чуждые милые смеющиеся глаза. Зачем я их не поцеловал на прощание? О, <Б>эла, позвольте их поцеловать хоть отсюда, из-за тысячи верст. Кажется, поцелуй будет достаточно невинный.

Мы уедем через неделю в Константинополь. Но пишите сюда в Ялту до востребования. Я велю переслать письма.

Д. М(ережковский)

¹ В ответном письме от 7 мая 1905 г. Л. Н. Вилькина, рассказывая о собрании литераторов в редакции журнала «Вопросы жизни», где выступил с рефератом Ф. Ф. Зелинский (см. об этом в примеч. 2 к следующему письму), в частности, заметила: «...если бы вы были среди собравшихся — событие стало бы ярче и прекраснее. При вас, может быть, к нам сошла бы «душа молодого Диониса», которую вы чувствовали в запахе распускающихся роз» (ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 803).

² См. в примеч. 6 к следующему письму текст чернового письма Л. Н. Вилькиной, служившего отчасти ответом и на данное послание Мережковского.

8

$\frac{11}{V}$ <19>05 Ялта

Обрадовался Вашему письму, но огорчился, что Вы пишете о всяких важных пустяках — о политике, о полицей-

ских, о Зелинском,¹ об Елене Прекрасной,² а не о главном, единственном, что мне хотелось бы узнать от Вас: могу ли я когда-нибудь сделаться Вам ближе, чем я теперь, можете ли Вы меня полюбить хоть чуточку. Зачем мне это? Значит, надо, если я хочу. Я чувствую, что мог бы сделаться «неосторожным» и даже, пожалуй, «беззащитным».³ Но для этого нужно, чтобы Вы мне поверили, — вернее, чтобы Вы поверили в меня, в мое существование, поверили, что *я есть*. А до сих пор Вы в это не верите. Вы как-то писали мне, что меня совсем не знаете. Почему же Вы не хотите узнать меня? Неужели же я так мало любопытен, даже помимо моего отношения к Вам, просто как человек, ну, хотя бы просто как писатель? Поймите же, я хочу, чтобы Вы *увидели* меня, а для этого нужно посмотреть на меня. Вы же до сих пор смотрели мимо меня, *сквозь меня* — на другое, что за мною. Я для Вас — пустое место. Это грустно, это даже унижительно. И неужели это будет так всегда? И если я продолжаю приставать к Вам, значит, я смотрю на Вас серьезно. И это ли еще не «беззащитность» — чувствовать, что не существуешь для человека, и все же приставать к нему? Положим, мне иногда нравится, что Вы меня не любите и не можете полюбить, но Вы меня уж *слишком не любите* — до того, что Вам со мною скучно, и нечего сказать мне, и, так как Вы все-таки не хотите быть невежливы, то, отвечая на мое письмо, в высшей степени не политическое, Вы пишете мне о политике!..

Первый признак, что Вы не верите в мое существование, — то, что Вы стали искать доказательств, чтобы поверить. Что-то внешнее могло заставить Вас не верить [мне]. Вы ищете знамений. И знаменья Вам не дадутся, пока Вы будете их искать. Не [знаменья от] вера от знамений, а знаменья от веры. Не вера от чудес, а чудеса от веры — и может быть величайшее из всех чудес, которое — пока Вы не верите — мне и называть не хочется...

Через три дня едем <в> Константинополь. Напишите туда. Вернусь в Петербург 1 июня или немного позже. Будете ли Вы там? Можно ли к Вам прийти?⁴

¹ Зелинский Фаддей Францевич (1859—1944) — филолог-классик, профессор С.-Петербургского университета.

² В письме от 7 мая 1905 г. Л. Н. Вилькина сообщала Мережковскому: «Здесь последние дни были полны событий, и все живо чувствовали ваше отсутствие. Вчера вечером Зелинский читал в редакции „Вопросов Жизни“ реферат „Соперница христианства Елена Прекрасная“ (мне реферат показался не по-русски красноречивым и скучным). В половину первого, в самом разгаре прений, в редакцию ворвалась полиция с городскими и понятыми. Бердяев и Чулков, вспомнив свое славное прошлое, набросились на полицейских с бранью и стали их гнать из

квартиры. Бедный Зелинский, на которого молодежь смотрела с ожиданием, растерял все свое красноречие и молчал та(к), как будто он никогда не слышал о существовании Цицерона. Впрочем, история кончилась ничем» (ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 803). Ф. Ф. Зелинский в своем реферате утверждал, что героиня мифов о Троянской войне Елена Прекрасная, олицетворение всепобеждающей женской красоты, являлась одним из воплощений борьбы языческих религий Запада с христианством, что образ ее играл определенную роль в процессе «эллинизации христианства» (см.: *Зелинский Ф.* Из жизни идей. Т. 3. Соперники христианства. СПб., 1907. С. 153—185).

³ В начале того же письма от 7 мая Вилькина писала: «Я рада вашим ласковым письмам. Письмо человека как будто больше его слова. В особенности письмо, полученное издалека, обвеянное магией пространства. Но как вы осторожны! Как боитесь, что я поверю в вашу любовь! Как вы защищаете себя! Не кажется ли вам, что в любви „блаженны беззащитные“, ибо они возбуждают взаимность и сочувствие».

⁴ Сохранился черновик письма Л. Н. Вилькиной (возможно, не отосланного), являвшегося ответом на данное письмо Мережковского. В нем она в завуалированной форме, но достаточно ясно и откровенно, высказывала свое отношение к Мережковскому в тот период их «дружбы»: «Вы мне кажетесь беседкой, стоящей на вершине горы. Кто достигнет этой вершины, перед тем откроется беспредельный вид на землю и море. Над ней склонились широкошумные деревья (?), даря прохладу и тень, кругом растут райские цветы, но беседка выкрашена едкою, несмываемой ядовитой краской, и к ней прибита надпись: *prenez garde á la peinture* (осторожно! окрашено! (фр.)). Д(митрий) С(ергеевич)! Я люблю далекие горизонты и умею их созерцать, я люблю прохладу и тень и знаю толк в аромате цветов. Но я дорожу чистой своей белой одеждой и никогда, никогда не приближусь к беседке, выкрашенной в едкую, несмываемую ядовитую краску. Слишком белы мои одежды и слишком я люблю их белизну. Пишите мне, я рада письмам. Я, может быть, остаюсь в П(етербурге) все лето. Ваша Людмила» (ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 796, л. 1—1 об.). На другом листе — фрагмент, относящийся к этому письму: «Ваш упрек или ваша жалоба на то, что я вас не вижу как человека и писателя, не достойны ни меня, ни вас. С тех пор как я впервое на вас взглянула, я вижу вас. А как писателю я вам обязана многим, что считаю среди сокровищ души. Говорю вам это, хотя знаю, что такие слова странно звучат. И тем не менее...» (Там же. Л. 2).

9

⟨8 июня (н. ст.) 1905⟩¹

От Вас ни строки. Значит, совсем забыли. А я помню Вас. Бидел здесь очень странные вещи — ревущих и пляшущих дервишей. Похоже на хлыстов.² Входил в мечети, сняв сапоги, и стоял подолгу среди молящихся. Теперь я на маленьком островке среди Мраморного моря между Европой и Азией.³ — Часто думаю о Вас. Неужели не настанет миг, когда Вы взглянете наконец в мою сторону и увидите меня?

Вернусь к 3—5 июня. Не знаю, застану ли Вас и можно ли прийти к Вам. Разве Вы иногда не чувствуете, что я ближе Вам, чем Вы думаете? Зачем Вы меня отталкиваете?

Д. М(ережковский)

¹ Текст — на почтовой открытке. Датируется по почтовому штемпелю.

² Эти впечатления Мережковского отразились в статье «Св. София»: «Любопытно взглянуть на „дервишей пляшущих“ — вертящихся в белых балахонах (совсем наши хлысты), и на „дервишей ревущих“ (подлинный экстаз, религиозное иступление)» (Мережковский Д. С. Грядущий Хам. С. 149).

³ Ср. в воспоминаниях З. Н. Гиппиус: «Д(митрий) С(ергеевич) не утомился нашим двухнедельным пребыванием в Константинополе. Мы еще поехали на Принцезы острова, где тоже пробыли несколько времени...» (Мережковская-Гиппиус З. Дмитрий Мережковский. С. 135).

10

⟨18 июня 1905¹⟩

⟨...⟩ Зачем Вы меня все время отталкиваете, зачем не верите мне, не видите меня, не хотите увидеть. Я не умею говорить, но надо понимать без слов. Я страшно стыдлив, неимоверно робок, до глупого застенчив. И от этого происходит то, что Вам кажется моею неискренностью. О самом моем глубоком я совсем, совсем не могу говорить.² Но Вы должны угадывать. Вы должны идти ко мне навстречу, Вы должны ловить меня. А Вы убегаете.

Зачем Вы мне нужны? Потому что я почувствовал Вашу самую тайную, бесконечно стыдливую и робкую, и дикую, как у меня, ⟨душу?⟩ и детскую, невинную прелесть. Прелесть Ваша в том, что Вы любите радость и умеете быть радостной, наперекор жизни. Вы любите всех, Вы влюблены во всех — и в меня, как во всех, могли бы быть влюбленною, а мне больше ничего не надо. И Вы умеете желать беспредельным желанием, никогда не доходя до конца желаний, где всегда измена тому, чего желаешь.³ Вы умеете пить вино поцелуев, опьяняясь и все-таки оставаясь трезвою в опьянении... Но нельзя, нельзя об этом говорить и еще меньше писать...

Ну хоть в одно поверьте: я хочу быть с Вами вне жизни, хочу совершенной тайны наших свиданий.⁴ Хотел бы, чтобы мы видались — во сне, как во сне я почувствовал в первый раз Вашу прелесть. Думаю, что если Вы поверите мне, то мы достигнем этой тайны, хотя это очень трудно, для меня еще труднее, чем для Вас.

Не знаю, удастся ли мне увидеть Вас еще раз до Вашего отъезда, потому что я не хочу видиться с Вами иначе как в совершенной тайне, так, чтобы об этом никто никогда не мог узнать и даже подозревать не мог. Уходить от жизни трудно. Но мне кажется, что рано или поздно мы свидимся так, как оба этого желаем. И Вы, наконец, увидите меня и *вспомните* и опять будет то, чего не было. Напишите сюда.

Д. М(ережковский)

Варшавск(ая) ж(елезная) д(орога). Суйда. Имение Марковичей. Малое Кобринно.

- ¹ Датируется по почтовому штемпелю. Начало письма отсутствует, верхняя часть начального листа оторвана.
- ² З. Н. Гиппиус свидетельствовала: «Он был не то что „скрытен“, но как-то естественно закрыт в себе, и даже для меня то, что лежало у него на большой глубине, приоткрывалось лишь в редкие моменты» (Дмитрий Мережковский. С. 115). Ср. в стихотворении Мережковского «Молчание»:

Как часто выразить любовь мою хочу,
Но ничего сказать я не умею,
Я только радуюсь, страдаю и молчу:
Как будто стыдно мне — я говорить не смею

(Мережковский Д. С. Собрание стихов.
1883—1910. СПб., 1910. С. 15)

- ³ Ср. в сонетах Л. Н. Вилькиной: «Боюсь скреплять желаний тайный круг» («Не любовь» — Мой сад. С. 44); «Ужасней, чем забвенья мрак пустой, // Час дерзко уголенного желанья» («Обладанье» — там же. С. 46).
- ⁴ Ср. сходные мотивы в стихах Вилькиной: «Я не любви ищу, но легкой тайны. <...> Моей любви приюта в жизни нет...» («Освобождение» — Мой сад. С. 52); «Но правда страсти в тайне. Страсти нет, // Где взор чужой, печальный иль пытливый» («Женский сонет» — там же. С. 54) и т. п.

11

Пятница <24 июня 1905¹>
Малое Кобринно

Получил Ваше письмо и не то что понял умом, а как-то вдруг, точно наитием, почувствовал, поверил, что Вы действительно мне никогда не поверите. Вы заразили меня Вашим неверием. Вы не верите в меня, в мое существование, а я перестаю верить в Вас. Это неверие Ваше не то что удаляет Вас от меня, а как будто уничтожает, сводит к небытию. Мне даже не грустно, не жалко, [а просто] — мне все равно — опять просто «скучно». ² Воспоминание о Вас стало как

воспоминание о том, что видел во сне. *Кто-то хотел быть Вами*, но не был, потому ли что недостаточно хотел или не смог — не знаю, но, во всяком случае, *не был и уже никогда не будет*.³ Это весьма отвлеченно и весьма реально. Думаю, впрочем, что Вы едва ли поймете всю *метафизическую иронию* этого случая...

Ну, будьте счастливы и не поминайте лихом. От души желаю Вам всего хорошего. Это не фраза: дружеское чувство к Вам у меня навсегда останется.

В понедельник буду в Петербурге, но к Вам, конечно, не приду. Теперь незачем.⁴

Д. М(ережковский)

¹ Датируется по почтовому штемпелю. Это письмо, вероятно, явилось ответом на июньское послание Л. Н. Вилькиной, текст которого приведен в примеч. 3 к письму Мережковского от 18 апреля.

² Мотив неистребимой жизненной «скуки», не раз возникающий в письмах, характерен и для лирики Мережковского. Ср. в стихотворении «Скука»: «Страшней, чем горе, эта скука» (*Мережковский Д. С. Собрание стихов*. СПб., 1910. С. 28). Ср. также в стихотворении «Так жизнь ничтожеством страшна...»:

Так жизнь ничтожеством страшна,
И даже не борьбой, не мукой,
А только бесконечной скукой
И тихим ужасом полна...

(Там же. С. 64)

Очевидно, что любовь, по Мережковскому, — одно из средств преодоления мертвящей скуки будней.

³ Ср. в стихотворении Л. Н. Вилькиной «Противоречие»: «Я — то, что быть должно и не сбылось» (Мой сад. С. 19).

⁴ 22 июня, в среду, Мережковский послал Вилькиной короткое письмо, в котором сообщал: «Приеду в понедельник 27 июня, нарочно чтобы видеть Вас. Если позволите, зайду к Вам вечером в 9 ч(асов), или немного позже. Ответьте сюда сейчас, чтобы я успел получить письмо» (Л. 28).

Спасибо за милое письмо. В нем как будто промелькнула тень прежней Бэлы — той, которой Вы не захотели быть. И мне опять стало грустно и жалко этой [милой] тени. Зачем Вы не поверили в меня? Зачем сделали так, что и я уже почти не могу верить в Вас?

А все-таки спасибо за эту хотя бы неверную ласку. По-итальянски «ti voglio bene» значит «я тебя люблю» — «я тебе

желаю добра». Не знаю, люблю ли я Вас, но я хотел бы сделать Вам что-нибудь доброе, сделать так, чтобы Вам хоть одну минуту было от меня светло и радостно. Но я не могу ничего сделать для Вас, не могу даже ничего сказать, потому что Вы ничему не поверите.

Зачем Вы не написали мне раньше? Я ждал в Петербурге два дня, что Вы мне напишете.¹ Я [теперь] пришел бы протиться. А теперь мы так и не увидимся.

Кто смеет молвить: до свиданья,
Чрез бездну двух или трех дней?²

Напишите из-за границы. Когда возвращаетесь? Я люблю Ваши письма. А Вы мои любите? Любите хоть письма.

Я поцеловал бы милую тень легким как тень поцелуем, если бы знал, что он будет принят.

Д. М(ережковский)

¹ Можно предположить, что именно тогда, приехав на короткий срок из Кобрин в Петербург, Мережковский послал Вилькиной записку следующего содержания: «Среда <29 июня>. Литейная, 24. Я на один день приехал в Петербург. Хотелось бы Вас повидать, хотя чувствую, что Вы меня совсем забыли... Всего удобнее мне было бы зайти к Вам завтра в четверг в 10 ч(асов) вечера. Если можно, черкните два слова в ответ. Д. Мережковский» (Л. 153).

² Из стихотворения Ф. Тютчева «Увы, что нашего незнанья...» (1854).

13

$\frac{15}{VII}$ <19>05. Кобринo

Но теперь я не верю, что Вы мне верите.¹ Вы так далеко. И уходите все дальше и дальше. Голос Ваш почти не достигает до меня. Почти не вижу Вас и не узнаю прежнюю в этой бледной, бледной, исчезающей тени. Напишите из-за границы. М(ожет) б(ыть) расстояние приблизит Вас. Хотелось бы сказать что-нибудь ласковое на прощание, <но>⁶ чувствую, что все равно ничего не дойдет в такую даль.

Ну, будьте счастливы и вспоминайте иногда обо мне.

Д. М(ережковский)

¹ Мережковский, видимо, отвечал на письмо Л. Н. Вилькиной, посланное в Кобринo после 1 июля 1905 г.

⁶ У Мережковского ошибочно написано: что

Воскресение <2 октября 1905 г.>¹

Я сегодня тоже болен — инфлуэнца. Если пройдет, то во вторник приду, а если нет, то назначим другой день. Мне очень хочется Вас видеть. Когда Вы больны, я чувствую к Вам тихую нежность. Я мог бы сидеть около Вас и ухаживать, как за маленькую девочкою. Мне кажется, в Вас больную я мог бы влюбиться скорее, чем в здоровую. Впрочем, знаю; это Вам, больной, так же ни к чему не нужно, как здоровой...² Если во вторник не приду, то извещу заранее.³ Во всяком случае, до скорого свидания. За границу еду в конце октября.⁴

Д. М(ережковский)

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² В недатированной записке, относящейся, по всей видимости, к тому же времени, Мережковский писал: «Бэла бедненькая! Что такое с Вами? Очень беспокоюсь о Вас. Если бы можно было, я бы пришел к Вам, больной, и исцелил бы Вас моею тихой нежностью» (Л. 147).

³ Во вторник (4 октября) Мережковский извещал Вилькину: «Я еще не совсем здоров. Если позволите, приду в четверг или пятницу в 10 ч(асов) вечера» (Л. 132). Еще через день или два (6 либо 7 октября) он сообщил: «Инфлуэнца почти прошла. Приду в субботу в 10 ч(асов) в(ечера)» (Л. 139).

⁴ Это намерение Мережковского не было осуществлено; сроки отъезда за границу переносились, по разным причинам, до конца февраля 1906 г.

$\frac{20}{X}$ <19>05

Получил Ваше письмо слишком поздно. Все-таки был у Вячеславов.¹ Там была отвратительная скука. Читали дурацкую повесть какого-то Каменского под заглавием «Четверо»,² и происходили еще более дурацкие прения. В такие дни — хамство русской интеллигенции непостижимо. Мне иногда кажется, что все мы провалимся так, что от русского просвещения ничего не останется.³

Очень хотелось видеть Вас. И теперь хочется. Когда мы вместе *одни* — между нами какая-то нежная уютность. И я чувствую, что Вы мне все больше верите или все меньше не верите. Но действительно скучно «продираться сквозь толпы».⁴ Всюду казаки и хулиганы. На днях к нам даже в квартиру ворвались какие-то пьяные «киевские журналисты», требуя денег.

Третьего дня была минута радости («Самодержавие пало!»),⁵ но потом опять все замутилось. А тогда недаром выглянуло *солнце!* Теперь опять слякоть и грязь — и кровь, черная, как грязь, холодная, как слякоть. Мне чудится, — чтобы дойти до Вас, надо переходить через лужи грязи и крови.

В продолжающейся забастовке есть что-то тупое, дикое и бездарное, главное, — бездарное.⁶

Но все же буду у Вас при первой возможности. Грустно только, что Вас так редко можно видеть одну. Теперь и внутри домов толпа. И сколько лишних разговоров. Если бы вся Россия дала обет трехдневного молчания — все бы выяснилось...⁷

Бэла, милая, как бы мне хотелось сейчас, сейчас быть с Вами и положить голову на Ваши колени! Вы это чувствуете?

Не выходите эти дни на улицы: каждую минуту могут произойти неожиданности.⁸

Д. М(ережковский)

¹ Имеется в виду одно из собраний на «башне» у Вяч. Иванова (Таврическая ул., д. 25, кв. 24).

² Мережковский подразумевает рассказ Анатолия Каменского «Четыре», в котором повествуется о том, как герой его, поручик Нагурский, гедонист-циник „санинского“ типа, соблазнил в течение двух дней четырех молодых женщин (см.: *Каменский А.* Рассказы. Т. 1. Изд. 2-е. СПб., [б. г.] С. 179—206). З. Н. Гиппиус писала, имея в виду и «среды» Вяч. Иванова: «Литературный эстетизм переживал тогда момент судороги, — революция, неудавшаяся, сказывалась. Оживление немножко сумасшедшее, напряженно-разнузданное... Частью оно потом выродилось в порнографию» (*Гиппиус З. Н.* Живые лица. Прага, 1925. Вып. 1. С. 92). Критическое отношение Мережковских к собраниям у Вяч. Иванова могло быть обусловлено, в частности, пестрым, разнородным составом их участников. Ср. замечание З. Н. Гиппиус: «Новый эстетический круг этого писателя, поэта, ученого, горячего эллиниста, широкий, очень смешанный, казался нам — более всех прежних — смутно-беспорядочным» (*Гиппиус З.* Слова и люди (Заметки о Петербурге в 1904—1905 гг.)// Литературное обозрение. 1990. № 9. С. 109; публ. Н. Богомолова).

³ Свои мысли о сущности и предназначении русской интеллигенции Мережковский высказал в таких публицистических статьях этого периода, как «Грядущий Хам», «Чехов и Горький», «Мещанство и русская интеллигенция», «Страшный суд над русской интеллигенцией». При всем требовательно-критическом отношении к интеллигенции, Мережковский неизменно подчеркивал ее роль в прогрессивных преобразованиях, освобожденном движении, в духовном развитии нации.

⁴ Ср. в воспоминаниях З. Н. Гиппиус: «Длиннейшие манифестации с флагами, с пением, с криками, мы наблюдали из открытых окон нашей квартиры, когда толпы двигались по широкому Литейному проспекту» (*Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. С. 140).

⁵ Имеется в виду манифест 17 октября, провозглашавший ряд политических и гражданских свобод. Он вызвал кратковременное воодушевление

в среде интеллигенции. Ср. в письме Вяч. Иванова к В. Брюсову от 24 октября 1905 г.: «...не радоваться нельзя тому, что самодержавие, принужденное к самоубийству, нанесло себе рану на этот раз смертельную, — тому что самый лозунг недавней борьбы — „долой самодержавие“ — отныне стал праздным» (Лит. наследство. Т. 85. М., 1976. С. 487). Несколько иначе восприняла это событие З. Н. Гиппиус: «Первые слова человека, пришедшего к нам со свеженьким манифестом: „Ну, все кончено. Все получено. Свободы. Парламент. Конституция“. Радости в голове — никакой» (Гиппиус З. Слова и люди. С. 109).

⁶ З. Н. Гиппиус вспоминала: «В октябре разразилась, наконец, известная, первая в России, всеобщая забастовка. Погасло электричество, приостановились железные дороги. Помню мерцанье свечей у кого-то в квартире... Но в общем все наши «духовные» знакомства на это время оборвались, как будто их и не бывало никогда» (Гиппиус З. Дмитрий Мережковский. С. 140).

⁷ Есть все основания предполагать, что к тому же времени (вторая половина октября — начало ноября 1905 г.) относится недатированное письмо Мережковского, в котором он, в частности, писал: «Бэла, не сердитесь на меня. В эти дни трудно было выйти из дома, не сказав, куда идешь. А я не хотел ни лгать, ни говорить, что к Вам иду. И потом — Вас так трудно видеть одну: Вы окружены социал-демократическим вихрем, сквозь который к Вам не пробиться. Чем ближе я к Вам внутренно, тем для меня тягостнее эта внешняя суета. Так хотелось бы теперь молчанья, тишины, одиночества. А где их взять? Я бесконечно устал, болен от усталости. (...) Уехать? — но как уехать, бежать в такую минуту?..» (Л. 133—133 об.).

⁸ Отчасти впечатления, навеянные событиями осени 1905 г., отразились позднее в очерке Мережковского «Зимние радуги»: «Осенью 1905 года я как-то раз вечером шел по Невскому. Вдруг все электрические фонари потухли. Наступила темнота, словно черное небо обрушилось. Подростки-хулиганы засвистели пронзительно, и раздался звон разбитого стекла. По направлению от Аничкина моста к Литейной бежали черные толпы. Ковыляющая старушка-барыня со съехавшей набок шляпой закричала мне в лицо: „Не ходите, там стреляют!“ И мне, действительно, послышались или почувствовались выстрелы. Было страшно, как во сне» (Мережковский Д. Большая Россия. СПб., 1910. С. 4).

Вы получили мою карточку? Заходил к Вам вчера вечером и не застал.

У меня есть надежда, что суд над Н<иколаем> М<аксимовичем> не состоится.¹ Д. В. Философов был у своего брата — государств<енного> контролера² и настоятельно и, кажется, безуспешно советовал ему сделать все что возможно, чтобы предстоящий закон о печати³ возымел действие амнистирующее на «преступления» Н<иколая> М<аксимовича>.

Разумеется, с уверенностью ничего нельзя сказать, но если суд отменят, то Вы этим будете обязаны Д<митрию>

Владимировичу). И мне в таком случае будет очень радостно, что я хоть чуточку своим влиянием на Д(митрия) Владимировича способствовал этому делу.

Но умоляю Вас, Бэла милая, будьте тверды, решительны и извлеките Н(иколая) М(аксимовича) как можно скорее из социаль-демократического⁴ болота! «Гимн рабочих» меня огорчил: «из развалин, из пожарищ»⁵ — ничего не возникнет, кроме Грядущего Хама.⁶

Ну, всего хорошего. Не забывайте Вашего друга.

Д. М(ережковский)

¹ Письмо свидетельствует об участии Мережковского в судьбе Н. М. Минского, попавшего в сложное положение: он был арестован, ему грозило судебное разбирательство по делу запрещенной властями большевистской газеты «Новая жизнь», официальным редактором которой он являлся. Суд не состоялся, поскольку Минский, выпущенный на свободу под залог, тут же уехал за границу. См. текст доклада министра юстиции Щегловитова Николаю II в связи с делом Минского в статье Б. С. Мейлаха «Символисты в 1905 году» (Лит. наследство. Т. 27—28. М., 1937. С. 192—195). См. также статью В. А. Максимовой о «Новой жизни» в кн.: Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Большевистские и общедемократические издания. М., 1984. С. 4—23.

² З. Н. Гиппиус так объясняла подъем революционных настроений Минского: «И многих удивила поспешность, с какой Н. Минский (<...> кинулся прямо к социал-демократам (большевикам), стал даже подписывать газету Ленина. Но этот умный — более умный, нежели талантливый — стихотворец-философ (<...> страдал всю жизнь каким-то странным беспокойством: где ни почуется ему „последний крик времени“, туда, не разбирая, он и кинется» (*Gunnys* З. Слова и люди. С. 110). Минский, по свидетельству З. Н. Гиппиус, мотивировал свое сближение с социал-демократами тем, что хотел сделать «надстройку» над марксизмом из собственной «мэонической» религии (*Gunnys* З. Дмитрий Мережковский. С. 142). Интерпретируя позднее этот эпизод своей биографии, Минский, в частности, писал: «Союз между символизмом и революцией — явление внутренне необходимое. Художники с наиболее утонченными нервами не могут не оказаться наиболее отзывчивыми на голос правды. Новаторы в области искусства не могут не стать рука об руку с преобразователями практической жизни. Что касается меня, то союз между практическим и теоретическим идеализмом всегда казался мне неизбежным. Для меня не было и нет сомнения, что, для того чтобы русская личность очнулась от оцепенения, в которое ее повергла наша ненормальная государственность, ей одинаково необходим как внешний простор политической свободы, так внутренний простор религиозной истины» (*Минский Н.* На общественные темы. СПб., 1909. С. 195).

³ Двоюродный брат Д. В. Философова, Дмитрий Александрович Философов вскоре стал министром торговли и промышленности в кабинете П. А. Столыпина.

⁴ 24 ноября 1905 г. были утверждены «временные правила», регламентирующие деятельность печатных органов.

⁵ Такое написание слова (специально подчеркнутое Мережковским) подразумевало, вероятно, некий особый смысловой оттенок. Ср. в письме А. Блока к А. В. Гиппиусу от 9 ноября 1905 г., где он также выделил это слово: «Я — СОЦИАЛЬ-ДЕМОКРАТ» (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М. — Л., 1963. Т. 8. С. 141).

- ⁵ Мережковский цитирует слова из третьей строфы «Гимна рабочих» Н. Минского, опубликованного в «Новой жизни» (1905, № 12, 13 ноября): «Мир возникнет из развалин, из пожарниц...».
- ⁶ Обобщенный, символизированный образ Грядущего Хама возникает в одноименной статье Мережковского, написанной в 1905 г. «У этого Хама в России, — писал он, — три лица. Первое, настоящее — над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины... <...> Второе лицо прошлое — рядом с нами, лицо православия, <...> той церкви, о которой Достоевский сказал, что она «в параличе». <...> Третье лицо будущее — под нами, лицо хамства, идущего снизу, — хулиганства, босячества, черной сотни — самое страшное из всех трех лиц» (*Мережковский Д. С. Грядущий Хам. С. 37*).

Я уезжаю, потому что безмерно устал и потому что Вы все равно уже не здесь.

Вы не поверите, но я все-таки скажу Вам — может быть, когда-нибудь потом поверите, узнаете, что это правда: за эти последние дни, да и раньше, у меня были мгновения, когда я любил если не Вас, то что-то в Вас, кого-то за Вами. В темноте вспыхивала огненно-чистая точка. Почему она не разгоралась? Кто в этом виноват, я или Вы, не знаю. Может быть, это произошло оттого, что Ваша последняя сущность — «нет», — а моя [сущность] — «да»?¹ Твердо знаю одно, да это и Вы уже почти знаете: Вы ошибались, думая, что у меня нет страдания к Вам, что у меня все «игра». Если бы была только «игра», я бы сейчас не убегал от Вас. Главное страдание мое в том, что я не могу Вам сделать добра, не могу Вам дать ни капли счастья и света. Не сумел «расплавить» Вашего последнего «нет». Если бы сумел, то любил бы окончательно.

Но и теперь я Вас никогда не забуду. Никогда не забуду трепет Вашего сердца на голосах ночного ветра, который говорил свое вечное «нет», а сердце Ваше отвечало: «да». Но Вы сами не слышите, не знаете Вашего сердца, Вашего [последнего] «да». Может быть, когда-нибудь услышите — тогда вспомните и обо мне — не о словах моих, а о моих молчаниях, — с отрадою.

Если вернусь до отъезда, то зайду еще проститься с Вами. Хотя я ужасно не люблю прощаний и проводов: в них есть всегда что-то похожее на торжественность похоронную.

Напишите мне из Бельгии.² Может быть, встретимся за границей. Если нужно, то встретимся. Мой адрес в конце

марта: Nice. Post restante.^в В начале мая буду, вероятно, в Париже.

Книгу стихов пришлите. Я напишу о ней.^з Я рад, что хоть это маленькое могу сделать для Вас. И если будет очень грустно и одиноко, и холодно в жизни, в простой «житейской жизни», — напишите, — я Вам помогу, как сумею. Иногда в Вашем лице бывает выражение веселой, почти резвой девочки — брови подняты, и глазки Бэлы — «белочки» смеются каким-то удивленным смехом. Я ужасно люблю это выражение: в нем Ваше безмолвное, Вам самим не слышное «да».

Ну, простите, Бэла милая! Дай Вам Бог всего хорошего. Не забывайте меня, как я не забуду Вас.

Д. М(ережковский)

¹ На языке Мережковского «последнее да» и «последнее нет» означали веру или неверие в любовь как нечто вечное, неуничтожимое, противостоящее тлену, смерти, возвышающее человека над «земной» жизнью. Так, в статье «Меч» он писал о борьбе «любви и смерти, последнего да, которое я хочу сказать себе и людям в сознании любви, и последнего нет, которое я должен сказать себе и людям в сознании смерти» (Мережковский Д. С. Не мир, но меч. СПб., 1908. С. 7).

² Л. Н. Вилькина в это время собиралась уезжать к мужу за границу.

³ Речь идет о сборнике Л. Н. Вилькиной «Мой сад» (см. примеч. 7 к письму от 10/23 октября 1906 г.).

18

*11 ч(асов) утра 6 января 1906
Финляндия. Иматра. Hotel Cascade*

Вот уже два дня Вы меня преследуете, как наваждение. Больше чем когда-либо верю в реальность демонического — о, не в Вас черт, да и не во мне, а где-то между нами — в невозможности Вам почувствовать меня и мне — Вас — до конца — до полного знания, которое и есть и полная радость, полная любовь.¹

Нет, Вы меня никогда не забудете, Бэла. Никогда, Бэла, Бэла милая: я повторяю Ваше имя, Бэла, я его так люблю — в нем облачная нежность и холодная мягкая белая снежность.² Вы меня никогда не забудете — ведь Вы мне почти принадлежали и это почти может быть больше, чем совсем. У меня были ласки беспредельные, которым Вы не могли

---

^в Ницца. До востребования (фр.).

противиться, не имели власти им противиться. И теперь, сейчас, Вы со мною, Вы почти моя.

Сегодня ночью я вдруг проснулся под шум водопада среди глубокой тишины, под гул водопада, похожий на голоса ночного ветра, древнего хаоса, и мне так безумно захотелось услышать трепет Вашего чуждого близкого сердца, что я едва не вскочил и не поехал к Вам. Это было бы торжество страсти, но падение воли, падение чего-то более глубокого, вечного во мне — и в Вас? — чем страсть. Я не хочу страсти, *только* страсти. И если я Вас не люблю, не люблю никогда, то мне оправдание в том, что я уже люблю любовь...³ Но как я страдал от неимоверного, неистового желания. Зачем Вы не дали целовать Ваши ноги, Вашу грудь и последнюю тайну Вашего тела? Простите, Бэла милая... Вы видите, что мне не нужно было ехать к Вам и этого письма, может быть, не нужно было писать. Не посылать его Вам, разорвать?.. Но я не могу, не хочу, чтобы Вы не знали моего страдания — ведь оно все-таки Ваше — от Вас и к Вам. И если Вы его не поймете, если Вы его недостойны, — мне все равно — мое страдание вернется ко мне, не оскверненное, огненно-чистое, такое, какое оно есть.⁴ Не я его дал себе, и я не виноват в нем. В эту минуту нет во мне никакой лжи. И если даже просто скучно станет от этих наивных детских, глупо-страстных, глупо-откровенных строк, простите — я Вам больше не буду писать. Да и что писать? Я достигаю предела, за которым уже нет слов, а есть только вечный шум водопада, ночного ветра, хаоса и тишина вечная. Простите.⁵

Д. М(ережковский)

¹ Существенно, что «демонизм» здесь является как бы подоплекой того дрящегося любовного «невоплощения», которое чревато нарастанием чувственной страсти.

² Эти образы стали ключевыми в стихотворении Мережковского «Ослепительная снежность...», посвященном Л. Н. Вилькиной (см. примеч. 3 к письму от 10 января 1906 г.).

³ Ср. в сонете Вилькиной «Слова»: «Люблю любовь, как робкий вздох цветов...» (Мой сад. С. 48). Ср. также в ее записной книжке: «О, как я люблю любовь! Одна любовь соперница красоте» (ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 778, л. 6).

⁴ Мотив страдания в любви не раз возникает в стихах Вилькиной. Ср.: «Отрадны в жизни мне мои страдания» («Страдания» — Мой сад. С. 14); «Стремясь к любви душой, // Мы для любви любили бы страдания» («Обладанье» — там же. С. 46).

⁵ В тот же день Мережковский послал вслед этому письму открытку, в которой писал: «Простите глупое письмо, которое послано сегодня утром. Хотя, если бы теперь я начал писать, то вышло, пожалуй, еще глупее. Получите ли это письмо в России, — не знаю, если получите, то ответьте. (<...> Очень грустно. Ну, счастливого пути!» (Л. 62 об.).

7/1 <19>06. Имата

Может быть это письмо Вы еще получите до отъезда.¹ Я здесь не вызд<о>рвел: теперь чувствую, что не надо было уезжать. Тяжело, Бэла милая. Всего тяжеле<е>, что Вам так легко, что Вы уже забыли меня совсем. Отсюда напишу завтра в Бельгию. Счастливого пути. Я все время с Тобой.

Д. М<ережковский>

¹ Вилькина получила это письмо до отъезда за границу.

8 января 1906 г.
Имата¹

Ну вот что, Бэла. Я внутренне *почти* решил ехать к Вам.² Это внешне сделать чрезвычайно трудно, и не только внешне. Но вот вопрос, на который Вы должны мне ответить так же правдиво и серьезно, как я спрашиваю Вас: хотите ли Вы, чтобы я к Вам приехал? Имейте в виду: я приеду *один*. Мне было бы важно, чтобы и Вы были *одна*, т<о> е<сть>, чтобы мы пробыли вместе то время, которое пробудем, — без Николая Максимовича. Это не ревность, а стыдливость — глупая, детская — но таков уж я уродился, — имея со мною дело, надо считаться с моею глупостью и детскостью.³ Впрочем, это не условие, а только просьба, желание: если Вы это желание сможете исполнить, то мне будет легче. Если же нет, то, может быть, я преодолею и эту трудность, т<о> е<сть> приеду не к Вам одной, а к Вам обоим. Во всяком случае, мне нужно знать заранее, как Вы решите. В зависимости от Вашего — будет и мое решение.

Затем, вот еще что мне нужно знать: до каких пор Вы остаетесь в Бельгии? Безразлично ли Вам, — если Вы вообще решите ехать со мною, — поехать в Париж или на южный берег Франции? Впрочем, я еще не знаю, как мне будет удобнее, — может быть, я останусь там же, где и Вы теперь, или мы вместе с Вами переедем в соседний городок, или да же я почувствую, что мне лучше не с Вами вдвоем, а только при *Вас*, и что присутствие Никол<ая> Макс<имо- вича> мне несколько не мешает. Мне сейчас нужна *свобода*:

решения, чтобы ничто *внешнее* не мешало и чтобы все шло изнутри.

Повторяю: я еще *не совсем* решил ехать к Вам. Это «не совсем» зависит не от житейского, а от *более важного* (ведь и у Вас есть это важное или Вы хотите его иметь). Между прочим, тут решается дело об основании нового журнала, в котором я принимаю близкое участие.⁴

Еще вопрос: если окажется, что мне ехать теперь нельзя, то хотите ли встретиться со мною в конце или середине марта в Ницце? Но так, чтобы эта встреча была *не случайною*, а заранее решенною. Впрочем, мне кажется, сейчас легче ехать к Вам, потому что в марте я уже буду наверное не один.

Если решу ехать, то выеду в начале [февраля] или в первой половине февраля.

Отвечайте немедленно в Петербург (Литейная, 24, кв. 10). И, пожалуйста, точнее, деловитее.

Получили ли письма, которые я писал Вам с Иматры в Петербург?

О «чувствах» не могу писать — слишком мучительно. Да и вообще я писать писем не умею.

Вы всегда со мною.

Д. Мережк(овский)

¹ Это письмо было послано вместе со следующим письмом от 10 января 1906 г.

² У Мережковского возникла мысль поехать на некоторый срок одному за границу, в Бельгию или во Францию, чтобы там встретиться с Вилькиной. Этот план живо занимал его во время пребывания на Иматре.

³ О «детскости» Мережковский говорил неоднократно, считая ее одной из главных черт своего характера. Ср. его стихотворение «Детское сердце» (*Мережковский Д. С.* Собрание стихов. СПб., 1910. С. 69).

⁴ Речь идет о попытках создания журнала под названием «Меч». Во втором номере журнала «Золотое руно» за 1906 г. сообщалось: «В Петербурге возникает новый религиозно-общественный, философский и литературный журнал «Меч» при близком участии гг. Мережковского и Бердяева» (С. 120). «Ядро» редакции должны были составить Мережковские, Д. Философов, Н. Бердяев, С. Булгаков. Смысл названия журнала до некоторой степени проясняют заключительные строки из одноименной статьи Мережковского: «Христианская церковь (<...> всегда или уходила от мира, или, входя в него, теряла остроту свою, притупляла свой меч. Истинная Церковь войдет в мир, врежется в исторически-реальное человечество, как в живое тело врзается меч. *Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч*» (Мф., 10, 34). Церковь Грядущего Господа и есть этот меч» (*Мережковский Д. С.* Не мир, но меч. С. 39). Замысел этот реализовать не удалось.

Вместе с этим письмом отправляю другое, написанное два дня тому назад,¹ но задержанное мною, потому что у меня тогда была «психопатия». Теперь я более трезв и спокоен; это, впрочем, не значит, что нет страсти (π᾿αλοῦς — значит по-гречески «страсть» и «страдание» — «болезнь», «аффект»), но я ею более владею, подчиняю себе. Но и спокойно и сдержанно предлагаю Вам тот же вопрос: хотите ли, чтобы я приехал к Вам в начале февраля в Бельгию? За эти два дня «почти решил» еще более склонилось к «совсем решил». Но, разумеется, может случиться внешнее и внутреннее, что от Вас, от Вашего желанья не зависит и что изменит мое решение. Главное препятствие — все та же «психопатия». Я не хочу ехать к Вам в грубом чувственном аффекте. *Только* стихийно, бессознательно. В том-то и беда всякой страсти, Эроса, что в нем, особенно теперь, при нашем декадентстве, в нем, в Эросе, есть Эротомания, «роза-низм» (от Розанова²). А я бесконечно люблю *здоровье*: оно мне кажется бесконечно прекрасным. Может быть, потому и люблю его так, что не имею. В эти два дня чувствовал себя больным, слабым, старым, *смешным* и беспомощным ребенком. Тут начинается мой «страх смешного» (ridicule^г). Боюсь и Вам, когда приеду, показаться смешным и жалким и некрасивым — «*скучным*» — это хуже всего. Вы еще не знаете всего уродства моего и позора. И я не хочу, чтобы Вы увидели его. Не хочу причинять Вам этого ненужного страдания.

Склоняюсь я теперь и к тому, чтобы <быть> поближе к тому месту, где будет жить Ник<олай> Макс<имович> — для того, чтобы Вы могли сейчас вернуться к нему, если я Вам надоем, что, вероятно, случится скоро.

Посылаю Вам стихи, которые здесь написаны и которые Вам посвящены.³ Они тоже старые, смешные и банальные. Но все-таки примите их. Если хотите, то пошлите их сами в «Весы» или в «Золотое руно». Вообще, сделайте с ними, что угодно: они Вам принадлежат. И посвящение напишите, как сами хотите: или Л. Н. Вилькиной или (что, по-моему, гораздо красивее) — «Бэле». ⁴ Имя Бэлы звучит в белизне моих стихов. ⁵

Хочу писать книгу (в прозе) маленькую и очень странную «о любви». ⁶

^г Смешной, нелепый (фр.).

Итак, Бэла, Бэла, Бэла милая, жду скорого ответа. Отсюда уехать не могу — здесь так упоительно — но все-таки отвечайте в Петербург — я там буду около 14 января. Трезво и все-таки пьяно целую Ваши руки... и не только руки.

Д. М(ережковский)

¹ Имеется в виду предыдущее письмо от 8 января 1906 г.

² Имя В. Розанова не случайно упоминается в данном контексте: ему был присущ острый и постоянный интерес к проблемам пола, эроса, плотской, «земной» любви, о которых он часто и предельно откровенно высказывался публично. Ср. в мемуарах З. Н. Гиппиус: «Так называемые розановские „вопросы“, — то, что в нем, главным образом, жило, всегда его держало, все проявления его окрашивало, — было шире и всякого эстетизма и уж, очевидно, шире всяких „политик“. Определяется оно двумя словами, но в розановской душе оба понятия, совершенно необычно, сливались и жили в единстве. Это Бог и пол. <...> Последний „вопрос“ и вообще-то, для всех, пребывал тогда в стыдливой тени или в загоне; как же могло яркое вынесение его на свет Божий не взбудоражить, по-разному, самые разные круги?» (*Гиппиус З. Живые лица*. Вып. 2. Прага, 1925. С. 20—21).

³ Речь идет о стихотворении «Ослепительная снежность...»:

Ослепительная снежность,
Усыпительная нежность,
Безнадежность, безмятежность —
И белó, белó, белó.
Сердце бедное забýло,
Все, что будет, все, что было,
Чем страдало, что любило —
Все прошло, прошло, прошло.

Все уснуло, замолчало,
Где конец, и где начало,
Я не знаю, — укачало,
Сани легкие скользят,
И лечу, лечу без цели,
Как в гробу иль в колыбели,
Сплю, и ласковые ели
Сон мой чуткий сторожат.

Я молюсь или играю,
Я живу иль умираю,
Я не знаю, я не знаю,
Только тихо стýнет кровь.
И белó, белó, безбрежно,
Усыпительно и нежно,
Безмятежно, безнадежно,
Как последняя любовь!

Автограф стихотворения при письме не сохранился.

⁴ Стихотворение было опубликовано с посвящением «Л. Н. В-ной» в журнале «Весь» (1906. № 3—4. С. 1—2). Мережковский в это время был за границей. В открытке, посланной 24 апреля 1906 г. (н. ст.), он сообщал Вилькиной: «Сегодня прочел в „Весах“ мое стихотворение, посвященное Л. Н. В-ной, и многое вспомнил» (Л. 91).

⁵ Слева на полях приписано: «Стихов этих не показывайте в *рукописи* Н(иколаю) М(аксимовичу) — мне стыдно» (Л. 70).

⁶ Замысел этот, видимо, не был реализован.

$\frac{14}{I}$ <19>06. *Иматра*¹

Сегодня, наконец, уезжаю отсюда. Не знаю, как выберемся — такая вьюга. Пожалуй, на дороге застрянем от снежных заносов. Вверху воет вьюга, а внизу — Иматра. В окнах бело, бело и грустно.² Пора в Петербург. Там — бесконечные дела. Приехал Булгаков,³ Волжский⁴ — хотят устраивать новый журнал.⁵ Зовут нас. 28 января я читаю юбилейную лекцию о Достоевском в Философ(ском) О(бществе), если только разрешат («Пророк русской революции»).⁶ 18 января идет «Антигона» в моем переводе.⁷ Мне жаль, что Вы ее не увидите. Эта трагедия — мне родная. Потом предстоит подготовка «Эдипа-Царя». ⁸ Выходит книжка «Грядущий Хам». ⁹ Надо писать статью в «Полярную звезду». ¹⁰ Вообще вихрь дел. Уже и здесь мы встретили в глухом лесу — кого бы Вы думали? — Максима Горького. Разговаривали очень любезно. Он, в сущности, милый «товарищ». ¹¹ Но все это внешнее могу оборвать, чтобы приехать к Вам. Только нужно ли Вам, чтобы я приехал? Не хочу, впрочем, думать об этом, пока не получу решительного ответа на мои два последние письма, которые, надеюсь, Вы уже получили. Одно мне ясно: мне легче и отраднее Вас увидеть в Бельгии в феврале, чем в Ницце в марте. В Бельгию могу приехать *один*, а в Ницце я *должен* быть не один.

Здесь, на Иматре, я все время был с Вами. И мне отсюда грустно уезжать, — точно опять с Вами расстаюсь.

Ах, Бэла, Бэла, если бы Вы могли меня хоть чуточку любить, т(о) е(сть) верить мне — все сразу выяснилось бы для нас обоих. Страсть уменьшилась бы, утихла бы, но явился бы то, что неизмеримо лучше страсти. И даже не нужно мне Вашей любви (я слишком убежден, что ее быть не может), а нужна только последняя правда, последнее сознание, что у Вас нет и никогда не будет ко мне любви. Эта правда, сказанная Вами искренне и просто, бесконечно приблизила бы меня к Вам. И я мог бы тогда сделать Вам добро, которое мне так хочется сделать.

Очень жду Ваших писем. Целую руки, *только руки* на этот раз.

Д. М(ережковский)

- ¹ Письмо адресовано в г. Маастрихт (Бельгия).
- ² Обыгрывается рефрен из стихотворения «Ослепительная снежность...». См. примеч. 3 к письму от 10 января 1906 г.
- ³ Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — философ, богослов, публицист. С ним Мережковские сотрудничали в 1904—1905 гг. в журнале «Новый путь», когда заключили союз с группой так называемых «идеалистов»; затем этот журнал был преобразован в новый орган («Вопросы жизни»), который С. Булгаков редактировал совместно с Н. Бердяевым и Н. Лосским.
- ⁴ Волжский (наст. имя Глинка Александр Сергеевич; 1878—1940) — критик, публицист.
- ⁵ См. об этом в примеч. 4 к письму от 8 января 1906 г.
- ⁶ Лекция была приурочена к 25-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. Она должна была предшествовать той, которую Мережковский намеревался прочесть по приглашению Литературного фонда. В связи с этим 29 января 1906 г. Мережковский писал П. И. Вейнбергу: «7 февраля я буду читать мою лекцию в Философ(ском) О(бщест)ве. (...) Там, впрочем, я буду читать ее в более нецензурном виде, чем публично. Но по тому впечатлению Вы тем вернее будете судить о впечатлении публичной оцензурной лекции. Боюсь, что мне ее разрешить — разрешат, а потом, когда раскусят, то начнутся гонения не только на нас, но и на Лит(ературный) Фонд. Ибо все же главная тема: „православие — самодержавие“ — весьма щелотливая, и „ортодоксей“, „абсолютизм“ ее не прикрыть. Впрочем, м(ожет) б(ыть) я и ошибаюсь и преувеличиваю. Очень хотелось бы также, ввиду моего скорого отъезда, назначить лекцию пораньше — не 20 февраля, а так 14—15 или даже еще раньше» (ИРЛИ, ф. 62, № 22, л. 1 об. — 2 об.). 12 февраля 1906 г. газ. «Слово» сообщала: «На днях в здании университета состоялось закрытое собрание петербургского философского общества, на котором известным писателем Д. С. Мережковским был прочитан доклад на следующую тему: «О религиозно-общественных идеях Достоевского». (...) Талант г. Мережковского, огромный интерес темы, связь ее с переживаемыми событиями, — все это собрало много публики. Доклад продолжался до 11-ти часов. Остальной час предоставлен для возражений» (Слово. 1906. № 382. 12 февраля. С. 4). Лекцию, организованную Литературным фондом, Мережковский прочел 18 февраля в зале Тенишевского училища. Эти лекции о Достоевском являлись сокращенным вариантом статьи «Пророк русской революции», которая в это время печаталась в журнале «Весь» (1906. № 2. С. 27—45; № 3—4. С. 19—47).
- ⁷ Трагедия Софокла «Антигона» (ок. 442 г. до н. э.) была впервые поставлена на русской сцене (в переводе Мережковского) 12 января 1899 г. в Художественно-общедоступном театре (ныне МХАТ) в Москве. Спустя семь лет, в январе 1906 г. премьера трагедии состоялась в петербургском Александринском театре (см. примеч. 5 к письму от 22 января 1906 г.). Следует учесть при этом, что в конце 1899 г. и в начале 1900 г. в Петербурге были осуществлены постановки «Антигоны» (в зале Кононова и в Малом театре), инициаторами которых были петербургские актрисы К. Дестомб и Л. Яворская. Узнав о постановке трагедии в зале Кононова, Мережковский, находившийся в то время в Италии, прислал в газету «Новое время» письмо, в котором заявлял, что он не только не принимал никакого участия в подготовке спектакля, но даже не был предупрежден устроителями его о намерении воспользоваться переводом (Новое время. 1900. № 8571. 7 января. С. 4).
- ⁸ Перевод в стихах трагедии Софокла «Эдип-царь» (ок. 429 г. до н. э.) также принадлежал Мережковскому. Впервые он был опубликован в журнале «Вестник иностранной литературы» (1894, январь).

- ⁹ Книга «Грядущий Хам», включающая шесть публицистических статей, вышла в Петербурге (издание М. В. Пирожкова) в начале 1906 г.
- ¹⁰ «Полярная звезда» — сженедельный журнал, издававшийся в Петербурге под редакцией П. Б. Струве с 15 декабря 1905 г. по 19 марта 1906 г.; печатный орган кадетов. Всего вышло 14 номеров «Полярной звезды». В этом журнале Мережковский опубликовал статьи «Мещанство и русская интеллигенция» (№ 1) и «Грядущий Хам» (№ 3). В февральских и мартовских номерах журнала статей Мережковского нет.
- ¹¹ М. Горький находился в это время в Финляндии из конспиративных соображений, опасаясь возможных репрессий за активное участие в революционных событиях. Горького Мережковский воспринимал прежде всего не как художника, а как выразителя неприкрашенной правды жизни, философии и настроений «босячества», знаменательное общественное явление (см. статью «Чехов и Горький» в книге «Грядущий Хам». С. 43—101). Слово «товарищ» Мережковский обычно употреблял применительно к социал-демократам.

Я совсем решил ехать к Вам, когда получил Ваше письмо о «ревности». Не столько огорчился, сколько удивился. Я и не подозревал, что Вы «окружены ревностью». Это так не похоже на Вас и на Н(иколая) М(аксимовича). Ну просто не поверил бы, да и теперь еще, признаюсь, это кажется мне мало вероятным. Но, во всяком случае, я не хочу Вам доставлять никакого беспокойства, а потому не бойтесь, не приеду. Может быть, так и лучше, как Вы решили — «женственно», «жизненно». Вообще, Ваша жизненность, практичность меня изумляет и даже несколько смущает. А я-то разлетелся!.. Вообще во мне много глупой наивности, ребячества, от которых я никак не могу отделаться. «Юродство».¹ Ну, да теперь это дело прошлое. Я в сущности даже рад, что вышло так, как вышло.

Увидимся ли в Ницце? Я буду около Ниццы (Antybes или Sappes) [около] между 10—15 русского марта. Будете ли и Вы там в это время? Но ведь и в Ницце, так же как в Бельгии, Вы будете «окружены ревностью». Знаете ли, что я Вам предложу очень серьезно (как бы только опять не вышло наивности, ребячества?): пусть наши свидания в Ницце «под небом вечно голубым» (помните у Пушкина: «в тени олив, любви лобзанья мы вновь, мой друг, соединим»)² — будут совершенною, непроницаемою тайною для всех? Пусть никто никогда не узнает, что мы виделись? Хотите? Можете? Мне бы так отрадна была с Вами глубокая тайна. Ведь Вы теперь не можете не верить, что я Вас предаю...

...Пришел Карташев,³ помешал писать. Трудно возобновлять письмо.

Вообще здесь в Петербурге навалилась лавина всяких дел. Сегодня был на последней репетиции «Антигоны». Как мне жаль, что Вы ее не увидите! Вам бы понравилась постановка — в ней много моего, родного мне. Антигона-Лачинова так хороша, что в нее можно влюбиться (конечно, только на сцене).⁴ Есть там песня об Эросе, которую нельзя слушать без восторга и ужаса.⁵ На репетиции был розоволицый художник (фамилию забыл) с черноокою женою, за которую я когда-то ухаживал. Я удивился, как она могла мне нравиться. Это Ваше действие, Бэла? Бэла? Вы еще слышите нежность, с которою я произношу Ваше имя, Бэла, маленькая моя девочка? Или уже забыли? Последнее Ваше письмо как будто ласковое, но такое далекое, далекое. За чем Вы не захотели, чтобы я приехал, милая?⁷

Ваш Д. М(ережковский)

¹ В статье «Последний святой» Мережковский, назвав юродство «христовством» в самом христианстве», отметил: «Юродство есть отречение от человеческого разума во имя Божеского» (Мережковский Д. С. Не мир, но меч. С. 169, 179). Возможно, он подразумевал также то место в статье В. Розанова «Среди иноязычных» (она посвящена Мережковскому), где речь идет о «юродстве» христианском и языческом (Новый путь. 1903. № 10. С. 228).

² Строки из стихотворения Пушкина «Для берегов отчизны дальней...» (1830).

³ Карташев Антон Владимирович (1875—1960) — историк церкви, один из близких друзей Мережковских, разделявший их основные религиозные идеи; в то время — доцент Духовной академии.

⁴ Премьера спектакля состоялась 24 января 1906 г. Рецензент газеты «Новое время» отметил, что постановка «оставила самое неопределенное впечатление»: «С одной стороны, величие античного политического протеста, которым полны хоры, и прекрасный перевод г. Мережковского, с другой — плохое исполнение... (<...> Вопрос: зачем тревожили великую тень Софокла? Ответ: такова воля директора». Характеризуя исполнительницу роли Антигоны Лачинову, он писал: «У нее в игре было много старания, много намерений, но очень мало искусства» (Новое время. 1906. № 10729. 26 января. С. 4). Рецензент газеты «Наша жизнь» Г. Ч(улков) расценил постановку трагедии как «большой культурный факт». Назвав героиню Софокла «душой мира», страдающей в темнице времени и пространства, он, в частности, писал: «Антигона — это вечный символ освобождающейся личности, которая мятежно отказывается от всех велений, — слишком „человеческих“» (Наша жизнь. 1906. № 353. 26 января. С. 4). Такая трактовка трагедии, в общем, — вполне в духе Мережковского.

⁵ Мережковский имел в виду «песню» Хора:

Эрос, бог всепобждающий,
Бог любви, ты над великими
Торжествуешь, а потом,
Убаюканный, покоишься

На ланитах девы дремлющей,
 Пролетаешь чрез моря,
 Входишь в хижину убогую.
 Ни единый в смертном племени,
 Ни единый из богов,
 Смерти чуждых, не спасается,
 Но страдают и безумствуют,
 Победенные тобой.
 Ты влечешь сердца к преступному
 И к неправедному праведных,
 Вносишь в мирную семью
 Ты губительную ненависть;
 И единый взор, сияющий
 Меж опущенных ресниц
 Юной девы, полный негою,
 Торжествует над законами
 Вековечными богов, —
 Потому что все живущее,
 Афродита вечно юная,
 Побеждаешь ты, смеясь!

(Софокл. Антигона. Перевод Д. С. Мережковского.
 СПб., 1902. С. 40).

6 На полях (Л. 79 об.) приписано: «Я даже письма боюсь Вам писать ввиду „ревности“».

24

С.-Петербург. $\frac{8}{II}$ <19>06¹

Не писал Вам так долго, Бэла, потому что рад был своему выздоровлению от Вас. Ибо все-таки моя страсть к Вам на $\frac{3}{4}$ или еще больше — болезнь, психопатия, и только частица в ней здоровья. И очень мало надежды, чтобы здоровая часть победила болезненную. Для этого мне нужна бы помощь Ваша, а Вы для этого ничего сделать не хотите или не можете. Теперь я почти выздоровел [от Вас]. Увидимся ли в Ницце, зависит от того, захочу ли я выздороветь *совсем*. Может быть, и захочу. Может быть, Вы и сами можете мне выздороветь [совсем]. Вы уже сильно помогли [моему выздоровлению] письмом о «ревности». Это письмо было для меня, как ушат холодной воды. Другого, более примитивного и нормального человека [мысль о ревности] ревность воспламенила бы еще больше, а меня почти потушила...

Во всяком случае, если Вы действительно хотите, чтобы мы увиделись в Ницце, то вот мое условие: я приеду к Вам *один*, и Вы будьте *одна*. Приезжайте ко мне навстречу в Cannes или в Antybes, где мы и увидимся. [Вам] Сколько

времени останемся вместе и *наедине*, я не знаю — сколько захотим, сколько сможем. Никаких обязательств я не хочу ни с Вашей, ни с моей стороны. Каждый пусть уезжает тотчас, когда ему захочется. Вам неудобно такое условие? Опять — «ревность»? Ну что же, тогда не надо. Но иначе сделать я не могу и не хочу.

И если даже Вы согласитесь (*думаю, впрочем, что согласитесь*), то я все-таки не знаю, приеду ли к Вам: так я люблю здоровье и так мучительна мне всякая болезнь, даже сладостная болезнь страсти. Решу окончательно в Париже и тогда напишу Вам или телеграфирую, [что] и подожду Вашей ответной телеграммы, что Вы выезжаете ко мне навстречу *одна* и принимаете мое условие: иначе не выеду, и если мы не согласимся, то уеду на Корсику или в Испанию, *чтобы подальше быть от Вас* (видите, как я любезен!). Пожалуйста, отнеситесь серьезно к этому предложению моему и не заставляйте понапрасну трястись на железных дорогах мои «старые кости»: будьте и Вы со мною любезны!

На это письмо ответьте тотчас же сюда, в Петербург. Выеду отсюда *прямо в Париж* не раньше 24—25 марта, но, вероятно, и не позже (*все по русскому стилю*).² Остановлюсь в Берлине [день] два, три дня и, значит, буду в Париже в первых числах нашего русского апреля. Напишите также на всякий случай и в Париж: *Paris. Poste restante*.

Здесь в Петерб^{ург}е все спокойно, как в могиле. Насколько я знаю и чую политические веяния, ни о каких преследованиях Н^{иколая} М^{аксимовича} не может быть и речи.³ Все вообще устали и как-то оглупели или впали в обморок.

Философов отсюда уезжает послезавтра — вперед.⁴ И мы готовим сундуки, — из этого Вы можете заключить, что отъезд наш дело решенное и более не отложится.

Ну, до свидания — или простите, Бэла, Бэла милая, прозношу Ваше имя, Бэла, с прежнею нежностью, потому что в страсти, несмотря на всю ее жестокость, есть все-таки нежность, и всего мучительнее, что никак нельзя узнать, что такое эта нежность — обман или правда. Но свобода лучше страсти — это все-таки правда для нас обоих несомненная? Не так ли, Бэла?

Всегда помнящий Вас
Д. М^{ережковский}

¹ Письмо послано в Ниццу.

² Мережковские уехали за границу 25 февраля 1906 г.

³ Предположение Мережковского не оправдалось. Н. М. Минский вынужден был оставаться на положении эмигранта до 1913 г.

⁴ З. Н. Гиппиус писала: «Философов уехал раньше нас, в Швейцарию, кажется, где были тогда его мать и сестры...» (Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. С. 149).

25

Среда <май — июнь 1906 г.>¹

В четверг вечером я занят — не могу прийти. Но надеюсь, что мы в четверг же увидимся днем, так как мы условились с Николаем Максимовичем² вместе завтракать. Конечно, и Вы придете? Тогда и условимся, когда увидеться. А если не придете завтракать, то напишите и назначьте, если возможно, время до 6 ч<асов> вечера, так как вечером к нам в Auteuil,³ где мы уже поселились, очень трудно добраться — извозчики не ездят и конки перестают ходить. Т<о> е<сть>, конечно, можно доехать, — но сначала надо приспособиться.

А видеть Вас, Бэла, мне хотелось и хочется *просто*, без всяких углублений и соображений. Я ведь вообще гораздо проще и наивнее, чем Вы предполагаете.

Итак, надеюсь, до скорого свидания.⁴

Д. Мережковский

¹ Датируется по содержанию.

² Речь идет о Н. М. Минском.

³ Auteuil — район Парижа, где Мережковские сняли квартиру на улице Теофиля Готье, «в самом начале этой, тогда новой, улицы, в только что отстроенном доме» (Дмитрий Мережковский. С. 150).

⁴ На об. начального листа приписано: «У нас тут хорошо — зелено, листьями пахнет — совсем „дача“. И тишина провинциальная. Приезжайте к нам в гости, — на пароходике по Сене пресвесело. Скажите Н(иколаю) М(аксимовичу), что «Грядущего Хама» я ему принесу завтра».

26

*<Между 5 и 27 августа 1906 г.>¹
Fouesnant (Finistere) Beg-Meil.
Hôtel de la Plâge*

Получил Ваше письмо и детски обрадовался. Вы в нем — прежняя милая Бэла. Если бы Вы были такая всегда! А я и не ждал ответа, думал, что Вы меня совсем забыли... Если я Вам все-таки написал, это значит, что есть у меня к Вам что-то подлинное; как это назвать, не знаю, но может быть и не нужно называть? Я только знаю одно, когда

Вы простая и веселая, мне с Вами тоже просто и весело. И несправедливо, что я Вам ничего не давал, кроме «фельетонных разговоров»: я Вам отражал в моей нежности то, что Вы сами в себе любите. И если после того, как Вы оттолкнули меня с такою жестокостью в последнее наше свидание, я все-таки к Вам иду или, вернее, «лезу», — значит, и Вы мне кое-что давали, хотя бы нечаянно и против собственной воли.² Кажется, мы нравимся друг другу тем, что мы оба очень *свободны* и бескорыстны.³ Это главное, подлинное, а все остальное — внешнее, второстепенное. По крайней мере, признайте, что я — верный: *чем изменчивее, тем вернее* — это можно бы сделать моим девизом...

Вы спрашиваете, как я живу? Уныло. Можно ли жить иначе во время того, что теперь происходит в России. Это уже не революция, а что-то гораздо более страшное и небывалое в истории. И всего мучительнее, что нужно на это смотреть со стороны и бездействовать. Ибо все-таки наше дело — слово и мысль, а тут никакие слова, никакие мысли ничего не сделают.⁴ Тут какое-то стихийное разрушение всего.⁵ Когда закрыли Думу,⁶ мы хотели было вернуться в Россию. Думали, вот когда «начнется»... Но теперь наступила такая безнадежность, что не имеешь силы думать о том, что будет...

Я живу в крошечной бретонской деревеньке на берегу Океана. Тихо и пустынно. Только шум океана и ветра в придорожных деревьях. Занимаюсь Павлом,⁷ пишу статьи для Сборника,⁸ катаюсь на парусе по морю, брожу по песчаным отмелям и порою думаю о Вас.

В Париже будем в начале сентября, но, может быть, оттуда поедет в Шантильи или Фонтенбло недели на две: очень хочется леса — он все-таки напоминает Россию. Пока, т(о) е(сть) до 1 сентября (здешнего) пишите сюда в Beg-Meil, а потом в Париж: 15bis Rue Théophile Gautier. Paris (XVIe).

Вы требуете клятвы, что писем Ваших никто не читает. Клянусь. Но ведь и клятве не поверите? Что же мне с Вами делать? Я этого не заслужил от Вас, Бэла. Скажу Вам просто, без клятвы: Вы должны мне в этом верить: не только писем Ваших никто не читает, но никто не слышал от меня за все это время ни единого слова о Вас. Всегда моей мечтою было, чтобы наша дружба с Вами была совершенною тайною. И я надеюсь, что Вы когда-нибудь в этом убедитесь. Ведь от Вас зависит, чтобы мы виделись так, чтобы никто никогда об этом не знал. Я этого хотел бы больше всего. А увидеть Вас мне хочется. Пришлите Ваш парижский ад-

рес. Где будете зимою? Не забывайте меня, а что я не забыл Вас, Вы ведь чувствуете, милая?

До свидания, Бэла.

Ваш Д. М(ережковский)

- ¹ Датируется по содержанию. Свой новый адрес (Бретань, местечко Бег-Мейл), куда написала из Сан-Себастьяна Л. Н. Вилькина, Мережковский сообщил в открытке, посланной 5 августа 1906 г.: «Хотелось бы Вам написать, но ответите ли, а без ответа я писать не могу. Где Вы? Я пишу Вам эти слова точно с того света. И вот, все-таки пишу. Значит, бескорыстно. М(ожет) б(ыть) наш общий порок — чрезмерное бескорыстие. Всегда помнящий Вас Д. Мережковский. Адрес до нача(ла) сентября (здешнего): Fouesnant (Finistère). Beg-Meil. Hôtel de la Plâge. Потом — Париж» (Л. 105).
- ² В статье «О новом религиозном действии» Мережковский высказал мысль, что любить — значит «утверждать других, хотя бы против себя» (Мережковский Д. С. Грядущий Хам. С. 170).
- ³ Ср. в записной книжке Л. Н. Вилькиной:
- 1). Цель — быть счастливой.
  - 2). Чтобы быть счастливой, надо быть свободной.
  - 3). Свобода дается освобождением.
  - 4). Освобождение — отталкивать все притягательное, и счастье и привязанность» (ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 778, л. 6).
- ⁴ О том же Мережковский писал в статье «О новом религиозном действии»: «Ничего бы я так не хотел, (<...> как «высказаться окончательно». Но есть ли возможность сделать это сейчас, в те острые мгновенья, которые мы переживаем? Теперь все слова еще заглушаются громом событий» (Мережковский Д. С. Грядущий Хам. С. 169).
- ⁵ Эти мысли о русской революции нашли развернутое выражение в статье «Религия и революция», где Мережковский писал о «беспредельной анархии, которая, кажется, и есть тайная, *ночная душа* русской революции» (Мережковский Д. С. Не мир, но меч. С. 106). Ср.: «В настоящее время едва ли возможно представить себе, какую всеокрушающую силу приобретет в глубинах народной стихии революционный смерч» (Там же. С. 116).
- ⁶ 1-я Государственная дума была распущена 8 июля 1906 г.
- ⁷ В то время Мережковский работал над пьесой «Павел I».
- ⁸ Речь идет о сборнике публицистических статей Д. Мережковского, З. Гиппиус и Д. Filosofova «Le Tsar et la Révolution», задуманном Мережковскими почти сразу по приезде в Париж. Мережковский работал тогда над статьёй «Религия и революция», одной из центральных в сборнике.

27

$\frac{27}{VIII}$ <19>06 (н. ст.)

Beg-Meil. Fouesnant (Finistère)
Hôtel de la Plâge

Вы уезжаете в Россию? Грустно. Очень хотелось бы Вас увидеть до отъезда. В Париже мы будем 1—2 сентября. На-

пишите по старому адресу...¹ Спасибо за ласковое письмо. Вы в нем прежняя милая Бэла, с которою мне легко, просто и весело.

Что же, однако, с Вами будет в России? Что Вы думаете там делать? Теперь, кажется, там хуже, чем когда-либо. Реакция, по-видимому, *искренняя*, не только сверху, но и снизу.² Или возвращаетесь просто потому, что стосковались по России, по Петербургу? Мне нравится, что Вы так любите Россию, несмотря ни на что. Тут Вы хотя и «жидовка», а настоящая русская.

А как же Ник(олай) Макс(имович)? Ведь ему нельзя вернуться. Где он будет? Напомните ему о статье для нашего Сборника.³ А также пусть пришлет свою фотографическую карточку и биографическую заметку (маленькую — на одну страницу печатного текста). Мы решили дать портреты и краткие биографии всех участников. И попросите поскорее прислать статью — нам нужно приступить к переводу и печатанию.

В Париже мы останемся недолго, несколько дней (не больше недели), а потому нужно бы иметь тотчас Ваш адрес, чтобы успеть списаться с Вами и устроить свидание так, чтобы об этом никто не узнал. Впрочем, это не только от меня, но и от Вас зависит.

Не забывайте меня, а я Вас помню всегда и чувствую к Вам простую верную нежность.

Ваш Д. М(ережковский)

Мне от Вас ничего не надо, чтобы всегда чувствовали, что я Ваш верный друг. Бэла, не будем больше ссориться, не правда ли?

¹ Указан парижский адрес Мережковских по ул. Теофиля Готье.

² Считая «реакцию» органичной для русской революции и для российской действительности вообще, Мережковский в статье «Головка виснет» утверждал: «Мы утешаемся тем, что побеждены „силою штыков“ и что реакция наша — случайная, внешняя, политическая. Но так ли это в действительности? Не в том ли главный ужас наш, что переживаемое нами внешнее отступление есть внутреннее отступничество, что наша явная политика есть тайная метафизика? <...> Кажется иногда, что эта первичная реакция есть... первозданное шествование России; что сердце наших сердец, мозг наших костей — этот разлагающий радий; что Россия значит реакция, реакция значит Россия» (*Мережковский Д.* Больная Россия. СПб., 1910. С. 80—81).

³ По первоначальному замыслу, в сборнике должны были участвовать многие лица, в их числе и Н. М. Минский. Но затем Мережковские отказались от этого намерения, решив составить сборник лишь из статей своих и Д. В. Философова.

X $\frac{10}{23}$ <19>06
15bis Rue Théophile Gautier
Paris (XVIe)

Спасибо за милую записку. Только уж очень коротенькая, короче воробьиного носа. А хотелось бы знать, как Вы себя чувствуете в реакционном Петербурге. Напиши(те) подробнее. Что Розанов и Вячеслав¹ и др(угие)?

Сейчас прочел Ваше стихотворение «Я» в З(олотом) Р(уне).² Увы, кажется, все-таки Людмила победит Бэлу.³ По крайней мере, в отношении ко мне уже победила. А жаль Бэлы. [Для меня-то] Мне-то жаль, ну, а для Вас, пожалуй, хорошо. Я, впрочем, принимаю Вас и такую, как Вы есть. Мне нравятся обе — и Людмила, и Бэла.

В Париже — волчий холод. Н(иколай) М(аксимович) мечтает о керосиновой печке. Он был недавно у нас, обедал. Кажется здоровым, бодрым и веселым. Ходит в библиотеку и работает. Собираюсь к нему. А вообще здесь пустынно, такое ощущение, как на необитаемом острове. Мы издаем наш сборник у Regain'a.⁴ Выйдет, должно быть, в январе. Но неизвестно, кто его здесь будет читать. Французам ничего не нужно, кроме того, что у них есть.

А Пирожков⁵ что? Убедите-ка его издавать журнал. Бэла, а не Людмила, не забывайте меня. Пишите обо всем, — ведь мы здесь изгнанники, хотя и добровольные. А я Вас не забуду — ведь Вы это чувствуете?

Ваш Д. М(ережковский)

Пришлите Вашу книжку, когда она выйдет.⁶ Не бойтесь — я ругать не буду.

¹ В. И. Иванов.

² Золотое руно. 1906. № 7—8—9. С. 103.

³ Стихотворение построено на противопоставлении двух образов: «Бэла» воплощает некое стихийное, «демоническое» начало, а «Людмила» — «дух святости». Ср.:

Душа Людмилы с жизнью все светлела.
В толпе людей она всегда одна.
На Бэлу смотрит с горечью она,
От счастья бежит, страшась предела.

Когда с Людмилой встретилась любовь,
Она склонилась с нежностью лазурной.
Но в Бэле дерзко взбунтовалась кровь
И страсть зажглась — пожар среди ночи бурной.

Кто ближе мне и кто сильнее из двух?
Дух святости иль страсти темный дух? . .

- ⁴ Речь идет о сборнике «Le Tzar et la Révolution», который вышел в Париже в 1907 г. Перрен издал ранее (во французском переводе) книгу Мережковского «Лев Толстой и Достоевский».
- ⁵ Пирожков Михаил Васильевич (1867—1927) — издатель, много и охотно печатавший произведения Мережковских. С марта 1903 по июнь 1908 г. в издательстве М. В. Пирожкова было выпущено 22 названия книг Д. Мережковского и З. Гиппиус. Он оказал Мережковским некоторую поддержку в период издания ими журнала «Новый путь» (1903—1904 гг.). См. о нем в статье М. Д. Эльзона «Издательство М. В. Пирожкова» (Книга. Исследования и материалы. Сб. 54. М., 1987. С. 159—185).
- ⁶ Речь идет о сборнике «Мой сад». Еще ранее, в открытке, посланной Вилькиной 24 апреля 1906 г. (н. ст.), Мережковский писал: «...вспомнил о Вашем обещании прислать мне книгу Вашу. Вышла ли она? Если вышла, то пришлите. . . Я напишу о ней рецензию. Я вообще вернее, чем Вы, в своих обещаниях» (Л. 92). Намерение это, видимо, не осуществилось. По поводу предполагавшейся рецензии на книгу Л. Н. Вилькина писала В. Брюсову, решившему дать свой отзыв в «Весах»: «Милый друг, чего же лучше! Я очень довольна, что вы будете писать о моих стихах. Вы всегда были моим одобрителем и печатали у себя в самые тяжелые для меня минуты. А писала вам о Мережковском, п(отому) ч(то) он мне это поручил. Что ж, напишет в другом месте или о другой книге, которую хочу выпустить или весной или ранней осенью и куда войдут все стихи и все рассказы. А ведь в этой книге — только близкие моему сердцу» (цит. по кн.: *Брюсов Валерий*. Среди стихов. 1894—1924. М., 1990. С. 679; коммент. Н. А. Богомолова).

СЕМЬЯ И. Е. РЕПИНА В ПИСЬМАХ Т. И. РЕПИНОЙ-ЯЗЕВОЙ

*Вступительная статья и комментарии И. А. Доронченкова
Публикация И. А. Доронченкова и И. А. Савкина*

Письма, составляющие основу публикации, принадлежат Татьяне Ильиничне Репиной (в замужестве Язевой, 1880—1957), младшей дочери известного художника. Они обращены к Лидии Николаевне Карсавиной (урожденной Кузнецовой, 1881—1961), жене философа Льва Платоновича Карсавина, с которой Татьяна Репина была дружна с детских лет. Л. Н. Кузнецова окончила Высшие женские курсы и преподавала русский язык в петербургской гимназии Витмер, а после революции — на рабфаке в Петрограде. В 1922 г. семья Л. П. Карсавина последовала за ним в вынужденную эмиграцию и жила в Германии, Франции и Литве.¹ Сохранился портрет Лидии Кузнецовой в эффектном маскарадном костюме, написанный Репиным в 1901 г. и показанный вскоре на Тридцатой Передвижной выставке, — «Дама с вороном» (Великобритания, частное собрание).

Сохранившаяся часть переписки относится, главным образом, к 1930—33 гг., когда семья Язевой покинула СССР и переехала в Финляндию — в Куоккалу, а затем обосновалась на юге Франции. Двадцать одно письмо 1930—31 гг. адресовано из Финляндии в парижский пригород Кламар, где в ту пору жили Карсавины, двенадцать писем 1931—33 гг. — из As Coumbalets в окрестностях Ажена (департамент Ло и Гаронна), одно письмо 1939 г. прислано в Каунас, куда в 1933 г. переехали Карсавины. Переписка была прервана войной.

В данной публикации представлены лишь тринадцать писем, наиболее ярко воссоздающих не только судьбу семьи Репина, но и драму той части русского общества, которая была обречена на эмиграцию. Девять из публикуемых писем относятся к финляндскому периоду эмиграции Язевых-Дьяконовых и характеризуют обстановку в усадьбе Репина накануне кончины художника и в последующие месяцы. Четыре письма рассказывают о первых месяцах жизни семьи во французской деревне.

* * *

---

¹ Л. П. Карсавин также был знаком с Репиным. Это помогло ему создать осязаемый и нетрадиционный образ художника, запомнившийся слушателям публичной лекции, прочитанной в Вильнюсе после освобождения города Советской Армией в 1944 г. См.: *Тунгусов Б. Апостол истины* — П 11. Публ. В. Ужкальниса//Вильнюс. 1989. № 9. С. 169—170.

Последние годы Репина — наименее изученный период его долгой жизни. Стареющий мастер (в 1914 г. ему исполнилось 70 лет) продолжал работать с поразительной энергией и последовательностью, несмотря на душевное одиночество и убывающие физические силы. В двадцатые годы им созданы не только многочисленные рисунки, портреты акварелью и маслом, но и крупные живописные композиции — «Утро Воскресения» (1922, Швеция, частное собрание), «Голгофа» (1925, Художественный музей. Принстон. Нью-Джерси) и др. Прежде, во второй половине XIX века, отчасти — в начале XX, Репин действительно отвечал вкусам значительной части русского общества, его взлеты и неудачи переживались публикой и художественным миром как успехи и утраты русского искусства в целом. Теперь же в сознании русских по обе стороны границы он жил все еще как создатель «Бурлаков» и «Запорожцев». Драма одинокого Репина последних лет была его собственной драмой.

Перед исследователями последнего периода жизни Репина стояли препятствия и политического характера. За патриарха русской живописи шла борьба различных сил. Естественно, что отрезанный от родины художник пристально следил за происходящим в России, где имя его попрежнему было окружено почетом, где в 1924—25 гг. прошли обширные ретроспективные выставки, посвященные его 80-летию. С середины 1920-х годов, когда воспроизводившая передвижнические приемы и провозгласившая верность традициям русского реализма Ассоциация художников революционной России (АХРР) обрела официальную поддержку, Репин, естественно, стал объектом пристального внимания официальных и полуофициальных кругов, диктовавших советскую художественную политику. Из числа художников, оказавшихся за рубежом, большее внимание уделялось, пожалуй, только Горькому. Например, летом 1926 г. Куоккалу посетила делегация руководителей АХРР (И. И. Бродский, А. В. Григорьев, Е. А. Кацман, П. А. Радимов). Несколько позднее Репин получил исходящее из высших политических сфер предложение вернуться в Россию.²

В то же время эмиграция продолжала числить художника в своих рядах: самый факт пребывания крупнейшего русского живописца, олицетворявшего демократические идеалы XIX столетия, за пределами Советской России приобретал для нее особую значительность. Высказывания Репина 1920-х гг. оставляли возможность для разноречивых толкований его позиции. Антиреволюционные его выступления получали огласку за рубежом и порою в России.³ Понятно, что в дальнейшем целый ряд высказываний художника и некоторые его произведения (например, «1918 год в Петрограде») в СССР оставались неизвестными.

Наконец, не в последнюю очередь исследователей позднего творчества Репина сдерживали и непростые взаимоотношения в семье художника, ставлявшие биографов тщательно подбирать слова — не только для того, чтобы привести образ Репина в соответствие с хрестоматийным жизнеописанием классика, но и во имя естественного чувства такта.

---

² См. письмо К. Е. Ворошилова И. Е. Репину от 27 октября 1926 г.: *Репин И. Избранные письма*: В 2 т. 1867—1930. Т. 2. М., 1969. С. 380. Ворошилов был «патроном» АХРР в советском руководстве. Можно предположить, что послание было инспирировано этой организацией, стремившейся опереться на авторитет Репина в борьбе за господство в художественной жизни страны.

³ См., напр.: Р. Я. [Якобсон Р. О.] *Новое искусство на Западе* (Письмо из Ревеля)//*Художественная жизнь*, 1920, № 3. С. 20. Якобсон излагает и цитирует публикацию: «Пролетарское искусство» (Из письма И. Е. Репина)//*Новая русская жизнь*. Гельсингфорс. 1920. 31 января. № 24. С. 2.

Последние годы художника ставят немало вопросов перед исследователями репинского наследия — прежде всего о судьбе многочисленных произведений, рассеянных по картинным галереям и частным коллекциям Европы и Америки.⁴ Главные картины Репина давно заняли достойное место в музеях России, но в Пенатах все еще хранилось множество полотен и листов графики, относящихся к различным периодам творчества художника — вплоть до самых ранних. Последнее десятилетие жизни Репина и первые годы после его смерти — время почти бесконтрольного распыления его наследия, ставшего главным источником средств к существованию семьи. Часть произведений продавалась на прижизненных выставках в Европе, Скандинавии, США, активная распродажа велась после раздела наследства, но существовали и другие каналы разбазаривания наследия, вызывавшего хищнический интерес нечистоплотных дельцов. Письма почти натуралистично показывают развитие этого процесса.

6 декабря 1917 г. Финляндия провозгласила независимость. Репин поначалу, очевидно, не воспринял это событие драматически. Он продолжал наведываться в Петроград, где в квартире на Карповке жили его дети, и не собирался отказываться от российского гражданства: «Я <...> думал, — писал он сыну в декабре 1917 г. — не следует принимать финского подданства. Все равно условия, может быть, и вовсе не изменятся. Но главное, как это не по-дружески с Русью — ведь она действительно в большом упадке, как-то совестно переходить в это время».⁵ Условия через несколько месяцев изменились радикально, но Репин так и не принял иностранного гражданства, что не мешало финскому обществу и администрации с почтением относиться к художнику. Между тем ход событий все более отдалял Репина от России. В Финляндии прошла скоротечная гражданская война, и после падения просоветского правительства граница с Россией в апреле 1918 года закрылась, а 15 мая Финляндия заявила о разрыве отношений с РСФСР.

По оценке В. Ф. Зеелера, к началу 1920-х годов в Финляндии скопилось до 15 тысяч русских беженцев, в том числе 11 тысяч в Выборгской губернии, «больше половины которых в сильной нужде».⁶ Художник по мере сил помогал попавшим в беду соотечественникам.

Репин жил в Пенатах почти безвыездно. Некогда многолюдная дачная местность мгновенно пришла в упадок: «<...> какая тоска видеть теперь Куоккала и Оллила: остаются только фундаменты от снесенных дач: частоколы растасканы, фруктовые деревья сломаны, торчат только трубы, еще не разобранные — их разберут».⁷

В усадьбе отца жила средняя дочь художника, Надежда (1874—1931), отличавшаяся странностями еще в ранней юности, впоследствии страдавшая душевным расстройством. Позже в Пенатах поселился племянник художника Илья Васильевич Репин с женой Елизаветой. Он служил в белой армии под командованием П. Н. Врангеля и попал в Финляндию

⁴ См., напр.: *Зильберштейн И. С.* Новонайденный и утраченный Репин//Художественное наследие. Репин. Т. 2. М., 1948; *Журавлева Е.* Рисунок Репина в Хельсинки//Художник, 1965, № 11; *Бродский И. А.* Новонайденные и малоизвестные произведения И. Е. Репина//Новое о Репине. Л., 1969. Русская живопись в собраниях Чехословакии. Сост. и автор текста В. Фяла. Л., 1974; и др.

⁵ *Репин И.* Избранные письма. Т. 2. С. 321.

⁶ *З(ееле)р Вл.* Путевые впечатления. VII. Ревель — Гельсингфорс — Выборг — Куоккала//Последние новости. Париж. 1923. 3 октября. № 1057. С. 2.

⁷ Письмо И. Е. Репина К. И. Чуковскому от 15(2) июля 1923 г.// *Репин И.* Избранные письма Т. 2. С. 340. В публикации ошибочно датировано 19 июля.

через Болгарию после эвакуации из Крыма. Дом по соседству принадлежал сыну Репина Юрию, жившему там с женой Прасковьей Андреевной и сыновьями Гаем и Дием. Отношения отца и сына, также занимавшегося живописью, были сложными. В России оставались старшая и младшая дочери — Вера (1872—1948) и Татьяна.

Вера, пережившая гражданскую войну в Петрограде, смогла выехать в Финляндию в 1922 г. М. А. Вербов, обитавший перед революцией в Пенатах в качестве «подмастерья», а затем поступивший в Академию художеств, сообщил 31 января 1922 г. своему учителю: «<...> Вере Ильиничне после очень долгих хлопот и просьб удалось получить разрешение на выезд к Вам, и через несколько дней у нее уже будет на руках заграничный паспорт».⁸ В марте В. И. Репина с помощью К. И. Чуковского оформила разрешение на въезд в Финляндию и вскоре выехала к отцу.⁹

Характер Веры наложил своеобразный отпечаток на жизнь в Пенатах. Скрывшая своей жизнерадостностью одиночество художника, она в то же время ревниво сопротивлялась всякому постороннему влиянию на Репина, бездарно использовала материальные возможности отца. Появление в Куоккале в 1930 г. сестры Татьяны с большим семейством Вера восприняла враждебно.¹⁰ Дурная репутация Веры, сложившаяся в жизнеописаниях Репина, подтверждается как недавно изданными дневниками Чуковского («тупа умом и сердцем, <...> и никакой души, даже в зародыше»),¹¹ так и публикуемыми ниже письмами сестры. Знаменательно совпадение независимо возникших ассоциаций, восходящих к образам Достоевского. Чуковский отметил в дневнике: «Юрий и Вера ... подпольны, озлобленные, темные, неудачливые люди...».¹² Т. И. Репина-Язева также неоднократно говорит о сгустившейся в семье атмосфере «карамазовщины».

В то же время репутация детей Репина как людей по преимуществу заурядных или психически ущербных явно искажает реальную картину семейных взаимоотношений, сводя подлинную драму семьи большого художника к «медицинской» патологии характеров. Следует прислушаться к горьким словам младшей дочери Репина, написанным ею после знакомства с книгой «Художественное наследство. Репин» (М.; Л., 1948—1949; под ред. И. Э. Грабаря и И. С. Зильберштейна); «Конечно, в „их“ интересах было зачеркнуть всю папину семью так, — чтобы „они“ одни остались достойными наследниками Репина. <...> Правду сказать, не ожидала я в таком большом художественном труде Игоря Эммануиловича найти такие мизерные сообщения в характере каких-то „сплетен“!! Но ведь они „там“ подневольные... Велено было *создать* наследников Репина — «выродками», вот и старались наскрести со всех углов мусор на наши головы, чтобы до настоящих наследников не докопаться было. Чтобы их и вовсе можно было „изъять из оборота“. В результате от текста этих книг остается очень неприятный осадок, потому что о нашей (папиной) семье дается совершенно извращенное понятие».¹³

⁸ Научно-библиографический архив Российской Академии художеств (далее НБА РАХ), ф. 25, оп. 2, № 123, л. 1 об.

⁹ См.: Чуковский К. Дневник. 1901—1929. М., 1991. С. 196—198.

¹⁰ См.: Карпинский И. М. После смерти Репина//Новое о Репине. С. 339.

¹¹ Чуковский К. Дневник. С. 196.

¹² Там же. С. 309.

¹³ Письмо Т. И. Репиной-Язевой В. Ф. Зеелеру от 8 июня 1951 г.// Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета. Нью-Йорк. Бахметевский архив. Фонд В. Ф. Зеелера. Коробка 8.

В Куоккале Репин провел три последних десятилетия жизни. Но Пенаты не были его единственной усадьбой. В мае 1892 г. художник приобрел небольшое имение Здравнево в окрестностях Витебска.¹⁴ В следующем году одноэтажный дом, доставшийся Репину вместе с садом, пахотной землей и лесом, был перестроен в соответствии со вкусом нового владельца. На берегу Двины поднялась причудливая зубчатая башня. Репин провел в имении несколько летних сезонов, работал над картинами «Дуэль» (1896—97, несколько вариантов), «Искушение Христа» (не сохранилась), но, пожалуй, наиболее ярким произведением, связанным с пребыванием в Здравневе, остался выполненный в первый приезд портрет дочери Веры — «Осенний букет» (1892, ГТГ). В имении жило многочисленное семейство художника, здесь скончался и был похоронен в ближнем селе его отец. Расставание Репина со Здравневым связывают с переменами в семейной жизни — союзом с Н. Б. Нордман и переездом в Куоккала.

В 1904 г. Репин в последний раз ненадолго приехал в Здравнево. В дальнейшем в имении жили его дети.

Татьяна Ильинична Репина, младшая дочь художника, единственная из сестер, вышла замуж и более других отдалилась от отцовского дома. Союз ее с военным инженером Николаем Геннадиевичем Язевым распался, однако Репин, очевидно, не осознавал этого или в старости не помнил о разводе дочери.¹⁵

После революции Т. И. Репина-Язева с дочерью Татьяной (в публикуемых письмах — Тася: 1902—1985) поселились в Здравнево и провели там почти тринадцать лет, вплоть до отъезда в Финляндию. Жизнь в белорусской деревне была спасением от петроградского голода. «Помещиков там не осталось ни одного хозяина, — писала Татьяна отцу в октябре 1918 года, — хотел и меня как бывшую владелицу удалить, но волостной крестьянский комитет вступился за меня: „Это, — говорят, — не помещица, а дочь Репина. Репин никогда помещиком не был, и с доходов земли не жил, а, наоборот, сам много приносил, с него и мы разжились, а сейчас они голодают, и она приехала сюда сама работать“. Так меня и не тронули. Тяговцы <то есть жители деревни Тяково. — И. Д.> все лето прямо трогательно относились ко мне; то один, то другой тащут булку хлеба или четверть молока, а то и прямо поджаренную „яешню“ на сале, даже сахару дарили, и все даром, ни за что ни копейки не брали; обижались, если к кому в гости не успевала зайти».¹⁶

В здравневском доме была открыта небольшая школа (в январе 1926 года — 35 детей), две комнаты остались за бывшими владельцами. В школе преподавали Т. И. Репина-Язева и ее дочь, вышедшая в январе 1921 г. замуж за Ивана Дмитриевича Дьяконова, сына священника села

---

¹⁴ О жизни и творчестве Репина в Здравневе см.: *Москвинов В. Н.* Репин в Здравневе//Новое о Репине. Л., 1969; *Кичина Е. М.* И. Е. Репин и Здравнево. В обретении и разлуке. Витебск, 1990; *Подлипский А. М.* Здравнево: здесь жил И. Е. Репин, Минск, 1990.

¹⁵ См.: Письмо И. Е. Репина Д. И. Яворницкому от 26 апреля 1925 г.// *Репин И.* Избранные письма. Т. 2. С. 360; *Менделеева А. И.* Из давних воспоминаний//Художественное наследство. Репин. Т. 2. С. 184. Официального развода, очевидно, не было. Во всяком случае, Т. И. Репина-Язева позднее отрицала его. Однако, уже перед революцией супруги некоторое время жили порознь.

¹⁶ Письмо Т. И. Репиной-Язевой И. Е. Репину от 22 октября 1918 г. (НБА РАХ ф. 25, оп. 2, № 415, л. 5—6).

Слобода. В 1918 г. И. Дьяконов окончил витебскую духовную семинарию и с середины 1920-х годов возглавлял школу.¹⁷

В Здравневе появились на свет дети Дьяконовых, правнуки Репина: Валентин, Кирилл, Галина, Роман. Младший, Иван, родился в Париже, на пути из Финляндии на юг Франции, где семья Язевых-Дьяконовых приобрела на деньги, вырученные от продажи доставшихся в наследство картин, небольшую ферму.

Переписку дочери Репина с обитателями Куоккалы трудно назвать оживленной. В Научно-библиографическом архиве Российской Академии художеств хранится 15 писем и открыток Язевой к отцу, Вере и Юрию Репиным 1924—29 г., а также одно письмо Т. Дьяконовой (25 сентября 1924 г.) матери, гостившей в это время в Пенатах с внуком Валей. Очевидно, не все письма дошли до адресата, не все сохранились в архиве. Об обстоятельствах переписки с Куоккалой дает представление запись в дневнике Чуковского: «От Репина письмо. Впрочем, только отрывок. Остальное поггло. Да и как не поггло, если он прямо пишет: „Кому ведасть надлежит, следят за вашей перепиской: вы на счету интересных — еще бы!“»¹⁸

Ответные письма Репина не сохранились. Т. И. Репина-Язева вспоминала в 1935 г.: «Перед обыском мне пришлось сжечь все папины письма, потому что почти в каждом из них было негодование по адресу Советской России. Как сейчас помню, стояла я перед пылающей нашей русской печкой, где варилась картошка, и смотрела на невозвратно поглощаемую огнем целую пачку писем с родным, знакомым тонким почерком... Сколько любви, сколько заботы о нас... Сколько метких, ярких выражений. Папины письма всегда бывали так живы, как может быть жива только непосредственная речь. И все обратилось в пепел!»¹⁹

Дошедшие до нас письма из Здравнева выдержаны в одном ключе. Они замкнуты на текущей жизни — здоровье членов семьи, милых эпизодах с детьми, хозяйственных хлопотах. Тревога, впрочем, тоже не оставляет семью: «30 июля утром в 8 ч (асов) Бог дал Тасе дочку <...> Тася молодцом, и до последнего дня помогала с работами в поле; гребла сено, и таскала огромные снопы, и стирала сама, и купалась. <...> До самого дня рождения малютки у нас стояли невероятные жары <...>. Покос и рожь, рожь сняли в один день машиной, но вязать стоги — снопищи, их ставить в бабки! ... Это было адски трудно. <...> Последние возы ввезли уже с первым начинающимся дождем <...>. Еще нам большая радость — главная: кажется, выселение нас миновало! Уже пришли повестки о выселении последней очереди, и нам нет!! <...> Эх, папуля родной, мы все живы, благодаря тебе».²⁰

Постоянной заботой был дом, предназначенный для дачной жизни и теперь эксплуатируемый круглый год: «<...> помню сырости [в доме] запаха мокрой гнили. Ведь дом нижний еще строен Софьей Аксентьевной,²¹ и, главное, деревянные дома никогда нельзя штукатурить внутри. Снаружи он обшит и обшивка еще целая, но если ее приподнять, то там

¹⁷ См.: *Кичина Е. М.* Указ. соч. С. 18 и далее; *Подлипский А. М.* Указ. соч. С. 55—56.

¹⁸ *Чуковский К.* Дневник. С. 397. Запись от 4 марта 1927 года.

¹⁹ *Репина-Язева Т. И.* О последних днях И. Е. Репина (1935). Рук. копись//Библиотека Редких книг и рукописей Колумбийского ун-та. Нью-Йорк. Бахметевский архив. Фонд В. Ф. Зеелера. Коробка 8.

²⁰ Письмо Т. И. Репиной-Язевой И. Е. Репину от 2 августа 1925 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 415, л. 16—16 об.). В соответствии с Декретом ВЦИК и СНК от 20 марта 1925 г. семья Язевых-Дьяконовых подлежала выселению как «бывшие помещики». См.: *Кичина Е. М.* Указ. соч. С. 21.

²¹ С. А. Яцкевич — прежняя владелица Здравнева.

труха и с подвала в щели пола тоже несет». ²² Постоянная нехватка средств тормозила строительство нового дома. Часть денег прислал Репин: «Мы все втроем думаем (<...>) что можно продать? Но все гроши. Жалование же Ваню так мало, что его и на прожить не хватает. Ведь масса везомозжных обязательных платежей. Сократить наши расходы тоже больше уж невозможно, так как мы во всем себе отказываем. (<...>) Я не могу всего написать» ²³.

Несмотря на нелегкую жизнь, в 1924 г. Т. И. Репиной-Язевой удалось съездить к отцу с внуком Валею и провести в Пенатах около пяти месяцев — до середины февраля 1925 г. Если верить М. А. Вербову, вопрос о поездке решался в верхах: «(<...>) почти нет человека (<...>) который не знал, не любил и не гордился бы Вами (<...>)! — писал он Репину. — Но ведь даже в провинциях — в Витебске, в Минске — Татьяна Ильинична это Вам подтвердит — мне достаточно было сказать „для дочери художника Репина“ — и все, что возможно было, исполнялось в кратчайший срок. С каким вниманием к Вам относятся представители правительства, Вы можете судить хотя бы по тому, с какой быстротой Татьяна Ильинична приехала к Вам. Мне достаточно было показать Ваше письмо ко мне, где Вы пишете о желании видеть Тат(ьяну) Ильиничну, Ф. Э. Дзержинскому, и он дал немедленное телеграфное распоряжение о скорейшей и беспрепятственной выдаче паспорта дочери Репина. Т(атьяна) И(льинична) помнит, что мы затратили на получение паспорта в Минске всего 2 1/2 часа!» ²⁴ Поездка, однако, не обошлась без мелких, но характерных осложнений: «Тетрадь со стихами Вашей внучки после просмотра передана там же на б. Царскосельском вокзале начальнику станции, и он переслал ее ко мне в Москву. Если будет возможно, перешло ее к Вам, если же нет, то отошлю обратно автору в Здравнево». ²⁵

Больше поездок не было: «Как хотела бы я снова повидать всех! — писала Т. И. Язева сестре в феврале 1928 г. — И показать папе всех его правнуков. Но теперь проезд стоит слишком дорого». ²⁶ Однако в августе 1930 г. вся многочисленная семья Язевых-Дьяконовых переехала к Репину в Куоккалу. Долгое время в литературе, посвященной Репину, обстоятельства эмиграции описывались по необходимости бегло и невнятно, а причиной отъезда называлось только желание смертельно больного художника проститься с родными. На фоне недомолвок расцветали сусальные версии: «В конце 1929 года по-сельскому тихую и размеренную жизнь нарушило тревожное письмо Веры Ильиничны: по просьбе отца она сообщила о его болезни и просила сестру переехать к ним на постоянное место жительства. Учебный год в школе был в самом разгаре, замену учителю найти невозможно, бросить большую семью Татьяна Ильинична не могла, ибо на ней лежали все заботы о детях и внуках. Решили ждать окончания занятий. Весной 1930 года, раздав нехитрый домашний скарб, Т. И. Язева со всей семьей выехала в Куоккалу». ²⁷

²² Письмо Т. И. Репиной-Язевой Ю. И. Репину от 30 мая 1928 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 1157, л. 4).

²³ Письмо Т. И. Репиной-Язевой В. И. Репиной от 31 марта 1928 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 803, л. 6).

²⁴ Письмо М. А. Вербова И. Е. Репину от 14 октября 1924 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 123, л. 8—8 об.). В беседе с автором вступительной статьи 7 февраля 1994 г. в Нью-Йорке М. А. Вербов подтвердил, что он лично обращался к Дзержинскому за разрешением на выезд Т. И. Репиной-Язевой с внуком и получил его после встречи с ним на Лубянке.

²⁵ Там же, л. 10 об.

²⁶ Письмо Т. И. Репиной-Язевой Евгении Николаевне для В. И. Репиной от 9 февраля 1928 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 1189, л. 2).

²⁷ Подлинский А. М. Указ. соч. С. 57.

Если что и могло в это время нарушить размеренную сельскую жизнь, то прежде всего развернутая по всей стране коллективизация и связанный с ней беспощадный террор. Нависшая опасность расправы послужила непосредственным толчком к отъезду, можно сказать, бегству из страны. Уже в Финляндии, ходатайствуя о помощи русских организаций в оформлении документов для переезда во Францию, Т. И. Репина-Язева писала: «Только благодаря многим папиным знакомым, находящимся еще там и знавшим о безнадежном состоянии его здоровья, после многих отказов, нам удалось, наконец, получить разрешение на выезд». ²⁸ Между тем к рубежу 1920—30-х гг. эмиграция из СССР сократилась до минимума и была сопряжена с большими трудностями. Поэтому представляет интерес восстановленный в деталях самый процесс выезда родных Репина за границу.

Угроза преследования стала вновь ощутимой к концу 1929 г. 15 декабря Вера Репина сообщала в Ленинград давнему другу семьи, племяннице известного скульптора Марка Матвеевича Антокольского Елене Павловне Тархановой-Антокольской (1868—1932): «Две недели тому назад Таня прислала тревожное письмо, что их записали в кулаки, взяли индивидуальный налог, и им необходимо уехать к нам, в Финляндию. Папа послал им письмо с просьбой присхать, с желанием их видеть, и мы не имеем ответа». ²⁹

Тревожные известия пришли не только в Куоккалу, но и в Клармар. Л. И. Карсавина писала Вере: «От Тани, когда получаю (письма. — И. Д.), все плачу и потом обсуждаю с дочерьми, как бы помочь. Наводила справки. Таня спрашивала, где и как можно ли устроиться. У нас можно, можно и в Ковно, да ведь не выпустят их! Мы думаем переехать в Ковно, но не знаем еще когда, м(ожет) б(ыть) года через 2. <...> Лев Пл(атонович) имел раньше дело и здесь, отчего мы и переехали из Берлина в Париж, а теперь дело прекратилось и на 2 дома жить дорого». ³⁰

Очевидно, в декабре стали разворачиваться хлопоты о выезде «здравневцев». Тарханова-Антокольская успокаивала семью художника: «Посоветуюсь со знающими и опытными людьми, напишу и в Москву — и там ведь есть друзья из семьи незабвенного и дорогого нам всем Владимира Васильевича». ³¹ Переезд намечался на весну нового года. ³²

Но 20 февраля в Куоккалу через Ригу пришло письмо Т. И. Репиной-Язевой:

«Папуля, дорогой, пишу вам из латвийского консульства, они переправят это письмо не почтой, и потому я могу написать все открыто. Герман Андреевич Пунга — латвийский консул здесь в Витебске — сейчас

---

²⁸ Письмо Т. И. Репиной-Язевой секретарю Особого комитета по делам русских в Финляндии барону Б. Н. Гревеницу. Не датировано. Черновик (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 1188, л. 1).

²⁹ Письмо В. И. Репиной Е. П. Тархановой-Антокольской от 15 декабря 1929 г. (Сектор рукописей Государственного Русского музея, ф. 124, № 8, л. 1 об. — 2).

³⁰ Письмо Л. Н. Карсавиной В. И. Репиной от 24 февраля 1930 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 716, л. 4—4 об.).

³¹ Письмо Е. П. Тархановой-Антокольской В. И. Репиной от 24 декабря 1929 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 839). Имеется в виду художественный и музыкальный критик Владимир Васильевич Стасов (1824—1906).

³² См. письмо И. Е. Репина Е. П. Тархановой-Антокольской от 31 декабря 1929 г. (СР ГРМ, ф. 124, 17, л. 10 об.). Приписка рукой В. И. Репиной.

так поддержал меня, обещал уведомить вас. Он знает Черткова³³ — в Москве, и был у тебя в Пенатах давно. Я плачу от счастья, что нашла защиту.

Папуля, Веруня, хлопочите о нашем переезде. И ничего не пишите нам по почте. За каждое глупое неосторожное слово нам грозит опасность вплоть до расстрела. Вдруг все имущество наше описали вплоть до рубашки, даже детские одежки. На днях будет конфискация и выселение нас. А дней 5 назад мне принесли повестку, чтобы я возила лес. Я поехала в Сельсов(ет) заявить, чтобы они взяли мою лошадь, но что сама я не в силах возить. Они спросили мою фамилию. Обыскали карманы и попросили пройти в комнату, кот(орую) заперли на ключ. И там я сидела до ночи, а в это время они поехали в Здравнево с обыском, искали серебра. Нашли 3 серебряных ложечки, взяли и ломаный брелок! Затем они уехали на нашей лошади, а Тася пешком побежала за ними с узелком еды для меня. Был трескучий мороз. Она чуть дошла. И вст тогда они меня выпустили, велев расписаться, что я никуда не выеду до опроса в ГПУ. Я решила съездить в Вит(ебск) и обратиться в Латвийское консульство (финляндск(ого) здесь нет). И вот не верю счастью человеческого обращения. Хлопочите о нас всех. Ваня вычеркнут из Союза и из учителей. Хотя все население за него. Все наши мытарства за то, что мы в прошлом году держали прислугу, хотя Ваня как служащий имел право на это, но нас обложили индивидуально, и вот волчий паспорт, и кругом просто стон. Гонение началось вдруг, никто не ожидал такого быстрого конца. Петра Семеновича Куринского³⁴ расстреляли, продержав в тюрьме. Всего не опишешь. Молимся Богу о спасении. Ваша Таня».³⁵

Это послание сопровождалось письмом латвийского консула. Напомнив о своем посещении Пенат в 1909 г., Г. Пунга предложил помощь в переписке Куоккалы и Здравнева и обещал свою поддержку: «Не беспокойтесь за Ваших, буду держать с ними связь. Напишу также В. Г. Черткову и Ольге Констан(антиновне) Толстой³⁶ в Москву, чтобы они содействовали в получении права выезда к Вам Вашей дочери и Ваших правнуков, так как у них имеется там сильная рука».³⁷

Несмотря на внезапность разразившегося «гонения», чувство опасности и прежде не покидало семью. Уже гораздо позднее, рассказывая о том, как внуки привыкают к жизни во Франции, Татьяна Репина-Язева писала: «Но по силам своим (дети) даже на воздухе быстро утомляются. Потому что сорваны они еще в Сов(етской) России постоянным недоеданием и нервными потрясениями. Когда при появлении каждого нового лица, они, дрожа, спрашивали: «Папу в тюрьму?» И когда у нас были

---

³³ Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936) — издатель и публицист, близкий к Л. Н. Толстому, знакомый И. Е. Репина. Позировал для фигуры Христа в картине «Искушение» (конец 1890-х гг., не сохранилась).

³⁴ Очевидно, речь идет о местном священнике. Ср.: «Неожиданно приехал сейчас из Витебска сын Петра Сем(еновича) (отца Петра) Ваня Куринский и привез мне посылку от Танечки к моим именинам» (письмо В. И. Репиной И. Е. Репину от 28 сентября 1921 г. — НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 424, л. 36 об. — 37).

³⁵ НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 415, л. 30—31 об. Датируется по почтовому штемпелю Куоккалы 20 февраля 1930 г.

³⁶ Толстая Ольга Константиновна (рожд. Дитерихс; 1872—1951) — младшая сестра жены В. Г. Черткова Анны Константиновны, первая жена Андрея Львовича Толстого (1877—1916).

³⁷ Письмо Г. Пунги И. Е. Репину от 15 февраля 1930 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 403, л. 1 об.).

уже заполнены анкеты для выселения в Сибирь, и все до одетой рубашки было занесено в опись, Кира и Валя нашли старую географическую карту и по ней составляли дорогу из Сибири к дедушке». ³⁸

Уже 23 февраля о событиях в Здравнево стало известно в Ленинграде ³⁹ и в Париже. 24 февраля Л. Н. Карсавина, встревоженная отсутствием писем из Белоруссии, выслала Вере Репиной вырезку из парижской газеты «Возрождение» с заметкой «Месть большевиков Репину». Лидия Николаевна успокаивала себя тем, что «Возрождение» часто дает неверные сведения (...)». ⁴⁰ Но новости были очень тревожными. Вот как события в белорусской деревне предстали в изложении парижского издания: «По словам приехавшей из России дамы, большевики решили отомстить И. Репину, категорически отказавшемуся вернуться в пределы СССР. По телеграмме из Витебской губернии была арестована дочь Репина, 60-летняя старуха, работавшая на крестьянском наделе, выделенном ей из конфискованных у художника земельных владений. Дочь И. Репина была отправлена в тюрьму, где и находилась в течение нескольких дней. Когда она была освобождена, то выяснилось, что все находившиеся в ее домике картины ее знаменитого отца украдены, мебель изломана и даже разбита на куски печь, так что дом оказался совершенно непригоден для жилья, и престарелая женщина была буквально выброшена на улицу». ⁴¹

Между тем начались хлопоты о выезде семьи Язевых-Дьяконовых к отцу, и появление подобной заметки могло помешать им, спровоцировав власти на дальнейшие репрессии. Именно так расценил парижскую публикацию, перепечатанную рижской газетой «Сегодня», Г. К. Гегер ⁴², стремившийся помочь эмиграции родных Репина через Латвию: «Меня крайне неприятно поразила заметка в газ(ете) „Сегодня“ от сего числа, которую прилагаю. *Месть!* (...) А если большевики московские теперь пожелают показать действительную месть, что тогда? (...) Я переговорил сейчас с полпредом Свидерским ⁴³ и сказал ему, что в деле появления этой заметки Пенаты и Здравнево ни при чем... Полпред заявил, что это он хорошо понимает, что все там произошло на почве «коллективизации», но что этакие заметки все же могут произвести в Москве „впечатление“...». ⁴⁴ Длу нейтрализации этого «впечатления» Гегер предложил Репину обратиться с письмом к Свидерскому, в расчете на то, что оно станет известно в московских правительственных кругах.

---

³⁸ Письмо Т. И. Репиной-Язевой В. Ф. Зеелеру от 30 июля 1934 г.// Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета. Бахметевский архив. Фонд В. Ф. Зеелера. Коробка 8.

³⁹ См.: Письмо В. И. Репиной Е. П. Тархановой-Антокольской от 20 февраля 1930 г. (СР ГРМ, ф. 124, № 8, л. 3—4). Почтовый штемпель Ленинграда 23 февраля 1930 г.

⁴⁰ Письмо Л. Н. Карсавиной В. И. Репиной от 24 февраля 1930 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 716, л. 3).

⁴¹ Возрождение. Париж, 1930. 23 февраля. № 1727. С. 2.

⁴² Гегер (псевд.: Нелюбин) Георгий Карлович (1880—?) — литератор, автор ряда работ о жизни и творчестве К. Р. (вел. кн. К. К. Романова), статей об И. Е. Репине. Несколько раз посещал Пенаты. В 1930 г. — редактор журнала «Балтийский филателист» (Рига). На рубеже 1920—30-х гг. выступал в качестве комиссионера при продаже произведений Репина в Латвию. В архиве художника сохранилось анонимное письмо, предупреждавшее о нечистоплотности Гегера.

⁴³ Свидерский Алексей Иванович (1878—1933) — советский партийный и государственный деятель. В 1928 г. — начальник Главискусства, с 1929 г. — полпред СССР в Латвии.

⁴⁴ Письмо Г. К. Гегера В. И. Репиной от 27 февраля 1930 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 682, л. 7 об. — 7а).

Г. К. Гегер подробно рассказывал жителям Пенат о своих усилиях: «Я сделал в Риге все, что *смог*, и, во всяком случае, больше, чем я сначала надеялся. <...> Такие дела надо было начинать за 6 месяцев, а не тогда, когда крыша уже загорелась над головой.

Но Бог милосерд, и все устроится: что их *оттуда* ни с каким «*имуществом*» не выпустят, а выпустят почти голыми — в этом я никогда не сомневался. Мы это видели с менонитами-немцами! Жизнь дороже всего, и дело идет не о деньгах, а о спасении душ уже.

Все здесь в один голос — а я переведал за две недели массу «власть имущих лиц» и «ходатаев-пролаз», всюду утверждали, что дело сейчас — во время новых гонений и возврата такого воинствующего большевизма, какого еще никогда не было за все 12 лет, — очень трудное, почти невозможное.

Но помог счастливый случай и знакомство с полпредом Свидерским <...> С(видерский) большой поклонник папы Вашего и дал многие ценные указания, как действовать. <...> Полпред указал о *временном* выезде: «Конечно, нечего им делать больше, когда все отнято, и обратно семья не вернется, но писать все-таки надо именно так, „для отвода глаз“. Говорит — как будто и не большевик... Ну да, знаем мы „их“, но пришлось лично „поклониться“». ⁴⁵

Гегеру удалось выхлопотать не транзитную латвийскую визу, действовавшую лишь при получении визы финляндской, что существенно отдало отъезд из СССР, где каждый день жизни, казалось, таил для семьи Язевых-Дьяконовых угрозу, а визу на въезд в Латвию. Согласие латвийских властей удалось получить. «<...> но какая гарантия, что они — эти 7 чел(овек) не останутся здесь? На этот случай просящие визу должны внести очень крупный залог — по 500 латов (около \$ 100 — америк(анских)) за человека. Таких денег нет, конечно, и вот вчера искал — *поручителей*. Составили особый акт о поручительстве, что Ваши 7 душ не останутся в Латвии дольше 4 суток, и сегодня в Министерстве его подписали я и член Латв(ийского) сейма д-р В. Зандерс и др. <...> Теперь весь вопрос состоит в том, — получить *русский* загр(аничный) паспорт». ⁴⁶

В Советском Союзе главным ходатаем выступала, судя по всему, Е. П. Тарханова-Антокольская. Уже 27 февраля она писала Репину: «У Вас тут есть искренние почитатели, которые обещали все возможное предпринять». ⁴⁷ Желая успокоить хозяина Пенатов, Тарханова подробно сообщала о своих шагах по вызволению «здравневцев»: «Я решила, наконец, попросить совета и содействия по делу Танечки у академика Карпинского ⁴⁸, который отнесся к этому с деятельной сердечностью. Вчера вечером мне телефонировали, что он виделся и говорил с А. В. Луначарским, который как раз приехал сюда на заседания Президиума и Сессии в Академ(ии) наук. Сегодня раненько утром я была у Александра Петровича Карпинского, где дочь его Евгения Александровна любезно напечатала на машинке заявление от моего имени с изложением дела, и я прямо оттуда к 9 ч(асам) поехала к Анатолию Васильевичу Луначарскому, дабы застать его до начала сессии. Была счастлива, что он меня принял, озна-

⁴⁵ Письмо Г. К. Гегера В. И. Репиной от 26 февраля 1930 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 682, л. 4—6).

⁴⁶ Письмо Г. К. Гегера В. И. Репиной от 27 февраля 1930 г. (там же, л. 7).

⁴⁷ Письмо Е. П. Тархановой-Антокольской И. Е. Репину от 27 февраля 1930 г. (там же, № 494, л. 41).

⁴⁸ А. П. Карпинский (1864—1936) — президент Академии наук СССР. Его внучатый племянник художник Игорь Михайлович Карпинский (1901—?) жил в Финляндии. Воспоминания И. М. Карпинского см.: Новое о Репине. С. 277—281, 339—343.

комился с подробностями дела по полученным мною письмам и не только обещал свое содействие, но на мой вопрос, могу ли я написать об этом Илье Ефимовичу, ответил: «Напишите Илье Ефимовичу, что я взялся все урегулировать». И тут же при мне распорядился, куда положить эту бумажку, дабы он мог *завтра же* передать ее... тому-то. <...> Между прочим, я сказала, что Вы написали в Москву тт. Калинин и Менжинскому, но ответа пока еще не получили». ⁴⁹

Репин решил написать портреты Карпинского и Луначарского. Он увлекся этой идеей со свойственной ему способностью полностью отдаваться творческому замыслу. По просьбе художника Тарханова прислала фотографии Карпинского. Но уже в конце марта Репин с горечью признал: «<...> вся моя храбрость — написать столь ответственные портреты едва ли может быть реализована: все меньше и меньше сил». ⁵⁰

Между тем хлопоты затягивались, а угроза сохранялась. 21 марта Т. И. Репина-Язева писала родным: «Дорогие, дорогие папуля и Веруня, и <?> мне удалось получить 800 р(ублей). Паспорта же могут стоить 900 р(ублей). Но об этом сейчас говорить не приходится: хлопоты о нашем выезде пока не имеют никакого успеха. Тов. Литвинов ⁵¹ в Москве ходатайствовать об этом не имеет права, т(ак) к(ак) в его ведении только вьезд иностранцев. Зависит же все от *Внутренних Органов* — ГПУ Москвы и Минска. Об этом одновременно пишу Гегеру в Ригу. Советовали действовать по линии *Коминтерн(а)*, т(о) е(сть), если бы просить там знакомого коммуниста оказать содействие папиной просьбе о выезде нашей семьи на временное свидание с ним.

Индивидуальный налог с нас еще не снят, и мы можем попасть в третью очередь выселения в Сибирь. Совсем теряем надежду. Веруня, хлопочи по возможности. Не согласится ли Президент Финл(яндии) оказать содействие заявлением в ГПУ г. Москвы и г. Минска о пропуске нашей семьи к Вам. Целую Вас. Ваша Таня» ⁵²

26 марта Гегер сообщил в Пенаты новости, задержка которых была вызвана отсутствием дикрурбера в латвийском консульстве: «За время лежания письма в Витебске произошло изменение к лучшему: *после 21 марта* написал Витебскому Окр(ужному) Совету *Калинин* — предложив пересмотреть постановление Сельсовета Николаевского относительно индивид(уального) обложения и т. д.». ⁵³ Весьма резко прокомментировав отказ вставшего, как ему казалось, на формальную точку зрения Литвинова помочь ходатайству, Гегер счел, что находившийся в Москве Сви-дерский все же продолжит хлопоты, и предложил вступить в переговоры с другим потенциальным заступником: «<...> *переговорить* на словах он может с кем хочет из любого ведомства, а не только из Наркоминдела. И как я научился знать Сви-дерского, то уже из самолюбия, раз он взялся хлопотать, он похлопочет и дальше: все же надо помнить, что он при большевиках птица немалая. <...>

В каких Вы *сейчас* отношениях с *Горьким*? Если не перессорились — он *persona gratissima* — в — *Г. П. У.*, мало что он „вспел“ *Феликс Дзержинского*, а я о нем тиснул в немецкой прессе статью как о „*Двулицом*

⁴⁹ Письмо Е. П. Тархановой-Антокольской И. Е. Репину от 2 марта 1930 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 494, л. 42).

⁵⁰ Письмо И. Е. Репина Е. П. Тархановой-Антокольской (март 1930 г.) // *Репин И.* Письма. Т. 2. С. 411.

⁵¹ Литвинов (Валлах) Максим Максимович (1876—1951) — дипломат и государственный деятель. В 1930 г. заместитель Народного комиссара и Народный комиссар иностранных дел.

⁵² НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 415, л. 2—3.

⁵³ Письмо Г. К. Гегера И. Е. Репину от 26 апреля 1930 г. (там же, № 152, л. 22 об.).

Янусе“ в Сорренто... Ничего все это не значит и в случае чего я обращусь к нему в Сорренто... Вам ему если писать *нельзя*, „с души воротит“, — то и не пишите, — все сделаю я. Это, так сказать, к слову, если это понадобится бы вообще». ⁵⁴

Но помощь Горького, похоже, не потребовалась. В середине апреля, насколько можно судить по известным письмам, в Москве вступил в действие один из друзей, принадлежавших к семье «незавенного Владимира Васильевича». 14 апреля Тарханова-Антокольская обратилась с письмом к Елене Дмитриевне Стасовой (1873—1966), племяннице известного критика, члену РСДРП с 1898 года. С 1927 года она была председателем ЦК МОПР СССР и заместителем председателя Исполкома МОПР (Международной организации помощи борцам революции). ⁵⁵ Стасова привела в действие партийные связи, что не замедлило сказаться на положении Язевых-Дьяконовых. Председатель СНК Белоруссии Н. М. Голодец сообщал Елене Дмитриевне в Москву: «В отношении же Репиной-Язевой тоже вопрос решен в положительной форме, они остались на месте. По этому вопросу мне тоже говорил Климентий Ефремович Ворошилов. Я собирался об этом Вам доложить по приезде на 16-й съезд, что и сделаю, когда приеду <...>». ⁵⁶

Перелом в развитии событий наступил в конце апреля — начале мая. «Вы, конечно, уже давно знаете от Танички, что у них все благополучно, что индивидуальное обложение снято, что они оставлены у себя, им все вернули и т. д. <...>, — писала Тарханова в Пенаты. — Я собственно ничего не сделала сама, а только будила спящих, стучалась во все двери, расталкивала чересчур занятых... И надо отдать им справедливость: везде и всегда находила для Вас горячий отклик, везде находила Ваших глубоких неизменных почитателей, ценителей, искренних друзей. <...> Сердечно отнеслась к нашему делу и больше всех сделала Елена Дмитриевна, т(а)к что после нее хлопотать уже было не о чем пока. <...> Когда-нибудь лично расскажу все подробно — это любопытно. И сколько интересных людей я видела за это время!» ⁵⁷

Угроза депортации рассеялась, но выезд из страны встречал постоянные препятствия. В конце мая местные власти отказали Язевым-Дьяконовым в эмиграции. Г. Пунга посоветовал Т. Дьяконовой съездить в Москву: «23го мая в Окружном было сообщено о том, что пришло решение на ходатайство о выезде. На вопрос: разрешено или нет?, ответили: „ни то, ни другое, выяснится 24го мая“». Дали понять, что окончательное решение сделает местная власть. 24го же мая — вернули бумаги с отка-

⁵⁴ Там же, л. 23.

⁵⁵ См.: Письмо Е. П. Тархановой-Антокольской Е. Д. Стасовой от 14 апреля 1930 г. (ГТГ, ф. 4, № 538). Значительно позднее Е. Д. Стасова вспоминала: «Личные мои отношения с Ильей Ефимовичем были дружеские. Работая заведующей техникой Петербургского комитета партии, я не раз обращалась к Репину за материальной помощью. В число моих обязанностей входили и финансы. Деньги были нужны для так называемого политического Красного Креста, то есть для оказания помощи политическим заключенным или ссыльным. Никогда Илья Ефимович не отказывал мне» (Новое о Репине. С. 137—138). Следует отметить, что, поддерживая различные политические акции левого толка, Репин, как правило, участвовал в них не деньгами, а предоставляя рисунки, эскизы обложек сборников и т. п.

⁵⁶ Письмо Н. М. Голодеда Е. Д. Стасовой от 20 июня 1930 г. (ГТГ, ф. 4, № 536, л. 1—1 об.). Письмо на бланке ЦК КП(б) Белоруссии.

⁵⁷ Письмо Е. П. Тархановой-Антокольской И. Е. Репину от 14 мая 1930 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 494, л. 46—47).

зом. Ясно, что местное „Г.П.У.“ находит неудобным выпустить Вашу семью, а московские власти, не будучи против разрешения на выезд, все же категорически на этом не настояли. Поэтому надо еще раз обратиться к центральной власти. Это тем более необходимо, что на днях местный сельсовет постановил восстановить членов Вашей семьи в правах, т(о) е(сть) вернуть право голоса и они теперь уже не «лишенцы» и им теперь уже не угрожает высылка из Белоруссии». ⁵⁸ В Москве Т. Дьяконова снова прибегла к поддержке Стасовой. ⁵⁹ Можно предположить, что и в этом случае влияние высокого партийного функционера сыграло важную роль. Как позволяют утверждать известные нам документы, на этом этапе к судьбе семьи Язевых-Дьяконовых оказалась причастной Е. П. Пешкова (ср. письмо № 1 в настоящей публикации): «На заявление, поданное Тасей в Москве 2 июня тов. Калинину ответа нет. Вероятно, вследствие съезда. Такое занятое время! Пишу сегодня Ек. П. Пешк(овой) мою горячую просьбу помочь исполнить папино последнее желание, повидаться с семьей нашей». ⁶⁰

Выехать родным Репина в Финляндию удалось лишь в августе 1930 года через пограничные станции Белоостров—Раййоки на советско-финской границе под Ленинградом. ⁶¹ 7 августа они прибыли в Куоккалу.

Однако перед отъездом дочери художника пришлось пережить унижение особенно тягостное. Откликаясь на широковещательное признание Репина в СССР в середине 1930-х гг., она сетовала: «Они любят из умерших лепить себе игрушки»⁶²; «Это теперь, когда папа для них уже безвреден. А давно ли, когда я была в Третьяковской галерее и предлагала им купить папин автопортрет (мне нужны были деньги для заграничного паспорта), они предложили мне 200 рублей (<...>) и сказали при этом: „Нам нужны новые, молодые художники, а Репина нам довольно, уже и так вынесена часть в подвалы!“ Теперь же этот портрет стоит на мольберте, украшенный цветами! Видел бы это папа, отбрил бы он их». ⁶³ Спустя пятнадцать лет Татьяна, познакомившись с двухтомником «Художественного наследства», в частности, заметила: «А знаете ли, что я сейчас прочла — оказывается, что мой „семейный портрет“ (большой холст) —

---

⁵⁸ Письмо Г. Пунги И. Е. Репину от 26 мая — 8 июня 1930 г. (там же, № 403, л. 2—2 об.).

⁵⁹ См. рекомендательное письмо Е. П. Тархановой-Антокольской Е. Д. Стасовой от 31 мая 1930 г. (ГТГ, ф. 4, № 539). Опубликовано: *Кичина Е. М.* Ук. соч. С. 22.

⁶⁰ Письмо Т. И. Репиной-Язевой Е. П. Тархановой-Антокольской от 19 июля 1930 г. (СР ГРМ, ф. 124, № 9, л. 3—3 об.). Ср. упоминание Е. П. Пешковой в сходном контексте (письмо от 21 июня 1930 г. — там же, л. 5—5 об.), а также в письме к В. Ф. Зеелеру от 17—21 мая 1946 года и в рукописи «О последних днях И. Е. Репина» (Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета. Бахметевский архив, фонд В. Ф. Зеелера. Коробка 8).

⁶¹ См. телеграмму от 7 августа 1930 г. о выезде из Ленинграда на финскую границу (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 415, л. 35). В апреле 1930 г. Гегер предлагал следующий маршрут: Витебск—Зилупе—Рига—Таллинн—Хельсинки (см. письмо Г. К. Гегера В. И. Репиной от 10 апреля 1930 г. — там же, № 682, л. 8).

⁶² Письмо Т. И. Репиной-Язевой В. Ф. Зеелеру от 2 октября 1936 г. (Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета. Бахметевский архив, фонд В. Ф. Зеелера. Коробка 8).

⁶³ Письмо Т. И. Репиной-Язевой В. Ф. Зеелеру от 23 мая 1936 г. (там же).

который я сама, лично в 30ом году отвезла в Москву и сдала в *Третьяковскую Галерею* — теперь... — в Америке!?! Вот так музей!»⁶⁴

Естественно, что в СССР история вызволения родных Репина не получила огласки. Однако после смерти художника, последовавшей 30 сентября 1930 года, Е. П. Тарханова-Антокольская подготовила статью, в которой постаралась отвести от покойного обвинения в «эмиграции» и придать гласности факт отъезда Язевых-Дьяконовых, специфически расставив акценты этой истории: «(...) к счастью (...) для самого Ильи Ефимовича, прежде всего для его семьи и для всех нас — нашему незабвенному, так дорогому, нашему великому соотечественнику еще „суждено было“ и великое утешение: его заветное, его последнее страстное желание было исполнено... И. Е. Репин дождал до приезда своей дочери, внуков и правнучат, не только повидал их, но жил еще почти два месяца, окруженный их любовью и заботливым уходом и — умер, успокоенный на руках тех, кого он любил так, кого так хотел иметь возле себя.

Это ли не утешение.

Когда в Белоруссии дочерью Репина была получена телеграмма из Куоккала о грозном состоянии здоровья отца, она обратилась со срочным ходатайством в Москву, и ей немедленно было разрешено поехать со всей семьей к нему.

Велика же была их радость и благодарность родине за этот акт сочувствия и великодушия.

До последней минуты, до последнего вздоха Ильи Ефимович Репин жил родиной и для родины; он радовался ее радостями и печалился ее печалью (...). И не его вина, что он оказался за рубежом нашей страны (...). Но Репин наш, принадлежит нам и прах его должен покониться на его великой родине. (...) Об этом стоит подумать деятельно».⁶⁵

Мытарства, нищета и гибель отмеченных творческим даром эмигрантов из России неизбежно романтизируются, оборачиваются привлекательной и исполненной скорбного обаяния легендой. Семья Язевых-Дьяконовых, практически лишенная, в отличие от других потомков Репина, артистических амбиций, не была причастна ни к советской, ни к эмигрантской окологуманитарной среде, и потому не имеет шансов войти в легенду русского зарубежья. Она чудом вырвалась из белорусской деревни накануне депортации в Сибирь, провела год в угасающем финляндском приграничье и несколько недель в окрестностях Парижа, чтобы затем кануть во французской провинции. Причастность к художнику, чье имя оберегало родных и в голодный год, и в дни террора, а наследство позволило снова обзавестись скудным имуществом, в данном случае выделяет судьбу семьи Язевых—Дьяконовых, но не сообщает ей исключительности. Выделяет, в частности, для того, чтобы дать слово эмигранту из числа обыкновенных, трудно живших русских людей, плавивших за все полную меру сил и страданий и, в сущности, ничего не желавших, кроме покоя, дома, семьи.

* * *

---

⁶⁴ Письмо Т. И. Репиной-Язевой В. Ф. Зеелеру от 8 июня 1951 г. (там же). Имеется в виду «Семейный портрет Т. И. Репиной с мужем Н. Г. Язевым» (1905).

⁶⁵ Тарханова Е. П. Репин (По последним письмам ко мне). Машинопись (СР ГРМ, ф. 124, № 10, л. 3—4). Подпись: «Скульптор Елена Тарханова». Датировано: 30 сентября 1930 г. Фрагмент о «немедленном» разрешении почти буквально повторен в комментариях к изданию: Репин И. Е. Письма к Е. П. Тархановой-Антокольской и И. Р. Тарханову/ Под общ. ред. К. И. Чуковского. Вступит. ст. и примеч. И. А. Бродского и Я. Д. Лещинского. Л.: М., 1937. С. 98.

Письма Т. И. Репиной-Язевой были переданы Сусанной Львовной Карсавиной при посредничестве И. А. Савкина академику Д. С. Лихачеву и в 1991 году приобретены Рукописным отделом Пушкинского Дома (Р. I, оп. 12, № 716).

Исследования в Библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета (Нью-Йорк) проведены И. А. Доронченковым благодаря поддержке The Getty Grant Program (Санта-Моника, Калифорния).

Мы благодарим за консультации и помощь в работе заведующую научным отделом Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» Елену Владимировну Кириллину и старшего научного сотрудника Галину Исааковну Прибульскую, коллектив Научно-библиографического архива Российской Академии Художеств, а также хранителя Бахметевского архива Эллен Скаруффи.

В публикации исключены повторы, а также незначительные подробности повседневной семейной жизни и медицинские сведения, ввиду их узкоспециального значения.

Орфография и пунктуация писем приведены в соответствие с современными нормами.

1

31 авг(уста) <19>30 г.

Дорогая моя Лидочка, вчера получила твое первое письмо, а сегодня второе. В обоих письмах ты пишешь именно то, об чем болит наша голова: все подробности о правах жизни. Об нас вот что могу сказать. Чудом, ради папного имени, спаслись мы из Сов<етской> Рос<сии>; ведь если б еще день задержались там, то нас уже не только не выпустили бы, но сослали бы в Сибирь, в поездах смерти, так как об этом уже был поднят вопрос в Витебск<ом> РИКе. С собой нам не позволили взять *ни копейки*. Багаж — также, только самое необходимое из одежды. Но мы готовы были ехать и в одних рубашках, только бы спастись от этого ужаса смерти над головой. Между тем здесь мы застали папу в таком состоянии, что он, увидя и сразу узнав, расцвел в улыбку и, целуя мне руку, уже засыпал, не слыша и не сознавая, что говорю я. Сейчас же очнется, спросит: «Как молодая гвардия — детишки?» и ответа опять уже не слышит, глаза тускнеют, голова опускается на стол — он спит, крепко спит. Ноги как гири, налиты водой. Но он старается быть со всеми, и всегда за общим столом. (<...>) Вера его старается веселить, и подкладывает ему на тарелку всего понемножку, все на одну тарелку. Ест он сам и роняет и обливается изо рта, вытираясь бумажными салфеточками, едва держа вилку, но всегда сам. Писать пером абсолютно не может, даже подписать. Вера за едой — с ним, а так не сидит, и часто он совсем один клюет носом, сидя в креслице

за круглым столом, а я издали, со двора в раскрытые двери только вижу его: мы отделены как заразные¹. Иногда, когда улучаю время, переодеваюсь и иду к нему, он всегда обрадуется и спросит, как дети, как здоровье. Вера всегда при параде и при наряде, а на голове — ужас, просто как какие-то красные перья да еще с пестрой повязкой. Первое время просто не знала, куда глаза девать, так безобразно, теперь как-то не замечаю. Она все еще не без амуров и, как большею частью, предмет ее ей же на гибель. Молодой сосед, видно, Ник. Ив., да еще и в квадрате.² Он ежедневно приходит к ней, что ли, на уроки англ(ийского) яз(ыка)... И, видно, сторожит свое дельце. Вообще меня ужас забирает при виде его. Я думаю, он немалую роль сыграет после папиной смерти. Да и сейчас, наверное, рыльце в пуху. Он в связи с сестрой жены Леви,³ (кот(орый) торгует папиными картинами). Но с Верой говорить об этом бесполезно. Ей ловко отведены глаза на Илюшу с Лизой. Вообще, насколько я успела присмотреться, тут ведется так же политика — не хуже советской. Как там травят город на деревню, а деревню на город, чтобы, пока они лбами стучаются, незаметным образом все выкачать из России. Так и тут всю родню стравили, а сами ручки потирают. Как бы то ни было, но денег нет. Картин... Едва, едва. Альбомы все повывраны. Долгов больших нет, но в лавки за месяц и за два не платчено и на налоги нет ни гроша, и даже свечку в церковь не на что купить. Но к чаю бывает и шоколад. Каждый день сытные обеды и ужины и пр(очее), и массажистка к Вере каждый день ходит. Словом, все по-Вериному. Папа был счастлив, когда от случайной продажи Вера положила ему в карман 200 марок. Но увы... Их кто-то вытащил. Леви сейчас ездит с 34-мя картинами папы по разн(ым) городам. Но пока продажи нет. У нас от ликвидации Здравнева (в 2 дня) было 5¹/₂ тыс(яч) руб(лей). Мы старались закупить вещей, но купили только две мехов(ые) шубы и Ване 1 костюм — больше не было ничего ни в Москве, ни в Питере, и за все переезды, оплаты паспортов и пр(очее) и пр(очее). Осталось у нас там 1¹/₂ тыс(ячи) руб(лей) и некот(орые) вещи по родным. Пытаемся эти 1¹/₂ тыс(ячи) переправить сюда нелегалн(ым) путем. Но, верно, окажется кроха. Рубль — 3 марки. Вот и все наши трудовые за 13 лет мозолей. На днях нам их привезут. Под них мы уже одолжили через Илюшу для доктора 150 марок. За визит берет 100 м(арок). А скарлатина настоящая и с осложнениями. (...)

Все это происходит в малюсеньких 2-х комнатах: по площади бóльшая 3 метра на 4, а меньшая 3 м(етра) на 1¹/₂, в бóльшей посредине громадная плита. Накрыли мы ее скатертью.

и она служит столом с холмообразным верхом из-за пляшущих комфорок. В застенке Таси с Ваней кровать хуже каменной. К окну диван турецкий, на нем поперек дети спали, теперь я с Кирой, вдоль плиты лавка Валяше. Рома между дверей в Диевой люльке Юриной работы, но она низенькая, совсем на $1\frac{1}{2}$ четверти от пола, и стенки в упор голове и ногам. Галя сейчас с Тасей спит в малюсенькой комнатке, где была я. Там пружинный матрас на дровах. Подушек у нас на всех — 3. (Больше боялись везти, и так узлы были большие). На подушках спят Валя, Кира и Галя. У Ромы какой-то здесь нашелся валичек из перьев, как кол. У Таси с Ваней чей-то здешний (верно, кухарский от старых времен) матрасик, сложенный пополам — вид подушки (вроде, как у Иакова в пустыне). Я же люблю низко голову и потому вовсе без подушки. Так. Теперь вообрази все это в атмосфере тропиков, где все выделяет из себя влагу... Раза 2—3 удается нам просвежить. Для этого надо всем детям плюс один взрослый вмяться в малюсенькую комнату и закрыть в нее дверь. Пока рядом, где плита, делаем сквозняк. Затем все в эту, а там открываем. Да. В общем, живем в scarlatinном экстракте. Причем у Вани в детстве scarl<атины> не было. Но он отделяться не хочет, чтобы помогать, и правда, без него с мальчиками сладу нет. (...) Очень трудно выбрать время написать. Только ночью, как сейчас. Когда все спят. Пишу на плите, и ноги сводит от бокового положения. Да. Но все же мы счастливы. Счастливы, что на воле. Что не висит каждый день над головой бич с неведомым ударом. Паспорта у нас есть самые законные, так как Пешкова⁴ поручилась, что мы только навестим папу. Но Ваня снялся с учета там, а здесь, конечно, не регистрировался, так что если обратно, то ему расстрел. Боже, Боже! Неужели нас вышвырнут обратно, как советских граждан! Мороз по коже. Понимаешь ли, какой громадный интерес для нас твои письма и все сообщения. Пока у нас scarлатина и пока папа жив, мы будем оставаться здесь. И потому совершенно неизвестно, когда мы уедем. Не раньше, как месяца $1\frac{1}{2}$, а может и через год?.. Илюша говорил, что у папы завещание написано так: Дом государству.⁵ Движимое (кроме нескольких картин, надписанных для Веры) — все на 4 части. Но Вера говорила не так давно: Юра напился и, придя, кричал — «все мое». Надю надо будет в санаторию, а это страшно дорого, но, может, удастся на казен<ный> счет. И над Верой, верно, взвьется флаг ее кавалера. Не знаю. Останется ли что на мою долю? Потом ленсман⁶ спрашивал Веру, на какие средства мы думаем здесь жить? И я не знаю, что она ему ответила. Я вижу ее очень редко, и гово-

ритель с ней очень трудно: она все об каких-то сплетнях, или подозрения на Илюшу или возмущения на Юру. Ну, ладно. Словом, вот наше положение здесь. Да, еще! Приезжал на днях из Сов(етской) Р(оссии) Гинсбург проведать папу (якобы), на деле же, верно, имел инструкции. Повел мягкую речь, что он нас с детства так любит, что положение у нас материально-острое, что он может похлопотать нам всем 4-м пенсию рублей по полтора ста. Если мы пожертвуем всю коллекцию рисунков. Мы сказали, что ведь в Сов(етской) Р(оссии) денег нет, что там даже жалование нечем платить (при нас за последние 2 мес(яца) учителям жалованья не было вовсе). Он сказал: «Ну что там учителя! Это особый вопрос. А когда надо крикнуть на всю Европу, у них миллионы бросаются. И пенсия вам была бы именно криком в Европу. Конечно, я не обещаю и говорю это, любя вас. И конечно, если вы жертвуете рисунки...!!» Мы сказали: «Живая жертва налицо — сам папа. В таком состоянии без гроша денег, даже на лечение нет. Довольно уже его грабили там. Весь капитал — почти 200 тысяч руб(лей) трудовых на краю могилы не могли вернуть! А сколько увезли Бродский и К^о». ⁷ «Ах, Бродский обманщик!» — «Однако этот обманщик преспокойно живет в шелках и мебели красного дерева, в роскоши, хотя первая комната ужасна с какими-то железными кроватями и сундуками (Тася была у него). Да, он свободен, а мы, за то, что папа пропечатал их в газете, ⁸ как преступники, обреченные на ссылку». — «Ну как угодно, как угодно». С тем и уехал. Разумеется, никакой пенсии они и не подумали бы нам дать, прикарманя коллекцию рисунков. О, как это хорошо нам знакомо. ⁹ Итак, может быть, у нас и будут какие-нибудь деньги на дорогу и первые дни, но рассчитывать на них трудно. Боюсь, чтоб и Финляндия после смерти папы не указала бы нам Бог да порог все на том же основании, как и все государства боятся оставлять у себя лишних претендентов на заработки хлеба. Примет ли нас Франция? ?? ... Мне каждое твое слово понятно и ясно, и я не обескураживаюсь, но призадумываюсь... А ты сама надолго останешься во Франции? Ведь ты писала, что переедете все в Ковно. На что же мне тогда Франция??! Нет, конечно, ты права, что везде трудно и, пожалуй, легче всего во Фр(анции), а надо же где-либо жить людям без родины. Но неужели тебя там не будет?? ... Теперь самое главное: на какие работы мы способны? Я уж и не знаю, на что я пригодна, разве судомоем. Это я бы могла. Тася имеет большие способности к разрисовыванию кукол и моды, пожалуй, могла бы выпечать и панно разные и вообще штучки из обрезков и бумажные. А может и вышивать, хотя это хуже для нее дается.

Ваня же не знаю на что? Он и сам не знает. Ему какую работу ни дай, он будет добросовестно ее отрабатывать, сколько ни навали, он на все молча согласится, но специальности у него нет никакой. Учитель — землероб. По положению хотел бы лучше всего рабочим на фабрику, собственности мы боимся, как огня, но, может, наоборот, у вас страшнее положение рабочего? На фабрике же все же — здоровье его неважное, т(о) е(сть) он здоров, а на вид даже цветущего здоровья, наследственно слабая грудь и горло, так что если какая-нибудь табачная фабрика или у пылающей печи, он бы не выдержал по силам. Понятно ли тебе? Но он не так уж слаб, мог бы для начала и это взять. Вот здесь он себя очень <1 нрзб.> чувствует не у дел. И находит печаль — годен ли он на что? Вчера ходил мрачный, говорит: «Все думаю, на что же я пригоден?» Ну, так ведь горшки-то не Боги лепят. Вообще же он смекалистый и трудолюбивый. Главная отрада у нас и наболевший насущный вопрос — детей в школу. По годам, как ты пишешь, все, кроме Ромы, пойдут. Валяше 8 лет. Он уже перерос, но он ничего не знает. Дома все не до них было, а в школе белорусский яз(ык). Так хотелось бы скорее его в общество детей. Именно его, он бесхарактерный и очень восприимчивый, а потому за него страшней всего. Квартирой <?> же мы никакой не боимся, живем и здесь, а уже буквально, как в вагоне, да еще потолок низкий, а подполье сгнило и рядом за стеной ванна, для Веры 2 раза в нед(елью) топят. Буквально дышать нечем, а раскрыть окна нельзя, страшная тяга, а дети больны. Хотя бы страхи скарлатины миновали! Бедная Тася совсем измучилась. Сегодня я ходила к папе (переодевшись). Он сегодня очень ослабел. Отек руки левой — кисть сильно налилась и лицо отекло, а ноги, как колоды, и он все терпит, только во сне стонет и бредит. А чуть спросишь: «Тебе трудно?» — улыбнется, махнет рукой: «Нет, нет». Папуля! Он такой тихий, такой терпеливый! Как раз обратно прежним привычкам. Ну вот все о нас. Ясна ли тебе картина? Можно ли надеяться на визу???. Хотелось бы написать еще много-много о тебе, о детях твоих. Я так люблю твой письма! Ты вся в них, моя любимая Лида. А Суся-то <2 нрзб>!!!¹⁰ Наши стали такие страшные. Крепко целуем всех вас.

Приписки:

У нас скарлатина, сожги письмо и вымой руки.

В СССР письма *все* доходили, но с каждого снимался дубликат в ГПУ.

- ¹ В черновике воспоминаний о последних днях жизни отца В. И. Репина написала: «Приезд сестры с детьми застал папу вечером, но все же он лег спать и сказал, что он решил выспаться, а утром вышел к ним на балкон (...). Так длилось несколько дней, потом дети заболели скарлатиной и папа их не видел. Он спрашивал — а что же дети? — ах, я забыл?» (НБА РАХ, ф. 25, оп. 1, № 1995, л. 4 об.). В опубликованном тексте о семье сестры говорилось одной фразой: «Волнения о приезде сестры с детьми из России, писавшей, что им грозит ссылка в Сибирь, не давали папе покоя» (*Репина В.* Последние дни моего отца. (Из воспоминаний дочери великого художника)//Сегодня. Рига. 1930. 20 октября).
- ² Речь идет о близком друге В. И. Репиной В. Максимове.
- ³ Левн Василий Филиппович (1878—1953) — юрист, художник-дилетант. В 1916 г. оставил практику, переехал из Петрограда в Терюки. В 1918 г. познакомился с Репиным, когда по совету И. И. Бродского привез ему свои любительские живописные опыты. В дальнейшем выступал вместе с И. Е. и Ю. И. Репиными, занимался организацией выставок и продажей произведений И. Е. Репина.
- ⁴ Пешкова (урожд. Волжина) Екатерина Павловна (1878—1965) — первая жена М. Горького; в 1920—30-е гг. руководитель «Политического Красного Креста» и Организации по защите политзаключенных. Об участии ее в выезде за границу Язевых-Дьяконовых упоминает Л. А. Шевцова-Споре в воспоминаниях о Репине (Новое о Репине. Л., 1969. С. 152).
- ⁵ По завещанию владелицы Пенат Н. Б. Нордман после смерти Репина усадьба должна была перейти во владение Академии художеств, с тем чтобы в ней был устроен мемориальный музей. (См.: *Кириллина Е.* Репин в «Пенатах». Л., 1977. С. 145—146).
- ⁶ Должностное лицо финской администрации.
- ⁷ Бродский Исаак Израилевич (1884—1939) — живописец, ученик Репина; с декабря 1923 г. член АХРР. Имеется в виду визит делегации АХРР в Пенаты 30 июня 1926 г. Ахрровцы увезли в Россию ряд эскизов на историко-революционные темы, а также портрет А. Ф. Керенского (Москва, Музей революции).
- ⁸ Русская зарубежная печать неоднократно сообщала об отказах художника переселиться в СССР или хотя бы посетить его, а также предавала гласности антибольшевистские высказывания Репина. См., напр.: Сегодня (Рига), 1929, 4 августа, № 214; Возрождение (Париж), 1929, 1 сентября.
- ⁹ Гинцбург Илья Яковлевич (1859—1939) — скульптор, близкий знакомый И. Е. Репина. Визит Гинцбурга встревожил обитателей Пенат, тем более, что вскоре после его отъезда в советской печати появились сообщения о попытках предьявить права на наследство еще не умершего художника. (См.: *Гинцбург И.* Наследие Репина под угрозой//Красная газета: Веч. вып. Ленинград. 1930. 1 сентября. № 206; Сохранить наследие Репина для СССР//Там же. 2 сентября. № 207). В этих обстоятельствах В. И. Репина предала гласности содержание бесед с Гинцбургом, отраженных в публикуемом письме ее сестры: *Репина В. И.* Отказ Репина//Руль. Берлин. 1930. 14 сентября. № 2980; И. Е. Репин и большевики//Последние новости. Париж. 1930. 16 сентября. № 3464. Более подробно визит Гинцбурга в Пенаты описан со слов Веры Репиной корреспондентом «Руля» спустя два месяца после кончины художника: «Очень взволновал папу приезд к нам Илья Гинцбурга. В первое свое посещение «Пенат» Гинцбург говорил с И. Е. наедине всего три-четыре минуты. Вышедши ко мне, он, показывая своим характерным жестом в сторону папиной комнаты, сказал мне: „Ну, он человек конечный. Будем говорить с вами“. Стал уговаривать меня

подарить СССР некоторые папины крупные произведения. „Его там ненавидят, ему ничего не дадут“, — говорил он. „Вам же я исхлопочу пенсию. Для крика в Европу в СССР миллионы всегда найдутся...“ Конкретно эти „миллионы“ выразились в предложении мне пожизненной пенсии в 2000 финских марок в месяц. От каких-либо переговоров о пенсии я уклонилась. <...> К нам во второй раз И. Гинзбург явился уже в новом костюме и новых ботинках. Очень уговаривал сестру Татьяну Ильиничну вновь вернуться в СССР, откуда она недавно приехала и где незадолго до отъезда чуть было не была выслана в Сибирь. От этого удовольствия ее спасло только вмешательство Луначарского, разъяснившего властям Белоруссии о неудобстве ссылать в Сибирь дочь Репина. Испытать вновь всю тяжелую жизнь в СССР сестра, конечно, не захотела и предложение Гинзбурга отклонила решительно» (*Шубаков Н.* На посмертной выставке И. Е. Репина. От нашего корреспондента//Руль. Берлин. 1930. 10 декабря. № 3053. С. 2).

¹⁰ Суся — Сусанна Львовна Карсавина (род. 1920), дочь Л. П. и Л. Н. Карсавиных.

2

26 янв<аря> <19>31 г<ода>

Дорогая моя Лидочка, ты волнуешься, что задержала нас ответом, а между тем, как я здесь узнала, нам не надо спешить. Сейчас все объясню: сначала я и сама волновалась, что мы по разным причинам затягиваем. То для того, чтобы получить анкеты, надо было составить запрос по-франц<узски>, а Вера соответствующих официальных слов не знала. Могла сделать это здесь одна дама, но она праздновала Рожд<ество> по ст<арому> ст<илию> и надо было пропустить 3 дня, потом у Лизы была срочная спешная работа, ночи сидела и ей некогда было идти со мной, а я с ней не знакома и не найти дачу в лесу. Вот видишь, так мы сами затягивали дело. Наконец, послали запрос и получили в ответ анкеты. Там требовались поручители франц<узы>, о кот<орых> я тебе написала, и заодно переписала все вопросы анкет для совета, чтобы не испортить дела каким-нибудь неумелым ответом.¹ Теперь в ожидании ответа от тебя на эти анкеты попросила Веру (кот<орая>) ехала в Гельсингф<орс> за картинами от Леви) зайти там спросить совета. И вчера получила от Веры письмо (на редкость обстоятельно написанное). Ей сказали, что обратиться с анкетами надо не в франц<узское> консульство Гельс<ингфорса>, а в Выборг, в русский комитет к барону Grevenitz² (он хорошо знал папу), и <он> направит все, как надо. Главное же, сказали, что раз у нас нансеновские паспорта,³ то там *быстро* выдадут визы и они будут действительны на 2 мес<яца>, а стоит

будут по 80 марок кажд(ая); через 2 мес(яца) их надо будет возобновлять. Чтобы мы не спешили. Это ей посоветовал представитель русск(ой) колонии Буш. Еще он сказал, что поручителями могут быть и русские известные лица, как Зее-лер,⁴ Малявин⁵ и т. д. В Выборг поедет Тася (надо Галино ухо показать), и она расспросит все у этого б(арона) Greve-pitz, но она простудилась, здесь *все* болеют инфлюэнцией. Теперь ей уже лучше, и скоро она поедет, если только дети не заболели. Я же так глуха, что по делу объясняться прямо неловко, заставляя трубить в ухо. А от волнения совсем не разбираю слов. Так что вот видишь, прошение наше еще *не подано*. Когда я писала Бенуа,⁶ одновременно я послала запрос с кратким описанием нашего положения в франц(узское) консульство, что нансен(овские) пасп(орта) мы имеем, а что требуется кроме? Что мы вот столько натерпелись, и теперь просим выдать нам визы без ограничений. Ну там мы складно написали обо всем, и (я) думала, что по получении анкет, сейчас же подам и заявление и напишу точную дату подачи тебе, но вот как все видоизменилось. И теперь я не знаю, как лучше поступить? У меня как-то все спуталось, и я не пойму, *где* именно будут отмечать визы? *Здесь* в консульстве? Или из консульства сделают запрос в Париж и там наложат резолюцию? Я надеюсь, что будет так: на днях получу твое письмо с советами ответов в анкеты и Тася поедет в Выборг, тогда подадим анкеты, и я тотчас же извещу тебя о подаче их. Главное, мне неловко перед Ал(ександром) Бенуа, что мы задерживаем, и он может охладеть, отказаться, и потом, ведь Лев Пл(атонович), верно, уже уезжает?? Очень всем этим я терзаюсь.

Относительно денежных дел, решили все выбрать приблизительно одинаковой стоимости по 4 картины на каждого из нас 4-х и по жребию эти картины разделить. Тогда каждый будет продавать в свою пользу, чтобы получить сразу сумму. Это хорошо. Но продать теперь так трудно! Так трудно! Никому не надо. Комиссионер был, говорил, что я вам сколько угодно достану и Шишкина, и Айвазовск(ого) по дешевке. Также и Репин обесценивается совершенно. Потом ведь это не картины, а только *эскизы*. . . Все большие папины картины уже распроданы при его жизни, и все израсходовано. Вера, как стихийная сила, все прожгла. Папа умирал без гроша денег — долги, долги. . . Потом едва, едва всучили 3 альбома за 25 тыс(яч) и расплатились. Писала я Шмакову Ник(олаю)⁷ в Выборг, он, Вера говорила, находил покупателей папе, и папа был доволен. Но нет никакого ответа от него. Может, он уехал куда? Леви сгинул. Вера поедет в Стокгольм, но что там выйдет, тоже еще вилами по

воде писано. А здесь расходы все растут... Словом, все та же песня. Но ехать нам во всяком случае надо не раньше июня, а то волнение на море.

Ну, что будет? А елка-то Ваша! Ах, как все понятно мне! Ярмо в ярмо! Но поздравляю с успехом. И Лев Пл(атонович) героически дал на растерзание свой угол и даже мамаш занимал! Да! А вот Тася мне подложила свинью вчера. Наши именины были — 25-ое, и заранее уже настроились гости. Ну и все, понятно, местные простаки бедняки эмигранты, вроде твоих мамаш. Признаться, на меня они наводят изрядное уныние своей какой-то духовной слепотой, ничтожеством душевным, убогими мозгами, но... все же это люди такие же, как и мы, все только погрязшие в провинциальном убогом благополучии. Когда я была здесь с Валяшей в <19>24-ом году, в них еще теплился огонь жизни, они расспрашивали с замиранием о жизни в России и сами считали пустяком свое материальное убожество. Теперь же огонь этот погас... Они замерли, ничего уж не волнует, лишь бы угоститься, поиграть в картишки, пожевать местную новость и все. Ладно. Ну что ж делать? Все это жертвы в конце концов. И как бы то ни было, знакомые и сами решили придти. Не гнать же? Я приготовила пирог, зайца Юриного, сыр, колбаса. Пришли, поздравляют, веду в гостиную, иду Тасю позвать. Она говорит: «А нет, я не пойду!» — «Да они поздравляют, выйди хоть поздороваться!» — «Нет, нет! Скажи, что я больна». Она и правда накануне лежала, и они все знали это, но тут, придя, спросили, как здоровье Таси, я сказала: «Ничего, прошло, так только, немного слабость еще», и вдруг вовсе не вылезет. Не то, что перед ними, но самой за себя так было глупо и противно! И было это еще 8 час(ов). Дети ложатся в 9 ч(асов), но Тася и детей всех заперла с собой! Форт Шаброль!⁸ А дети так любят, когда гости! И несчастными глазами глядят, не смея послушаться! Она им читала вслух, они любят очень слушать, но тут было все это так коряво! Я могла бы, понятно, все это повернуть иначе, если бы хоть заранее предупредила. И так меня это отравило! Ну, сели все чай пить, закусывать, и я да Ваня! Уже и именины... Вообще я не знаю. Всегда отродясь Тася трудная была, всем вразрез шла и всегда всех вон гнала, еще малюткой никого не любила. Но эти годы в России все же сложили ее, и там об таких вещах и речи не было. Тем противнее мне теперь все это. Когда уже опытом научены, вдруг такие младенческие капризы. Ругаться вчера было уже некогда, да и где же за стенкой-то! Но сегодня я ей отрезала, что если она желает еще выкидывать такие номера, то надо иметь отдельную квартиру, а в углы прятаться нельзя! «Да

я больна была!» — «Вздор! Никто не заставляет высиживать, но выйти поздороваться ты была обязана, ты не безответственный Ромочка!» Сегодня пришла еще одна запоздалая поздравительница, и Тася была с ней очень любезная. Вот и всегда так, пока встряску задашь. Тогда и сама она веселее становится. Но как все это терзательно и глупо. Ваня по своему характеру совсем не в силе ее встряхивать, хотя сам часто доходит до каления. И ребят вот она также уродует. Доводит их. Просто беда! Она просто-таки не терпит людей, не любит жизнь ни в каких ее проявлениях, ей все в нудность и в тягость. Одно любит — сидеть и *читать* — все равно что, и чтобы никто не мешал, но чтобы Ваня тоже сидел мертвым телом и читал. Когда он ходит на спевки (хор церковный), она его гложет. Или к Илюше с Лизой пойдет, тоже уже надутая. В России по делам Ване приходилось туда-сюда гоняться, это ничего. Но тут просто крепостничество какое-то. И Ваня стал угрюмый, молчит за газетами. Дети уже прямо как обуза. Словом — ах! Все она отравляет. Всякое проявление жизни ей претит. Не только в себе, но и в окружающих. Зато с прислугами может трещать бесконечно ни о чем. Ну, Бог с ней. Вот встанем на работы, тогда опять исправится. Работать она может идеально все, что угодно, и безропотно. Ну, прости, надоела я. Да так привыкла уж тебе все выкладывать. Целую крепко-крепко вас всех.

Приписки:

Да! Не знаешь ли, сколько берет таможня за домашн(ие) вещи? И сколько провоз от пуда?

Как я боюсь удушливых газов! А ты? Может, надо всем уезжать в Австралию?

¹ Речь идет о письме от 16 января 1931 года, содержащем, в частности, вопросы анкеты для вьезда во Францию.

² Черновик письма Т. И. Рспиной-Язевой к барону Б. Н. Гревеницу с изложением обстоятельств эмиграции и планов переезда во Францию см.: НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 1188.

³ «Нансеновский паспорт» — удостоверение личности лиц без гражданства. Назван по имени известного путешественника и общественного деятеля Фрицьофа Нансена (1861—1930), возглавлявшего в 1920—21 гг. комиссию Лиги наций по помощи беженцам и военнопленным.

⁴ Зеелер Владимир Феофилович (1874—1954) — литератор, художественный критик, коллекционер. После революции жил в Париже. Член Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (председатель Н. Д. Авксентьев), член Союза писателей и художников, во второй половине 1940-х годов — генеральный секретарь Парижского Союза писателей. В 1935 г. усилиями Зеелера был образован «Фонд Репина — Комитет по увековечиванию памяти И. Е. Репина». Председателем его был сам Зеелер, среди членов значились: М. Алда-

нов, А. Бенуа, И. Билибин, И. Бунин, Н. Евреинов, Б. Зайцев, В. Зеньковский, К. Коровин, А. Куприн, В. Маклаков, П. Милуков, С. Панина, С. Рахманинов, А. Ремизов, Н. Рерих, С. Сорин, А. Тыркова-Вильямс, Н. Тэффи, Ф. Шалапин, И. Шмелев и др. См.: НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 707, л. 64—65; Последние новости. Париж. 1935. 29 сентября. № 5302. Одной из целей Комитета была помощь правнукам Репина в получении образования. Как явствует из отчета Комитета 25 мая 1938 г., «главной статьей расхода было содержание Гали Дьяконовой в общезнании Хр<истианского> Ст<уденческого> Движения, в двух летних колониях на Юге и в Динаре, на дорогу в Париж и обратно в Ажен, корсет Кириллу и др<ругие> мелкие расходы» (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 707, л. 66). Русские врачи бесплатно лечили правнуков художника — Галну от костного туберкулеза, Кирилла — от искривления позвоночника. Галина в это время училась в Ажене, была в числе первых учениц, оплату ее пансиона Комитет производил «<...> из стипендии Американского об<ществ>а помощи детям русских эмигрантов» (там же). Комитет также выразил благодарность профессору В. В. Зеньковскому, «<...> проявившему большое участие в судьбе Г. Дьяконовой привлеченном средством для ее учения» (там же. Л. 66 об.).

Сохраняющаяся в Бахметевском архиве переписка В. Ф. Зеелера свидетельствует об исключительно энергичных действиях, предпринятых им для помощи семье Язевых-Дьяконовых. Большинство представителей эмиграции, к которым он обратился за помощью, дали согласие на участие, иногда номинальное, в Комитете. Среди немногих отказавшихся был К. А. Сомов: «По-моему — и к сожалению! — комитет этот мертвое дело. Что можно здесь, в Париже, сделать для памяти Репина? Увы, несмотря на его могучий талант, он забыт и не популярен. Немного осталось людей, помнящих его лучшие, великолепные картины, современники же его или не знают, или не ценят (<...> В чем заключается деятельность Вашего комитета? Если только в мечтах и разговорах, я уклоняюсь. Я вообще никогда не хожу на собрания и из-за состояния моего здоровья, и из-за неимения времени, и потому, что я никогда ничего присоветовать и придумать не умею» (Письмо к В. Ф. Зеелеру от 19 января 1937 г.//Фонд В. Ф. Зеелера. Коробка 8).

⁵ Малевич Филипп Андреевич (1869—1940) — живописец. Окончил Академию художеств в Петербурге, ученик И. Е. Репина. В 1922 г. при личном участии В. И. Ленина и А. В. Луначарского покинул страну для устройства выставки «в пользу голодающих» и вскоре выступил с заявлениями, расцененными в Советской России как клеветнические.

⁶ Бенуа Александр Николаевич (1870—1960) с 1926 г. жил в Париже. В его собрании находился подаренный Т. И. Репиной-Язевой этюд И. Е. Репина к картине «Искушение Христа» (начало 1890-х гг.). См.: Новое о Репине. С. 364.

⁷ Шмаков Николай Петрович — художник-любитель, владелец художественного салона в Хельсинки. Его рассказ о похоронах И. Е. Репина в изложении И. М. Карпинского см.: Новое о Репине. С. 339—340.

⁸ Форт Шаброль — ироническое название дома на парижской улице Шаброль, где осенью 1899 г. забаррикадировалась и 35 дней сопротивлялась полиции группа противников пересмотра дела Дрейфуса.

3

7 апр<еля> <19>31 г.

Дорогая, дорогая Лидочка, наконец пишу тебе. Наконец разделили *часть* картин.¹ Хотя и все-то оставшиеся после

папы картины можно назвать «жалкими остатками». Что было ценного, все прожито здесь до нашего приезда. Илюша подсчитал проданные без нас, и одним Леви за несколько лет было продано на миллион финс<ких> марок, но умер папа без гроша буквально и на похороны полиция одолжила нам из банка 10 тысяч, кот<орые> теперь с грехом пополам погашаем.² И еще прошлую зиму также было взято из другого банка в долг 10 тыс<яч>, и их погашаем. На выставке в Гельсингф<орсе> перед Рожд<еством> Вера продала 12 вещей (незначительных) за 100 тысяч и так раскортвовала <?> их, что у нас от них осталось 4 тыс<ячи>, но из них надо уплатить наследственный налог и в лавки — всего, вероятно, тысяч на 6! Вот каково положение. Теперь для всех необходимы деньги для этих срочных расплат. И потому 18 апр<еля> Вера едет в Гельсингф<орс> с новой выставкой *неделенных* вещей. А оставшиеся мы поделили. Из них на нашу долю пришлось две ценных вещи, остальные — наброски. Так и Вере с Юрой. Эти две вещи — голяшка большая «Ни» и «Большевики». После выставки в Гельсингф<орсе> еще будет дележка, но и там хороших на каждого по одной, и то портреты. Голяшка эта, как я часто писала тебе,³ сразу нам всем казалась просто картинкой на мыло, будто и не папина. Но потом переставили ее на другое место, и она так возродилась, что просто красота! Сама фигура больше натуры верно в 1½ раза. Сидит на софе с бульдогом. Фон с просветом и очень эффектный, грудь, ляжки, подогнутые колени — замечательно хороши. Лицо в тени, брюнетка с опущенными глазами. Приблизительно так.^a Написана она на Шалапине, когда папа рассердился, что он больше не приехал. И собака осталась, его бульдог Бум.⁴ Подпись синей краской громадными буквами почти посредине. Хороша она могла бы быть для большого кафе или в этом роде. Сейчас никто не желает затрачиваться на покупки картин вообще, и потому обесценивают все; за нее предложат, верно, не больше 40—30 тыс<яч> fr., но у нас на нее *вся надежда*, и на любителя она *очень хороша*. А потому мы дерзаем просить за нее 100 000 и спустить цену *не ниже* 75 тыс<яч>, конечно, что больше — то лучше, она очень эффектна. Размер ее чуть меньше 2¼ × 1½ метра. Я и думала, может, на Всемирной выст<авке> в чьем-нибудь павильоне она могла бы иметь успех и привлекла бы публику!⁵ Но, может, туда надо было проситься за год! Я узнала только на днях о ней. Где-то в Клямар<е> живет Андреева,⁶ вдова Леонида, та самая, что ни тебе, ни мне не нравится. У нее бывает Вер-

---

^a В тексте письма — схематический набросок картины.

бов, еврей, художник, папин ученик, кот(орый) жил у папы здесь в Пенатах еще юношей и обожает папу истинно глубоко и честно. Он, как еврей, ходок, конечно. Он в <19>26-ом году⁷ устроил мне поездку к папе, а сам никак не мог получить пропуск, так как в Финл(яндию) евреев очень туго пускают. Может, через них нащупать почву? А может он (Вербов) сосватает нашу голяшку самому Шаляпину? Он к нему вхож.⁸ Ему (Вер(бо)ву) можно сказать, что мы всей семьей в нужде с 4-мя малыми, необходимы средства, чтобы воспитать детей, заложить начало, хотим встать на землю. Когда он жил у папы, он ревностно оберегал папины работы и было 72 альбома. После него был Комашко — ученик, и, уезжая от папы в Россию, увез почти все папины альбомы, подменив их своими в энном количестве. Обнаружили это, когда было уже поздно. И папа, как всегда, махнул рукой, выразив свое негодование самым детским образом: когда раз пришло письмо от Комашко, папа весь искажился и крикнул: «Вера! Возьми каминными щипцами это письмо и брось в печь!» Что сейчас же и было сделано Верой. Папе писали, что он торговал папиными альбомами.⁹ Все это может быть интересно Вербову. А также скажи, что папа умер, можно сказать, нищим. Дом и земля отошли Финляндии по договору обмена с Россией. И финск(ое) правит(ельство) только из уважения к папе разрешает детям его пожизненно пользоваться этим помещением, беря ремонт и налог на себя. Но не имеет средств купить содержимое — обстановку всю, которая признана собственностью 4-х (теперь 3-х¹⁰) детей в равных частях. Конечно, если бы правительство купило все содержимое, то остался бы интересный музей папиного имени. Больно распродавать все по шкапам! Но мы уедем без права возвращения (по закону), Вера будет разъезжать по Виши; Юра — пьет и не способен охранять что-либо. Оставить дом закрытым опасно. Стены стеклянные, и у всех воображение, что тут миллионы. Неизбежны грабители. Вообще на Веру нельзя доверять ни иоты. Она расточительна до самозабвения и ненормальна по соображению. Таково положение. Хотя она и выкрикивает громкие фразы: «Надо оставить музей папиного имени! Что это вам не дорого, вы здесь проездом, вам только деньги надо!». Но что ж говорить ей о музее, когда своим хозяйничаньем она умирающего папу сделала нищим, без отказа набирая в долг корзины лакомств себе за занавеску исключительно для своего кавалера и себя. А теперь без конца заказывает туалеты, расплачиваясь за них непосредственно папиными рисунками, оставшимися в листках и завещанными папой в ее пользу... Фу, тошно. Теперь от малейшего разговора с ней я делаюсь со-

всем больна, мне схватывает бока по ребрам, и все нутро куда-то опускается, я ложусь без сил и сплю с кошмаром. Вообще просто карамазовщина какая-то — дом умалишенных. Юра на Пасху с забулдыгами пил одело(ло)н, громадную склянку, и встретили его босиком с валенками под мышкой — идет по снегам. Говорит: «Промочил валенки».

Нашу карт(ину) «Большевики» хотим послать в Стокгольм падчерице Шмакова.¹¹ Очень, очень трудно продать что-либо вообще. Общей же коллекцией, как я писала раньше, нечего предложить, все такой разброд жалких остатков, что обращаться к Бенуа просто жутко. Вот «Большевиков», если не удастся продать в Стокгольме, то, может, через Сорина¹² в Америку?? Они написаны под впечатлением Верных рассказов. И, в сущности, носят искаженный характер. В центре громадная рожа *солдата* в сер(ой) шинели, скула(с)тая, с мал(енькими) глазками и зверской алчностью (?) — он отнимает горбушку у зеленой старообразной девчонки лет 10-ти. С боков бледные физиономии испуганных и возмущенных обывателей, старуха в шляпке, еще кто-то. Холст не особенно большой, приблизительно 1 метр на $\frac{3}{4}$ метра. Ну вот, это все пишу для сведения тебе, дорогая моя нецененная дружка.

Письма все твои получила, а самое отрадное — портрет Тютки твоей, собачки пустилачки, твоего искреннего друга. Так мне она нравится и так душа отдыхает, глядя на ее бесхитростную морду. Люди теперь хуже собак. Вчера у детей были гости 2 мальчика и 2 девочки, играли они с азартом во всякие игры, и во «мнение», причем, конечно, совершенно не согласуясь с ушедшими. Было немного пасхального угощения, и Рома, увидев китайские орехи, воскликнул: «Братцы! Орехи!» Я угощала мамаш и папаш, и за столом со смехом все жонглировали, ибо серединка стола вертится, и пока ты хочешь воткнуть себе булки, дальний, не видя, поворачивает себя что-нибудь, и булка твоя укатывает на столе-карусели. Ну так себе; конечно, о нашем советском житье не миновал разговор, увы, только разговор, как гарнир к праздничной беседе. О детях, о их плохих аппетитах и т. д. На первый день Пасхи какой-то пьяный финн ломился днем к нам во все двери, разбил стекло и санками хотел ломать раму. Чуть избавились. Вот и запри дом! При Надиной смерти Вера была дома, но у нее «что-то болело», и хоронить она не ездила. Вообще о ней говорить не могу. А Наде в Страст(ную) Суб(боту) было уже 20 дней. Мне бесконечно грустно за ее загубленную талантливую молодость.¹³ А сейчас жизнь ее была для нас тяжестью.

Приписки:

На Страстной у нас были метели отчаянные и мороз до 20°! Сейчас начало таять. Снегу лежит на метр.

Салярдам¹⁴ еще не написала: затрудняюсь определить участок, не имея понятия, какие деньги будут у нас на руках и вообще???

- ¹ См. Акт о разделе имущества И. Е. Репина между его детьми: НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 349; частично опубликован: Новое о Репине. С. 344—347. Датирован 14 июля 1931 г. Как писал И. Э. Грабарь, при разделе «больше всего вещей лучшего качества досталось любимой дочери Вере, на долю Юрия пришлось похуже, а Таня получила еще худшие» (*Грабарь И.* Зарубежный период Репина//Художественное наследство. Репин. Т. 1. С. 300).
- ² В. Ф. Леви так комментировал финансовое положение Репина: «(<...> о нужде даже в последний год бездеятельности не могло быть и речи, а до того был избыток, какого Репин не знал в прошлом; но слишком велики были аппетиты окружающих»; «Жалобы на то, что он „кончил жизнь в нужде“, — абсурд, выдуманный Верой Репиной, из-за ее ненасытности и кликушества» (*Леви В. Ф.* И. Е. Репин в годы революции//Художественное наследство. Репин. Т. 1. С. 314).
- ³ В письме Т. И. Репиной-Язевой Л. Н. Карсавиной от 16 марта 1931 г. содержится беглое описание картины и более сдержанная ее оценка.
- ⁴ Портрет Ф. И. Шаляпина создавался в феврале — марте 1914 г., когда певец приезжал позировать в Пенаты. Дальнейшая работа над полотном без модели не принесла художнику удовлетворения. Портрет все-таки появился на 43-й Передвижной выставке (1914—15), но был прохладно встречен критикой. В 1917 г. Репин записал фигуру Шаляпина обнаженной женской фигурой, написанной по акварели, сделанной когда-то с Н. Б. Нордман. 30 апреля 1938 г. В. Ф. Зеелер писал В. И. Репиной: «Вот и Шаляпина похоронили. Неожиданно это было очень (<...> Не осталось ли снимка с записанного портрета Ф(едора) И(вановича)? — С собакой сидит. Я видел этот портрет в мастерской у Ильи Ефимовича — жалко, что уничтожен он!» (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 707, л. 61 об.). Картина «Обнаженная женщина с собакой», под красочным слоем которой рентгеновскими исследованиями обнаружено четкое изображение Шаляпина, сейчас находится в Пражской Национальной галерее. Историю шаляпинского портрета см.: *Зильберштейн И. С.* Репин в работе над портретом Ф. И. Шаляпина//Художественное наследство. Репин. Т. 2. С. 361; *Кириллина Е.* Репин в «Пенатах». Л., 1977. С. 136—140; *Шаляпин Ф. И.* Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. М., 1989. С. 315 (комментарий В. И. Гармаша).
- ⁵ Международная колониальная выставка проходила в Париже в 1931 г.
- ⁶ Андреева Анна Ильинична (урожденная Денисович, в первом браке Карницкая; 1885—1948) — жена Л. Н. Андреева. После его смерти часто гостила в Пенатах и, по свидетельству В. Ф. Леви, одно время жила там. В 1920 г. Репин написал ее портрет. См.: *Леви В. Ф.* И. Е. Репин в годы революции. С. 310; *Кириллина Е.* Репин в «Пенатах». С. 188.
- ⁷ Ошибка автора письма: поездка состоялась в 1924 г.
- ⁸ Вербов Михаил Александрович (род. 1896). Живописец. С 1914 г. посещал Пенаты, а с июля 1916 г. жил там в качестве «подмастерья» И. Е. Репина. В 1916—23 гг. с перерывами числился студентом Академии художеств в Петрограде. Курса не окончил. С лета 1923 г. в Москве, в середине 1920-х г. выехал в Париж, позднее перебрался в США.

В настоящее время живет в Нью-Йорке. Портрет Вербова работы Репина и портрет Репина работы ученика см.: Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979. С. 117, 119.

⁹ Комашка Антон Михайлович (1897—1970) — живописец. С мая 1915 г. жил в Пенатах на положении «подмастерья» (см. его воспоминания «Три года с Репиным в Пенатах» в кн.: Художественное наследство. Репин. Т. 2). Был мобилизован, в конце 1917 г. вернулся из армии, в начале апреля 1918 г., в дни боев в Куоккале, выехал в Петроград, из-за закрытия границы не смог вернуться и отправился в родные места — на Украинну. История с рисунками Репина подробно изложена в ряде писем Митрофана Семеновича Федорова (1873—1942), учившегося в Академии художеств у Репина в 1894—1901 гг.: «Дело было в 1918—1920-м годах. Как-то зимой ко мне на квартиру (в Харькове.— И. Д.) приходят 2 молодых человека в форме добровольческой армии.

Один из них (Комашка) передает от Вас привет и рассказывает, как он у Вас был в Куоккале. Потом (не раздеваясь и спеша) он говорит, что он пришел ко мне по делу: чтоб я указал ему, кому бы он мог продать рисунки. И показывает мне 6 ваших рисунков 1880—1881 гг. и один рисунок Врубеля.

Я ему указал — зайти к проф(ессору) Багалею, тот долго был во главе музея.

И молодые люди ушли. Прошли месяцы, даже годы. В 1919 г. большевики заняли Харьков. Я про Комашку забыл; работы и волнений тогда было много.

Весной 1920 года где-то на работе вновь подходит ко мне мол(одой) человек (Комашка) и говорит: „Вы меня не узнаете? Я у вас был с рисунками И. Е. Репина“.

Я вспомнил. Он просит какой-ниб(удь) работы для заработка. Я имел тогда возможность дать ему работу. Он ко мне относился хорошо и заходил, рисовал со мною дома и ел мой хлеб.

В Страстную Пятницу 1920-го года он пришел ко мне с двумя альбомчиками: один Петербургский, в нем портреты Ц. Кюи, В. А. Беклем(ишева), 2 портр(ета) Дубовского, неск(олько) женск(их) портретов, стрелочник. В другом — по-видимому, витебские (деревенские работы Ваши, — крестьяне на мельнице играют в карты при лампе, в лесу над дорожкой — группы и др.).

Меня смутило тогда, и я спросил его:

— Скажите: как к Вам попали эти рисунки?

Он озлился и сразу грубо:

— Не ваше дело!

Я говорю:

— Тогда я спрошу Илью Ефимовича.

Он отвечал:

— Попробуйте, — я вас посажу в ЧК.

Кто и что он — этот Комашка? — Я в конце концов не знал. Время-то было такое, что ничему удивляться не приходилось, и ни от каких непрошенных гостей не откажешься.

Я беру конверт, пишу короткое Вам письмо, спрашивая о рисунках Ваших, запечатываю и несю опустить.

Он идет в ЧК, и в ту же ночь меня забрали. Обвинения он написал на меня очень тяжкие. То было время, когда с Запада наступали поляки, а с юга Врангель. Церемониться тогда было не в моде. И я был после 50 дней тяжкого заключения осужден. Спасло меня то, что многие здесь меня знали и в последний момент по просьбе художников (моих бывших учеников) народ(ный) комиссар Мануильский сам мое дело рассмотрел и представил высшим органам власти. И я был спасен.

Вот это обст(оятельство) лишило меня здоровья, лишило заработка, и до сего дня — девять лет — я влачу нужду и болезни.

А Комашка тогда исчез из Харькова, вошел в партию и явился теперь как директор Высш(его) Худ(ожественного) учебн(ого) заведения.

От Вас тогда я получил письмо, в кот(ором) Вы мне писали, что рисунков Вы ему не дарили, что просите повлиять на остатки его совести, чтоб он Вам вернул рисунки. Это письмо датировано VIII.1922 года.

Этим письмом я был нравственно поддержан.

Недавно Комашка показывал рисунки эти одному знакомому моему. Другому знакомому он показывал письмо от Вас (будто бы), в котором Вы пишете, что <...> никаких обвинений по адресу Комашки у Вас нет. <...> действительно ли Вы писали ему такое письмо? <...> В Ваших письмах ко мне есть тенденция предать это все забвению („о рисунках спрашивать не стоит; Он (Комашка) Юре писал, что у него дочь. Повезло человеку. Что ж ему мешать“, — писали Вы в конце 1927 года мне < >).

Я понимаю и глубоко ценю это Ваше желание: забыть.

Но Комашка далеко не миролюбив и далеко не удовлетворяется своим положением. Он очень активен. <...>» (Письмо от 19 июня 1929 года//НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 519. Л. 10 об. — 12). Более коротко, но с некоторыми другими деталями эта история изложена в раннем письме М. С. Федорова Репину от 10 сентября 1922 года (там же. Л. 1—2 об.). Судя по содержанию открытки от 6 июля 1929 г. (л. 13), Репин выступил в защиту Федорова.

Надо полагать, обелявшее Комашку письмо, которое он демонстрировал своим знакомым, не было подлинным. 26 июня 1929 г., то есть в дни, когда письмо Федорова было отправлено в Куоккала, Комашка просил Репина о поддержке — о том самом письме, которое у него, якобы, уже было: «<...> когда Федоров орудует Вашим письмом, то все мои противники, которые никогда не стали бы с ним рядом — действуют сейчас заодно.

Сейчас поход особенно усилился еще в связи с тем, что мне назначена государственная заграничная командировка для усовершенствования как художника.

Дорогой Илья Ефимович, если Вы меня уважаете и верите моей преданности и любви к Вам, то я тогда обращаюсь к Вам с просьбой: аннулируйте это письмо к Федорову, если оно действительно было Вами написано (я его сам не видел). А само аннулирование надо сделать письмом на имя Народного Комиссара по просвещению Украины академ(ика) М. О. Скрыпкина» (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 256, л. 8).

Письма И. Е. Репина к М. С. Федорову и А. М. Комашке 1920-х гг. нам неизвестны, в воспоминаниях Комашки приводятся фрагменты репинского письма к нему 1926 г., касающиеся ремесла художника (Комашка А. М. Три года с Репиным... С. 292).

¹⁰ Надежда Репина умерла 16 марта 1931 г. О смерти и похоронах Т. И. Репина-Язева рассказывает в письмах от 16 и 23 марта 1931 г.

¹¹ Картина «1918 год в Петрограде» или «Большевики» (1922?), холст, масло; приблизительные размеры — 1 м × 0,80 м; без подписи). Нынешнее местонахождение неизвестно. В 1951 г. была у Язевых-Дьяконовых. См. частично сохранившееся письмо В. Ф. Зеелеру (март 1950 г.?): Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета, Бахметевский архив, фонд В. Ф. Зеелера, коробка 8.

В фонде Зеелера (коробка 4) находится также фотография картины. На обороте надпись рукой И. Е. Репина: «На улице. Этот сюжет я писал со слов очевидицы. Она уверяла, что видела сама эту сцену.

Но у меня вышла карикатура на действительность, и я за нее извиняюсь. И. Репин».

¹² Сорин Савелий Абрамович (Завель Израилевич; 1878—1953) — художник. В 1899—1907 гг. учился в Академии художеств, ученик И. Е. Репина. После революции уехал за рубеж, был известен как портретист. Жил в Париже и Нью-Йорке.

¹³ Надежда Репина хорошо училась, окончила семь классов гимназии и мечтала об университете. По окончании курсов лекарских помощниц работала в Сибири на ликвидации эпидемии сибирской язвы. Когда Надежда вернулась в Петербург, женщинам уже было разрешено поступать в университет, но лишь по окончании восьми классов. Девушка самостоятельно прошла курс восьмого класса гимназии, однако из-за болезни не сдала экзаменов. Перспектива целого года новых занятий, очевидно, подорвала волю Надежды, она отчаялась и бросила учение, обратилась к религии. Постепенно наступило явное помешательство. См. письмо Т. Н. Язевой-Дьяконовой ученикам Чугуевской школы от 3 октября 1971 г. (копия: НБА АХ, ф. 25, оп. 1, № 2480). Следует, однако, отметить, что Т. Н. Язева-Дьяконова стремится смягчить облик членов семьи Репина, прежде всего Веры и Юрия.

¹⁴ Салярды — французская крестьянская семья, соседями которой стали Язевы-Дьяконовы.

4

9 мая (19)31 г.

Николы Вешнего, а холод, хоть шубу одевай. И дети опять простудились, и я с кашлем вечным здесь. Лидочка дорогая, благодатная моя. Вчера получила твое письмо долгожданное, ничего ты не виновата, только мне всегда жутко становится, когда долго от тебя вестей нет. Я так и думаю, что корь Сусина причина тому. Но слава Богу, что кончилось, а наши корью еще не болели. <...> Мы все еще на мели. Во все ходы забросили удочки и теперь ждем, не клюнет ли где? Если будешь говорить с Вербовым, имей в виду, что он большевик. Но к папе у него отношение *вне* политики. Зеелеру довериться я побаиваюсь — не то, что он сжулит, но как-то все у него бесследно замирает. Так было с продажей рисунков и после с печатанием книги папиных воспоминаний (в Верину пользу). От Леви еще ответа нет. Пока. В Стокгольме старается падчерица Ник(олая) Шмакова, не знаю еще, выйдет ли что? А у Веры в Гельсинки, возможно, что при закрытии (20 мая), может, что-либо наклюнется. Так как во время выст(авки) нужно уплачивать хозяину зала 15 процент(ов), и они во избежание этой платы устраивают покупку по окончании. От Салярдов тоже еще ответа нет. Боюсь, не очень ли мы засыпали их вопросами, ответят ли они нам? Стоят у нас совсем летние дни, и дети уже жарились на берегу на песке в одних платьях, хотя лед на за-

ливе еще стоял. Потом начал трогаться и сразу стало холодно. Сегодня лед ушел, но все равно холод и печи топим. В саду много подснежников (перелесков белых) и трава молодая начала расти, а деревья, конечно, еще голые. В Здравневе, бывало, раньше лето становилось. А главная пагуба здесь — болота кругом, и в жару-то, как солнце садится, так испарения какие-то гнилостные. Если бы я осталась тут жить, то неизбежно бы в чахотке умерла. Вот и за детей здесь страшно. Сегодня в газете «Сегодня» прочла заметку, что на днях в Париже будет выставка и распродажа старинных русских книг с аукциона, и также в число редкостей входит колода карт с изображением губерний России с обратной стороны и «дам» в национальных костюмах — всего 59 карт. Мы же здесь нашли в ящиках такую самую колоду карт всех 60 штук, так что полная. Мы (я, Тася и Ваня) тайно присвоили ее себе и теперь с первой почтой отправили тебе, а ты, дорогая! Выручи! Сходи по этому адресу и узнай, может быть, можно ее будет включить в эту продажу, если не поздно? Конечно, если продажа в пользу владельцев? (Там не сказано, в чью пользу?) Какая может быть цена этой колоде карт, мы не имеем понятия. Но, может, можно это узнать, спросивши предварительно, сколько ценят они ту колоду, что у них? Да во всяком случае лучше, чем ничего. В адресе сказано только: *она откроется 16-го мая на рю Сент-Анн*. Если возможно тебе, сходи, узнай, предложишь карты как твои, чтобы не было разговоров. Конечно, если будут гроши давать, то, может, их предложить просто антиквару? А то и вовсе оставь их пока. Сегодня бегала в церковь, Николаю Чудотворцу свечу поставила. Церковь близко, на высокой горке стоит очень симпатично. Но батя 82 года! На вид он весьма благообразный, белый, как лунь, но не дряхлый; но скареда адовый. Хотя понятно, денег-то нет и взять негде, и права его зело урезаны, а он-то бывший военный свящ(енник) из Царск(ого) Села, набалованный, и никак не может смириться с настоящ(им) положением. Староста же бывший урядник, вполне вошел во вкус современный и жмет попа собраниями и советами, хотя ловко всякими ходами изыскивает средства для церкви, но морда хитрая. Еще — хор человек 12 или 14, любители; там и Илюша с Ваней поют. У них регент, еще молодой довольно, многосемейный эмигрант с российским духом, беднота — Кузнецов. В хоре он священнодействует, все поют концертное и каждый раз новое, и каждую нед(елю) спевка как священный долг. Поют с замиранием и так тихо, что я абсолютно ничего не слышу, хотя стою на сажень от них, и только разверзается слух мой, когда «Да воскреснет

Бог!», и снова могила. Они поют все даром. Еще — дьякон чуть глуховатый, тоже уже старый, но, конечно, не 82 г(ода), и потому при батюшке еще не старый. Он тоже тип в своем роде. Одна в коленопреклонении потерял калошу свою, и долго эта калоша оставалась пред молящимися. Когда Тася исповедовалась и причащалась, на службе не было хора (в будни они заняты), и вот дьякон, выводил, очевидно, концертное, и выходило у него, Тася говорит, совсем на мотив «Под вечер осенью ненастной...» Словом, ансамбль. Еще сторожиха Катерина в зеленой кофте или в зеленой шапке обязательно! Недавно женила последнего сына, вдова. Она вездесуща. Она моет у нас полы через неделю и стирает нам и всем почти и знает все новости; словом, *звонарь*. Молящихся же 1½ человека, ну не 1½, а 4, 5, бывает и 20! Дома же у нас — могила! Эти две комнаты, в кот(орых) мы живем, полутемные обе: в одной окошко, в углу за стеной, а в другой 3 окна в сени и в потолках матовые квадраты в мастерскую. Свет такой, что так и кажется, что в окне увидишь ноги пешехода до колен — подвал. Такая же и атмосфера. Светлых комнат всего две, Верина (бывший папин кабинет) и столовая, окно во всю стену, но в ней громадный круглый стол (знаменитый) и шкапы, шкапы дубовые, как дома целые. К Вере же, как в святых, никто входить не смеет! Кухня еще светлая, и потому дети и мы все больше в кухне толчемся, хотя двери распахиваются на холод. Прислуги две сестры Юля, Эмма (16 и 18 лет), очень милые, главное, любят детей и играют с ними, но Юрины жеребцы (Гай и Дий) не дают им прохода, особенно, когда выпьют!

Пиши, Лида моя, твои письма всегда как благодать какая.

Приписка:

Очень спасибо тебе, что ты не боишься нашего нашествия, хотя, конечно, мы не злоупотребим твоей добротой.

10 мая

Сегодня воскр(есенье), и письмо мое пойдет завтра. А сегодня я получила письмо от агронома Тулузы, которому Salard'ы переслали наше письмо со многочисленными вопросами. И он очень любезно и внимательно отвечает на все и дает образцы участков различных площ(адей) и цен. Очень бы нужна, хорошо бы иметь подробную карту Юга Франц(ии). Он устраивает продажу в тех же районах от Бордо к Тулузе и к Средиз(емному) морю под Пиренеями. Мы хотим возможно ближе к Средиз(емному) морю, а не к океану. Вот если бы тех мест карту. В районах Тулузы. А у самого моря, он пишет, хозяйства нет: лес и песок, ну виноградники.

Вот не знаю, как в Провансе. Может, там еще лучше? Но это уже не его район. Но, пожалуй, раз у самого моря нельзя, то под Пиренеями-то лучше, чем где-либо. Оттого от Salard'ов и не было так долго ответа, но мы им *очень* благодарны, что они, очевидно, не решаясь отвечать на все подробности, переслали агроному. Выбор большой, глаза разбегаются и аппетит разыгрывается. Теперь за малым стало — денег, денег!.. Главное, финск(ие) марки, это не франки! И если участок на 30 тыс(яч) фр(анков), то марок нам надо 45 тыс(яч), да плюс дорога, да живой завод, да расход по осмотру, покупке и пр.!.. Вот 100 000 вынь да положь. Но если нам удастся продать и на 50 000 м(арок), мы поедем. Как-нибудь сожмемся, лишь бы выехать, лишь бы начать *свое*. И во всяком случае, я так думаю, что самое плохое тамшнее будет много лучше здешнего лучшего. Ну, увидим. Еще пока потерпим. Неужели ничего не продастся?

Целую крепко. Пиши, твоя Таня.

5

1-ое июня <19>31 г. ⁶

Дорогая моя Лидочка, здоровы ли вы все? Опять давно нет от тебя вестей. А я просто совсем скоро заболею здесь нервным расстройством. Причина главная — Вера. Нам всегда было подозрительно на нее. И деньги она закручивала, и обманывала в глаза, и в комнату свою тащила все лучшие вещи, как крыса в нору. Но все это пустяки в конце концов. А кроме того, она постоянно охраняла свою комнату и так держалась в отношении нас, что мы (только я да Тася) (дети никогда, кроме Бони (?)) ходили к ней в комнату только в том случае, если надо ей что-нибудь важное сказать или спросить, и сейчас же уходили оттуда. А перед отъездом в Гельсингф(орс) она призывала слесаря чинить замки и, кроме того, снаружи заколотила шкапы гвоздями, 4-мя гвоздями.^в В ее комнате 4 шкапа, и вот мы решили проверить и вскрыть один из них! Один зеркальный, другой красн(ого) дер(ева) и третий старый гардероб. Прислуга дома не ночует. И чтобы не пускать разговоров, мы встали в 4 часа утра. Вытащили гвозди у гардероба, и шкаф легко открылся. Под простыней платья, а под ними также закрыто

⁶ В автографе ошибочно указан год: <19>30.

^в В тексте рисунок.

белым — о ужас! Папины работы! Сто пятьдесят восемь штук!! Масляные и акварели... Кроме *этого* гора альбомов. Мы уже их и не пересматривали. *Рисунки* завещаны ей, но акварели общие. А я еще перед ее отъездом спросила ее, не остались ли в альбомах акварели? Она дико, с неприязнью взглянула и сказала: «Нет!»; потом, верно, одумалась и Тасе сказала: «Я после посмотрю, может, найду акварели». Надо еще сказать, что я с Юрой и Тасей осматривали мастерскую и каждый клочок и каждый лоскуток зарисованный приносили, звали ее и *делили*. Шкап же этот (гардероб) она перед отъездом убирала. Тася зашла что-то сказать ей, и шкаф был раскрыт, а она подторкивала что-то внизу. Тася думала, одежду, башмаки. И вот подумай! Какой обман! До чего она дошла! Куда опустилась! Воображаю, как хапала она все время и продавала на стороне! Сейчас послезавтра вечером она должна вернуться из Гельсингфорса. Писала, что на выставке *ничего* не продано. А сама там жила в лучшем отеле, играла в спектаклях и пр. Разумеется, у нее была увезена с собой пачка для побочной продажи в свою пользу. Очевидно, и раньше она устраивала то же самое. Знаешь, я подозревала, что она акварели в альбомах пописывала, ну штук 10, 20, но 128 масляных и 30 акварельных и еще 5 посторонних авторов. И все это в одном шкапу! Это уже *ограбление*. Мы сложили все, как было, и я сходила к Стольбергу (он пограничник) служащий и сыщик) — финн, имеет силу и, главное, хороший человек. Пошла и рассказала ему, прося совета. Он сказал, что сам он не может действовать, что надо сказать полиции. Я сказала, что не хочу трепать папино имя, и в конце концов решили попробовать мне одной, а если она упрется, то уведомить его. И вот все эти дни я живу с предстоящим объяснением! Можешь себе представить, каково мое состояние! «Вы представьте, каково мое положение?!» Помнишь, дамы просто приятная и во всех отношениях. — Да! Мне было так тяжело, что я решила сказать и Юре. Он, правда, выслушал очень дельно (не посвящая Гая и Дия) и советова сразу в полицию, но потом согласился и так. А сегодня взял да и ушел со своим собутыльником!! Пить! Теперь в пьяном виде может все разболтать, и тогда пойдет звон. Боже мой, Боже мой! Как нам вырваться отсюда!? Из этой карамазовщины... В Стокгольме у падчерицы Шмакова тоже ничего не продано! Ведь если бы Вера не награбила эти вещи, мы могли бы их все пустить дешевле, так чтобы продались наверное, и уже уехали бы, а то вещей было так мало и все крупные — не отдавать же было их за бесценок. А между тем теперь уже время упущено — лето! Все разъ-

ехали. Думаем устроить аукцион своей доли (разделивши все). Как ты думаешь?

Приписки:

Скверно, что полиция здесь прежде всего ленсман, а у него с Верой какие-то секреты были от нас, и она ему постоянно рисуночки поддаривала, так что Бог их знает! Что-то будет? Что-то будет?

А какая участь колоды карт? Это единственное, что мы взяли без спроса, но и то сказать, скольким пользовались и Вера, и Юра, пока мы там мучались!!!

От Леви никакого ответа нет;

Лидочка! Помолись за нас! Я так боюсь предстоящего объяснения, главное, скандала и обмана... Просто ужас:

6

13 июня <19>31 г.

Дорогая, дорогая моя Лидочка, сегодня получила твое письмо — мою радость, всегда, читая письмо твое, обновляется сердце мое. Этот незаменимый отдых душевный на твоей правде, которая глядит из каждого простого слова твоего.

Так мы измучились здешней ложью и все это время жили ожиданием Веры, приехала она только вчера вечером. Ждать ее каждый день все время было так невыносимо, что рассказала Юре (или это я уже писала тебе?) Юра сказал: «Надо в полицию заявить». Мы заявили. Они приехали, осмотрели и запечатали сургучн(ыми) печатями 2 шкапа. Потом без конца я волновалась, как все это будет? Главное, здесь главный полицей(ский) ленсман Блум, у кот(орого) с Верой темные дела, она постоянно ему поддаривает рисуночки, и он приезжал — садится ко мне задницей, а ее выслушивает, как единственную дочь папы. И законов-то здешних я не знаю, и советчиков-то знающих нет. Решили мы (я, Тася и Ваня) написать Ник(олау) Шмакову в Выборг, не присоветует ли что? Только послала письмо, а он на другой день и приехал, и говорит: «Я сразу с твоим письмом сходил к Губернатору!» Я испугалась, правда, а он говорит: «Это самое лучшее, теперь Губернатор на вашей стороне, и Блум ничего не посмеет. Вера должна будет разделить все найденное, в противном случае все пойдет судебным порядком». Ну, словом, долгая это история, боюсь, места не хватит. А о многом написать-то надо. Ну вот, вчера она приехала, очевидно, уже зная, что у нее опечатано, но как ни в чем не бывало и нам

же стала зубы заговаривать всякой ерундой. Я молчу, как туча. Она говорит: «Можно продать что-нибудь из мебели». Я говорю: «Прежде всего все разделим». Она: «У меня в комнате *все мое!*» И пошло... и ядрам пролетать мешала груда кровавых тел! Хотя до рукопашной у нас и не дошло, но словесная баталия была отчаянная. Она все при своем, что это все ее, что папа ей *весь дом* подарил. Я говорю: «Тогда зачем же папа завещание написал?» И т. д. Сегодня с утра то же самое, но да! После перепалки в 9 ч(асов) в(е)ч(ера) я с Ваней побежала к Стольбергу, он как друг нам, и он всегда присутствует при полиции. Правда, со слезами рассказала я ему, прося защитить нас. И вот сегодня они приехали. Блум со мной едва поздоровался, а к Вере с любовью. Она вчера еще сказала, что он ей сам сказал: «Вы возьмите все в Вашу комнату, и я ручаюсь, что мы в ней не будем смотреть!» А сегодня, как он приехал, она говорит мне: «Ах, ему надо деньги дать!» Я говорю, зачем? «Ну да! Надо дать!» Я сказала — я ни на какие сделки не пойду! Помощник его (1 нрзб.) очень хороший и справедливый. Он(и) со Стольбергом и начали потрошить шкапы. Она мило улыбалась и говорила: «Это папочка мне подарил!» А они молча вынимают да вынимают — горы, горы! И масляным, и акварели... Блум сидел, как столб, очевидно, он и сам не ожидал увидеть такое количество! Прямо-таки второе наследство. Разделивши на 3-х, будет штук по 60! Мне так было за нее стыдно! Что хоть провались, а она хоть бы что! Ну, конечно, кое-что поосталось еще спрятанным. Ну, и так хватит. Бог с ней! Если б ты слышала, какую ерунду она порола! Чтобы доказать, что это ее: «Все-таки, — говорит, — мне надо больше, потому что у Юры — сыновья; у Тани семья, а я одна!» или: «Вы все бросили папу, а я с ним жила 12 лет. И он меня хотел отблагодарить», или: «Таня семьей устроилась, и Юра тоже, а я всю свою жизнь отдала папе, и он мне все подарил». Я говорила: «Отчего же он не написал этого нигде, что все дарит тебе?» — «Ах, он был слаб и не мог писать». — «Да ведь завещание-то он писал еще за 2 года!» — «Ну, он не хотел написать». При этом все время, как припев: «Я добрая». Просто дура какая-то. Ну ладно. И так они по окончании заперли все в гостиной в шкаф и ключ с собой взяли и сказали, что приедут в пятницу и субботу и все *поделят на 3 части*. И вот мы (я, Тася и Ваня) после их отъезда были буквально, как пьяные. Втроем пили валерьянку, но ничто не действовало. Заскочили к Илюше с Лизой, те поздравляют меня, а я как шальная и посейчас еще верить боюсь. Как только разделим, распродам по дешевке, и ехать, ехать!!! Уехать. Неужели будет воз-

можность??? Но здесь очень мало покупателей... И в Стокгольме ничего не продалось. Если только сможешь, конечно, хорошо бы поговорить с Зеелером. И с кем хочешь, и с кем можешь. Может, возможно было бы нам здесь продать тысяч на 30 и ехать с картинками туда, а там снова продать на 30 и купить в рассрочку? На дорогу, мы считали, нам пойдет 10 тыс(яч), а 20 было бы с собой. Или так нельзя ехать? Напиши, как по-твоему? За карты-то антикварные спасибо, Лидочка! Очень хорошо и за 400 фр(анков), но, продавши, деньги оставь у себя, все равно нам там они понадобятся. И очень мне понравился по описанию внук Стоюниной.¹ Теперь уже мало таких цельных натур. Все извращенные. Спасибо за карточки с Суси — какая она большая и интересная, и молодец — на велосипеде и на ходулях! Валяша заглазно обожает ее. <...> Как хочу всех вас видеть! Теперь и Лев Пл(атонович) с вами! <...> Были ли вы на Колониальной? Верно, нет. Мы все в газетах читаем. Теперь там же где-то и Леви выставка. Он мне так ничего и не ответил. Очевидно, очень уж я обусловила, да и приманка малая — голяшка, и цена аховая — 100 000 фр(анков)! Но у нас тогда было так мало вещей, что мы не решались спустить. Теперь все иначе.

Ну вот и все написала. Уже белый день, не ведаю, который час. У меня старенькие папины часы, и все останавливаются. Эти часы он еще Жене дарил. А он, уходя на войну, Илюше их дал. Словом, исторические. Да! А агроном-то! Вот так фунт! А ведь его нам Салярды направили. Но, конечно, в нашем письме к ним было столько вопросов, что ответить только и мог агроном. Относительно же участка земли напишем Салярдам просьбу подыскать. А приехавши к тебе, кто-нибудь съездит посмотреть, и если подходяще, то и купит, тогда и водворимся. Ох, не мечты ли все это? А вдруг завтра снова история с Верой какая-нибудь. Вот придет к ней В. М., понадает советов, тогда видно будет. Я уже так запугана и замучена всевозможными не из тучи громами, что, пока в руках не будут вещи, поверить не могу. Ну, пиши.

Твоя, твоя, твоя Таня.

Всех целую вас крепко.

Приписки:

14-ое <июня>. Сегодня узнала, что папины работы уже продаются по 2 тыс(ячи) маслян(ые), и так много, как мороженым торгуют. Это Вера наводнила краденым. А на выставке *ничего* не продала.

С выставки она продала только одну картину, кот(орая) принадлежала ей.

1 августа <19>31 года

Дорогая, дорогая Лидочка, оба твои письма получила и радовалась, и горевала, читая их. Слава Богу, что деньги вам выдали, и очень сочувствую Иринуному нездоровью. <...> Когда долгое время вертись в одной и той же работе, то всякая мелочь этой работы приобретает власть над человеком, и не исполнить этой мелочи, кажется, нет возможности, а если вышибет из колеи, и после взглянешь на ту же работу, то сразу увидишь, что не стоило тратить себя и время на эту ерунду. Я так сама испытывала. Особенно в хозяйстве. Но зато ты своим невылазным сидением сохранила свой нормальный вид «человека» и «правды». Потому что мирская суетня в наше время — *сумасшедший дом*. Как большевики, так и европейцы, всяк лезет на свою отвесную стену совершенно непроизводительно и никчемно, одинаково губя под ногами «прекрасную жизнь человека», и с той только разницей, что одни в спортсменских костюмах, и потому в большей мере затаптывают «жизнь», а другие в смокингах и декольте, связанные в движениях, сами срываются и гибнут. Все с жиру бесятся и не видят простой, прекрасной и нормальной жизни у себя под ногами. Извини за мою доморощенную философию. Это так, между прочим. Дела же наши таковы: собрали мы от продаж за все это время 25 000 финск<их> марок. На дорогу с багажом, визами и первыми расходами надо считать 10 000 м<арок>, так как товарным пароходом до Гавра можно бы было устроиться по знакомству всего за 2000 м<арок>, но все говорят, что силы не выдержат такого переезда и рад будешь отдать *все*. А взявши во внимание наших слабосильных, заморенных ребят и Тасино здоровье, приходится от этого дешевого плана отказаться. Стало быть, свободных остается 15 000 м<арок>, т<о> е<сть> почти 10 000 франков. Этого мало для того, чтоб встать на хозяйство, уже пустовавшее с осени, т<о> е<сть> год жить надо. Мы имеем еще кое-какие надежды на небольшие прибавления денег и, так сказать, все же почти можем ехать, конечно, покупка в рассрочку и дальнейшая продажа для уплаты за землю. Но все же мы окрылились тем, что есть. К тому же никаких долгов, и все здешние налоги нами уже уплачены. Во всяком случае, до осенних непогод мы должны уехать, иначе мы пропали. А теперь, кроме де-

нег, вот какая беда и забота. Был у нас общий аукцион, т(о) е(сть) всякого хлама, неделинного между Юрой, Верой и мной. Его (этот хлам) надо было привести в годный вид, и, конечно, Вера пальцем не шевельнула, Юра также, сыны его после неоднократных призывов помогли дня два, а все мы отворочили и Тася часами сидела в мастерской, группируя рисунки учеников. Там была духота, и сделан сквозняк, ей и прохватило почки. Теперь вот уже неделя, как она лежит. <...> Доктор хороший, и все же ей лучше, но необходимо вылежать, а усложняется все, как ни тяжело признаться, ее беременным положением (5-ый месяц), и 5-ый младенец! Ну что делать, такovy ее убеждения, хотя и самой ей не в радость. Здесь она, пока есть возможность, старается держать это дело в секрете, ибо кумушки заедят! Сама она очень сдержанна в этом смысле и терпелива, и без всяких требований, словом, с «советским опытом», умеет нести свой крест во всяких обстоятельствах. Но для почек-то это усложнение. Очень мне ее жалко, совсем она, как отравленная. К тому же жара, духота в доме ужасная и из кухни весь жар, как в трубу, в нашу комнату, а другие все проходные. Кроме того, теперь, когда мало-мальски затихло со своими, и всяк своим добром независимо распоряжается и живет, как хочет, отдельные даже входы, загорелось у нас новое дело с одним из покупателей, а именно г-н Сироб <...>. Он профессор, не знаю, пенсия или музыки там же, где Н. Шмаков, в Выборге. Он явился с целью *крупной* покупки. Расстился лисой и облюбовал у нас Волконского.¹ Я спросила 50 000, имея в виду, конечно, спустить, так как, сколько ни спроси, все равно дадут половину. Он ничего не возразил, ну сказал, что дорого. Я сказала: «Вы скажите Вашу цену, мы сговоримся». Он сказ(ал), что еще придет поговорить, что он *непрерывно* купит Волконского, и стал пока выбирать маленькие акварели и рисунки. С ним были его знакомые, кот(орые) также выбирали из маленьких, и он просил им уступить. Мы вместо 4-х т(ысяч) взяли с них за 3 хорошие вещи 3100 м(арок), а сам он выбрал чудную акварель — эскиз к «Черноморской вольнице»,² и набросок батюшки. Я спросила с него за обе 3000 м(арок), он мне стал давать одну т(ысячу). Я сказала: «Нет, так я не могу, но раз Вы хотите покупать большую вещь, то мы с Вами после сговоримся об этой цене». Если бы он дал за Волк(онского) 40 000 или 35 000, я бы ему и в придачу даром дала эти рисунки. Он начал <говорить>, что ему необходимо сейчас же взять рисунки, и опять сует 1000 м(арок). Я говорю: «Нет, нет, так я не могу. Вы возьмите пока даром, а после мы сосчитаемся». Он Тасе стал совать 1200 м(арок). И Тася, конечно, тоже не взяла, как как

иначе он их и присвоил бы за эту 1200 м(арок), когда им цена 5000, а я уступала за 3000 м(арок). И так он взял их и уехал. Это было в дни аукциона, и в мастерской при его торговле были Шмаков и Щепанский (комиссионер), и еще знакомый один и его компания. Народу много, и все видели, что он совал то мне, то Тасе свою 1200 м(арок), а мы не брали. Он назначил день, когда придет, но пропал и сгинул. Я написала ему: «Если Вы раздумали покупать Волк(онского), то уплатите мне 3000 м(арок) за взятые рисунки. Если же это для Вас дорого, то верните их обратно». Через два дня он приехал с женой. Опять лисой, и: «Позвольте еще раз посмотреть». «Пожалуйста». Повела в мастерскую я одна. Тася лежала, Ваня был в лавках. Он снова все пересмотрел, отобрал еще из небольших 3 вещи по скромной расценке на 7000 м(арок), и говорит: «Вот я бы купил у Вас эти три вещи и Волконского — все за 12 000 м(арок)»!!!! Я просто рассмеялась и говорю: «Ну нет, нам с Вами не сговориться, Волконск(ого) одного я бы могла уступить крайнее за 35 000», а он говорит: «Ну, Вы еще подумайте». Я говорю: «Нет, это безнадежно, и сосчитаемся за взятые Вами рисунки, я их ценю 3000 м(арок), если Вам дорого, возвратите их обратно». Он: «Да, это дорого, я их верну, но я Вашей дочери заплатил уже 1200 м(арок)!» Каково?! В этот момент вошел Ваня, и он сразу к нему: «Я Вашей жене заплатил уже 1200 м(арок)!» Ваня: «Ничего подобного! Вы предлагали, но мы не взяли с Вас ровно ничего». Он возмущенно возвысил голос и петухом налетел: «Ваша жена взяла у меня 1200 м(арок)!» Ваня ему: «Вы лжете! Она ничего не взяла». Он скандально начал орать, вызывая нас на оплеуху, но Ваня очень сдержанный на этот счет и только говорил ему свое, что это ложь. Он (говорил), что он тогда за свой счет вызовет Шмакова как свидетеля. Я говорю: «Пожалуйста, и всех вызовите, это оскорбление нам!» Он петухом сбежал вниз. (...) Но неужели ради 1200 м(арок) он, имея положение профессора, пошел на такой скандал!? На другой день Ваня встретил у лавок Стольберга (здесь авторитетное лицо), и Ст(ольберг) прямо к Ване, и говорит: «Что такое у Вас вышло с Сиробом — Вы как-нибудь уладьте, а то он говорил, что в газетах напишет». Ваня возмутился, говорит: «Пусть пишет, мы на него в суд подадим, у нас свидетели». Тогда Стольб(ерг) увидел, что дело серьезное, и ретировался. Я написала Шмакову все, и вот теперь как Шмаков покажет? Понятно, он не может показать, что мы взяли, раз мы не брали, и зная меня. Но с Сиробом они коллеги, и ему вместе жить, а мы уедем. Кто знает, как он повернет? Щепанский же был и говорил, что он свид(етель), что мы не взяли. Дело-то не

в 1200 м<арках> и даже не в его плевках, а в том, что, если мы этого не опровергнем, он нас ошельмует так, что ни один покупатель не придет, и на выезде отразится. Он на то и рассчитывал — прижать нас так, чтобы мы отдали ему портр<ет> Волконского и прочие за 12 000 м<арок>! Т<о> е<сть> ограбить нас! Но мы так скоро не сдадимся!!!...

Приписки: <...> Вот каково!? Я думала, что только в Советской <России> может быть беззаконие, а здесь еще хуже, еще отвратительнее, когда под видом профессора снуют экспроприаторы.³

¹ Портрет князя Сергея Михайловича Волконского (1860—1937), директора Императорских театров, 1899. Был в собрании А. Горачека, Прага. Нынешнее местонахождение неизвестно.

² «Черноморская вольница», 1908. Позднее картина была переписана Репиным. Сейчас находится в частном собрании в Швеции.

³ 26 ноября 1928 г. В. Сироб писал из Выборга Вере Репиной: «Часто Вас и дорогого Профессора <Репина>, вспоминаю, вспоминаю: задушевность, искренность, детский смех, где ж теперь этой все искать? — Эгонзм, бездушие, посредственность, холодный карьеризм — вот атмосфера, где приходится вращаться. Минуты, проведенные у Вас, оставили неизгладимый след, это был солнечный луч в ненастный день» (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 831, письмо на бланке Выборгского музыкального училища).

8

18 авг<уста> <19>31 г.

Дорогая моя Лидочка, получила твое длинное письмо от 12-го авг<уста>. Теперь наши письма все расходятся. Относительно покупки земли, может, ты и права, что через Земгор¹ лучше. Может, это у нас остатки впечатлений от советских организаций, что, дай Бог, подальше от них. Во всяком случае, и правда, лучше бы выбирать там, от тебя, а отсюда за глаза все равно купить страшно. Но мы все боимся наводнить у тебя лишние дни. Как ты думаешь, сколько бы дней вы могли бы выдержать наше нашествие? Жратву мы будем оплачивать сами и варить, конечно, я помогу, и в лавки сходим, но в смысле ночевок и галдежа ребячьего, хорошо, если гулять можно. Думаю, что, приехавши, сразу сговоримся, через кого устроить покупку, и тогда, верно, придется мне с Ваней съездить на выбранный участок, осмотреть и купить. Конечно, придется несколько взглянуть. Купивши, вернемся за Тасей с ребятами, а то одной не довезти такую ораву. Так вот, верно, дней 5—7 придется вас стеснять. Я знаю, что ты-то рада, но дом-то не раздать, и боюсь, что Льву Пл<атоновичу> мешать будем

шумом. Хотя наши дети пугливые, особенно в незнакомом доме, словом, не Всеволодки. Ну, там видно будет. Багаж наш, если отправим через контору (здешнюю), то придет в Париж недели через 2, так что за неделю до отъезда отправивши, как раз он и придет к нашему отъезду из Парижа, и, конечно, к тебе все не потащим. <...> Ну, даст Бог, устроимся же мы когда-нибудь сами собой. В Выборг ездил что-то Илюша и заходил к Шмак<ову>. Тот только что приехал с дачи, а почту без него хозяйка получала и оставляла. Но вообрази, он сказал, что Сироб — негодяй и мерзавец, что он с ним давно разругавшись и только шапошное знакомство. Но что дело и не думали бы мы поднимать, что у него кагал и он такой пройдоха, что все равно вылезет. А суды здесь такие, что на 5 лет затягивают. И вот подумай, так и придется подарить этому жулику! Мерзавец! Конечно, сами виноваты, и это нам урок. Говорил Шмак<ов>, что он хлопотал о нашем переезде торговым пароходом на Гавр (тогда всего 2000 марок). <...> А все-таки жалко, что не могли мы уехать отсюда раньше, хотя бы на 1/2 года. Жизнь здесь нам очень дорого стоила. Не в смысле денег, хотя и денег здесь много шло, но это ерунда, а, главное, силы духовные, энергию, эликсир жизненный здесь весь израсходовали. Оттуда, из СССР, мы вырвались, хотя и скелетами, но полными надежд и энергии, а здесь с булками и сахаром, но по горло в нравственных помоях мы, как-то душа захлопнулась. Какая-то духовная апатия ко всему явилась. Не радуется ничто. Может, выехавши из этого болота, пройдет этот сплин. Бог знает. Ну, ладно. Поделили, наконец, книги, и мы свои продали за 2000 финск<их> мар<ок>, но беллетристику не хотели покупать, и потому мы некот<орые> повезем с собой, напр<имер>, Гоголь, Толстой, «Царская охота» с автор<афом> Кутепова,² «Третьяковская галерея» (иллюстрации очень хорошие), еще «Рейнеке лис» дорогой и некот<орые> другие. Жалко бросить, а не покупают. Да! Тася купила в Териоках *самовар*! Он подержанный, но хороший и красивый,^г и часы тоже повезем стенные большие и еще мамонтовский шкафчик, а кроме <того>, подушки, белье и картины. Ковра у нас нет ни одного. Один был, мы продали, да он тяжеленный был, и нужны были деньги. Пиши скорей. Твоя Таня.

¹ Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей.

² Многотомные «исторические очерки» Н. И. Кутепова «Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI век» (СПб., 1896); «Царская

^г В тексте письма рисунок.

охота на Руси царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича. XVII век» (СПб., 1898); «Царская и императорская охота на Руси. Конец XVII и XVIII век» (СПб., 1902); «Императорская охота на Руси. Конец XVIII и XIX век» (СПб., 1911). В оформлении этого наиболее эффектного русского издания рубежа XIX—XX веков, предпринятого Экспедицией заготовления государственных бумаг и посвященного памяти Александра III, принимали участие А. Н. Бенуа, А. М. и В. М. Васнецовы, Е. Е. Лансере, К. В. Лебедев, Ф. А. Рубо, А. П. Рябушкин, Н. С. Самокиш, В. И. Суриков и др. Репину принадлежат несколько иллюстраций во 2—4 тт.

9

29 авг<уста> <19>31 г.

Дорогая, дорогая моя Лидочка, получила твое длинное письмо с советом доктора для Вани и с «отступлением». Так, стало быть, и в Париже, житейском коловороте, российская эмиграция ухитрилась-таки сохранить свою безотраднo мизерную физиономию. Ты пишешь, что, чтоб понять это, надо увидеть это. Но мы здесь уже навиделись этого добра. Я думала, что только здесь такое болото с «днями культуры» и «концертами», на которых судорога сводит от безотрадной узости и затхлости времен нашего детства. Также и школы здесь были поставлены, все точно по мановению волшебного жезла, как в «Спящей красавице» застыло на той самой точке, как они вселились. Нам (мне, Тасе и Ване) до того все это было дико, особенно сразу. После того, как мы ввалились сюда истерзанные, но с коробом надежд. Казалось, здесь, где человек свободен, где не заклеен ему рот, чего только натворить-то можно! Оказывается, какое там «творить», — все еще старую кашу дожевывают — аж тошно. Вот ты их не презираешь, но ведь ты «преподобная», а мне они все просто стошнительны. И как ни ужасно было в СССР, а иной раз с радостью вспоминаешь. Не потому что, «что прошло, то будет мило», а потому, что все же там жизнь, а здесь плесень. Да, уж если и у вас таково же общество, то вполне понимаю и Ир<ину>, и Марьяну.¹ Что же касается моды, то мы еще не видели. Т<о> е<сть> здесь также ходят пижамы, ярко-зеленые с узорами, но до того безвкусно сделаны, и несуразны сами носительницы их, что унеси ты мое горе... Сама я и Тася, мы не блещем наружностью, кроме того, условия жизни нашей были таковы, что об наружности вообще думать не приходилось, а потому у нас вошло уже в привычку иметь одежду для того, чтобы быть одетым, и

ничего больше; но любоваться на красивый костюм, и вообще красота, разумеется, наслаждение. Только я не переношу рабства в этом деле. Т<о> е<сть>, когда внешность и старания создать эту внешность убивают личность. Ну, ладно, все это при свидании. Ведь доплывем же мы к тебе когда-нибудь? <...> Был у нас, наконец, Шмаков, и Гавр, увы, ...улыбнулся. На Гавр торговые идут все очень маленькие и пассажиров могут брать не больше 2-х — 3-х, так что нашу семью не вместить. На Антверпен идут 3 пассажирск<их> парохода, и только один из них имеет три класса, он отплывает из Гельсинки 4-го сент<ября>, 21-го и 28-го. 4-го нам не успеют бумаги выслать, 21-го день осеннего равноденствия и потому, говорят, самые бури, а 28-го поздноато. Остальные два парохода отходят в промежутках, но на них помечен I класс, и мы не знаем — первый ли это кл<асс>, тогда очень дорого, или вообще один класс (туристский). Если стоимость II-го, то мы на одном из этих или же решимся 21-го. На днях это узнаем. Бумаги наши, мы рассчитывали, будут готовы к 15-му, это уже все — и визы, и багажные. У нас уже все уложено (надо было для списков).² Мы так и оставили, и только чемоданы, кот<орые> при себе, остались еще наготове. Так что мы можем в любой день вышибаться. Пока что шьем. Я себе юбку, Тася Роме штаны и т. д. Очень было бы хорошо, если бы ты даже и без нас купила бы машинку. <...> Спасибо тебе за беспокойство твое о ванином здоровье. На вид он кажется совсем здоровым и *крепким*, но у него скулы и все лицо широкое и потому так оказывает, а сам он моща, только *кость широкая*. Упадка такого больше у него не было. Мы с Тасей очень бы хотели, чтобы он показался, но он сердится и говорит: «Вот ерунда! Чтобы я да себе на доктора 200 фр<анков> отдал! Я совсем здоров!» Не знаю, чья возьмет. А может, у него силы сорваны? Ведь в Сов<етской> Р<оссии>-то ему приходилось по 150 пудов в день переворачивать на спине, да на каком столе, да все время начеку, как бы живым остаться. Может, ему теперь вовсе нельзя и работать-то!!! Так боюсь, так боюсь!!! Но, может, здешний доктор и правильно определил, — что все нервы. Ох, порасскажем вам, чего мы здесь-то наглотались... Хотя и без опасности за жизнь, но так погано, так погано... Одни Гай и Дий чего стоят! Да! А как же ты хочешь нас встречать? Но ведь, я думаю, там это невысказано? Толпища! И верно, много всяких выходов, и куда нас волна поперет, мы же ничего не знаем, разминемся! А сколько там носильщику давать? Хоть это совсем ерунда, но так представила себе картину приезда. <...>

Приписка на отдельном листе:

Наврала я про пароходы! Напутала: на Антверпен идут 3, и один -из них, кот(орый) имеет все три класса, пойдет 28-го сент(ября). Только 28-го! А 4-го и 21-го пойдут остальные два, у которых один класс и еще неизвестно, в какую цену? I-го или II-го кл(асса)? Вот как. Сегодня был один господин (эстонец) проездом, папин знакомый. Он изъездил всю Европу, память у него поразительная, жена во Франции, где они имеют виллу, и вот он в подробностях и так дельно и просто рассказал нам все о Франции и французах и об участках земли и пр., что вполне достаточно купить гектаров 6—7, т(ак) к(ак) покос там 3 раза. Что дома есть кирпичные, но такой кирпич, что, чем дольше стоит, тем суше становится. Что виноградн(иками) заниматься очень сложно, и нужен навык, а лучше всего скотоводств(о) — или коров, или свиней, или кроликов, или птиц. Что в каждом департаменте преобладает одно из этих дел. Мы бы хотели лучше всего свиней разводить: я их знаю, как выкармливать. Вот о покупке он, так же, как и Зеелер, сказал, что лучше всего через Земгор (Юренева). Много подробн(остей) рассказывал о жизни там. Очень интересно было. Ах, скорей бы ехать! Здесь по ночам уже так холодно, точно морозцем пахнет. Только 5° тепла.

¹ Как следует из других писем, речь идет о тревожившем женщин одиночестве дочерей Карсавиных.

² Имеется в виду опись имущества, предназначенная для таможи.

³ Семья Язевых-Дьяконовых отплыла из Хельсинки в Антверпен 25 сентября 1931 года и прибыла в Париж, очевидно, 30 сентября.

3 янв(аря) <19>32 г.

Дорогая Лидочка, спасибо тебе за Тасю, за всю помощь и за чудный рождественский крендель! С елочками и шоколадками. <...>

У нас только последние дни мороз отвалился и отопление Ваня наладил, а то мучились от холода пронизывающего. Ваня все время был занят отоплением дома. Замазывал дыры глиной, заколачивал двери в кладовку, да такие гнилые, что чуть заделал. <...> Завтра 4-ое, начало занятий, и наши пойдут трое. Дорога не так далека, красивая и воздух хороший, но... глина! Это что-то ужасное! У всех здесь ноги такие, что смотреть страшно. Нашим всем купили дере-

вяшки, но все равно все чулки вымазанные. Особенно сейчас — снег сошел, развезло. Из-за этой глины и идти никуда нельзя. Как-то пойдет учење у наших? Очень беспокоюсь я, от этого зависит все их дальнейшее. Как за дело возьмутся?.. В день приезда Таси мальчишки срезали в нашем лесу можжевельничек в метр ростом, зажгли свечки, вот и была елка, а под елку Тася купила им по мечте. Так что радости было много.

Ну вот. А я как-то не чувствую себя дома. Или, может, уж очень давно мы все жили не дома или не наладился еще уют. Очень мрачно в комнате, и стены грязные, как в самой скверной дворницкой. Мы купили известки, на днях побелим. Вообще многое, что надо поправлять. Двери входные такие страшные, кругом обгрызенные и такие грязные, что тошно за них браться. Ну и так многое что. Потом мы из экономии купили только матрасы (пруж(инные)), 2 стола и стулья, и нет ни единого шкапа, от этого некуда разложиться. На стены вешать нельзя, очень сырые и мажут. Может, 15-го найдем какой подержанный. Работы сейчас — обрезка виноградников. Но здесь есть один спец. Он всем и обрезывает. Конечно, берет поденную плату. От Леви-то денег нет! А необходимо коров купить. Я ему писала и Зеелеру также.

Как твоё здоровье? Очень ты задержавши была с нами. Всех вас целую крепко. Твоя Таня.

Приписки:

Переправленные тобой письма мы все получили.

Только назв(ание) наш(его) уч(астка) земли ты перевираешь. Надо: Coumbalets, а ты Coumbereets.

4 <января>^д

Завтра отправлю это письмо. Сейчас припишу, как ребята были в школе (коммунальной). Утром отвели их Ваня с Тасей. Встали они в 6 час(ов). Ваня разогрел им какао, и при лампе пили три головенки, когда я проснулась. С собой дали им на обед бутылку молока и по два ломтя белого хлеба с маслом и с салом (здесь сало чудное кусковое, розовое, стоит 6½ фр(анков) кило!). Так было весь день тихо и пусто. К 4-м Тася пошла их встречать, чтобы расспросить учительницу, что и что нужно им купить, и вообще. Почти в 5 час(ов), когда уже снова горела лампа, пришли они. И все молоко и половину булки принесли нетронутыми. Все такие взволнованные, что и есть не могли дома-то! Все на-

^д В автографе — описка: дек(абря).

перебой рассказывали свои впечатления. В общем, все довольные, но... детей, кото(рые) не знали урока, учительница «шлепала по лицу», как они выразились. Мне теперь уж это дико, чтобы в классе так расправлялись! И потом большая перемена с 12-ти до 2-х, и все два часа дети одни. Учитель и уч(ительни)ца уходят к себе в комнаты — и отдыхайте, как хотите. Играли в хороводы, но, конечно, все сбивается на возню. И мальчики нападают на девочек, один так ногой дал, что девочка заплакала. Но наши-то в этом участия не принимали. Галя очень довольная, хотя сильно взволнованная, но говорит — «весело было!» Они все трое в младшее отделение к учит(ельни)це, а старшие отдельно с уч(ителе)м. Ну вот первый день. Тася говорила, что детей много богатых, хорошо одетых и на обед с собой — курочка и апельсины, и шоколад!! А нам столько необходимого надо покупать для хозяйства — *инструменты*, что боимся вовсе голодом сесть!

Приписки:

Варим раз горох, раз чечевицу. А яблочки теперь уже «ау»;

Сегодня на солнце было 20° тепла по R, и Тася выкатывала Ванечку спать на воздух.

11

16 янв(аря) <19>32 г.

As Coumbalets

C^{ne} de Madillan

par Laugnac (L. et G.)

Надо обязательно писать L. et G.

т(ак) к(ак) есть другой Laugnac.

Дорогая Лида, сегодня получила твое письмо с вопросом о «Nu». Я давно написала тебе ответ, но очень запоздала его отправить. М-те же Леви я послала свою просьбу тогда же, давно, но от нее еще не имею ответа, согласна ли она взять на себя эти хлопоты? И теперь пишу ей снова этот вопрос. Относительно копии с Веласкеса,¹ мне очень *дорога* эта вещь, и вообще я считаю ее очень ценной. Но конечно, имея кругом долги неоплатные, я бы решилась ее продать, но не дешевле, как за 15 000 фр(анков). Леви самому о «Nu» мы дали свое согласие телеграммой, и от него уже был ответ, что он выслал на имя жены для нас 2000 фр(анков), а остальные 5000 перешлет прямо сюда.² Но от нее мы ничего не получали. Сегодня получили письмо от Зеелера

о продаже в Париже. Пишет в мрачных красках и пишет также, что получил письмо от Веры из Стокгольма, она была на приеме у принца Евгения, и он был на вернисаже нашей выставки. Что продана одна ее вещь и одна маленькая наша. Какая и за сколько, не пишет. А сама падчерица и вовсе молчит! Я сегодня же ей написала. Деньги по чеку 800 фр(анков) мы вчера получили, помог Espagne. Вчера же закончили все с покупкой земли. Остальные 9000 фр(анков) мы должны выплатить через 5 лет не в банк, а самой хозяйке и ей же, пока не выплатим суммы, должны платить проценты 6 в год в два срока. Закончилось все мирно и согласно без недоразумений. Мы все поминаем старушку добрым словом: благодаря ей мы так удачно купили. <...> Сегодня Тася ходила к хозяйке распечатать в запродажных бумагах. Тогда приезжал сам нотариус с Espagne'm. Хозяйка подарила нам много луку и моркови и дала 2-х кур с тем, что, когда через год у нас будут свои, мы отдадим ей 2-х. Вообще пока что все к нам относятся очень добро и радушно. Соседка принесла половину громадной тыквы и даже немец из chateau, у кот(орого) мы покупаем молоко детям по 1 фр(анку) за литр, подарил свинячьих косточек. Да! Были мы у Салярдов (я с Ваней), не так далеко — $\frac{3}{4}$ часа ходу, но с горы на гору. Встретила нас на пороге сама Салярдиха, ну и жох баба! Весьма неприятная во всех отношениях, полная противоположность ему. Дом у них, пожалуй, вдвое больше нашего и светлый, оклеен обоями, в спальне линолеум, мебель новенькая и посуды полные сервизы, но... так неуютно, так голо... грязь, неряшество. Сама она в такой оборванке, как я в Советской ходила. В кухне грязь по всем столам и плита не горит, а сейчас придут обедать! А сама пихнула громадную головню, — где ж тут гореть! Он пришел с работ, взялся за печку. Оба нервничают друг на друга, крысятся, — неважно. У нас куда лучше. <...>

О школьном ученье. Что сказать? Спасибо, что учат, да еще даром. Но если рассуждать об этом, то, конечно, система битья в школе достойна порицания. Наши дома привыкли к шлепкам. Но то дома, они видят, что если мать их ударила, у самой у нее сердце кровью обливается, она же и пожалеет его, и никто не насмеется над тем, что ему «дали». Но в школе чужие все — и учит(ельни)ца, и дети. Там это делается не от надрыва, а с целью унижения и оскорбления, это гадко и недостойно школы. Я помню, у Лизы в городской школе в Питере какие были оболтусы! Из каких подонок! Дети прачек (прежних прачек), фабричных, дома углы, пьяные, развратные, и вот этаких деточек учить! И Лиза со всеми справлялась, никогда пальцем не

тронула! И дети потом обожали школу и уважали. Вот это педагогия. Да и в Здравн(еве) Ваня, бывало, каких непроходимых стоеросовых учил, и тоже умел подчинить слову и авторитету. Впрочем, ты-то это на себе испытала. Наши, я говорю, уж как привыкли дома к шлепаку, но в школе, когда увидели, их поразило! И даже какое-то недоумение и *неловкость за уч(ительни)цу!* Что она шлепала по лицу тех, кот(орые) не знали урока! Ну, что ж поделать? В чужой монастырь со своим уставом не суйся. Может, Бог даст, их и минует пощечина от чужого человека.

На дворе все теплеет, и маргаритки распустились на лужайке около дома. А вечером сунешься из дверей, звезды такие яркие — хорошо все же здесь и, слава Богу, не город. Ваня все рубит дрова, очищает ручей. Какие ужасные здесь паразиты, вьющиеся по стволам деревьев, как удавы, обхватывают ствол дубка и впиваются в него корнями. Ваня их ссекает, и так отрадно видеть, как деревце освобождается от тисков. Ты пишешь относительно назревания вопроса переезда в Ковно. Но, по-моему, в Париже без *мошны* денег жить — тошно. И тебе, и барышням. Вообще, мне кажется, что в Ковно всем вам будет куда лучше. Только разве вот Марьяше уже не расстаться с П. П.?³ Да, пожалуй, давно надо было вам уехать из Парижа. Он растлевающе действует на молодежь и изнуряюще на старость. Впрочем, у тебя на это иной взгляд. Ну, не спорю. <...>

Целую вас всех. Также и Тася с Ваней шлют поклон всем.

Твоя Таня.

Приписка:

Что же ты не пишешь, сколько мы должны за ремонт, газ, воду и пр.??

¹ Имеется в виду копия, выполненная Репиным с картины Веласкеса «Менипп» (ок. 1639—1640, Мадрид, Прадо) во время пребывания в Испании в 1883 г. В акте о разделе наследства значится как «Копия с Веласкеса (Старик)» (см.: Новое о Репине. С. 346). В настоящее время — в частном собрании в Чехии (см.: Русская живопись в собраниях Чехословакии. С. 117).

² 23 января 1932 г. датирована надпись Леви на оборотной стороне «Обнаженной женщины с бульдогом», удостоверяющая подлинность картины. См.: Русская живопись в музеях Чехословакии. С. 125.

³ П. П. — Сувчинский Петр Петрович (1892—1985), музыковед, критик, издатель; друг С. С. Прокофьева, И. Ф. Стравинского. Его теоретические воззрения оказали влияние на французский театральный и музыкальный авангард (А. Арто, П. Булез). Один из основоположников евразийства. Муж Марианны Львовны Карсавиной.

27 февр<ая> <19>32 г.
 As Coumbalets
 C^{ne} de Madaillan
 par Laugnac L. et G.

Дорогая Лидочка, прости, что я даже не ответила на твое письмо и так долго ничего не писала. У нас все дети лежали с гриппом, а под конец и я свалилась (<...>). Надоели холода! Мы нажариваем нашу плиту и чугунок, но за ночь быстро остывает. Артишоки все вымерзли. Соседи говорят, что лет 15 не было таких морозов. И как они терпят, прямо непостижимо с этими каминами!! Ежатся, старики залезают в самый камин и там сидят, но в трубу такая тяга! Ах, как жалко было Валяшеньку, когда он болел! Скелетик, одни глаза... и, главное, то холод, то жара от чугунок, и от глиняного пола пыль такая! В стенах сырость! Просто отчаяние брало. И сами-то мы усталые, силы сорваны и нервы истрепаны, очень тяжело было. Сейчас ничего, пока что обошлось. Но доктор велел беречь его и быть осторожными теперь после плеврита.¹ Коров мы купили, наконец, хорошие, молодые, сильные и обе скоро телятся, но за 6500 фр<анков>! А за 5000 уже дрянь, или совсем старые, на один год, или совсем молодежки, слабые и неумелые для работ. (<...>)

Вера продала в Стокгольме «Магдалину»,² кот<орая> была неразделена, с тем чтоб после продажи общую сумму разделить на 3 равные части. И вот, подумай, ни она, ни Линдблум так и не написали мне, за сколько продана «Магд<алина>». Прислали чек на 1000 крон, и на мои многократные вопросы, за сколько же продали «Магд<алину>», они так и не ответили! Дело в том, что еще в прошлом году Вера, продавши общих картин, недодала мне и Юре денег 5000 и сказала, что эти деньги пойдут на устройство выставки в Стокгольме. Но, разумеется, она их истратила на тряпки, а теперь, продав «Магдалину», очевидно, из общей суммы покрыла все расходы по выставке, а остальное разделила и вот прислала 1000 кр<он>. Это мое предположение, на деле же прямо до смешного — ее письма и письма Линдблум, как они вертят словами, а на прямой вопрос так и не ответили! У Линдблум продались мои две маленькие вещицы, а та — Бродского, так и осталась.³ У нас с этой болезнью, конечно, опять денег хлынуло. Тут же не думаешь об экономии, когда надо спасать. Все доктора, и питание усиленное, понятно, дорого стоит так, что мы вот до сих пор Зеелеру долг не отдали! Хотя еще не срок и, конечно, мог

бы и он сам хоть что-нибудь продать бы! Все же легче было бы отдать. Но он замолк... А может, в обиде за «Ню», что он не продал. Но что же делать? Теперь задумываться не приходится, лишь бы был покупатель. Леви хотел продать еще и «Море» за 5000 фр<анков>, но сорвалось, а продал маленького Керенского⁴ за 1600 фр<анков>. Нам надо много затратить на весенние семена, картошку 20 пудов! Овес, кукуруза и пр. Живность пока что только 4 курицы, из них одна села выводить, но такой холод, что, думаю, навряд ли выйдет что, верно, заморыши. Коровы забавные! Они как волы, даже не похожи на коров, и когда им оденут ярмо, т<о> е<сть> свяжут их парой под одним хомутом, то стоит только тронуть тоненькой палочкой спереди это ярмо, как они тотчас пойдут за тобой без всякого повода, как за магнитом, просто невероятно. В понед<ельник> Кира с Галей пойдут в школу. Галя за это время всю свою школьную книжку чуть не наизусть выучила. А Валяша и больной, все таблицу распекает. Присмотрелись мы к соседям, ничего, все хорошие попали, но, понятно, крестьяне, и дальше франка мышление их не идет. Но так очень милые, и все с подарками приходят, кто тыквы, кто колбас из своей свиньи, кто чернослива и т. д. Были раз и двое русских, как весело было свободно поболтать. Они купили у <1 нрзб.> его участок 1½ гект<ара>, тот, что он нам предлагал за 7000, а им продал за 8000! Один из них Кубанской области, видно, из солдат, а другой сын полковника, окончил Одесский корпус, а теперь вот складчиной купили эту землю, хотят птиц разводить. Салярдиху встретила в Ажене, разряженная, но птица невысокого полета, затрещина-баба. Завтра они хотели приехать к нам. <...> А я варю и жарю преимуществ<енно> картошку и макароны, бывает треска. Ну а Вале яичница, шоколад, яблоки, печенье и т. д. <...> Пиши, как у вас. Твоя Таня.

Приписки: <...> Да! Линдблум писала, что Ник<олай> Шмаков женился! Вот молодчина, не унывает! Ваня все расчищает ручей, и дров много надо сейчас.

¹ Валентин умер от менингита 2 августа 1932 г., в день и час своих крестин. См. письмо Т. И. Репиной-Язевой В. Ф. Зеелеру от 19 августа 1932 г. (Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета, Бахметевский архив, фонд В. Ф. Зеелера, коробка 8).

² Речь идет о картине, известной под названием «Утро Воскресения» (1922, Швеция, частное собрание).

³ В Акте о разделе имущества И. Е. Репина в числе отошедших Т. И. Репиной-Язевой произведений других художников значится «Аллея» И. И. Бродского без указания материала и техники (НБА РАХ, ф. 25, оп. I, № 349, л. 5).

⁴ В списке работ И. Е. Репина, приложенном Т. И. Репиной-Язевой к письму В. Ф. Зеелеру от 3 марта 1932 г. эта картина обозначена как «Море (Последний момент гибели черноморской вольницы)». Современное местонахождение неизвестно. См.: Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета, Бахметевский архив, фонд В. Ф. Зеелера, коробка 8.

11 мая <19>32 г.
As Coumbalets
C^{ne} de Madaillan
par Laugnac L. et G.

Дорогая, милая Лида, как твое здоровье сейчас? И собралась ли ты, наконец, к доктору? Брось все и сходи к доктору *непрерменно*. Я очень беспокоюсь за твое здоровье. На молчание твое я, конечно, и не думаю обижаться, но изредка хоть открытку присылай, как здоровье. Все мы жертвы большевиков. У нас (меня, Таси и Вани) тоже нервы стали никуда гожи, да и дети заметно издерганы. А с расшатанной нервной системой и силы уже не те... Помню, когда мы в Здравневе еще были, было там срочное собрание главарей и всю ночь решали, как изъять индивидуальников? Сразу ли покончить с ними или измором взять. В результате и так, и сяк берут. Где не видно да не слышно, голодом и расстрелом уничтожают, а подальше кто, тех измором берут. Все эти безденежья, кризисы, работы непосильные и безработицы и сокращения... Все это измор.

Пасху мы католическую не праздновали по скудости карманной и думали на русскую купим в Ажене торт *настоящий*, но, увы... и на русскую карман наш остался все тот же, и мы только купили 3 дюжины яиц по 3 фр<анка>, покрасили в линючих тряпочках и купили кило мяса и зажарили. Я даже вымылась! В лоханке, довольно трагически. <...> Все время у нас лили дожди, холод и ветер! Так что до сих пор картошка ни у кого еще не посажена. Говорят, только один старик, кот<орому> 70 лет, помнит, что *1 раз* был такой год! Главное, здесь по сырой земле нельзя работать! А все — день выдастся, солнце, подсохнет сразу, а ночью снова дождь, и опять вся земля вздуется, как опара. Кое-что у нас посажено — морковка, бураки, капуста, салат, редис, томаты, дыни, но из-за холода все малюсенькое, не растет. Сегодня первый день за все время простоял без ветра и дождя! И солнце было жгучее. Я после обеда, когда убралась, одела соломенную шляпу сомбреро (!), и

так отрадно было печься! У меня, верно, все застужено и оттого болит все тело. Пошла полоть морковку; Тася полола и Ромочка мне помогал. Он, было, окреп здесь, когда было теплее, такой румяный был и шустрый, а за это время прямо стоял и ничего не болит у него, а худеет и худеет, и мне просто беспокойно глядеть на него, совсем рожица стала, как после большой болезни. Старшие тоже тощие все, но ничего, ходят в школу, понемногу привыкают. Мальчикам трудно в гурту привыкнуть сосредоточиваться, ребята простецкие, шумливые. А Галя нигде раньше-то не была, лучшего не видала, так сразу и наладилась. Главное, она сразу очень обрадовалась, что она тоже в школе и ей отдельная книжка, и с такой любовью и интересом учит все, а ту книжку, котор(ую) кончила, дома почти наизусть выучила. На дожди купили мы два макинтоша, а Галя с гордостью ходит под твоим зонтиком и дома все его щеткой чистит и любит. <...> Фруктовые деревья все отцвели, а фиги не цветут вовсе, а прямо на голых прутьях — фиги! Маленькие, как бородавочки, и постепенно увеличиваются, очень странно. На лугах масса цветов всяких — и наших, русских, куриная слепота и ромашка, и местные — маки красные, нарциссы! Совершенно, как садовые, крупные, с сильным запахом, и даже двойняшки и тройняшки есть! На одном стебле. Народился у нас бычок, ему уже месяц и молоко он все дочиста выпивает, и еще с мукой даем. А другая корова еше не скоро, осенью или зимой. Цыплята от первой наседки 8 штук уже совсем большие и спят на насесте, и мама их давно бросила и несется. Вторая вывела 12 штук, они еще пуховые и спят в комнате под колпаком из сетки,^е и третью посадили, заквохтала. Их Тася досматривает и кормит.

Продажи у Леви никакой. Писал, что в мае приедет в Париж и, может, к нам приедет. Зеелер продал одну маленькую за 600 фр(анков), и оставит эти деньги в счет долга. Ведь в июне срок платежа долга — 6000 фр(анков)! Я переписываюсь с ним. Они переехали на другую кварт(иру) по той же улице в другой дом, с дочкой и зятем вместе поселились, верно, туго с деньгами. О Бьюкенене¹ все нет никаких вестей. Вот если бы ты написала мне *адрес Там(ары) Плат(оновны)*.² Я бы написала ей просьбу узнать, не хотят ли купить рисунок с Бьюкенена его родственники? А Гарганов-то! Вызвал Зеелера, что хочет «Ангела смерти»³ обратно отдать в обмен на равноценную. Что у него обе дочки болели тяжело, и он не может психологически переносить эту картину. Я предложила ему «Море» с приплатой

---

^е В тексте письма — рисунок.

3000 фр(анков), но он, верно, не захочет приплачивать, а я дешевле не отдам теперь «Море». Вера так и скрыла, за сколько была продана «Магдалина». И так в письмах хитрит, что тошно читать, и я прямо больна делаюсь, потому что встают сразу все ее обманы и воровства! Юре я послала 50 фр(анков) к 16-му марта, Надиной годовщине, чтобы он купил цветов и отслужил панихиду. <...> Если бы не Гай и Дий, то Юра все *тот же*. Гай теперь в Праге, с картинами поехал учиться, но, конечно, учиться и не думает, все прокучивает. Илюша все столярничает. Ах, Лидочка! Если бы нам старым всем свидеться вместе, как бывало, свободно, без страхов и мук...

Целую крепко тебя, Иришу, Марьяшу и Сусю. Тася с Ваней кланяются. Твоя Таня.

¹ Бьюкенен Джордж Уильям (1854—1924) — посол Великобритании в России (1910—1918) и в Италии (1919—1921). Репин начал, но не завершил его портрет, увезенный Бьюкененом из России (см. недатированный черновик письма И. Е. Репина Бьюкенену в Рим: НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 1). При разделе наследства Т. И. Репиной-Язевой достался упоминаемый в письме портрет английского посла (сангина, цветной карандаш, 1916).

Е. В. Саблин, глава Russian Refugees' Relief в Лондоне, сообщил 1 июля 1932 г. В. Ф. Зеелеру, что единственный член семьи Бьюкенена — дочь посла — не может приобрести портрет, так как состояниe ее промотано мужем, офицером гвардии (Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета, Бахметевский архив, фонд В. Ф. Зеелера, коробка 8).

² Карсавина Тамара Платоновна (1885—1978) — сестра Л. П. Карсавина, балерина. Выступала в Мариинском театре и в труппе С. П. Дягилева. После его смерти (1929) переехала в Лондон. В 1930—55 гг. вице-президент Королевской академии танца.

³ Эскиз И. Е. Репина «Ангел смерти истребляет первенцев египетских» (1865), исполненный во время пребывания в Академии художеств, был продан в конце 1931 г. предпринимателю Л. С. Гарганову за 5000 франков (как обычно, 15 % комиссионных предназначались В. Ф. Зеелеру в счет уплаты долга семейства Язевых-Дьяконовых). В дальнейшем владелец изменил свое отношение к полотну и отказался продать его Зеелеру: «В будущем же, при создании музея имени И. Е. Репина, эта картина как его академическая работа, и за которую он получил сер(е)б(ряную) медаль, будет иметь особую ценность, что я и объяснил моим детям» (письмо Л. С. Гарганова В. Ф. Зеелеру от 5 марта 1940 г. — Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета, Бахметевский архив, фонд В. Ф. Зеелера, коробка 8). Сейчас эскиз находится в Научно-исследовательском музее Российской Академии художеств в Санкт-Петербурге.

Л. В. Герашко

О ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ЗАМЫСЛЕ В. Г. ЧЕРТКОВА В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ ЕГО АРХИВА

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся материалы, зарегистрированные как архив князя Д. А. Хилкова, последователя Л. Н. Толстого.

Они были получены из Рукописного отделения БАН, где в годы первой мировой войны и революции скопились переданные туда архивы учреждений и частных лиц, а также документы, принятые заведующим Рукописным отделением В. И. Срезневским от их владельцев на временное хранение; в 1926 г., в связи с готовившейся реорганизацией архивохранилища,¹ Президиум АН СССР принял решение об их разборке и частичном описании, после чего некоторые из них были возвращены владельцам, большая же часть, в соответствии с решением Президиума от 23 марта 1931 г., поступила в Архив АН СССР для дальнейшего распределения по принадлежности между академическими и неакадемическими учреждениями.²

В Пушкинский Дом материалы по истории литературы передавались с апреля 1931 по 1934 г. Многие из них имели отношение к жизни и деятельности Л. Н. Толстого и его сподвижников.³

---

¹ В связи с реорганизацией в 1931 г. Рукописный отдел БАН стал общеакадемическим хранилищем рукописной и старопечатной книги.

² Подробно об этом см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 2. С. 48.

³ Крупнейшим из «толстовских» поступлений было собрание Толстовского музея, который с 1919 г. числился в составе РО БАН. Несколько сотрудников музея занимались описанием его коллекций, подготовкой публикаций и обслуживанием читателей. Возглавлял работу непосредственно В. И. Срезневский, который с 1912 г. был председателем Совета музея.

24 июня 1931 г. заведующая архивом Института новой русской литературы Е. В. Михайлова приняла архивные документы, ранее хранившиеся в БАН.⁴ В перечне «Описанные архивы и коллекции» под № 35 числился архив Владимира Григорьевича Черткова (1854—1936), друга и сподвижника Л. Н. Толстого, писателя, публициста, основателя издательства «Посредник» (1884), и Ивана Михайловича Трегубова (1858—1931), последователя Толстого, историка сектантства, помощника Черткова в издательских делах, под № 41 — архив Е. И. и Г. И. Чертковых,⁵ а среди неописанных материалов под № 35 — «1 пакет с бумагами Хилкова».

В 1987 г. началась научно-техническая обработка архива Д. А. Хилкова, и сразу же выявилось тематическое единство документов: все они имели отношение к отнятию правительством детей у Д. А. Хилкова и его гражданской жены Ц. В. Винер.

Дмитрий Александрович Хилков (1857—1914),⁶ потомок древнего княжеского рода Хилковых-Ряполовских, после окончания Пажеского корпуса был зачислен в Лейб-гусарский полк. Узнав, что полк не будет участвовать в военных действиях против Турции, в 1877 г. он попросил о переводе в действующую армию на Кавказ. В «Записках», имеющихся в архиве, Дмитрий Александрович подробно освещает этот период своей службы. Именно тогда он пережил событие, перевернувшее всю его жизнь, направившее мысли в новое русло, — гибель от его руки пленного турка, воспринятую им не как уничтожение врага, а как убийство человека. Характерен эпизод, также отраженный в «Записках»: испытывая отныне отвращение к пролитию крови и находясь в то же время в действующей армии, Хилков обратился за советом к товарищу по полку. Тот рекомендовал ему, участвуя в деле, не применять оружие даже для самозащиты. Это условие девятнадцатилетний юноша выполнил.

Хилков подал в отставку, но не прошло и семи месяцев, как пришлось снова вступить в военную службу: бывший его однополчанин принц Ольденбургский получил линейный казачий полк и занимался его формированием. Зная князя как прекрасного офицера, он обратился с просьбой к импера-

---

⁴ Архив АН СССР, ф. 158, оп. 3 (1931), № 37, л. 162 (передаточная опись).

⁵ Фонд числится как принадлежащий родителям В. Г. Черткова.

⁶ Точную дату рождения Д. А. Хилкова (13 ноября 1857) установила по архивным данным О. Н. Недогарко, см.: *Недогарко О. Н.* Он сотрудничал в ленинской «Искре»//Вопросы истории КПСС. 1990. № 10. С. 140.

тору, и по именному повелению Хилков был зачислен в полк. Окончательная отставка последовала лишь в 1884 г.

Поселившись в имени матери — в селе Павловки Сумского уезда Харьковской губернии, князь продал часть выделенной ему земли крестьянам, а на оставшихся семи десятинах построил хутор и начал хозяйствовать на крестьянский лад. Человек трезвого ума и практической складки, он довольно быстро завоевал доверие общины, постоянно помогал ей в конфликтах с местной администрацией и соседними помещиками. Этим дело не ограничилось: Хилков, переживший глубокий внутренний переворот, пытавшийся построить жизнь в соответствии с новыми убеждениями, оказался в центре религиозно-нравственных исканий части местных крестьян, которые читали Евангелие и, собираясь вместе, толковали его в духе христианского социализма.

В 1886 г. Хилков прочитал французский перевод книги Л. Н. Толстого «В чем моя вера?», которая явилась для него откровением, в то же время глубоко отвечая его собственным мыслям и жизненной практике. С этого времени князь стремился получить все последние сочинения писателя, ходившие по рукам в списках, хотел написать ему, мечтал о встрече и разговоре.

Вскоре Л. Толстой, узнавший о Хилкове от П. И. Бирюкова,⁷ сам написал Дмитрию Александровичу: «...я давно уже знаю Вас, люблюсь, радуюсь, эгоистически радуюсь, чую товарища, работника, облегчающего, ускоряющего работу моей жизни».⁸

Суть своего отношения к Толстому Хилков выразил в одном из первых писем к нему: «Вы меня научили, т. е. показали истину и свели в целое разные отрывки и кусочки, но я Вас не за это люблю и уважаю. За это я Вам благодарен. Мне кажется, что если бы Вы ни строчки не написали бы, то и тогда, узнавши Вас, я бы не меньше Вас любил».⁹

---

⁷ Павел Иванович Бирюков (1860—1930), друг и сподвижник Л. Толстого, состоял в переписке с Н. Ф. Джунковским, двоюродным братом Хилкова, пересылавшим Бирюкову письма князя, в которых отражалось его новое мировоззрение. С позволения Джунковского Бирюков познакомил с этими письмами Л. Толстого. 1 ноября 1886 г. Л. Толстой писал Н. Н. Ге: «Людей и братьев по вере все прибывает. Ныне усхал один лейб-уланский блестящий офицер Джунковский, едет к Хилкову. Хилков же еще более блестящий, богатый князь (...), который бросил все и живет на крестьянском наделе, работая с мужиком. Человек большого ума и образования и большой силы добра» (*Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 63. С. 402*).

⁸ *Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 63. С. 133.*

⁹ Письмо Д. А. Хилкова от 19 декабря 1887 г. см.: Государственный музей Л. Н. Толстого (ГМТ), фонд Л. Н. Толстого. Переписка Л. Н. Тол-

За короткое время князь лично познакомился с единомышленниками Толстого — В. Г. Чертковым, П. И. Бирюковым, И. И. Горбуновым-Посадовым, Н. Н. Ге и другими. Между ними завязалась переписка, начался обмен религиозной литературой, запрещенными произведениями Толстого, трудами по социологии, сведениями об экономическом и политическом положении крестьян, о старых и новых религиозных сектах, главным образом рационалистического толка, близких к толстовству.

Еще во время службы на Кавказе, князь заинтересовался жившими там духоборами и молоканами, высланными из России в XVIII в. Поселившись на хуторе, он продолжал изучать их историю и религиозно-этическое учение. В 1887 г. в машинописном сборнике «Всходы» появилась его статья «Краткое исповедание духовных христиан».¹⁰

В 1888 г., гостя у Н. Ф. Джунковского, Д. А. Хилков познакомился с его свояченицей Цецилией Владимировной Винер, и в январе 1889 г. она стала его женой. Оба отрицали церковную обрядность, поэтому не венчались и впоследствии детей своих, Бориса и Ольгу, отказались крестить, несмотря на уговоры княгини Хилковой. Дети считались незаконнорожденными, лишались княжеского титула, состояния бабки и положения в свете.

Живя на хуторе, Д. А. Хилков занимался последовательной пропагандой своих религиозных убеждений, не вполне совпадавших с учением Толстого.¹¹ Он оказал непосред-

---

стого и Д. А. Хилкова продолжалась с 1886 по 1905 г. Чрезвычайно интенсивная и доверительная по тону в первые годы, к началу 1900-х годов она почти прекратилась из-за идейного расхождения корреспондентов. В это время Д. А. Хилков вступил в партию социалистов-революционеров, но пробыл в ней недолго, убедившись в несоответствии их целей и средств своему духовному идеалу. Знаменательно, что в результате религиозных исканий Хилков пришел к православию; когда началась 1-я мировая война, отправился добровольцем на фронт и погиб в районе Перемышль-Карпаты в октябре 1914 г.

¹⁰ «Духовные христиане» — группа христианских сект, куда входили духоборы, молокане, христоверы, скопцы. Вероучение основано на «духовном» толковании Священного Писания. Бог представляется им как вездесущий дух, душа человека — как частица этого духа. Божественная сущность Христа не признается. Веря во вселение Святого Духа в избранных живых людей, духовные христиане создают своих вождей и пророков. Так духоборы обожествляли своих религиозных руководителей, власть которых передавалась по наследству. Толстого и его окружение интересовали фигуры Л. Калмыковой, В. и П. Веригных. С последними двумя Толстой, Бирюков, Чертков и Трегубов состояли в переписке.

¹¹ В задачу настоящей статьи не входит анализ влияния религиозно-этического учения Л. Толстого на революционизацию крестьянства. Этот вопрос, в связи с деятельностью издательства «Посредник» по распространению произведений Толстого среди крестьянства, рассмотрен в кн.: *Базанов В. Г. От фольклора к народной книге*. Л., 1973. С. 297—319.

ственное влияние на возникновение в Павловках религиозной секты, по своему характеру примыкавшей к широко распространившемуся в это время на юге России и в Малороссии движению младоштундистов.¹² Распространение сект, на первый план выдвигавших этическую сторону учения Христа, было симптоматично накануне революции. Издавна социальный протест крестьян облекался в религиозную форму: люди равны перед Богом, земля общая, божья, чиновничество и духовенство скрывают от народа божью правду о земле и воле — подобные формулировки отражали и социальные и экономические причины народных выступлений. В борьбе с распространявшимися ересями активно участвовало правительство, наряду с обличениями и увещаниями церкви используя свои меры — тюрьму, ссылку, карательные отряды, справедливо усматривая в оживлении антицерковного движения среди крестьянства угрозу существующему строю.

Началось выселение сектантов в Сибирь и на Кавказ. Опасность нависла и над Хилковым, который, помимо всего, вмешивался в дела местных властей, выступая на стороне крестьян. Высылка эта, несколько отодвинувшаяся благодаря хлопотам его матери, состоялась в октябре 1892 г. Местожительством ему было назначено духоборское село Башкичет Борчалинского уезда Тифлисской губернии, куда через полгода приехала и Цецилия Владимировна с детьми.

На Кавказе князь продолжал свои занятия по изучению истории и вероучений различных сект, поддерживал активную переписку с единомышленниками, сообщая о жизни и настроениях духоборов, мнения о прочитанных книгах, распространял среди местного населения издания «Посредника».

20 октября 1893 г. по прямому указанию императора Александра III, в удовлетворение ходатайства матери Хилкова княгини Ю. П. Хилковой, у родителей были отняты дети и переданы на воспитание бабушке. Все меры, предпринятые для их возвращения, оказались безрезультатными.¹³

---

¹² Характеристику этого направления в антицерковном религиозном движении и роли в нем Д. А. Хилкова дает П. И. Бирюков в книге «Биография Льва Николаевича Толстого» (М., 1922. Т. 3. С. 203—204).

¹³ Управляющий Комиссией прошений императорской канцелярии Д. С. Сипягин сообщил В. Г. Черткову в ответ на его ходатайство: «... мера эта была направлена исключительно к ограждению малолетних детей от посягательства на их неотъемлемые права со стороны родителей, увлеченных убеждениями и взглядами, нетерпимыми в христианском государстве (...). Ныне малолетние Борис и Ольга (...) окрещены в православную веру, по Высочайшему приказу Правительствующего Сената от 24 ноября 1894 г. причислены к дворянскому роду князей Хилковых и получают воспитание и образование, приличное их рождению, званию и состоянию» (письмо от 23 мая. 1895 г., из «бумаж Хилкова»).

В хлопотах принял активное участие Л. Н. Толстой. Он написал конфиденциальное письмо императору, поддерживал и поощрял работу В. Г. Черткова, взявшегося за составление записки на Высочайшее имя и написание книги об отнятии детей Хилковых, которая, в случае неуспеха записки, должна была привлечь к происшествию внимание широкой общественности в России и за рубежом.¹⁴

Для того чтобы объяснить, как Д. А. и Ц. В. Хилковы пришли к отрицанию официальной религии и государства, Чертков решил обратиться к истокам: начал собирать сведения о родословной князя, о его ближайших родственниках, чтобы в наследственных чертах и склонностях найти объяснение поступкам, которые не вытекали из его воспитания и обстоятельств жизни. Упомянувшиеся «Записки» также были написаны Д. А. Хилковым по просьбе В. Г. Черткова. Воспоминания о семье, детстве, образовании, жизни до замужества написала Цецилия Владимировна и ее сестра Елизавета Владимировна Джунковская. Сведения о Ю. П. Хилковой сообщили ее сестра и племянник — Е. П. и Н. Ф. Джунковские.

Поскольку одним из серьезных обвинений против родителей было якобы небрежное отношение к здоровью и воспитанию детей, Чертков обратился к свидетелям жизни Хилковых на хуторе и в селе Башкичет с просьбой поделиться своими наблюдениями. Чтобы восстановить картину отнятия детей и хлопот об их возвращении (поездка Цецилии Владимировны в Петербург и др.), Чертков просил Хилковых собрать их письма той поры, что и было выполнено.

Завершить книгу предполагалось описанием повторной ссылки Д. А. Хилкова — в г. Вейсенштейн Эстляндской губернии в апреле 1896 г.

В результате двухлетней подготовительной работы у Черткова скопилось большое количество подлинных документов. Работа над книгой подходила к концу: был составлен корпус, написаны вступление и заключение, сделан необходимый комментарий. На многих листах встречаются пометы «в набор», «мелким шрифтом» и другие.

---

¹⁴ В письме В. Г. Черткову от 24 декабря 1893 г. Толстой писал: «Сейчас писал Хилкову о том, что вы хотите описать, то что сделано над ним. Это прекрасно, и вы сделаете это прекрасно. Только надо делать это поскорее. А так широко, как вы захватили, это м(ожет) б(ыть) исполнено не скоро» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 87. С. 249). Толстой обращается к этому вопросу в течение всей работы Черткова над книгой (см. Т. 87. С. 235, 287, 328, 373; Т. 67. С. 28, 668—669, 125 и др.).

Последние по времени материалы относятся к концу 1896 г., а 3 февраля 1897 г. Черткову объявили о высылке из России.¹⁵ Накануне у него произошел обыск, во время которого полиция изъяла материалы о преследованиях за религиозные убеждения, хранившиеся в целях предосторожности у разных лиц и лишь незадолго до обыска воссоединенные для подготовки к печати. В руках полиции оказались и те документы, которые были собраны для книги о похищении детей Хилковых.¹⁶

После изучения материалов Д. А. Хилкова, переданных в Пушкинский Дом из Рукописного отделения БАН, не осталось сомнений, что они принадлежат к архиву В. Г. Черткова, — к части, пропавшей во время предтюремного обыска: это главным образом подлинные документы, к которым приложены полные и частичные копии, сделанные И. М. Трегубовым и другими помощниками Черткова, с редакторскими пометами последнего.

Основную часть материалов составляют письма Хилковых и к ним, среди которых особый интерес представляет переписка Д. А. Хилкова с В. Г. Чертковым и И. М. Трегубовым, письма к князю крестьян села Павловки. Здесь же биографические материалы о Д. А. и Ц. В. Хилковых — автобиографические записки, сведения о них, сообщенные родственниками и знакомыми, и др.

Среди бумаг находятся несколько редакций записки В. Г. Черткова на высочайшее имя, варианты вступления и заключения к книге.

До передачи в 1926 г. в Государственный музей Л. Н. Толстого здесь же были 23 письма Д. А. Хилкова Л. Н. Толстому.

Попытки проследить судьбу «бумаг Хилкова» с момента их изъятия при обыске в 1897 г. до первого упоминания

---

¹⁵ Одновременно с В. Г. Чертковым был выслан П. И. Бирюков, несколько позже арестован скрывавшийся И. М. Трегубов. Поводом послужило составленное ими воззвание «Помогите!» о бедственном положении духоборов на Кавказе. После волнений 1895 г., когда духоборами было публично сожжено оружие в знак отказа от присяги и воинской службы, часть из них была выселена в глухие татарские и грузинские села, где из-за отсутствия заработков, распространения инфекций и проч. люди начали вымирать: из 4000 переселенных к 1896 г. умерло 400 человек. Воззвание «Помогите!» было размножено и разослано высшим чиновникам Петербурга. Результатом явился приказ о высылке авторов.

¹⁶ Об этом рассказывает сам Чертков в предисловии к зарубежному изданию работы «Похищение детей Хилковых» Maldon, Purleigh, Essex, 1901). Первоначально она была издана в сборнике «Свободное слово» (1898. № 1), а затем уже отдельной брошюрой.

в инвентарной книге Рукописного отделения БАН в 1931 г.¹⁷ наталкиваются на серьезные трудности. Поиски среди архивных материалов Департамента полиции пока не дали результатов, а состояние архивной документации тех лет не позволило узнать определенно, каким образом интересующая нас часть чертковского архива оказалась в РО БАН. Однако некоторые косвенные свидетельства все же имеются. Так, история поступления в БАН архива В. Г. Черткова изложена в докладной записке заведующего Рукописным отделением В. И. Срезневского директору Библиотеки о возвращении В. Г. Черткову материалов Л. Н. Толстого, хранящихся в БАН:¹⁸ «Вся совокупность рукописей, сданных в разное время мне на хранение В. Г. Чертковым, представляет собой 4 отдельных фонда:

1. Обширная коллекция рукописей Л. Н. Толстого, в 1913 году привезенная В. Г. Чертковым в Петербург из Англии, где хранилась с 1900-х годов на вилле его матери в местечке Крейсчер близ Лондона (143 папки) (...)

2. Часть коллекции писем к Толстому. Кроме самих писем в сундуках находятся каталоги, сделанные секретарями Толстого.

3. Сундук с личными бумагами Черткова.

4. Ящик с бумагами В. Г. Черткова и письмами разных лиц к нему, спасенными мною в 1918 г. из дома его матери Е. И. Чертковой, захваченного служащими Балтийского завода».

Для пояснения к последнему пункту приведем фрагмент письма В. Г. Черткова В. И. Срезневскому от 5 августа 1914 г., когда, тревожась по поводу возможной осады Петербурга, он пишет: «...у меня хранятся в деревянном доме моей матери в Гавани четыре или пять чемоданов с бумагами моими личными и такими оригиналами Льва Николаевича, которые по моему уговору с Александрой Львовной составляют мою собственность, а также с серией книг с собственноручными отметками Льва Николаевича. Весь этот материал подлежит предварительной разборке с моей стороны раньше дальнейшей наиболее целесообразного распоряжения бумагами. Разумеется, оригиналы Льва Николаевича занимают только незначительную часть этих пяти чемоданов, но в моих личных бумагах, в числе всей моей корреспонденции за много лет, имеется много материала, от-

---

¹⁷ Можно предположить, что «бумаги Хилкова» не были заинвентаризованы до 1931 г. потому, что причислялись к имуществу частных лиц, находившемуся в РО БАН на временном хранении.

¹⁸ ЛО Архива АН СССР, ф. 158, оп. 3 (1926), № 43.

носящегося до жизни Льва Николаевича, и этот материал перемешан с остальным. А потому в интересах сохранения как самих оригиналов и помеченных книг Льва Николаевича, так и сведений о его жизни, которые имеются только у меня, необходимо сохранить в безопасности все эти четыре или пять чемоданов с бумагами. Ввиду этих соображений не признает ли Академия возможным принять эти чемоданы *на хранение* в комнату Толстого в Академии, с тем чтобы с ними было поступлено совершенно так же, как и с имеющимися там бумагами Льва Николаевича, в случае если последние будут перевезены в более безопасное место. В случае утвердительного ответа я поставил бы условием, чтобы чемоданы эти были приняты на хранение в запечатанном мною виде до тех пор, пока я не успею сделать выборки бумаг, относящихся более непосредственно к Льву Николаевичу, после чего все свои личные, не относящиеся к нему бумаги и письма я принял бы к себе обратно. При этом, разумеется, я просил бы о том, чтобы никто не открывал эти чемоданы до того, как я лично просмотрю и приведу в порядок содержимое в них». ¹⁹ Судя по всему, такая мера не понадобилась, и материалы пролежали в доме Е. И. Чертовой до 1918 г.

Как уже упоминалось, в 1931 г. Пушкинский Дом принял на хранение «архив Черткова и Трегубова» и архив Чертковых. Зарегистрированы они были как фонд Е. И. и Г. И. Чертовых и фонд И. М. Трегубова, однако бóльшая часть хранящихся в этих фондах документов представляет собой единый комплекс: за исключением бумаг, относящихся к семейным делам Чертковых (переписка членов семьи, хозяйственные документы и др.), все это материалы о преследовании сектантов в России и по истории сектантства, письма духовоборов В. Г. Черткову и И. М. Трегубову, экземпляры воззвания «Помогите!», подготовительные материалы к книге Черткова «Напрасная жестокость» о преследованиях правительством за отказ от воинской службы, рукописные копии произведений Л. Толстого и др. Последние по времени материалы этой части архива датированы февралем 1897 г.

Известно, что Трегубов почти весь 1896 год жил на хуторе Ржевск близ станции Россоша Воронежской губернии, у Черткова, занимаясь сбором и копированием материалов для книг о сектантах, о детях Хилковых и других, вел обширную переписку.

---

¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 3026.

25 декабря 1896 г. П. И. Бирюков написал Трегубову: «Меньшиков²⁰ уже почти приготовил к изданию книгу о гонениях <...> Ее осталось только пополнить вновь накопившимися материалами и потому Влад<имир> Григ<орьевич> просит Вас безотлагательно прислать ему в Петербург²¹ все, что у Вас есть. Как переписанное, так и не переписанное, чтобы не задерживать составление книги в окончательном виде. Материал, который вновь получится Вами, уже пойдет во 2-й том или во 2-е издание ее. Необходимо остановиться, чтобы дать книге определенный вид».²² А всего через пять дней, 30 декабря, он снова напоминает и торопит: «Дорогой Иван Михайлович, мы с Владимиром Григорьевичем решили просить Вас по возможности безотлагательно, с получением этого письма, захватив весь имеющийся у Вас как духоборческий, так и вообще сектантский материал, переписанный и не переписанный, ехать к нам в Петербург.

Причины следующие: редактируя теперь в Петербурге духобор<ческий> материал, я по необходимости должен запрашивать Е<лену> П<етровну>²³ по некоторым вопросам. Вы делаете это со своей стороны, и ей приходится отвечать в два места иногда на одно и то же; далее — весь материал, кот<орый> теперь нам необходимо иметь под рукой и своевременно, проходит совершенно ненужную инстанцию — Россошу и Ржевск и этим задерживается. <...> Через несколько времени я должен буду отлучиться по своим личным делам, и В<ладимир> Г<ригорьевич> не может остаться без человека, знакомого с этим делом».²⁴

Трегубов откликнулся на зов, о чем свидетельствует его письмо к Е. П. Накашидзе от 9 января 1897 г.: «...сейчас я тороплюсь, ибо через 2 дня (11-го) должен ехать в Петербург по вызову В<ладимира> Г<ригорьевича> и П<авла> И<вановича> на помощь им <...>. В Петербурге я, вероятно, буду жить на одной квартире с Вл<адимиром> Гр<игорьевичем> до самой Пасхи, а потом, д<олжно> б<ыть>, опять приедем в Ржевск».²⁵

---

²⁰ Меньшиков Михаил Осипович (1859—1919) — журналист, впоследствии сотрудник газеты «Новое время». На короткое время сблизился с кругом Л. Н. Толстого.

²¹ 20 декабря 1896 г. В. Г. Чертков выехал в Петербург, чтобы самому проследить за печатанием книг «Напрасная жестокость», «Похищение детей Хилковых» и о преследовании духоборов.

²² ИРЛИ, ф. 330.

²³ Накашидзе Елена Петровна — последовательница Л. Н. Толстого, жившая в Тифлисе, впоследствии жена И. М. Трегубова.

²⁴ ИРЛИ, ф. 330.

²⁵ Там же.

Трегубов выехал в Петербург. Однако имеется косвенное свидетельство, пока не подтвержденное более достоверными данными, что во время путешествия состоялся обыск, и материалы были изъяты. В фонде № 330 хранится письмо духобора И. Е. Конкина к И. М. Трегубову: «Сердечно сожалеем о вашем горе, которое постигло вас на пути из Россоши в Москву <...>, что у тебя отняли все то, что было дорого и мило твоей душе <...> и то, что писано на бумаге, не принесет им никакой пользы».

Итак, возможно, что трегубовская часть материалов попала в руки полиции несколько раньше, а через некоторое время и остальные были взяты на квартире Черткова во время предотъездного обыска. Подтверждением служит записка, найденная в одной из книг в архиве Трегубова:

«Архив Трегубова и Черткова. (Из Деп<артамента> Пол<иции> 1915 г.).

II. а) Матер<иалы> духоборч<еские> и баптистск<ие>.

б) против войны (Даймонт и др.) и религиозно-нравственные (Ернсфельт, Баллу).

в) Архив Толстого, списки произведений и переписка Толстого.

г) Из бумаг Трегубова.

Законч<ено> описание 24 июля 1915 г.».²⁶

Казалось бы, эта записка все ставит на свои места. Но римская цифра II в списке указывает на существование по крайней мере еще одной группы материалов, полученных из Департамента полиции. Определить ее содержание по документам БАН в ЛО Архива АН СССР не удалось. Возникает и другой вопрос: почему материалы были возвращены полицией и оказался в Академии наук? Возможно, на него помогут ответить письма В. Г. Черткова, хранящиеся в ЦГАЛИ. Первое из них — В. И. Срезневскому, от 23 мая 1914 г.: «Посылаю Вам наконец мое письмо к министру внутренних дел с приложением списка. Пожалуйста, поступите с ним, как было условлено, т. е. отправьте мое письмо министру внутренних дел тогда, когда будете посылать от Академии соответствующую бумагу».²⁷

Только вот что: Елизавета Владимировна Молостова²⁸ просила меня сообщить ей, когда эти бумаги пойдут в ход,

²⁶ ИРЛИ, ф. 331.

²⁷ Следы этого письма и прошения от Академии наук пока обнаружить не удалось, в то время как эти материалы, без сомнения, подробно освещают обстоятельства дела.

²⁸ Е. В. Молостова (урожд. Бер, 1873—1936) — этнограф, историк сектанства. С 1910 г. действительный член Русского географического общества по отделению этнографии. С 1928 г. состояла в Комиссии по

для того чтобы она могла одновременно с этим снестись с соответствующим департаментом и напомнить там об их обещании посодействовать осуществлению этого дела. В виду того что это в высшей степени важно, я полагал бы лучше повременить отсылкой этих бумаг (как от Академии, так и от меня) до получения уведомления от Е. В. Молоствовой, что она сделала обещанное. Но дело в том, что в настоящую минуту она находится за границей, и мне ее адрес неизвестен. Сегодня пишу П. И. Бирюкову, чтобы узнать.²⁹ Узнавши, я ей напишу, и тогда, по получении от нее ответа, что она исполнила требуемое, можно будет дать ход нашим бумагам. В виду этого очень прошу Вас задержать эти бумаги до получения Вами от меня известия, что Е. В. Молостова написала нужное письмо.³⁰ <...> Когда будете отправлять мое письмо к министру, обозначьте, пожалуйста, на нем число».³¹

К письму приложена недатированная «опись вещественным доказательствам, найденным по обыску на квартире, занимаемой отставным штабс-ротмистром Лейб-гвардии конного полка Владимиром Григорьевичем Чертковым». Под № 50 в описи значатся «рукописные и отпечатанные на машинке материалы по делу Хилкова (в ручном саквояже черной кожи)». Этот саквояж находился в сундуке вместе с заграничными изданиями произведений Л. Толстого и материалами о духоборах. Атрибуция, сделанная обработчиком, показывает, что перед нами «опись книг и материалов, обнаруженных у В. Г. Черткова при обыске в 1914 году».

Итак, состоялся еще один обыск, и Чертков хлопочет о возвращении материалов, которые он называет «сектантским архивом», изъятым в 1914 г.? Но ведь подлинные, рукописные материалы, относящиеся к «делу Хилкова», пропали при обыске именно в 1897 г.! Об этом свидетельствует и сам В. Г. Чертков в предисловии к заграничной публикации брошюры «Похищение детей Хилковых»: «...после того, как вопрос о моей высылке был уже решен, утром того дня, когда мне должны были о ней объявить, я подвергся нападению со стороны подосланной русским правительством шайки жандармов, полицейских и сыщиков <...>. В числе

изданию Юбилейного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Используя обширные семейные связи, принимала активное участие в хлопотах об облегчении участи преследуемых правительством сектантов.

²⁹ Письмо к П. И. Бирюкову см.: ЦГАЛИ, ф. 41, оп. 1, № 110.

³⁰ Местонахождение письма не известно. В фонде Е. В. Молоствовой в Музее истории религии и атеизма (ф. 5) никаких материалов по этому вопросу нет.

³¹ ЦГАЛИ, ф. 436 (фонд Срезневских), оп. 1, № 3026.

захваченных бумаг находился весь материал для составлявшейся мною и почти уже оконченной книги о похищении детей друзей моих Дмитрия Александровича Хилкова и его жены Цецилии Владимировны, совершенном императором Александром III.

К счастью, за некоторое время перед тем я для большей безопасности отослал для сохранения в Англию копию с некоторой части этого материала, благодаря чему имею теперь возможность восстановить кое-какие уцелевшие осколки моей книги: мое предисловие к ней, записки Д. А. Хилкова о своей жизни, составленные им по моей просьбе, и некоторые письма, описывающие само похищение детей и отношение к ним их матери». ³² Что касается бумаг Хилкова в Пушкинском Доме — это подлинники с приложенными к части из них рукописными и машинописными копиями, по объему значительно превышающие опубликованные В. Г. Чертковым. То же относится и к документам из фондов И. М. Трегубова и Чертковых о преследованиях в России за религиозные убеждения.

Отнести имеющиеся материалы к обыску 1897 г. позволяет как датировка большей части документов (последние даты — январь — февраль 1897 г.), так и косвенные доказательства — например, отсутствие материалов о начавшемся в 1898 г. переселении духоборов в Канаду, ³³ которому толстовцы активно содействовали и широко освещали в печати. ³⁴ Самым же веским доводом является соответствие названий в полицейской описи имеющимся в фондах рукописям.

Отчасти этот вывод подтверждает и судьба основной части «сектантского архива» В. Г. Черткова: после смерти Владимира Григорьевича его сын, Владимир Владимирович, на протяжении ряда лет (1938—1949) передавал архив отца сначала в Государственный Литературный музей, а затем, после перераспределения его коллекций, в Центральный государственный архив литературы и искусства (с 1941 г.). ЦГАЛИ охотно приобрел литературно-публицистические и биографические материалы архива, но отказался от коллек-

---

³² Чертков В. Г. Похищение детей Хилковых. С. 3—5.

³³ О причинах и обстоятельствах переселения духоборов см.: Бюрокков П. И. Духоборцы. Сборник статей, воспоминаний, писем и других документов. Издание «Посредника». М., 1908. № 689. С. 23—164; Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1868. С. 191—212.

³⁴ Листки Свободного слова. Ноябрь 1898. Maldon, Purleigh. Essex 1898. С. 63.

ции «сектантских» документов.³⁵ Эта часть была передана в Государственную библиотеку В. И. Ленина.³⁶ В основном это документы «Архива по сектантству при редакции „Свободного слова“»,³⁷ снабженные соответствующим штампом и пронумерованные, — статьи, письма (подлинные и копии), вырезки из русских и иностранных печатных изданий, касающиеся нарушений свободы совести в России, освещавшие переселение духоборов в Канаду, сообщавшие о случаях отказа от воинской службы по религиозным убеждениям, о студенческих волнениях в Киеве и Петербурге, о переписи населения 1897 г., в связи с которой публиковались статистические данные о религиозных сектах.³⁸

«Архив по сектантству» формировался уже за границей из уцелевших от обысков документов и копий, а также корреспонденций, регулярно присылаемых В. Г. Черткову и П. И. Бирюкову из России.

Так о каком же «сектантском архиве» шла речь в приведенных письмах В. Г. Черткова: о том, который он привез из Англии, или о том, который был изъят в 1897 г.? Все факты свидетельствуют в пользу последнего, а возможность воссоединения обеих частей до 1914 г. маловероятна и не подтверждается никакими данными.³⁹

Вот пока все, что удалось узнать о судьбе трех фондов Рукописного отдела.⁴⁰ Она связана со структурными измене-

---

³⁵ Все материалы о передаче архива В. Г. Черткова в ЦГАЛИ находятся в деле фонда (ф. 552). Здесь же переписка по поводу материалов по сектантству.

³⁶ ГБЛ, ф. 435.

³⁷ Издательство «Свободное слово», учрежденное В. Г. Чертковым в Англии, толстовцы называли «заграничным „Посредником“». Оно занималось печатанием тех произведений Л. Н. Толстого и других авторов, которые не могли появиться в России по цензурным причинам.

³⁸ Альбомы с вырезками из «Архива по сектантству» хранятся в фонде издательства «Свободное слово» (Музей истории религии и атеизма, ф. 14, колл. 1, оп. 2, 80—85).

³⁹ Материалы, хранящиеся в Пушкинском Доме, представляют собой единый комплекс, несмотря на явные следы обработки, возможно в Толстовской комнате БАН (так были присоединены несколько единиц хранения с пометами «из Департамента полиции. 1917 г.» и некоторые другие). Напрашивается вывод, что, не касаясь самого факта обыска у В. Г. Черткова в 1914 г. (ряд обысков был произведен в это время у толстовцев в связи с их антивоенной пропагандой), атрибуция, сделанная обработчиком фонда Срезневских в ЦГАЛИ, в отношении данного случая ошибочна.

⁴⁰ Сказанное относится к той части фонда И. М. Трегубова, которая касается сбора сведений о сектантах и книги «Похищение детей Хилковых». История другой, незначительной по объему части вызывает ряд вопросов. Например, среди документов находится письмо М. В. Буланже (жена П. А. Буланже) от 1 марта 1897 г., написанное через месяц после предотъездного обыска у Черткова. Известно, что И. М. Трегубов, скры-

ниями в послереволюционные годы в архивном фонде страны, с историей Рукописного отделения БАН и деятельностью его заведующего В. И. Срезневского, благодаря которому уцелели многие ценнейшие архивы. Исследование помогает проследить судьбу малой части, отколовшейся от громадного архива В. Г. Черткова, что представляет интерес не только для изучающих издательскую деятельность толстовцев, но и для историков революционного движения в России.

ваясь от ареста, одно время жил в Москве у А. Н. Дунаева. Там же был при обыске изъят его архив. По одним данным — пачки отпечатанного воззвания «Помогите!» (*Дунаев Б. А. Люди и людская пыль вокруг Льва Толстого. М., 1927. С. 92*), по другим — вместе с брошюрами была и корзина с рукописями (*Меньшиков Л. П. Охрана и революция. К истории тайных политических течений. М., 1925. Ч. 1. Годы реакции. 1885—1898. С. 21*). Невозможно проверить, когда и где были воссоединены материалы: в Департаменте полиции, откуда они поступили как «архив Черткова и Трегубова», или при обработке в РО БАН. Основной архив И. М. Трегубова был передан в 1935 г. в Государственный Литературный музей его вдовой Е. П. Накашидзе. В 1954 г. материалы отошли к Музею истории религии и атеизма (ф. 13). Часть документов поступила туда же из Центрального антирелигиозного музея в 1958 г. Никаких сведений по интересующим нас вопросам среди этих документов обнаружить не удалось.

IV. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

Д. В. Базанова

ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XIX—XX ВЕКОВ, ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ПУШКИНСКОГО ДОМА В 1981—1983 ГОДАХ

Рукописный отдел Института русской литературы искренне благодарит за принесение в дар архивных материалов О. Б. Алексееву, В. И. Болдина, В. К. и Л. К. Богомольцев, Ю. И. Будыко, И. С. Бузина, О. Н. Вейтбрехт, Н. В. Венгерову, Н. Б. Ветошникову, Т. М. Вечеслову, С. А. Воронина, А. В. Гаршина, Л. Н. Давиденкову-Романову, М. А. Дудина, С. А. Зенковского (США), Н. П. Златинского, А. А. Лаппа-Старженецкую, В. Лядкую (Чехословакия), М. В. Минокина, А. Г. Никитина, Г. А. Остроумова, М. И. Пиксанову, М. В. Проппа, О. С. Розину-Лаврову, А. А. Сечинского, С. В. Синакевича, М. В. Скржинскую, В. А. Солоухина, М. В. Теплинского, И. О. Фоянкова.

НОВЫЕ ФОНДЫ

Герцен Наталия Петровна (1917—1983), врач, переводчик, правнучка А. И. Герцена.

Письма А. И. Герцена: Ж. Мишле (Michelet J., 1798—1874) 12 (1852—1867 и б. д.); Мальвиде фон Мейзенбург (von Meysenbug M., 1816—1903) (б. д.), на французском языке.

Письма к А. И. Герцену: Александра Александровича Герцена (1839—1906) 2 (8146); Карла Фогта (Vogt C., 1817—1895) 4 (<1852>, 1852—1853), на французском языке; Владимира Аристовича Энгельсона (1821—1857) 2 (<1852>), на русском и французском языках.

Письма Н. П. Огарева: Мальвиде фон Мейзенбург 13 (<1859—1870>; на письмах от 4 июня и 6 августа <1863> г. — приписки А. И. Герцена), на французском и немецком языках; Ольге Александровне Герцен, в замужестве Моно (Monod, 1850—1953) 4 (<1873—1874> и б. д.), на французском и русском языках.

Письма к Н. П. Огареву: Ольги Александровны Герцен 3 (1868, 1874 и б. д.), на французском языке.

Письма разных лиц: Наталия Алексеевна Тучкова-Огарева — Александру Александровичу Герцену (<1875>), записка ее же неустановленному лицу о смерти Елизаветы Александровны Герцен (<1875>); Наталия Александровна Герцен (дочь) — Наталии Петровне Герцен (1928); Петр Алек-

сеевич Кропоткин — Габриэлю Моно (Monod G.) (1908), на французском языке.

Переписка потомков А. И. Герцена (1970—1980-е годы).

Дополнения к фондам

Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860), публицист, критик, поэт, историк. Фонд 3.

Письмо и записка К. С. Аксакова неустановленному лицу (1837 и б. д.).

Андреев Леонид Николаевич (1871—1919), прозаик, драматург, публицист. Фонд 9.

Письма Л. Н. Андреева Н. Н. Михайлову (1884—1940), руководитель издательства «Прометей» 3 (б. д.).

Доверенность Л. Н. Андреева Н. Н. Михайлову на получение заграничного паспорта (на визитной карточке) (1912).

Письмо Л. Н. Андреева И. И. Ясинскому (1850—1931, писатель, критик) (1911).

Блок Александр Александрович (1880—1921), поэт. Фонд 654.

Воспоминания Розинной-Лавровой О. С. «О Л. Д. Блок» (<1965>).

Авторизованная машинопись. Упоминаются Р. М. Добужинский, В. Н. Соловьев, А. И. Пиотровский и др.

Виноградов Виктор Владимирович (1894 (1895 н. с.)—1969), филолог, академик. Фонд 761.

Сборник списков стихотворений Ю. А. Нелединского-Мелецкого, В. В. Капниста, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, Е. А. Баратынского, Ф. Н. Глинки, И. И. Козлова, М. Б. Даргомыжской (урожд. кн. Козловской) (1820—1840-е годы).

Кауфман Абрам Евгеньевич (1855—1921), историк литературы, редактор журнала «Вестник литературы». Фонд 121.

Биографический очерк К. Л. Селезнева (наст. фам. Василевский) «Абрам Евгеньевич Кауфман». Правленная машинопись (1973).

Кони Анатолий Федорович (1844—1927), юрист, писатель, общественный деятель. Фонд 134.

Письма А. Ф. Кони Е. В. Скржинской (1856—1930, одна из первых русских женщин-врачей) 24 (1912—1926).

Отдельные поступления

Баян Вадим (наст. фам. Сидоров Владимир Иванович, 1880—1966), поэт. Стихотворения «Румяный день» («По нервам телеграфных проводов струятся розовые радости»), «Имена» («Я красивый свой век доживаю»), «Восточной девушке» («Не может сердце биться ровно»). Беловые автографы (1920 и б. д.). Воспоминания «Маяковский в первой олимпиаде футуристов», «Красивый двадцатидвухлетний. Утро Маяковского», по два варианта, машинопись. Портрет (фото) групповой: Вадим Баян, Игорь Северянин, Б. Д. Богомолов и др. (б. д.), с дарственной надписью Б. В. Смирнского В. Баяну 1950 г. Рукописная афиша поэтического вечера Вадима Баяна (б. д.).

Верховский Юрий Николаевич (1878—1956), поэт, переводчик. Стихотворение «Лине Давиденковой» («Как часто после дня забот»). Беловой автограф (1927). Посвящено Л. Н. Давиденковой-Романовой.

Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1882—1964), писатель. Письма А. Н. Мазуровой 6 (1956—1957). Упоминаются: Г. П. Струве, Ю. Терапиано, А. Жернакова-Николаева и др.

Зув-Ордынец (Зув) Михаил Ефимович (род. 1900), писатель, автор приключенческих романов. Воспоминания (1963—1964) «Личное дело № 179888. (Записки зека)». Авторизованная машинопись. Упоминаются: А. И. Пиотровский, Б. Корнилов, С. А. Колбасьев, епископ каргопольский и белозерский Павел и др.

Иванов Всеволод Вячеславович (1895—1963), писатель. Письма М. В. Минокину (автору воспоминаний «Всеволод Иванов — писатель и человек» (М., 1970)) 17 (1957—1962).

Ивнев Рюрик (наст. фам. Ковалев Михаил Александрович, 1891—1981), поэт. Письмо Н. И. Ховрякову (1980).

Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891), писатель, публицист, религиозный философ. Письма и записки <Ф. А. Гилярову> (1841—1895, редактор журнала «Вестник литературный, политический, научный, художественный») 9 (1883—1885 и б. д.). Записки неуставленным лицам 9 (1882—1884 и б. д.).

Липин Николай Иванович (1812—1877), генерал-майор, профессор Института инженеров путей сообщений в С.-Петербурге. «Семейная летопись» (<1875>). Перевод «Дона Карлоса» Ф. Шиллера. Черновые автографы в переплете (б. д.).

Лозинский Михаил Леонидович (1886—1955), поэт, переводчик. Письмо М. И. Радовскому (1950).

Мамин-Сибиряк (наст. фам. Мамин) Дмитрий Наркисович (1852—1912), писатель. Письма М. Т. Ивановой 2 (1899, 1903).

Миклашевская Августа Леонидовна, актриса (1891—1977). Письма Н. И. Ховрякову 4 (1965—1967).

Севастьянов Александр Николаевич (1870—1919), писатель-самоучка, поэт-суриковец. Стихотворения «Бобыль», «За ткацким станком», «В безработицу». Беловые автографы (б. д.). Рассказы (11) «Оборотень», «Рассказ из малороссийской жизни», «Яма», «В ночном» и др. Беловые и черновые автографы (б. д.).

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915—1979), поэт, драматург. Письма Н. И. Ховрякову 4 (1961—1976).

Чарушин Николай Аполлонович (1851 (1852 н. ст.)—1937), народник, участник кружка «чайковцев». Письма Ш. М. Левину 2 (1925).

Шаховской Николай Владимирович, кн. (1856—1906), литератор, председатель СПб. цензурного комитета (1898—99). «<Жизнеописание Александра Павловича Ефремова>», беловой автограф (б. д.).

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967), писатель, публицист. Письмо С. В. Синакевичу (<1942>) (о судьбе героев романа «Хулио Хуренито»).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Аверьянова-Дидерихс Л. И. 53, 55
 Авксентьев Н. Д. 276
 Аггеев К. М. 142
 Айвазовский И. К. 274
 Аксаков К. С. 325
 Аксаков Н. Т. 9, 27
 Алданов М. А. (наст. фам. Ландау) 276, 277
 Александр I, имп. 216
 Александр II, имп. 84
 Александр III, имп. 297, 313, 321
 Александр Македонский, царь 10, 155, 156
 Алексеев М. П. 21
 Алексеев С. А. см. Аскольдов С. А.
 Алексеева О. Б. 324
 Алексей Михайлович, царь 15, 297
 Алкей 167, 170
 Алкман 169
 Альтман М. С. 156
 Алябьев А. А. 19
 Алянский С. М. 49
 Анакреон 169
 Андерсон В. А. 28
 Андреев А. Н. 83
 Андреев Вад. Л. 82
 Андреев Вал. Л. 81, 82
 Андреев Вс. Н. 83
 Андреев Л. Н. 81—141, 325
 Андреев Н. И. 97, 137
 Андреев П. Н. 83, 137, 138
 Андреева (урожд. Денисевич, в 1-м браке Карницкая) А. И. 278, 281
 Андреева (урожд. Пацковская) А. Н. 83, 97, 105, 108, 110—112, 115, 118, 120, 135, 137, 140
 Андреева З. Н. 83
 Андреева Р. Н. 83
 Анненский И. Ф. 143, 166, 171, 172
 Антокольский М. М. 259
 Антоновский Ю. М. 45
 Арбузов А. П. 107, 116, 120, 138
 Ариосто 24
 Аристофан 164, 169
 Арнгольд-Жукова В. А. (псевд.— Вера Вертер) 61
 Арсеньев К. И. 4
 Арто А. 303
 Архангельская Е. Н. 129, 140
 Аскольдов С. А. (наст. фам. Алексеев) 142
 Афелиус А.— А. 20
 Ахматова А. А. 54
 Ахрамович В. Ф. 152
 Багaley Д. И. 282
 Базанов В. Г. 312
 Базанова Д. В. 324
 Базилевская В. П. см. Ознобишина В. П.
 Базилевские 11
 Базилевский И. Ф. 9, 11, 13
 Байрон Д.-Г. 10, 167, 169
 Бакст Л. С. (наст. фам. Розенберг) 209
 Бакхилид 169
 Балашов Н. И. 169, 170
 Балтрушайтис Ю. К. 169
 Бальмонт К. Д. 49, 51, 56, 169 175, 209
 Бамдас М. 55
 Баратынский (Боратынский) Е. А. 325
 Батурина А. 168
 Батюшков Ф. Д. 18, 49, 167, 169
 Бахрушин А. А. 29
 Баян В. (наст. фам. Сидоров В. И.) 325
 Бекетова В. И. 13
 Бекетова Е. Г. 173
 Бекетовы 173
 Беклемишев В. А. 282
 Белинский В. Г. 6

¹ Составила Прозорова Н. А.

- Белоконь-Городецкая А. А. 157, 158
Белоруссов И. М. 136
Белый А. (наст. фам. Бугаев Б. Н.) 43, 44, 49, 54, 152, 165
Бенуа А. Н. 274, 277, 297
Беранже П.-Ж. 20
Бердяев Н. А. 85, 209, 212, 214, 233, 237, 241
Берков П. Н. 58
Бернс Р. 20
Бестужева М. Т. 13
Билибин И. Я. 277
Бирюков П. И. 311—313, 315, 318, 320—322
Блок А. А. 40, 44, 58, 158, 171—199, 221, 232, 325
Блок А. Л. 173
Блок (урожд. Менделеева) Л. Д. 325
Блох Я. Н. 57, 60
Бобров Е. А. 8
Богданов К. А. 29
Богомолец В. К. 324
Богомолец Л. К. 324
Богомолов Б. Д. 325
Богомолов Н. А. 209, 230, 251
Бодиско А. А. 93, 96, 108, 117, 118, 136
Бодлер Ш. 64, 76, 167, 169
Боккаччо Дж. 202
Болдин В. И. 324
Болдырев А. В. 5
Бонч-Бруевич В. Д. 30
Боттичелли С. 218
Бродский И. А. 254, 266
Бродский И. И. 253, 270, 272, 304, 305
Брусянин В. В. 84, 137, 139
Брюсов В. Я. 36, 56, 167, 169, 209, 231, 251
Брянский А. М. 31
Бугаев Б. Н. см. А. Белый
Будыко Ю. И. 324
Бузин И. С. 324
Буланже М. В. 322
Буланже П. А. 322
Булвер-Литтон Э.-Д. 14
Булгаков С. Н. 237, 240, 241
Булез П. 303
Бунин И. А. 40, 169, 277
Буренин В. П. 171
Быков П. В. 5
Быстров В. Н. 209
Бьюкенен Д. У. 307, 308
Бюффон Ж. 39
Бялик Х. Н. 167, 169
- Вагенгейм К. К. см. Вагинов К. К.
Вагинов К. К. (наст. фам. Вагенгейм) 53, 54, 63—80
Вагинова А. И. 65, 76, 80
Вакхилид см. Баххилид
Валлах см. Литвинов М. М.
Валуев П. А. 26
Вальман Н. 208
Варвацци И. А. 4
Варжапетян В. 55
Василевский К. Л. см. Селезнев К. Л.
Васильев М. 6, 7, 25
Васильева З. И. 137
Васильева С. И. 96, 137
Васнецов А. М. 297
Васнецов В. М. 33, 297
Вахтель М. 33
Вейнберг П. И. 241
Вейтбрехт О. Н. 324
Веласкес 303
Венгеров С. А. 49, 166, 169
Венгерова З. А. 213
Венгерова Н. В. 324
Веневитинов Д. В. 26
Веневитинова А. М. 27
Веншток Л. П. 103, 138
Вербов М. А. 255, 258, 278, 281, 282, 284
Вергилий (Виргилий) 46
Веригин В. Г. 312
Веригин П. В. 312
Вертер Вера см. Арнгольд-Жукова В. А.
Верховский Ю. Н. 325
Ветошникова Н. Б. 324
Вечеслова Т. М. 324
Виельгорский (Вельгорский) М. Ю. 10
Виленкин Н. М. см. Минский Н. М.
Вилькина Л. Н. 209—251
Виноградов В. В. 325
Винцент (Винценцио) из Бове 174
Волжский (наст. имя Глинка А. С.) 240, 241
Волконский С. М., кн. 293, 295
Володарский Л. И. 21
Волошин М. А. 49, 60, 61, 144, 155—161, 172, 177, 178, 199, 200
Вольнский А. Л. (наст. фам. Флексер Х. Л.) 217
Ворагине Я., де 174
Воронин С. А. 324
Ворошилов К. Е. 253, 264
Врангель П. Н. 254, 282
Врубель М. А. 282
Второвы 8

- Высотская О. Н. 56
 Вяземский П. А. 3, 25, 26, 325
- Гарганов Л. С. 308
 Гарири (Харири) 23
 Гармаш В. И. 281
 Гартман Э. 84—86, 123, 139, 140
 Гаршин А. В. 324
 Гаршин В. М. 84
 Ге Н. Н. 311, 312
 Гегер Г. К. (псевд.— Нелюбин) 261—263, 265
 Гедройц В. И. 93, 95, 99, 102—104, 116, 118, 136
 Гейер Е.-Г. 20
 Генералова Н. П. 81
 Генрих IV, король 46
 Герасимов Ю. К. 2, 140
 Герашко Л. В. 309
 Гербель Н. В. 11, 27
 Герцен А. А. 324
 Герцен А. И. 84, 85, 325
 Герцен Е. А. 324
 Герцен Н. А. 324
 Герцен Н. П. 324
 Герцен (в зам.— Моно) О. А. 324
 Герцык А. Е. 144, 160
 Герцык Е. К. 144, 154, 161, 165
 Гершензон М. О. 30
 Гете И. В. 34, 35, 167, 169, 217
 Гиббон Л. 64
 Гильдебрандт О. Н. 62
 Гиляров Ф. А. 326
 Гинцбург И. Я. 270, 272
 Гиппиус З. Н. 142, 144, 212, 215, 218, 219, 221, 225, 226, 230—232, 238, 239, 246, 248, 251
 Гиппонакт 169
 Глинка А. С. см. Волжский
 Глинка Ф. Н. 325
 Гнедич Н. И. 170
 Гнесин М. Ф. 50
 Гоголь Н. В. 167, 169, 296
 Голодед Н. М. 264
 Голоушев С. С. 137
 Гольц Т. М. 3, 4, 6, 19
 Гомер 46, 167, 170
 Горачек А. 295
 Горбунов-Посадов И. И. 312
 Горизонтов А. П. 3, 15, 23
 Городецкая А. А. см. Белоконь—Городецкая А. А.
 Городецкий С. М. 49, 157—159
 Городчанинов Г. Н. 8
 Горький М. 83, 88, 164, 167, 169, 240, 242, 263, 264
- Грабарь И. Э. 255, 281
 Гребенщиков Г. Д. 326
 Гревениц Б. Н., барон 259, 276·
 См. также Grevenitz
 Гречишкин С. С. 49, 209
 Грибоедов А. С. 5
 Григорьев А. В. 253
 Гришунин А. Л. 6
 Грузинский А. Е. 170
 Губинский В. И. 172
 Гумилев Н. С. 58, 59, 63
 Гуревич Я. Г. 63
 Гус Я. 85
 Гюго В. 20, 201
 Гюнтер И., фон 49
- Давиденкова-Романова Л. Н. 324, 325
 Давыдов З. Д. 156
 Давыдов И. И. 5
 Данте А. 22, см. также Dante A.
 Даргомыжская (урожд. Козловская) М. Б. 325
 Деларю М. Д. 8
 Державин Н. А. 21
 Дестомб К. И. 241
 Дешарт О. 29, 32, 35, 161
 Джунковская Е. В. 314
 Джунковская Е. П. 314
 Джунковский Н. Ф. 311, 312, 314
 Дзержинский Ф. Э. 258, 263
 Динесман Т. Г. 4, 8, 9
 Дмитриев В. П. 53
 Дмитриев П. В. 202
 Дмитриева (в зам. Тухина) Л. Н. 87, 96, 104, 108, 115, 128—130, 136—141
 Дмитриевский А. М. 50
 Добужинский Р. М. 325
 Доронченков И. А. 252, 267
 Достоевский Ф. М. 33, 84, 152, 153, 170, 233, 240, 241, 251
 Дубельт (урожд. Пушкина) Н. А. 13
 Дубовской Н. Н. 282
 Дудин М. А. 324
 Дунаев А. Н. 323
 Дунаев Б. А. 323
 Дурасов М. С. 134, 138
 Дьяконов В. И. 257, 258, 261, 271, 274, 305
 Дьяконов И. Д. 256, 257, 260
 Дьяконова Г. И. 257, 269, 274, 277, 301, 305
 Дьяконова Т. Н. 256, 257, 269, 270, 274, 285—288, 299—301, 307

Дэвис Р. 81
Дюкан М. 200
Дягилев С. П. 216, 308

Евгений, принц шведский 302
Евлахов А. М. 51
Евреинев Н. Н. 277
Еланский А. П. 106, 138
Еловский В. А. 140
Ермилова Е. В. 62
Ермолов А. П. 18
Ефремов А. П. 326

Жемчужникова М. Н. 161, 165
Жернакова-Николаева А. 326
Жирмунский В. М. 10
Житкова Л. Н. 53
Жуковский В. А. 25, 27, 170, 325
Журавлева Е. 254

Зайцев Б. К. 30, 87, 88, 171, 277
Замятнина М. М. 33, 161, 163, 168
Заратустра 45, 152
Заславский И. Я. 11
Звигильский А. 81, см. также
Zviguilski A.
Зеелер В. Ф. 254, 255, 257, 261,
265, 266, 274, 277, 281, 283, 291,
299—308
Зелинский Ф. Ф. 49, 166, 222—224
Зенковский С. А. 324
Зеньковский В. 277
Зильберштейн И. С. 254, 255, 281
Зиновьева-Аннибал (в 1-м браке
Шварсалон) Л. Д. 33, 50, 159—
161, 163—165, 168
Златинский Н. П. 324
Зуев-Ордынцев (Зуев) М. Е. 326

Ибрагимов А. Н. 8
Иванов Вс. Вяч. 326
Иванов Вяч. И. 29—51, 58, 59,
142—170, 212, 217, 229—231,
250
Иванов Г. В. 52
Иванов Д. 169
Иванов-Разумник Р. В. 30
Иванова Л. В. 88
Иванова Л. Н. 29
Иванова М. Т. 326
Иванова-Шварсалон В. К. 50
Ивановы 161
Ивик 169

Ивнев Р. (наст. фам. Кова-
лев М. А.) 326
Ивойлов В. Н. см. Княжнин Вл.
Иезуитова Л. А. 2, 139, 141
Измайлов А. А. 52, 54
Ильин В. Н. 221
Ильин М. И. 107, 108, 120, 128,
129, 138, 140

К. Р. (Романов К. К., вел. кн.) 261
Каблуков С. П. 142, 143
Кадомцева Е. А. 16
Казадаев А. Р. 4
Казог Ж. 202, 203, 208
Калайдович К. Ф. 7
Калинин М. И. 263
Калиостро А. (Бальзамо Дж.) 53,
56, 61, 62
Калмыкова Л. В. 312
Кальдерон де ла Барка 22
Каменева О. Д. 48
Каменский А. П. 229, 230
Капнист В. В. 325
Караджич В. С. 18, 20
Каразмин Н. М. 11, 13, 27
Кареев Н. И. 99, 137
Кареева А. К. 59
Карпинская Е. А. 262
Карпинский А. П. 262, 263
Карпинский И. М. 255, 262, 277
Карсавин Л. П. 252, 259, 273—275,
291, 295, 308
Карсавина И. Л. 297, 299
Карсавина Л. И. 259
Карсавина (урожд. Кузнецова)
Л. Н. 252, 259, 261, 267—281,
284—302
Карсавина М. Л. 297, 299, 303
Карсавина С. Л. 267, 271, 273, 291
Карсавина Т. П. 307, 308
Карсавины 252
Карташев А. В. 142, 152, 243
Кауфман А. Е. 325
Кацман П. А. 253
Каченовский М. Т. 5
Керенский А. Ф. 272
Кернер Ю. 20
Кибальник С. А. 63
Киреевский И. В. 8
Киреевский П. В. 4
Кириенко-Волошина (урожд. Гла-
зер) Е. О. 157, 158
Кириллина Е. В. 267, 272, 281
Киселев Н. Н. 49
Киселев-Сергенин В. С. 20
Кичина Е. М. 256, 257, 265

- Клеман М. К. 171
 Климова Д. М. 2
 Княжнин Вл. (наст. фам. Ивой-
 лов В. Н.) 50
 Ковалев М. А. см. Ивнев Р.
 Ковалевский М. М. 166
 Козлов И. И. 325
 Козлова А. Н. 12
 Колбасьев С. А. 326
 Колюпанов Н. П. 6, 7
 Комашка А. М. 279, 282, 283
 Комманвиль К. 171
 Конар Л. 171, 176
 Кондратьев А. И. 58
 Коневский И. И. 221
 Конечный А. М. 56
 Кони А. Ф. 325
 Конкин И. Е. 319
 Коренева М. Ю. 217
 Корнилов Б. П. 326
 Коровин К. А. 277
 Корф М. А., гр. 26
 Котляревский Н. А. 49
 Котрелев Н. В. 29, 35, 40, 51, 169,
 170, 209
 Кошелев А. И. 7
 Кравцова И. Г. 56
 Краевский А. А. 28
 Кропоткин П. А. 325
 Кублицкая-Пиоттух А. А. 171
 Кузмин М. А. 52—63, 156, 202—
 208
 Кузнецов Е. М. 53
 Кузнецова О. А. 29, 49
 Куприн А. И. 277
 Купченко В. П. 156, 158
 Куринский И. П. 260
 Куринский П. С. 260
 Кутепов Н. И. 296
 Кюи Ц. А. 282
 Кюхельбекер В. К. 25
- Лавров А. В.** 2, 29, 49, 209
Лаврский К. В. 8
 Ланглау 174
 Ландау см. Алданов М. А.
 Лансере Е. Е. 297
 Лаппа-Страженецкая А. А. 324
 Лапченко А. Ф. 2
 Лачинова А. А. 243
 Лебедев К. В. 297
 Леви В. Ф. 268, 272, 273, 278, 281,
 284, 291, 300, 301, 303, 305
 Левин Ш. М. 326
 Левинсон А. Я. 208
Ленин В. И. (наст. фам. Ульянов)
 232, 277
- Леонтьев К. Н. 326
 Лермонтов М. Ю. 19, 31
 Лесман М. С. 78
 Лещинский Я. Д. 266
 Лившиц Б. К. 61
 Лившиц Е. К. 62
 Линдблум Е. И. 305
 Липин Н. И. 326
 Литвинов М. М. (наст. фам. Вал-
 лах) 263
 Лихачев Д. С. 267
 Лозинский М. Л. 326
 Лосский Н. О. 142, 241
 Лотарев И. В. см. Северянин И.
 Лук И. 15, 22
 Луначарский А. В. 168, 199, 262.,
 263, 273, 277
 Ляцкая В. П. 324
- Мазурова А. Н.** 326
Майков А. Н. 27, 28
Маккавейский В. Н. 49
Маклаков В. 277
Максимов В. 272
Максимова В. А. 232
Максимович М. А. 6
Малевинская О. Н. 7
Малмстад Дж. 48, 65 см. также
 Malmstad J. E.
Малявин Ф. А. 274, 277
Мамин-Сибиряк Д. Н. (наст. фам.
 Мамин) 326
Мандельштам О. Э. 63
Маннинен О. 169
Мануильский, комиссар 282
Маньковская Р. Г. 76
Маньковский К. М. 53, 54, 76
Марков А. 158 см. также Markov V.
Маркс К. 136
Маяковский В. В. 325
Мейерхольд В. Э. 48, 169
Мейзенбург М., фон 324
Мейлах Б. Л. 232
Мельвилль 22
Менделеева А. И. 256
Менжинский В. Р. 263
Меньшиков Л. П. 323
Меньшиков М. О. 318
Мережковские 144, 152, 153, 230
Мережковский Д. С. 142, 143, 161,
 163, 164, 209—251
Мерзляков А. Ф. 5
Меркурьева В. А. 30
Метнер Э. К. 43, 152
Миклашевская А. Л. 326
Милоков П. Н. 277

- Мимнерм 169
 Минаев Д. Д. 28
 Минокин М. В. 324, 326
 Минский Н. М. (наст. фам. Виленкин) 171, 209, 212, 213, 219, 231—233, 236—238, 240, 242, 245, 246, 249
 Минц С. И. 4
 Минцлов С. Р. 165
 Минцлова А. Р. 154, 159—161, 164—165
 Миролубов В. С. 50
 Михаил Федорович, царь 297
 Михайлов Н. Н. 325
 Михайлова Е. В. 310
 Михайловский Н. К. 84, 85, 136
 Мишле Ж. 324
 Модзалевский Б. Л. 3, 5, 8, 22
 Молешотт 85
 Молоцова (урожд. Бер) Е. В. 319, 320
 Моммзен 166
 Моно Г. 325 см. также Monod G.
 Мордерер В. Я. 56
 Москвитинов В. Н. 256
 Москвитинова Л. Н. 14
 Мочалов О. А. 48
 Мур Т. 18, 21
 Муромцева В. Н. 171
- Набоков В. В.** 66
 Надсон С. Я. 84, 139
 Накашидзе Е. П. 318, 323
 Нансен Ф. 276
 Наумов В. А. 59
 Невстроев Д. П. 93, 96, 136
 Недогарко О. Н. 310
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 325
 Неллобин Г. К. см. Гегер Г. К.
 Нерон, римск. имп. 203
 Низами 10
 Никитин А. Г. 324
 Николай II, имп. 232
 Никольская Т. Л. 64—66
 Никольский В. М. 110, 139
 Нилендер В. О. 169
 Нишше Ф. 45, 84, 152, 162, 164, 217
 Новалис 167, 169
 Нордман Н. Б. 256, 272, 281
 Норов А. С. 6
- Обатнин Г. В.** 29, 142
 Овидий 64
 Огарев Н. П. 324
 Одоевский В. Ф. 3, 25, 26
- Ознобишин Д. И. 16
 Ознобишин Д. П. 3—28
 Ознобишин И. И. 22
 Ознобишин И. Д. 4, 10—12, 16, 23
 Ознобишин Н. И. 16
 Ознобишин П. Н. 4
 Ознобишина (урожд. Варваца) А. И. 4
 Ознобишина А. П. 4, 7
 Ознобишина (в зам. Базилевская) В. П. 4
 Ознобишина (урожд. Рогановская) Е. А. 10
 Ознобишина Е. Д. 16
 Ознобишина Е. П. 4
 Ознобишина Н. И. 16
 Ознобишины 4, 10
 Ознобихи Ф. 4
 Ольденбургский К. П.(?), принц 310
 Осоргин М. А. 30
 Остроумов Г. А. 324
- Павел, епископ каргопольский и белозерский** 326
 Павел I, имп. 216, 217, 247, 248
 Павлова М. М. 61
 Панина С. В. 277
 Папаригопуло Б. В. 53
 Парни Э. 20
 Парнис А. Е. 56, 61
 Пастернак Б. Л. 66
 Пахмусс Т. 153
 Пацковская З. Н. 140
 Перрен, издатель 251
 Перцов Э. П. 6, 8, 27
 Пестовский В. А. см. Пяст В. А.
 Петрарка 167
 Петров В. Н. 61, 62
 Петрова А. М. 154
 Петухов В. К. 18
 Пешкова (урожд. Волжина) Е. П. 265, 269, 272
 Пиксанов Н. К. 49
 Пиксанова М. И. 324
 Пиндар 37, 167, 169
 Пиотровский А. И. 53, 325, 326
 Пирожков М. В. 250, 251
 Писарев Д. И. 84, 85, 138, 139
 Платон 36
 Платонов А. П. 66
 По Э. 64
 Погодин М. П. 3, 6, 7, 25, 27
 Подлипский А. М. 257, 258
 Познер С. В. 51
 Полевой Н. А. 25, 27

- Полонская Ж. А. 218
 Полонский Я. П. 218
 Пономарев П. А. 8
 Потапова В. А. 21
 Поярков Н. Н. 49
 Прибульская Г. И. 267
 Приходько И. С. 171
 Прокофьев С. С. 303
 Пропп М. В. 324
 Пумпянский Л. В. 67
 Пунга Г. А. 259, 260, 264, 265
 Пушкин А. С. 6, 8, 10, 19, 27, 28, 31, 169, 173, 242, 325
 Пяст В. А. (наст. фам. Пестовский) 54
- Радимов П. А.** 253
Радлов С. Э. 53
Радлова (урожд. Дармолатова) А. Д. 53
 Радовский М. И. 326
 Раев Н. П. 167
 Разумовский Л. П. 96, 97, 109, 110, 113
 Раич С. Е. 3, 5—7, 18, 20, 24
 Рахманинов С. В. 277
 Рачинский Г. А. 29
 Ремизов А. М. 54, 277
 Ренье А., де 61
 Репин И. В. 254, 268, 270, 276, 285
 Репин И. Е. 252—308
 Репин Ю. И. 255, 257, 258, 269, 270, 272, 274, 278, 280, 281, 284, 286, 288, 290, 293
 Репина В. И. 255, 258—261, 267—269, 272, 274, 278, 279, 281, 284, 286—291, 293, 302
 Репина Н. И. 254, 280, 283, 284
 Репина-Язева Т. И. 252—308
 Рерих Н. К. 277
 Розанов В. В. 142, 143, 152, 153, 209, 210, 212, 216, 217, 220—222, 238, 239, 243, 250
 Розенберг Л. С. см. Бакст Л. С.
 Розина-Лаврова О. С. 324, 325
 Роллан Р. 48
 Рубо Ф. А. 297
 Руднев А. А. 12
 Рутковский И. А. 5
 Рыбушкин М. С. 8
 Рюккерт Ф. 20
 Рябушкин А. П. 297
- Сабашникова М. В. 154—156, 159—161, 165
 Саблин Е. В. 308
 Савкин И. А. 252, 267
 Савонарола Дж. 85
 Саитов В. И. 16
 Салон 169
 Салярды 284, 291, 302, 305
 Самокиш Н. С. 297
 Сафо (Сафо) 36, 50, 167, 170
 Сафразбекян И. Р. 169
 Сахновский В. Г. 137
 Свицерский А. И. 261—263
 Севастьянов А. Н. 326
 Северянин И. (наст. фам. Лотарев И. В.) 325
 Сегал Д. 65
 Селезнев К. Л. (наст. фам. Василевский) 325
 Семенов М. И. 55, 59
 Сенкевич Г. 137
 Сенковский О. И. 12
 Сенявин Д. Н. 16
 Сенявина Т. К. 16
 Серебрянский А. П. 140
 Серов В. А. 83
 Сечинский А. А. 324
 Сибилев Н. Е. 108, 138
 Сибилева В. Н. 136
 Сибилева З. Н. 82—144
 Сибилева Н. Н. 114, 120, 132, 139, 140
 Сидоров В. И. см. Баян В.
 Симонид Киосский 169
 Симонов И. М. 8
 Симонов К. М. 326
 Синакевич С. В. 324, 326
 Сипягин Д. С. 313
 Сироб В. 294, 295
 Скалдин А. Д. 152
 Скаруффи Э. 267
 Скатов Н. Н. 2
 Скржинская Е. В. 325
 Скржинская М. В. 324
 Скриб Э. 22
 Скрыпкин М. О. 283
 Славятинский Н. 173
 Смиренский Б. В. 53—55, 325
 Смиренский В. В. (псевд.— Андрей Скорбный) 53—55
 Соболев А. Л. 41
 Соболевский Н. 172, 199
 Соколова О. К. 175
 Соловьев В. Н. 325
 Соловьев В. С. 35, 41, 43
 Сологуб Ф. К. (наст. фам. Тетер-
- Саади 17
 Сабашников М. В. 49

- ников) 40, 46, 49, 51, 54, 61, 169, 213
- Солоухин В. А. 324
- Сомов К. А. 277
- Сомов Н. М. 58
- Сомов О. М. 21
- Сорин С. А. (наст. имя Завелий Израилевич) 277, 284
- Сорокин Г. Э. 57
- Сосницкий И. И. 4
- Соссюр Ф., де 50
- Софокл 241, 243, 244
- Срезневские 322
- Срезневский В. И. 309, 316, 319, 323
- Старчевский А. В. 28
- Стасов В. В. 259, 264
- Стасова Е. Д. 264, 265
- Стасюлевич М. М. 171
- Столыпин П. А. 232
- Стольберг 294
- Сторицын П. И. 57
- Стоюнина М. И. 291, 292
- Стравинский И. Ф. 303
- Струве Г. П. 326
- Струве П. Б. 242
- Сувчинский П. П. 303
- Суриков В. И. 297
- Сюнненберг К. А. (псевд.— Эрберг) 49
- Таиров А. Я. 203
- Тарханов И. Р. 266
- Тарханова-Антокольская Е. П. 259, 261—266
- Тассо Т. 46
- Тегнер И. 14
- Теплинский М. В. 324
- Терапиано Ю. К. 326
- Тетерников Ф. К. см. Сологуб Ф. К.
- Тименчик Р. Д. 55, 56
- Тимофеев А. Г. 52, 53, 56, 57, 59—62, 202
- Тиньяков А. И. 55
- Титов В. П. 3, 5, 25, 26
- Толбузина С. Д. 16
- Толстая (урожд. Дитерихс) О. К. 260
- Толстой А. К. 200
- Толстой А. Л. 260, 316
- Толстой А. Н. 66
- Толстой Л. Н. 84—86, 152, 251, 296, 309—314, 316, 317, 319, 320, 322, 323
- Толстой С. Л. 321
- Трегубов И. М. 310, 312, 315, 318, 319, 321—323
- Трубецкой С. Н. 35
- Трубников Д. А. 7
- Тунгусов Б. 252
- Тургенев И. С. 171, 172, 174, 176—178, 199—201
- Туроверов Н. Н. 8
- Тучкова-Огарева Н. А. 324
- Тынянов Ю. Н. 55
- Тыркова-Вильямс А. В. 277
- Тэффи (урожд. Лохвицкая, по мужу Бучинская) Н. А. 277
- Тютчев Ф. И. 12, 228
- Уваров С. С. 27
- Ужкальнис В. 252
- Урусов А. И. 200
- Успенский В. В. 142
- Успенский Г. И. 84
- Устрялов Н. В. 41, 42
- Фатов Н. Н. 83, 136, 140
- Федин К. А. 65
- Федоров Б. М. 28
- Федоров М. С. 282, 283
- Феогид 169
- Фиала В. 254
- Фидлер Ф. Ф. 85, 139
- Философов Д. А. 231, 232
- Философов Д. В. 49, 142, 144, 219, 231, 232, 237, 245, 246, 248
- Фильштинский И. М. 23
- Фиников Н. П. 60
- Флакман Д. 170
- Флексер Х. Л. см. Волынский А. Л.
- Флобер Г. 171—201
- Фогт К. 324
- Фоняков И. О. 324
- Фофанов К. М. 53, 54, 64, 80
- Франк В. С. 168
- Франк С. Л. 49, 50, 168
- Франциск Ассизский 175
- Фрид С. 56
- Фукс А. А. 8
- Фукс К. Ф. 8
- Фуксы 8
- Хилков Б. Д. 312, 313
- Хилков Д. А. 309, 310, 313—315, 320, 321
- Хилкова О. Д. 312, 313

Хилкова (урожд. Винер) Ц. В.
312—315, 321
Хилкова Ю. П. 313, 314
Хилковы-Ряполовские 310
Хлуденев Н. П. 140
Хлуденева (Стрежелецкая) Е. Н.
123, 125, 127—130, 140
Ховряков Н. И. 326
Ходасевич В. Ф. 49, 169
Хохлова Н. А. 3
Храмцова Н. А. 2

Царькова Т. С. 2
Цветаева М. И. 154
Цицерон 224
Цявловская-Зенгер Т. Г. 28
Цявловский М. А. 51, 169

Чарный М. Б. 168
Чарушин Н. А. 326
Чеботаревская Ал. Н. 29—31, 46,
49, 59, 161, 171
Чеботаревская Ан. Н. 49
Чеботаревские 31
Черейский Л. А. 10, 27
Чернопятов В. И. 16
Черносвитова (урожд. Чеботарев-
ская) О. Н. 31
Чертков В. В. 321
Чертков В. Г. 260, 309—323
Чертков Г. И. 310, 317
Чертков Л. Н. 64
Черткова А. К. 260
Черткова Е. Н. 310, 317
Чертковы 310, 317
Чехов А. П. 84, 242
Чуковский К. И. 254, 255, 257,
266, 282
Чулков Г. И. 83, 86, 87, 153, 223,
243

Шаляпин Ф. И. 277, 278, 281
Шамиссо А. 20
Шарпантье, издатель 174
Шаховский Н. В. 326
Шварсалон В. К. 168
Шевцова-Поре Л. А. 272
Шекспир В. 20
Шенье А., де 6, 20
Шерон Ж. 52, 61
Шиллер И. Ф. 24, 326
Шимкевич К. А. 24
Шишкин А. Б. 29, 41
Шишкин И. И. 274

Шмаков Г. Г. 61, 65
Шмаков Н. П. 274, 277, 280, 284,
288, 289, 293, 294, 296, 298,
305
Шмелев И. С. 277
Шмерельсон Г. Б. 53
Шольц Ф. 62
Шопенгауэр А. 84—86, 139
Штейнер Р. 154, 165
Шубаков Н. 273

Щегловитов И. Г. 232
Щеголев П. Е. 51
Щепанский, комиссар 294

Эбн-Хилькан 23
Эйхенбаум Б. М. 173
Эйхенгольц М. Д. 171, 173, 199
Эльзон М. Д. 251
Энгельс Ф. 136
Энгельсон В. А. 324
Эрберг см. Сюннерберг К. А.
Эренбург И. Г. 326
Эрль В. И. 66
Эрн В. Ф. 50
Эртель А. И. 114, 139
Эсхил 30, 167, 169, 220

Юркун Ю. И. (наст. фам. Юрку-
нас И. И.) 533, 60, 62
Юркунас И. И. см. Юркун Ю. И.

Яворницкий Д. И. 256
Яворская (урожд. Гюббенет, по
мужу — Бяратинская) Л. Б.
241
Язев Н. Г. 256, 266
Язевы-Дьяконовы 252, 257, 258,
261, 264—266, 272, 277, 283,
299, 308
Языков Н. М. 8, 9
Языкова А. И. 13
Якобсон Р. О. 253
Ясинский И. И. 172, 325
Яффе Л. Б. 169
Яцкевич С. А. 257
Ященко А. С. 30

Andreev L. 81, см. также Андре-
ев Л. Н.
Anemone A. 53—55

Garlson M. 165	Michelet J. 324
Cheron G. 61, см. также Шерон Ж.	Monod G. 324, 325
Conard L. 171, см. также Конар Л.	
	Paleari L. 65
Dante A. 6, см. также Данте А.	Perrian 250, см. также Перрен
	Rosenthal B. G. 163
Grevenitz 273, см. также Гревениц Б. Н.	
	Sologub F. 61, см. также Сологуб Ф. К.
Kuzmin M. 59, 61, см. также Кузмин М. А.	
	Vaginov 65, см. также Вагинов К. К.
Malmstad J. E. 59, см. также Малмстад Дж.	Vogt C. 324
Markov V. 59, см. также Марков В.	
Martynov I. 53—55	
Meysenbug M., von 324	Zviguilski A. 81, 82, 85, 86, 138

СОДЕРЖАНИЕ

I. Обзоры и сообщения

<i>Н. А. Хохлова.</i> Обзор архива Д. П. Ознобишина	3
<i>Г. В. Обатнин.</i> Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома	29
<i>А. Г. Тимофеев.</i> Материалы М. А. Кузмина в Рукописном отделе Пушкинского Дома. (Некоторые дополнения)	52
<i>С. А. Кибальник.</i> Материалы К. К. Вагинова в Рукописном отделе Пушкинского Дома	63

II. Публикации

<i>Леонид Андреев.</i> Дневник 1891—1892 гг. Публикация Н. П. Генераловой	81
<i>Вяч. Иванов.</i> Доклад «Евангельский смысл слова „Земля“». Письма. Автобиография (1926). Публикация, вступительная статья и комментарий Г. В. Обатнина	142
<i>Г. Флобер.</i> Легенда о Святом Юлиане Странноприимце. Перевод А. Блока Публикация И. С. Приходько	171
Приложение. М. А. Волошин. Предварение о переводе «Легенды о Святом Юлиане Гостеприимце» Флобера	199
<i>М. Кузмин.</i> Влюбленный дьявол. Пантомима. Публикация А. Г. Тимофеева	202
Письма Д. С. Мережковского к Л. Н. Вилькиной. Публикация В. Н. Быстрова	209
Семья И. Е. Репина в письмах Т. И. Репиной-Язевой. Вступительная статья и комментарий И. А. Доронченкова. Публикация И. А. Доронченкова и И. А. Савкина	252

III. Из истории фондов

<i>Л. В. Герашко.</i> О публицистическом замысле В. Г. Черткова в связи с историей его архива	309
---	-----

IV. Новые поступления

<i>Д. В. Базанова.</i> Обзор архивных материалов XIX—XX веков, поступивших в Рукописный отдел Пушкинского Дома в 1981—1983 гг.	324
Указатель имен	327